

Словесница Искусств

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

№2 (30) 2012

Простая летопись

Александр ГАЛИЧ

ОБЛАКА

Облака плывут, облака,
Не спеша плывут, как в кино...
Я цыпленка ем табака,
Я коньячку принял полкило.

Облака плывут в Абакан,
Не спеша плывут облака...
Им тепло, небось, облакам!
А я продрог насквозь, на века.

Я подковой вмерз в санный след,
В лед, что я кайлом ковырял, –
Ведь недаром я двадцать лет
Протрубил по тем лагерям.

До сих пор в глазах – снега наст.
До сих пор в ушах – шмона гам.
Эй, подайте ж мне ананас
И коньячку еще двести грамм!

Облака плывут, облака,
В милый край плывут, в Колыму,
И не нужен им адвокат,
Им амнистия ни к чему!

Я и сам живу – первый сорт,
Двадцать лет, как день, разменяв:
Я в пивной сижу, словно лорд,
И даже зубы есть у меня.

Облака плывут на восход,
Им ни пенсии, ни хлопот...
А мне четвертого – перевод,
И двадцать третьего – перевод.

И по этим дням, как и я,
Полстраны сидит в кабаках,
И нашей памятью в те края
Облака плывут, облака...

№ 2 (30)
2012

Культурно-просветительский журнал
Издается в Хабаровске с 1998 года
Выходит 2 раза в год

Лауреат конкурса среди провинциальных изданий, пишущих о культуре, проводимого АНО «Единство культуры и журналистики» совместно с Фондом Форда (1999)

Лауреат Всероссийского конкурса журналистов «Золотой Гонг-2001»

Лауреат Всероссийского конкурса журналистов «Лица российской провинции» (2004)

Лауреат Хабаровского краевого фестиваля духовной культуры «Святой России край» (2007)

Серебряная медаль Дальневосточной выставки-ярмарки «Печатный двор-2008»

Гран-при IX Всероссийского смотра информационной деятельности домов (центров) народного творчества (2012)

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор	Елена ГЛЕБОВА
Художественно-технический редактор	Галина ПЕРШИНА
Корреспонденты:	Татьяна ГЛАДКИХ Глеб МОРДОВЦЕВ
Выпускающий редактор	Наталья РОДИНА
Интернет-версия журнала	Алексей МАРТЫНЕЦ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Федосов Александр Вячеславович
председатель, министр культуры Хабаровского края

Глебова Елена Викторовна
главный редактор журнала «Словесница Искусств»

Дубинина Нина Ивановна
(Дальневосточный государственный гуманитарный университет)

Мельникова Татьяна Владимировна
(Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова)

Федосеев Олег Александрович
(КГАУК «Краевое научно-образовательное творческое объединение культуры»)

Черепанова Светлана Юрьевна
(Хабаровский краевой благотворительный общественный фонд культуры)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ТУ27-0025 от 7 декабря 2011 г.

Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Хабаровскому краю и ЕАО

Учредитель: Хабаровский краевой благотворительный
общественный фонд культуры
(680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 17).

КГАУК «Краевое научно-образовательное творческое объединение
культуры» министерства культуры Хабаровского края
(680000, г. Хабаровск, ул. Запарина, 88).

Издатель: Государственное учреждение культуры «Краевое научно-
образовательное творческое объединение культуры» министерства
культуры Хабаровского края

Адрес издателя и редакции:

680000, Хабаровск, Фрунзе, 69а

Тел. (4212) 30-44-12. E-mail: slovoart@mail.ru

www.slovoart.ru, www.fkhv.ru

Отпечатано в ООО «Омега-Пресс»

680014, Хабаровск, ул. Промышленная, 8Б

Тираж 1 500 экз.

Подписано в печать 16.11.12

Цена свободная

На первой странице обложки:

Эрнст Неизвестный, Камилль Казаев. «Маска скорби». 1996.

Фото В. Мягкова

Перепечатка без разрешения редакции запрещена.

При использовании материалов журнала и сайта ссылка обязательна

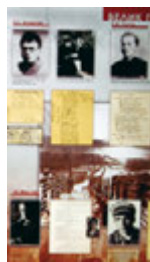
СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

2 **Знать и помнить**

ГЛАВНАЯ ТЕМА: ПРОСТАЯ ЛЕТОПИСЬ

- 4 Елена ГЛЕБОВА. *Простая летопись страданий*
- 8 Алексей ШЕСТАКОВ. *ГУЛАГ – все звенья системы*
- 17 Олег КОЛЕСНИКОВ. *Крестный путь*
- 19 Наталья БЕНДИК. *«Первый в бою и он же на плаху...»*
- 22 Наталья ПОЗИНА. *Союз обреченных*
- 24 Юрий ИВАНОВ. *«Где-то в поле возле Магадана»*
- 28 *«Спасибо за память обо мне».*
Письма Николая Заболоцкого
- 32 *Баллада о баланде.* Письмо Асира Сандлера
Никите Николаевичу Заболоцкому
- 34 Валерий ЯНКОВСКИЙ. *Долгое возвращение*
- 37 Наталья ГРЕБЕНЮКОВА. *«Этот край – не наша Родина...»*
- 40 Олег КОЛЕСНИКОВ. *Театр за колючей проволокой*
- 44 Наталья ПОЗИНА. *Дар Наума Нальского*
- 47 Ида ВАРПАХОВСКАЯ.
Из воспоминаний колымской Травиаты
- 52 Леонид ВЕГЕНЕР. *Колымский букет*
- 56 Анна МОРОЗОВА. *Георгий Вагнер
и его тюремная исповедь*
- 58 Георгий ВАГНЕР. *«Взываю к Тебе, Господи...»*
- 62 Наталья ГРЕБЕНЮКОВА. *Дело «харбинцев»*
- 66 Иван ШЕВНИН. *История старообрядческого братства*
- 71 Ирина НИКИФОРОВА. *Уроки доброты*

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

ДАТА

- 76 Елена СОЛНЦЕВА. *Колесо жизни*
- 78 *Хроника главных событий
Хабаровского фонда культуры*
- СОДРУЖЕСТВО КУЛЬТУР**
- 84 Глеб МОРДОВЦЕВ. *Слышать реки*
- МУЗЫКА**
- 86 Марина ЦВЕТНИКОВА. *Радость первооткрывателя*
- 89 Глеб МОРДОВЦЕВ.
Библиотечный дворик в стиле пост-рок

ПЕРСОНА

- 90 Виктория ШИШКИНА.
Жизнь как странствие
- БЕСЕДЫ В МАСТЕРСКОЙ**
- 96 Светлана ФУРСОВА. *Эффект ультрамарина*
- МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ**
- 102 Алена ФРОЛОВА. *Осколки исчезнувшего государства*
- ТЕРРИТОРИЯ ТВОРЧЕСТВА**
- 106 Марина ТАРАСОВА. *Среда обитания*
- ДНЕВНИК ХУДОЖНИКА**
- 109 Сергей ЗИМИН. *Есть у каждого причал...*

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ

- 116 Виктор ЮЖАКОВ.
Военный и полярный летчик Эдуард Лухт
- ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКИ**
- 119 Любовь КРИВЧЕНКО. *Завоеватель тайги*
- ТАК БЫЛО**
- 125 Игорь СИМОНОВ. *Рождение Чаучу*

Знать и помнить

1937 год Евгения Гинзбург назвала тысяча девятьсот проклятым. Впрочем, до 1953-го включительно каждый годичный круг подходит под это определение. С той поры многое перемололось в памяти людской. Одни, ведомые страхом, постарались навсегда забыть. Другие, чтобы избавиться от пережитого кошмара, писали мемуары.

И еще были те, кто сознательно зазубривал в голове каждый свой день в сталинских застенках – чтобы рассказать будущим поколениям правду. Чтобы нам рассказать.

Автор романа «Крутой маршрут» Евгения Гинзбург говорила, что в течение восемнадцати лет заключения основной целью ее жизни стало именно это – запомнить и потом записать. Или такие строки из книги петербургского этнографа Нины Гаген-Торн, прошедшей Колыму: «Память объективно и точно передает совершившееся. Прошу верить: я веду записи, как исторический документ для будущих поколений, в них нет ни прикрас, ни искажений».

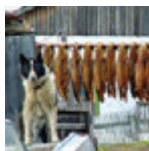
Так по кирпичику складывается образ ушедшей эпохи со всеми ее знаками и символами. Ночной визитер «черный ворон» в 1937 году был зеленой закрытой машиной, разделенной внутри на тесные одиночные купе. И он стал такой обыденной частью жизни, что когда первоклассников московской школы спросили, какого цвета ворон, они дружно ответили: «Зеленого!» В конце 1940-х «ворон» сменил масть: людей увозили в фургонах с надписями «Хлеб», «Молоко», «Мясо» (из воспоминаний Ольги Адамовой-Слиозберг, которая 20 лет провела в тюрьмах, лагерях и ссылках).

«Оттепель» еще и не пригрела толком, а лагерная тема оказалась под запретом. Удивительно точно сказал на этот счет Фазиль Искандер: «Короткая как полярное лето эпоха Хрущева кончилась, может быть, надорвалась на выносе тела генсека из Мавзолея». Писатель Юрий Домбровский несколько лет после освобождения работал над романом «Факультет ненужных вещей». Испытывал страшную нужду, знал, что вряд ли сможет опубликовать свое произведение, но продолжал работать, потому что был уверен – его книга нужна. Впервые роман увидел свет в Париже в 1978 году, автор до этого момента не дожил.

В конце 1980-х память наша всколыхнулась, о сталинском терроре стали говорить открыто. И тут выяснилась страшная вещь: одна часть общества была на стороне жертв репрессий, другая стояла на позициях «все делалось правильно», «Сталин ничего не знал», «зачем об этом вспоминать». Но тогда как быть с фактами? С правительственными постановлениями об организации лагерей и тюрем со строгим режимом для содержания особо опасных государственных преступников – «шпионов, диверсантов, террористов, троцкистов, правых, меньшевиков, эсеров, анархистов, националистов, белоэмигрантов и участников других антисоветских организаций и групп»? С 12-м пунктом статьи 58-й – «недоносительство»? С тотальной волной доносов одних советских граждан на других? С гулаговской паутиной, через которую, по официальным данным, прошли 15–18 миллионов человек, из них скончались в лагерях примерно 1,5 миллиона? С колымским лагерем Бутыгчаг, или Долиной смерти, где располагались урановые рудники и куда людей отправляли на верную смерть?

Память – важнейшая часть бытия, говорил Дмитрий Сергеевич Лихачев и приводил пример с бумагой: если сжечь, а потом расправить лист, на нем останутся складки, сжечь вторично – и часть складок ляжет по прежним линиям. Бумага обладает памятью. Больше половины столетия отмерилось с тех пор, как рухнула созданная по личному приказу вождя всех народов карательная система, а в местах бывших лагерей до сей поры сохранились развалины бараков, как гнилые зубы торчат из земли почерневшие лагерные вышки. Болезненные рубцы на нашей общей памяти и совести. Эти свидетельства рано или поздно исчезнут с лица земли, а вот с рубцами всем нам приходится жить до сих пор. Избавление только в одном – в покаянии.

Елена ГЛЕБОВА

ЗНАКОМЫЕ МЕСТА

- 130 Любовь КРИВЧЕНКО.
Аннинские ключи: легенды о «живой» воде
- ТОПОНИМИКА
- 134 Анастасия СОРГОЛЬ. *Ручей слёз*

ЛИТЕРАТУРА

ВСПОМНИМ ИМЯ

- 138 Валентина КАТЕРИНИЧ.
В поисках философского камня
- 142 Ольга БОРИСОВСКАЯ.
Владимир Тройнин. Красота жизни
- 144 Тамара КУЗЬМИНА. *Коллекционер мгновений*
- 145 Владимир ТРОЙНИН, Ольга БОРИСОВСКАЯ.
Время бабочек
- 148 Иван РОСУГБУ. *Ветер с Халана. Памяти Геннадия Ангина*

СТРОКИ

- 150 Дмитрий ЕФРЕМОВ. *Песня глухаря*

КНИГИ

- 154 *Возвращение памяти*
- 158 *Дальний Восток Яна Гамарника*
- 159 *Подняться на вершину Белой горы*

ТЕАТРАЛЬНЫЙ СЕЗОН

ПРЕМЬЕРЫ

- 162 Глеб МОРДОВЦЕВ.
Сказка на ночь
Темп-2012
- КОПИЛКА ПАМЯТИ
- 166 Анна ПОНОМАРЕВА.
И все-таки судьбе я благодарна...
- 177 Михаил КОН. *Голос из прошлого*

ДОМ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

О ГЛАВНОМ

- 180 Варвара ДАНИЛОВА. *Радость новых встреч*
- СОБЫТИЕ
- 181 Елена СОЛНЦЕВА. *Душа и песня*
- 182 Анна МОРОЗОВА. *На волне духовой музыки*
- 184 Надежда КИМОНКО.
Место встречи – «Казачья гора»
- 185 Анна СНЕГ. *Песнь Амуру*
- 186 Елена ЛОНЧАКОВА.
Классический танец и его вариации

ГРАНИ ТАЛАНТА

- 187 Евгения ОТИНОВА-ОРДИНА. *С песней по жизни*

ТРАДИЦИИ

- 188 Татьяна АНАНЬИНА. *Аргентинское танго в школьном дворе*

ЭТНИЧЕСКАЯ МУЗЫКА

- 190 Александр ДУБРОВСКИЙ.
В тональности Космоса звучит хомус

НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

- 192 Сергей МАКАРКИН. *Новогодние истории*

МАСТЕР-КЛАСС

- 194 Анастасия ПОЛЕВА. *Шкатулка из бересты*

ЭтноАРТ

- 196 Елена ГЛЕБОВА. *Волшебная палочка рыбьего клея*

- 198 *Оморочка летает, как птица...*

- 199 АВТОРЫ

Фото Сергея Дыминского

Простая летопись

Простая летопись страданий

Елена ГЛЕБОВА

Строка из «Крутого маршрута» Евгении Гинзбург послужила названием выставки, которая проходила в Краевом музее имени Н.И. Гродекова в 2012 году. «Простая летопись страданий» стала посвящением тем, кому пришлось жить в эпоху «большого террора», в чьих судьбах навсегда остался след 30-х и 40-х XX века. Деятели культуры, искусства, науки – убиенные или искореженные физически, но не сломленные духом. Лаконичный рассказ без намека на пафос. Экспозиция построена на уникальной коллекции документов, фотографий, периодических изданий тех лет, рукописей, писем «сидельцев». Ржавый обрывок колючей проволоки, лопата, чашки и ложки из консервных банок, помятый котелок, фонарь – подлинные вещи, привезенные в конце 1990-х – начале 2000-х музейными историками из экспедиций на место бывшего Нижне-Амурского исправительно-трудового лагеря системы Дальлага.

Выставочный проект вместил множество имен, событий, небольших, но важных деталей. Наряду с выпуском «Записок Гродековского музея» к 120-летию со дня рождения Осипа Манделштама, куда вошли публикации историков и литературоведов, письма, фрагменты воспоминаний и произведений бывших узников сталинских лагерей, выставка стала итогом серьезной исследовательской работы. Она рассказала о малоизвестной судьбе художников Аркадия Акцынова, Всеволода Цымпакова, Леонида Вегенера, литераторов Николая Заболоцкого, Валерия Янковского, Петра Кулыгина, Тё Мен Хи, режиссера Леонида Варпаховского, актеров Наума Нальского, Иды Варпаховской и многих других. Впервые в стенах Гродековского музея тема репрессий представлена столь масштабно именно в историко-культурном ракурсе.

Над созданием «Простой летописи страданий» трудились немало людей. Среди них заведующая сектором истории, культуры и искусства Дальнего Востока Наталья Позина, старший научный сотрудник Наталья Гребенюкова, старший научный сотрудник сектора исторических научных исследований первой половины XX века Алексей Шестаков, художник-экспозиционер Алексей Тамулевич. И если сказать, что проект стал для них особым, это будет абсолютной правдой. Погрузиться в материал с холодным умом исследователей оказалось совершенно невозможным...

Ваше слово, товарищ маузер!

На центральном планшете выставки – сотрудник НКВД. Напряженная рука и прищуренный глаз – он целится из маузера. Во всех. В каждого. И куда бы ты ни отошел, создается впечатление, что черный зрачок неотрывно следит именно за тобой. Старая фотография (а мастер хорошо знал законы фотосъемки) дает реальное представление, каково жить под прицелом. Здесь же, в экспозиции, старое боевое оружие, и это тоже особые ощущения.

Наталья Позина: Маузер действительно стал символом той страшной эпохи.

Такие предметы наряду с архивными документами всегда помогают по-настоящему почувствовать время. Вот почему одним из самых знаковых экспонатов выставки стало большое живописное полотно художника Всеволода Цымпакова, представленное Ванинским музейным центром. Настоящий артефакт: картина создана заключенным художником, который в тот момент находился в Ванинской пересыльной тюрьме, и это единственное сохранившееся изображение Ванинского порта того времени. Художник с фотографической точностью запечатлел панораму этого места, и мы видим лагерную вышку, лестницу, которая давно утрачена.

Работая над проектом, мы обратились в музей Краевого управления системы исполнения наказания. Настоящим открытием стал альбом, где почти двести фотографий, сделанных в 1937 году в лагерях Приамурья. Кадры уникальные: быт заключенных, работы, связанные с прокладкой дороги, лесоповал. Фотоснимки по формату небольшие, но когда мы их сканировали, открылись поразительные детали. Мы получили возможность увидеть, где жили люди и как они были одеты, какими орудиями труда пользовались. Есть интересная фотография, отражающая культурно-воспитательную деятельность лагеря, – передвижной вагончик с актерами. А следом целая серия фотографий, показывающих, как этот вагончик разбирается и превращается в импровизированную сцену. Или такой снимок: девственная тайга, идет прокладка дороги, а где-то с краю играет духовой оркестр, вдохновляя заключенных на трудовой подвиг.

Наталья Гребенюкова:

Сохранилось совсем немного фотодокументов той поры, которые бы отражали быт лагеря для заключенных. Поэтому снимки из альбома музея Краевого управления системы исполнения наказания оказывают такое сильное эмоциональное воздействие. Или другой, не менее знаковый предмет – небольшой скульптурный портрет Берии из частной коллекции.

испытании, которое, прежде всего, укрепляет душу.

А сколько было открытий! По крупицам собиралась информация о Науме Нальском – актере Хабаровского театра музыкальной комедии. Когда мы только начинали работать над концепцией выставки, о нем было известно немного. Только, что он работал в нашем городе и был репрессирован. И это все. Но постепенно из небольших штрихов складывался образ интересного человека: в воспоминаниях самых разных людей, находившихся в заключении, встречалось имя Нальского, упоминалось о том, что он был связан с магаданской агитбригадой, кто-то давал оценки его актерской игре. Оказалось, что судьба хабаровского актера была связана с судьбой известного московского режиссера Леонида Варпаховского. Уже в 1960-е годы Варпаховский искал Нальского, а когда нашел, тот был тяжело болен. Вообще это поражает: как только бывшие узники ГУЛАГа освобождались и обретали минимальную стабильность, они старались помочь тем, кто был с ними в трудную минуту.

Судьбы скрещенье

Общая летопись несвободы для тысяч и тысяч людей. Судьбы, написанные как под копирку. Но это только на первый взгляд. Чем глубже проникаешь в тему, тем больше открывается поразительных деталей. И уже знакомые страницы воспринимаются совсем иначе.

Наталья Позина: Поразила судьба Николая Алексеевича Заболоцкого, хотя до этого казалось, что о нем известно многое. Но читая его удивительные письма, в которых он, находясь в тяжелейшем положении, поддерживает жену и детей, воспоминания о лагерной жизни и размышления о тех мрачных событиях, по-другому начинаешь воспринимать творчество этого человека. В ином контексте понимаешь все то, что было им создано после лагеря. Например, известное стихотворение «Не позволяй душе лениться...». Заболоцкий говорил о лагерной жизни как о вынужденном

Наталья Гребенюкова: Все взаимосвязано, и в этом мы убедились. Нередко так получалось, что сами архивные материалы диктовали и словно бы вели. Упоминание об одном человеке невольно влекло к рассказу о другом. Причем нередко мы сталкивались с такими удивительными пересечениями судеб. К примеру, в лагере на Соловках Дмитрий Лихачев сидел вместе с Дмитрием Янчевецким – одним из первых редакторов газеты «Приамурские ведомости». Конечно, имена, вошедшие в экспозицию, это лишь небольшой срез. Тема очень обширная, а каждая судьба уникальна.

Наталья Позина: Несмотря на то, что тема репрессий считается открытой, на самом деле для исследователя не все так просто, и особенно это касается доступа к архивным материалам. Мы знаем имена людей, знаем, что они подверглись репрессиям, но главным требованием

для доступа к архивам является то, чтобы мы нашли родственников. А как это сделать спустя много десятилетий? О дальневосточном этнографе и журналисте Елпидифоре Титове мы теперь хорошо знаем лишь благодаря его внучке Е.Г. Подборновой, которая провела серьезную работу, чтобы восстановить честное имя деда. А сколько еще забытых репрессированных дальневосточников...

Например, писатель Иван Иванович Шабанов. Я впервые столкнулась с его именем в архиве, где работала со стенограммой первой писательской конференции, на которой звучали первые разоблачения шпионов и троцкистов. Он был репрессирован, его произведения не переиздавали, и со временем имя забылось. Из документов видно, что Шабанов подвергся аресту, но какой-то дополнительной информации – где его расстреляли, что стало с его семьей – обнаружить пока не удалось.

Из лагеря не выносить!

«Ударный труд – путь к освобождению». Этот лозунг был самым обычным атрибутом лагерного мира. Даже спустя много лет поражает его цинизм. Или брошюры из серии «Библиотека строителя БАМа», издаваемые сектором печати БАМлага НКВД. Политически грамотные истории о том, как лагерь делал из «врага народа» человека. Уникальный документ того времени.

Наталья Позина: Это брошюры из коллекции Василия Николаевича Ажаева. Находясь в заключении, он был автором и редактором этих изданий. В лагерь Ажаев попал в тот период репрессий, когда еще ставилась задача перевоспитания, «перековки». Брошюры были в ограниченном пользовании – только на территории лагеря. Там и содержание соответствующее: стихи, рассказы о том, как человек попал в лагерь и каким «замечательным» он стал благодаря перевоспитанию в заключении.

Самое интересное, что подобные произведения появлялись в те годы и в обычной печати. Например, в нашем литературном журнале «На рубеже» (сегодня «Дальний Восток») можно встретить рассказы Петра Кулыгина о судьбе девушки, попавшей в лагерь и ставшей после него «поистине советским» человеком. Скорее всего, это был социальный заказ со стороны властей, потому что идеологический пресс и до 1937 года был уже значителен. А Петра Кулыгина тоже не обошла печальная участь.

Р.Ф. Чайка – председатель правления краевого историко-просветительского движения «Мемориал»

Наталья Гребенюкова: Тираж брошюры из серии «Библиотека строителя БАМлага» был достаточно большим – 1 500 экземпляров. На них обязательный гриф – «Из лагеря не выносить!». Когда мы получили эту коллекцию от вдовы Ажаева, она очень боялась и просила, чтобы мы пока никому не показывали эти материалы. На дворе уже стояли 1980-е годы, но страх все равно сковывал людей, переживших страшное время тотального террора.

Облака плывут в Абакан...

Так сложилось, что у каждого, кто работал над экспозицией «Простая летопись страданий», был свой камертон, который настраивал на общее звучание. Для Натальи Гребенюковой – стихи, написанные разными авторами за колючей проволокой и позднее, когда пришло выстраданное освобождение. Для Натальи Позиной – песня Юрия Шевчука «Родина». Художнику-экспозиционеру Алексею Тамулевичу помогли найти главные акценты в оформлении выставки строки Александра Галича из стихотворения «Облака». Так родился пронзительный образ несвободы – облака на фоне голубого неба сквозь грубую тюремную решетку.

Алексей Тамулевич:

Это была интересная работа, но очень тяжелая. Потому что речь шла о реальных людях и таких же реальных испытаниях. Для меня это не какие-то абстрактные события, а живая история. Потому что все это происходило в нашей стране, с нашими дедами, прадедами. Мне кажется, что практически в каждой семье есть такие печальные примеры. Это коснулось и моей семьи: моего прадеда расстреляли. Он занимал высокую

должность, работал в сфере международных отношений с Китаем. И я всегда знал, что у меня был предок, которого оклеветали и уничтожили. Думаю, такое могло произойти с любым человеком. Тяжелое было время. Человек лишь часть большой машины. Маленькая шестеренка...

Материал экспозиции увлек, а песня Галича творчески вдохновляла, настраивала на эту волну. Галич очень точно передал состояние тех людей, которые даже в жестких условиях не падали духом, продолжали заниматься творчеством, а главное, оставались людьми.

Выставка «Простая летопись страданий» – это, прежде всего, наша память. И людям нужно напоминать о том, что происходило на самом деле. Они должны понимать и осознавать, как не допустить подобное в нашу жизнь.

Наталья Позина: При создании «Простой летописи страданий» нам казалось, что это важно и нужно именно сейчас. Есть мнение о том, что в нашей истории достаточно печальных и трагических страниц, и, может быть, было бы проще об этом не вспоминать, жить сегодняшним днем. Это неверно. Знание своей истории делает каждого из нас частью исторического и культурного пространства. Размышляя о том, что наша большая страна и все люди в какой-то миг стали частью единой системы подавления, приходишь к осознанию того, как легко человек из счастливого и свободного может стать подавляемым и подавляющим. Эта грань такая хрупкая!

Имена многих дальневосточников, хабаровчан, погибших в годы репрессий, забыли. А ведь они были достойными людьми своего времени, преданными Родине. Можно вспомнить слова Всеволода Никаноровича Иванова о Царстве Славы: человек жив вообще в мире, пока о нем помнят.

Наталья Гребенюкова: Восхищает то, какие сильные духом были эти люди, испытавшие такое страшное горе. Притом их отличало удивительное чувство юмора. На открытие этой выставки пришел человек и подарил нам книгу «сидельца» Асира Сандлера, где опубликована «Баллада о баланде» – стихотворение, написанное самим Сандлером, неким человеком по имени Тедди и Николаем Заболотским. Валерий Янковский, отбыв десять лет в лагере, до глубокой старости сохранял ясный ум и прекрасное чувство юмора. Полны юмора воспоминания театрального художника Леонида Вегенера. И становится ясно, что в тех условиях это и было спасением, помогало выжить.

Мы сознательно стремились к тому, чтобы, несмотря на трагизм темы, в ней звучали и светлые ноты.

Выставка уже закрылась, но исследовательская работа продолжается. Предстоит пересмотреть немало материалов и вспомнить о многих забытых людях. Пока мы помним – они живы.

Фото из архива Хабаровского краевого музея
им. Н.И. Гродекова

ГУЛАГ – все звенья системы

История ГУЛАГа в Хабаровском крае (1930–1956)

Алексей ШЕСТАКОВ

Еще при создании первых лагерей возникла идея использовать труд заключенных для разработки лесных массивов, полезных ископаемых, в том числе и в Сибири. Одной из первых лагерных систем для политических заключенных стали Северные лагеря особого назначения (СЛОН). Туда отправляли не только арестованных из Европейской России, но и осужденных, оказавшихся на советской территории после вхождения в конце 1922 года в состав РСФСР областей Дальневосточной республики. Это были военнопленные из состава белых армий Колчака, Семенова, Меркулова и другие гражданские лица из политической оппозиции большевиков, а также просто уголовники. В результате с ноября 1922 года по апрель 1923-го из Приморской губернии оказалось выслано 3,5 тысячи бывших белых офицеров и рядовых. «Добровольно» вынуждены были уехать в Центральную Россию около 10 тысяч из «бывших». В северные лагеря было отправлено до 400 человек.

В 1923–1929 годах проходила реорганизация системы мест заключения, началось постепенное расширение лагерной сети. В Дальневосточном крае на 1 января 1927 года было 20 мест заключения: краевой изолятор, 4 исправительно-трудовых дома, 13 домов заключения с подследственными и заключенными до 6 месяцев, Амурская трудовая колония (производственное учреждение с осужденными до 5 лет за бытовые преступления), Иргентский трудовой дом для несовершеннолетних, в котором содержалось 5,414 человек. Кроме того, в регионе находились 7 тысяч административно высланных и свыше 2 тысяч перебежчиков-белогвардейцев.

В конце 1920-х годов наметился новый подход в использовании принудительного труда. В 1928 году нарком РКИ Н.М. Янсон в письме к И.В. Сталину высказал предложение использовать труд заключенных при освоении отдаленных местностей, на земляных работах крупных строек, на заготовках леса. 13 мая 1929 года И.В. Сталин подписал Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об использовании труда уголовных арестантов», в котором указывалось: «Перейти на систему массового использования за плату труда уголовных арестантов, имеющих приговор не менее трех лет, в районе Ухты, Индиго и т.д. Поручить

комиссии в составе тт. Янсона, Ягоды, Крыленко, Толмачева, Угланова подробно рассмотреть вопрос и определить конкретные условия использования арестантского труда на базе существующих законов и существующей практики». 29 мая 1929 года была принята соответствующая резолюция СНК РСФСР.

27 июня того же года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление, в котором говорилось и о том, чтобы «именовать в дальнейшем концентрационные лагеря исправительно-трудовыми лагерями». 11 июля 1929 года выпущено постановление СНК СССР «Об использовании труда уголовно-заключенных». С него-то в жизни страны и открылся новый период – «период ГУЛАГа». Заключенных начали рассматривать как стратегический источник рабочей силы, а ОГПУ-НКВД – как производственный наркомат, способный реализовать важнейшие государственные производственные проекты. Основной задачей ОГПУ стало получение максимальной отдачи от труда заключенных.

Для исполнения этого решения правительства в октябре 1929 года среди других был организован и Концентрационный лагерь полномочного представительства ОГПУ по Дальневосточному краю (позднее – Дальлаг). В Дальневосточном крае (ныне территория Хабаровского и Приморского краев, Амурской области) это был первый лагерь. Его управление во главе с начальником лагеря Д.И. Литвиным располагалось в Хабаровске. Район деятельности Дальлага охватывал весь юг Дальневосточного края. На 1 января 1930 года в лагере содержалось 9 200 человек. С 9 февраля 1930 года он стал именоваться «Лагерем особого назначения ОГПУ по ДВК» и подчинялся 3-му отделению Спецотдела ОГПУ. Количество заключенных в лагере за полгода увеличилось до 17 500 человек.

7 апреля 1930 года вышло Постановление СНК СССР «Об утверждении положения об исправительно-трудовых лагерях». В соответствии с ним 25 апреля того же года приказом ОГПУ № 130/63 было организовано Управление лагерями ОГПУ (УЛАГ). С 1 октября 1930 года оно получило статус Главного управления и тогда же появилась аббревиатура «ГУЛАГ» (сокр. от «Главное Управление исправительно-трудовых лагерей» ОГПУ).

ГЛАВНАЯ ТЕМА

В 1931 году на основании решения ЦК ВКП(б) от 11 ноября и постановления Совета Труда и Оборона (СТО) СССР от 13 ноября был организован Государственный трест по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы (Дальстрой), активно применявший труд заключенных при добыче полезных ископаемых на севере Дальневосточного края.

Первая опытная стройка (строительство Беломоро-Балтийского канала, начавшееся в 1931 году) показала, что в условиях полного отсутствия жилья, дорог, механизмов, автотранспорта и продовольствия возможно вести строительство, если использовать труд заключенных. В результате в лагерях ОГПУ начался ускоренный рост численности заключенных: По стране на 1 января 1934 года в исправительно-трудовых лагерях и колониях содержалось 510,3 тысячи заключенных, на 1936 год – 1 296,4 тысячи, на 1938 год – 1 881,5 тысячи.

Выросло и число лагерей. В 1932 году были сформированы Севвостлаг, поставляющий (до 1950-х годов) рабочую силу для треста «Дальстрой», БАМлаг (Байкало-Амурский лагерь), с центром в г. Свободном. Он «обслуживал» (до 1937 года) район строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. В январе 1933 года БАМлаг содержал несколько тысяч заключенных, а во второй половине 1935 года – более 190 тысяч.

Труд заключенных Дальлага в 1935–1936 годах использовался на строительстве железной дороги Волочаевка – Комсомольск. Кроме этого, узники из Дальлага трудились на лесозаготовках, ловле и переработке рыбы, в сельском хозяйстве, а также добывали золото на о. Аскольд у Находки и каменный уголь на рудниках «Артем» у Владивостока и «Райчиха» у Благовещенска. Они вели дноуглубительные работы на Амуре, строили железнодорожные линии и ветки, вели погрузочные работы на Уссурийской магистрали, строили седанский водопровод для снабжения Владивостока, кирпичный завод в Хабаровске, цементные заводы, спецточки Наркомсвязи, работали на производстве товаров ширпотреба, в мастерских Владивостока и Хабаровска. Численность заключенных Дальлага в начале 1936 года составляла 71 763, в 1937 году – 112 490, в 1938 году – 100 875, в 1939 году – 64 249 человек.

Перед войной и в особенности в ходе массовых репрессий 1937–1938 годов наблюдается взрывной рост количества управлений ИТЛ ГУЛАГа на местах. В мае 1938 года в связи с большим объемом железнодорожного строительства на Дальнем Востоке Байкало-Амурский лагерь был преобразован в УЖДС (Управление железнодорожного строительства) ГУЛАГа НКВД на Дальнем Востоке, располагавшееся в г. Свободном. На базе БАМлага были созданы Амурский, Южный, Западный, Восточный, Юго-Восточный и Бурейский железнодорожные ИТЛ. В системе УЖДС находились «БАМпроект», Севжелдорлаг, Сорокалаг, стройки № 33 и № 211 и другие. Всего в нем насчитывалось 21 отделение, в каждом из которых содержалось до 40–50 тысяч заключенных. В Амурлаге в 1938 году содержалось 149 269 человек, в 1939 году на строительстве БАМа работало 291 300 заключенных, в Дальстрое – 122 тысячи человек – всего более 400 тысяч узников. В исправительно-трудовых лагерях УЖДС насчитывалось 245 523 человек.

В октябре 1938 года Дальневосточный край был разделен на Приморский и Хабаровский. В связи с этим началось постепенное реформирование лагерной структуры. В конце 1938 года в Хабаровском крае было расположено 5 самостоятельных управлений: Дальлаг, Райчихлаг, Ушосстройлаг, Ново-Тамбовлаг, УЖДС НКВД (227 362 заключенных). Крупнейшим по количеству занятых и объемам выполняемых работ являлся Дальлаг. Он объединял Средне-Бельское, Бираканское, Бирское, Розенгартовское, Комсомольское, Николаевское, Сахалинское и Камчатское отделения, где содержались до 65 тысяч заключенных (осужденных в основном за бытовые преступления) и 2 600 человек под общим определением «за контрреволюционную деятельность».

К 15 февраля 1939 года численность заключенных ИТЛ на Дальнем Востоке составляла 528 066 человек и распределялась следующим образом:

- Железнодорожное строительное управление ГУЛАГа (ЖДСУ) на Дальнем Востоке (Амурский, Западный, Южный (строительство № 202), Бурейнский, Восточный, Юго-Восточный, Приморский лагеря) – 277 015 заключенных;
- Дальлаг (строительство № 201, лесозаготовки) – 63 614;
- Ушосдорлаг (строительство дорог в Приморском и Хабаровском краях) – 35 425;
- Райчихлаг (добыча угля в Хабаровском крае) – 8 713;
- Новотамбовлаг (лесозаготовки в Хабаровском крае) – 11 926;
- Севвостлаг (золотодобыча и другие работы на Колыме) – 113 847;
- Владивостокский пересыльный пункт Севвостлага (переотправка заключенных и грузов из Владивостока в бухту Нагаева) – 17 526 заключенных.

В апреле 1939 года был реорганизован Дальлаг. На его базе организованы Бирский ИТЛ, Средне-Бельский ИТЛ, Хабаровский ИТЛ, Строительство № 201 и ИТЛ, Владивостокский ИТЛ.

ГУЛАГ СССР на 1 марта 1940 года состоял из 53 лагерей, включая лагеря, занятые железнодорожным строительством. Кроме того, в него входило 425 исправительно-трудовых колоний (170 промышленных, 83 сельскохозяйственных и 172 «контрагентских» – т. е. работавших на стройках и хозяйствах других ведомств). Общий контингент заключенных определялся в 1,668 миллиона человек, причем 352 тысячи из этого числа находились в промышленных и сельскохозяйственных колониях. В 1940 году из аппарата ГУЛАГа наряду с уже существовавшим Главным управлением строительства на Дальнем Севере были выделены самостоятельные производственные главки. Отдаленность лагерей и колоний, находящихся в Хабаровском крае и ведущих разнохарактерную производственную и строительную работу, вызвала необходимость расширить функции Управления лагерями и колониями Хабаровского края. Оно было организационно оформлено как краевой филиал ГУЛАГа НКВД. В 1940 году это Управление объединяло и направляло работу находящихся на территории края лагерей истроек ГУЛАГа (Ново-Тамбовского, Бирского, Средне-Бельского, строительство Теплоозерского цементного завода), непосред-

ГЛАВНАЯ ТЕМА

ственно осуществляло строительство ряда оборонных объектов и представление рабочей силы заключенных на сторону.

В 1941 году началась новая реформа репрессивных органов. Указом Президиума ВС СССР от 3 февраля 1941 года из состава НКВД был выделен Наркомат НКГБ (госбезопасность). ГУЛАГ остался в новой структуре НКВД.

С началом Великой Отечественной войны началось сворачивание лагерной системы. Ряд строителей был остановлен, а обеспечивающие их рабочей силой управления исправительно-трудовых лагерей расформированы. Новые проекты реализовывались только тогда, когда этого требовали стратегические задачи. В результате список строений НКВД СССР на 1941 год сократился до 64 наименований.

В местах лишения свободы в СССР к началу Великой Отечественной войны находилось около 2 500 000 заключенных. В 1941 году, для того чтобы компенсировать потери в Красной Армии, из лагерей до конца года было досрочно освобождено и направлено на фронт около 420 тысяч человек. За три года войны на укомплектование Красной Армии было передано 975 000 человек. В результате в 1944 году численность заключенных сократилась в два раза. Но осужденных по 58-10 статье («Пропаганда или агитация, содержащая призывы к свержению, подрыву или ослаблению советской власти...») в это время не освобождали ни досрочно, ни по окончании срока наказания. На фронт их тоже не отправляли. По этой причине доля политзаключенных увеличилась с 27% в 1941 году до 43% в 1944-м. Стало значительно больше женщин – от 7% в 1941 году до 26% в 1944-м. Дефицит рабочих рук в лагерях пытались компенсировать увеличением продолжительности рабочей недели, а это повлекло за собой увеличение смертности. Только за 1942 год в лагерях страны умерло 352 560 человек.

19 апреля 1943 года вышел Указ Президиума ВС СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников». Этот указ восстанавливал царскую меру наказания – ссылку на каторжные работы на срок от 15 до 20 лет. Первые каторжные отделения были организованы в Воркутинском и Северо-Восточном лагерях. К концу 1944 года в состав ГУЛАГа входило уже пять каторжных отделений при Воркутинском, Норильском, Северо-Восточном лагерях в Хабаровском крае и при Карагандинском лагере (для больных и нетрудоспособных). В них содержалось около 6 000 каторжан. К сентябрю 1947 года их стало свыше 60 тысяч. Каторжные условия подразумевали использование заключенных на тяжелых работах, увеличение времени работы на один час по сравнению с другими лагерями, общее ужесточение режима и обязательное ношение личного номера, нашитого на верхнюю одежду заключенного. Каких-либо других важных изменений в лагерной сети и ГУЛАГе в годы войны, если не считать ликвидации отдельных лагерей и колоний в прифронтовой полосе, не было.

На Дальнем Востоке численность заключенных в первый период войны возросла – за счет эвакуации из райо-

нов, которым угрожала фашистская оккупация, 27 лагерей и 210 колоний ГУЛАГа. Всего в 1941–1945 годах в Нижне-Амурском ИТЛ содержалось от 32 до 38 тысяч заключенных, в лагерях УИТЛК по Хабаровскому краю – от 24 до 35 тысяч, общий списочный состав Нижне-Амурского и Восточного лагерей на начало 1944 года составлял 55,7 тысячи человек.

Из списка строений НКВД СССР на 1941 год в Хабаровском крае располагались строительство № 201 (гидротехнические работы на Амуре в районе Николаевска-на-Амуре) и БАМ. В июле 1941 года Нижнеамурлагу ГУЖДС (Главное управление железнодорожного строительства) НКВД было передано строительство нефтепровода от п. Оха на Сахалине к Комсомольску-на-Амуре (строительство № 15). Первая очередь нефтепровода – к с. Софийскому – была принята 1 ноября 1942 года. На материке на укладке труб работали тогда 4 900 человек.

В 1942 году на Нижне-Амурский лагерь было также возложено выполнение плана по заготовке, отгрузке и сплаву древесины для снабжения лесом предприятий Комсомольска и дальневосточных воинских частей. Кроме того, Нижне-Амурлаг вел строительство оборонных предприятий в Комсомольске-на-Амуре – авиационного завода № 126 и аэродрома «Комсомольск – Дземги» при авиазаводе. Лагерь также строил аэродромы в Падали, Куйбышевке-Восточной, Поздеевке, Завитой, Желтом Яре, Бирофельде, Николаевске, Кондоне, Горине и в других местах.

На нефтепроводе основные работы были закончены к 25 октября 1943 года. Все ресурсы Строительства № 15 были переданы Строительству № 500, что вело укладку железной дороги до Совгавани. В апреле 1944 года на этом строительстве были заняты 59,6 тысячи человек, к ноябрю – 79 тысячи.

После окончания войны в борьбе с выросшей преступностью стали применять указы 1947 года «Об охране социалистической собственности» и «Об охране личного имущества граждан», по которым даже незначительные кражи карались сроком заключения до 20 лет. В результате число заключенных в стране увеличилось в 1,5 раза.

В то же время происходило некоторое ослабление лагерного режима. В 1948 году в лагерях ввели зачеты за рабочие дни. Отбывающие срок наказания стали зарабатывать и получать на руки определенную сумму, учреждались лицевые счета, на которые отчислялась часть заработка для использования после освобождения. В зонах были открыты торговые ларьки, где заключенные (и жители окрестных сел) могли купить сахар, хлеб, махорку и некоторые другие мелочи. Но для того, чтобы дольше задерживать рабочую силу в отдаленных районах, досрочно освобождающихся по зачетам обязывали половину сокращенного срока отбывать по вольному найму на местах бывшего заключения.

2 января 1947 года из состава Хабаровского края была выделена Сахалинская область, с располагавшимися там Сахалинским ИТЛ (Сахалинлаг, Сахалинстрой) и строительством № 506 и ИТЛ. 2 августа 1948 года из состава края вышла Амурская область с Амурским ИТЛ.

3 марта 1946 года Амурское строительство БАМ и Строительство № 500 были объединены в Управление Строительства № 500 и Управление Амурского строи-

ГЛАВНАЯ ТЕМА

тельства БАМ. Через год оно было реорганизовано и переименовано в Восточное Управление строительства и лагерей БАМ, но 29 сентября 1948 года закрыто и реорганизовано в «Ниже-Амурский ИТЛ и Строительство». Тогда же был ликвидирован Ургальский ИТЛ, с 3 марта 1946 года строивший железнодорожные линии Известковая – Ургал и Ургал – Комсомольск на участке Ургал – Аякит.

Центром лагерной системы Хабаровского края с середины 1930-х до начала 1950-х годов был Комсомольск-на-Амуре, в котором в разное время располагалось более десяти лагерных управлений. Только в Нижне-Амурском ИТЛ на 1 февраля 1949 года содержалось 34 038 человек. За 1939–1945 годы за пределы Комсомольска убыло 360 тысяч заключенных. Заключенные строили не только предприятия Комсомольска-на-Амуре, но и культурные объекты. 1 января 1934 года в Комсомольске был открыт лагерный театр – в будущем первый городской драмтеатр. В последующие годы построены кинотеатр «Комсомолец» и пять школ. Городская футбольная команда «Динамо», в состав которой входили и заключенные, в 1947 году выиграла Кубок Дальнего Востока и вышла в финал Кубка РСФСР. К 15-летию Комсомольска-на-Амуре сто работников Нижне-Амурского ИТЛ были награждены значком «Почетный строитель Комсомольска-на-Амуре». Монумент в честь 20-летия Комсомольска-на-Амуре в 1952 году также строил Нижнеамурлаг.

После смерти Сталина (3 марта 1953 года) началось расформирование централизованной лагерной системы. Причины этого объяснялись как экономическими (отсутствием рентабельности и экономической эффективности системы исправительно-трудовых лагерей), так и субъективными факторами. 25 марта по предложению нового министра внутренних дел Л.П. Берия было прекращено строительство 22 крупнейших объектов, среди них железной дороги Комсомольск-на-Амуре – Победино-на-Сахалине и тоннельного перехода под Татарским проливом. Тогда же МВД было освобождено от производственно-хозяйственной деятельности, с передачей строительной и производственно-хозяйственных главков в соответствующее министерства. При этом 2 апреля 1953 года сам ГУЛАГ был передан в ведение Министерства юстиции. В подчинении МВД оставались только особые лагеря, населенные по преимуществу политическими заключенными. Расположенное в Магаданской области Хабаровского края Главное управление строительства Дальнего Севера (ГУСДС, Дальстрой) 18 марта 1953 года было передано в Министерство металлургической промышленности СССР, а его лагерные подразделения – ГУЛАГу Министерства юстиции СССР. 29 апреля МЮ СССР закрыло Строительство № 507 и Строительство № 6, а их лагерные подразделения передало в Нижне-Амурский ИТЛ. Тогда же был закрыт Приморский ИТЛ, дислоцируемый в Хабаровске. В том же году лагерные подразделения Дальстроя были подчинены вновь созданному 3 сентября Управлению Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерей. Но после того как 2 декабря 1953 года Магаданская область вышла из состава Хабаровского края, СВИТЛ (просуществовавший до 16 апреля 1957 года) также оказался за границами края.

27 марта 1953 года была объявлена амнистия ряду категорий осужденных «не представляющих серьезной

опасности для общества». Основной мотив этого – стремление освободить места заключения от практически нетрудоспособных инвалидов, женщин и детей. Освободались все осужденные на сроки до 5 лет. Осужденным на сроки свыше 5 лет наказание сокращалось наполовину (кроме политических и опасных рецидивистов). Тогда освободили более миллиона человек, в том числе сотни тысяч уголовников. 17 сентября 1955 года объявлена амнистия советским гражданам, сотрудничавшим с оккупантами в период войны. Через год эта амнистия распространилась на советских военных, осужденных за нахождение в плену во время Второй мировой войны.

14 мая 1953 года Министерству юстиции было подчинено строительство № 508 и ИТЛ, занимавшееся с 9 ноября 1950 года развитием и строительством порта Ванино, Ванинского транзитно-пересыльного лагеря и объектов в Советской Гавани. Оно было переименовано в Ульминский ИТЛ (Ульминлаг).

В январе 1954 года ГУЛАГ был вновь возвращен в МВД СССР, в феврале 1954-го в МВД вернулось Главное управление лагерей лесной промышленности, а в марте и Главное управление лагерей промышленного строительства. 28 января 1954 года перешел в подчинение ГУЛАГ МВД СССР и Ульминлаг, но уже 20 сентября того же года он был закрыт, а его лагерные подразделения переданы в состав УИТЛК УМВД по Хабаровскому краю. В том же году начинается процесс пересмотра дел осужденных по политическим статьям и постепенно идет на убыль число политических заключенных.

Одним из последних подразделений ГУЛАГа в Хабаровском крае был закрыт Нижне-Амурский ИТЛ (Нижамурлаг, Нижне-Амурлаг, Нижнеамурлаг, Нижнеамурский ИТЛ, Нижне-Амурский ИТЛ и Строительство, ИТЛ и Строительство Нижнеамурстроя), первое упоминание о котором относится еще к августу 1939 года. Нижамурлаг закрыт 15 февраля 1955 года, а его лагерные подразделения переданы УИТЛК УМВД по Хабаровскому краю.

За 1923–1953 годы от репрессий пострадали около 100 тысяч дальневосточников. Символом несправедливости, произвола и рабского труда в СССР стало созданное в октябре 1930 года Главное управление исправительно-трудовых лагерей (ГУЛАГ) ОГПУ СССР. Тогда же появились и первые отделения ГУЛАГа в Хабаровском крае, которые потом сыграли огромную роль в освоении Дальнего Востока – туда и направлялся мощный поток заключенных со всей страны. Так, в декабре 1953 года в лагерных отделениях ГУЛАГа края находилось около 250 тысяч заключенных, из них 58 тысяч осужденных за контрреволюционные преступления. После смерти И.В. Сталина и XX съезда партии началось организационное изменение системы исполнения наказаний в СССР. В ходе этого реформирования системы ИТЛ постепенно переформировались в колонии. В октябре 1956 года на базе ГУЛАГа было создано Главное управление исправительно-трудовых колоний. На этом существование аббревиатуры ГУЛАГ заканчивается.

*Фото из архива УИТЛ УМВД Хабаровского края.
Фотоснимки заключенных сделаны в 1936 году
(Управление лагерей и колоний по Хабаровскому краю,
культурно-воспитательный отдел)*

Крестный путь

Хабаровская пересыльная тюрьма

Олег КОЛЕСНИКОВ

Теперь уже мало кто помнит, что в 1930–1950-е годы в Хабаровске существовала пересыльная тюрьма, через которую прошли большие потоки репрессированных.

Отдельный пересыльный лагерный пункт НКВД (он же Транзитно-пересыльная тюрьма № 5 УИТК МВД, а с 1955 года – ИТК № 14) располагался в районе поселка Кругосветка. Другие ориентиры расположения пересылки, встречающиеся в архивных документах, таковы: Первый городок, 2-й км за чертой города – Пригородная, Комитетская улицы и Раздельный переулок, дом 5/2. В паспорте пересылки приводятся следующие данные (на 1955 год): тюремный забор – деревянный, высотой 4 м, общая длина периметра ограды – 614 погонных метров. По периметру – 6 деревянных вышек, сами они и входы на них оборудованы с внешней стороны забора; запретные и предупредительные зоны – с внутренней и наружной стороны. Общая площадь территории тюрьмы – 3 105 кв. м. Ворота деревянные, одинарные, въезд на пересылку через две «привратки» (будки).

Заклученные содержались в трех основных тюремных корпусах – ими были деревянные рубленые одноэтажные бараки. Отопление печное, водопровода и канализации не было. Для прогулок заключенных имелось шесть закрытых деревянных прогулочных дворов по 25 кв. м каждый. Помещение для дежурного по пересыльному пункту было совмещено с контрольно-пропускной вахтой. Здесь же находилась и комната для свиданий на 1–2 места¹.

Самое раннее упоминание о пересылке найдено в Дислокации Дальлага НКВД за январь 1935 года². Объект, обозначенный в документе грифом «Комитетская», включал пересыльный пункт и строительство-125 (Особое строительство № 125 занималось возведением зерноскладов, мельниц и других подсобных сооружений по Дальневосточному краю по линии Хлебстроя). Строительство началось в октябре 1933 года сразу в семи пунктах Дальнего Востока: в Хабаровске, Комсомольске, Софийске, Николаевске, Бочкарево, Уссурийске и Владивостоке. В Хабаровске планировалось построить 63 объекта³.

Общий вид двора пересыльной тюрьмы

Общая камера

По словам свидетеля Григория Мартемьяновича Бородин (1918 г. р.), заключенных пригнали в это место в 1933 году для строительства складских городков Государственного комитета резервов, которые заготавливали хлеб и продовольствие на случай войны или стихийных бедствий (отсюда и название одной из первых улиц в этом районе – Комитетская). Всего было построено четыре таких городка. Два из них сохранились, находятся они за зданием Хабаровского института культуры. А на месте, где сейчас строится высотное здание возле автобусной остановки «Институт культуры», в то время был большой лагерный гараж, где стояло примерно 15 грузовиков для перевозки заключенных. Дальше вниз по нынешней улице Кубяка располагалась большая хозяйственная зона: лесопилка, конюшни, своя электростанция, хлебопекарня, мастерские. Еще дальше за рабочей зоной (ближе к Амурской протоке) находился сам лагерь – режимная зона. В 1933–1934 годах это был рабочий лагерь. Пересыльным его сделали только в 1935 году⁴. В 1955 году лагерь снова перестал быть пересылкой и превращен в исправительно-трудовую колонию № 14 для обычного уголовного элемента.

Этапы шли в основном с запада на Магадан через Владивосток и Находку, а с 1947 года – через Ванино⁵. К сожалению, до сих пор не исследовано, какое общее количество политзаключенных прошло через Хабаровскую пересылку. Она была сравнительно небольшой. Например,

¹ Архив Управления Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации по Хабаровскому краю (Архив УФСИН РФ по ХК). Ф-85, оп.1, д. 22. за 1955 г. Паспорт Транзитно-пересыльной тюрьмы № 5. В современных ориентирах пересылка находилась в районе улиц Кубяка, Комитетской и Краснореченской, а на запад простиралась почти до Амурской протоки. Очевидно, в конце 1940-х – начале 1950-х годов первоначальные тюремные бараки были разобраны, и на их месте построены новые корпуса: № 1 (1948), № 2 (1950), № 3 (1952). В ранних из сохранившихся приказов по пересылке упоминаются также бараки № 6, 7.

² Архив УФСИН РФ по ХК. Ф-26, оп. 5, д.10.

³ Кузьмина М.А., Комсомольск-на-Амуре: легенды, мифы и реальность. Комсомольск-на-Амуре: ООО ПК «Жук», 2002. – с. 262–263.

⁴ Григорий Бородин: Идти нам было некуда // Молодой дальневосточник 2007 г., № 11, 14–21 марта.

⁵ Шашкина А.В., Ванинская пересылка. Советская Гавань: ГУП «Советско-гаванской городской типографии», 2005. – 134 с.

Секция пересыльных женского корпуса

Одна из спален казармы военизированной стрелковой охраны

Ванинская пересылка сосредоточивала более 10 тысяч человек⁶ одновременно, а Хабаровская – чуть более тысячи. Но при этом нельзя не учитывать частоту этапов, скорость обновления лагерного населения пересылки как важных факторов для оценки.

Других пересылок в Хабаровске не было, хотя существовал небольшой пересыльный пункт на пристани Покровка возле города, рассчитанный чуть более чем на 200 человек. В Хабаровске был крупный лагерный пункт на Казачьей горе (Командантское управление – около 1–2 тысяч заключенных), «командировка» на Судоверфи (чуть более 200 человек), подсобное хозяйство и кирпичный завод на Красной Речке (менее чем по 200 человек). Все они вместе с пересылкой входили в III отделение Дальлага.

На двух лесных «командировках», принадлежавших пересыльному пункту – Гедике и Вяземская, заготавливались дрова и пиломатериал. Заключенные выходили на работы вне зоны, индивидуально и бригадно, бесконвойно (по пропускам) и под конвоем. Основными работами были погрузочно-разгрузочные и строительство⁷.

У пересылки имелся почтовый адрес (абонентский ящик). Получение заключенными писем, посылок и денежных переводов отмечено в приказе по Перпункту за № 46 от 19.03.1941 года. Комната свиданий находилась при вахте (для личных свиданий – на одно, для общих – на два места) без разделяющей решетки; в этом же помещении была комната приема передач. На табличке перед центральной вахтой (на фотографии 1955 года) написано: «Прием продуктовых и вещевых передач производится с 10:00 до 17:00 в неограниченном количестве. Свидания разрешаются по вос-

кресеньям днем с 10:00 до 17:00. Для приезжих разрешаются свидания в любой день недели»⁸.

Как писал Г.Г. Кузьмин в своей документальной повести «Враженята», в 1941 году на Хабаровской пересылке свиданий с родственниками не давали. Георгий Григорьевич рассказывал и о том, как выводили с пересылки этапы. Рано утром к воротам приходили родственники заключенных. Ворота открывались, и узники шли в окружении вооруженных конвоиров. Родные узнавали своих издали, но конвоиры не пускали их к заключенным. В общем шуме и сумятице невозможно было услышать родного голоса. Заключенных вели к вагонам и грузили в них. Родственники прощались с ними, как будто хоронили. Иногда заключенным удавалось выбросить записку из окна тюремного вагона. Добрые люди поднимали такие записки и передавали или пересылали их родственникам⁹.

Вот несколько свидетельств об известных людях, побывавших на Хабаровской пересылке. Дочь академика С.П. Королева Н.С. Королева вспоминала: «В декабре 1939 года благодаря усиленным ходатайствам родных и близких Королева этапировали назад с Колымы, с золотоносных приисков лагеря Мальдяк, сильно больного цингой.

Добравшись до пересыльной тюрьмы Хабаровска, Сергей Павлович уже настолько ослаб, что тюремный начальник (в это даже трудно поверить) поздним вечером выпустил его одного и без охраны к местному доктору. Врач перевязала отцу уже начавшие гнить от недостатка витаминов ноги, а позднее добилась того, чтобы этап обеспечили свеклой, морковью и квашеной капустой. Королев на всю жизнь запомнил фамилию этого доктора: Днепровская, но так и не смог отыскать ее после освобождения»¹⁰.

Знаменитый трубач Эдди Рознер рассказывал, как по прибытии на Хабаровскую пересылку в 1946 году уголовники сняли с него всю хорошую одежду и забрали трубу. Затем его привели к вору в законе, в то время главному на пересылке. Тот попросил Рознера сыграть на трубе «Очи черные» и другие любимые всеми песни. По мере того как Рознер отыгрывал песни, ему возвращали его одежду¹¹. Известный поэт Анатолий Жигулин вспоминал о своем прибытии на Хабаровскую пересылку из Магадана в декабре 1953 года. Он был осужден за участие в антисталинской коммунистической молодежной организации. В Хабаровск он прибыл этапом на самолете, а впереди ему предстоял еще долгий путь к освобождению и последующей реабилитации¹².

Хабаровская пересылка стала одним из опорных пунктов ГУЛАГа на Дальнем Востоке. Через нее прошло множество узников совести, среди них были очень известные, выдающиеся личности, которые и в лагерях продолжали нести свет и служить людям. Вместе с ними совершил здесь «свой крестный путь» выдающийся поэт и прозаик О.Э. Мандельштам. И было бы правильно в память о нем и обо всех политрепрессированных, прошедших этапами через город Хабаровск, переименовать одну из улиц в честь поэта.

В материале использованы фото из Паспорта лагерного подразделения 1955 г. (Архив УФСИН по ХК. Ф. 85)

⁸ Архив УФСИН РФ по ХК. Ф-85, оп.1, арх. 22. Паспорт транзитно-пересыльной тюрьмы № 5.

⁹ Кузьмин Г. Г., Враженята: Повесть и рассказы. – Хабаровск: Кн. изд-во, 1994. – с. 44-46.

¹⁰ Витковский А., Путешествие заключенного № 1442 из тюрьмы в космос // Парламентская газета № 10 (889), 12.12.2002.

¹¹ «Московский комсомолец» в Хабаровске, 7–14 декабря 2000 г.

¹² Жигулин А. В., Черные камни. – М: Молодая гвардия, 1989. – с. 129.

⁶ Там же, с. 23.

⁷ Приказы по Отдельному пересыльному лагерному пункту: Ф-85, оп. 5.

«Первый в бою и он же на плаху...»

Наталья БЕНДИК

Архивное дело в России зародилось в недрах делопроизводственной практики и только затем постепенно приблизилось к исторической науке. Оно всегда испытывало нехватку в профессиональных кадрах, и в 1920-е годы новые пролетарские специалисты учились у старой буржуазной интеллигенции.

В ту пору государственные архивные органы только создавались, определенный опыт заимствовался из других стран, но применить его было сложно из-за обширных территорий, новых идеологических подходов, при отсутствии кадров. Только столицы РСФСР – Москва и Ленинград – имели профессиональных архивистов, а в областях немалую роль сыграли члены областных ученых архивных комиссий – они стремились не позволить новой власти уничтожить созданные архивы, архивные издания и общественный интерес к сохранению документальных собраний.

Как и по всей российской интеллигенции, репрессии черной волной прошли по специалистам архивного дела. Первая волна репрессий приходится на конец 1920-х годов, вторая – на 1930-е годы. В 1920-е она выбила из слабой, только что нарождавшейся архивной службы Дальневосточного края «буржуазных ученых» А.П. Георгиевского, В.И. Попова, З.Н. Матвеева, Н.В. Кюнера, А.В. Гребенщикова и первых советских руководителей Э.В. Климовскую, В.И. Соколова и других. Жертвами второй волны стали С.Х. Булыгин, Р.С. Тишлер, А.П. Шурыгин, Ким Ятхен и другие. Большинство из них в 1950-е годы были реабилитированы, С.Х. Булыгин, Р.С. Тишлер, З.Н. Матвеев – посмертно. Этот рассказ о судьбе первого руководителя архивной службы Дальнего Востока Элеоноры Викентьевны Климовской.

Э.В. Калюжная-Климовская родилась 30 августа 1893 года, по национальности она полька. С 1917 года она была членом профсоюза работников просвещения, через три года вступила в ряды РКП(б), занималась политико-просветительской работой. В период колчаковского режима жила в Якутске и работала на телефонной станции. В июле 1918 года была арестована и выслана в Иркутск. После освобождения города осталась жить в Иркутске, работала на телефонной станции, здесь же ее избрали председателем месткома. С установлением советской власти Элеонора Викентьевна вернулась к политпросветработе: в 1921 году она клубный инструктор и заведующая подотделом съездов и выставок в Иркутском губполитпросвете, затем заместитель начальника орготдела

губоно, счетчик-контролер Иркутского губстатбюро, заведующая учетом и статистики Иркутского укома ВКП(б), с 1923 по 1924 год – заведующая музеем революции.

С сентября 1924 года началась деятельность Элеоноры Викентьевны на архивном поприще: она была назначена заведующей политсекцией Иркутского архивбюро. В марте 1925 года как представитель Иркутского архивбюро участвовала в работе Первого съезда архивных деятелей РСФСР в Москве.

Идеи съезда легли в основу ее работы в качестве заведующей Дальневосточного областного архивного бюро, куда Климовскую назначили в октябре 1925 года. Можно предполагать, что Центрархив рекомендовал Дальревкому пригласить ее для работы в Дальархивбюро. Дело в том, что недостаточное внимание Дальревкома к проблемам областного архивного строительства беспокоило руководство архивного ведомства страны. В 1925 году на Дальнем Востоке побывал московский инспектор Е.Ф. Сенковский, одной из целей его командировки было содействие в организации областного бюро. Результатом его знакомства с состоянием здесь архивного дела стал доклад на коллегии Центрархива (28 апреля 1925 года). Он критически оценил общее состояние архивного дела на Дальнем Востоке и внес предложение о неотложных мерах по улучшению положения, в частности настаивал на том, чтобы в Хабаровске, который стал административным центром области, был образован областной архивный орган.

Для окончательного решения вопроса было предложено Коллегии обратиться «во ВЦИК с подтверждением необходимости отпуска средств на организацию архивного бюро на Дальнем Востоке» и не возражать «против слияния в Хабаровске уездного и областного архивных бюро, просить Дальревком выделить для ведения работ помещение и предоставить необходимый штат сотрудников для архбюро».

Постановлением Дальревкома от 13 марта 1925 года было создано Дальневосточное областное архивное бюро. Оно учреждалось на основании Положения о губернских (областных) архивных бюро. Положением об

Первое Дальневосточное краевое совещание архивных работников. Э.В. Климовская третья слева в среднем ряду. 1927 год

архивном бюро были определены его функции: сосредоточение и хранение архивов Дальревкома, его отделов и архивов исторического характера, имевшихся в области; классификация и описание архивов; наблюдение за правильностью содержания и хранения архивов; изучение архивных материалов и другие. Бюро подчинялось секретариату Дальревкома, заведующий назначался президиумом Дальревкома по согласованию с Центрархивом.

Непростое хозяйство оказалось в руках главного архивиста Дальневосточной области Э.В. Климовской, которая приступила к этой работе в октябре 1925 года. Она обратилась к общественности края через местные газеты с призывом «сдавать имеющиеся на руках частных граждан архивные материалы и сообщать о местах нахождения тех или иных архивов». Штатная численность областного бюро превышала штаты окружных – это объяснялось его расширенными функциями. Штатное расписание предусматривало, помимо заведующего архивбюро, инструктора, секретаря, библиотекаря, трех архивариусов, научного сотрудника, сторожа. Уже в первый год работы штат увеличился.

Дальневосточный период в профессиональной деятельности Элеоноры Викентьевны был и трагическим, и счастливым. Она первая начала процесс организации дальневосточной архивной системы. К этому времени на Дальнем Востоке уже был накоплен опыт работы таких архивных учреждений, как Приморская областная архивная комиссия под руководством А.П. Георгиевского во Владивостоке (1920–1923 годы). В Благовещенске начала

активно работать Амурская губернская архивная комиссия (1922–1924 годы). Но была нужда в энергичной личности, сумевшей бы создать сеть архивных органов, активизировать их работу. Ею и стала Э.В. Климовская.

Под ее руководством и при личном участии были образованы Сретенское и Николаевское окружные архивные бюро, обследованы Владивостокское окружное бюро, Черниговское районное, десятки ведомственных архивов. Непростая ситуация с архивным делом требовала ее присутствия в отдаленных уголках, куда не всегда легко было добраться. Для организации бюро и инструктажа Климовская прибыла в длительную командировку в Николаевск-на-Амуре. Немало усилий пришлось ей приложить, чтобы в 1926 году по решению Николаевского окрисполкома были выделены штатная единица, помещение под архив в здании исполкома, финансирование на оплату труда архивариуса. При ее активном участии удалось решить ряд других организационных проблем, связанных с передачей документов в архив, выделением средств и материалов для оборудования помещения стеллажами, дров для топки камина. В сохранившемся отчете за 1927–1928 годы заведующая окружным бюро С.А. Михалева отмечала, что «архив... имеет окружное значение, функции его распространяются на весь округ..., который совмещает 7 районов. Специальным параграфом... бюджетные расходы по архивбюро не предусматривались». Необеспеченность архива самым необходимым – достаточно просторным помещением – не позволяла начать сбор документов по всему округу. По

утверждению С.А. Михалевой, после пожара 1920 года в Николаевске-на-Амуре погибли уникальные документы, а в районах, особенно таких как Кербинский и Ольгинский, хранилось «много ценного и интересного материала». Но «для того, чтобы их иметь налицо – нужны средства, ... для приведения их в надлежащий вид... и для доставки в архивбюро». При содействии и участии Э.В. Климовской эта проблема сдвинулась с мертвой точки.

Элеонора Викентьевна глубоко понимала, как важно повышать профессиональную компетентность архивистов, обмениваться опытом. По ее инициативе были проведены первые городское (апрель 1927 года) и краевое (октябрь 1927 года) совещания архивных работников. Они значительно отличались от архивных совещаний-отчетов, какие практиковались ранее. Э.В. Климовская, вдохновленная идеями Первого съезда архивных деятелей РСФСР, стремилась использовать городское совещание для решения важных производственных и кадровых проблем: научить, проинструктировать ответственных за архивы ведомств по всем вопросам организации хранения и научно-технической обработки отложившихся документов и подготовки их к передаче на постоянное хранение. Совместное обсуждение, определение ближайших задач, решение насущных проблем помогли коллегам прийти к важным выводам.

На Первом Дальневосточном краевом совещании с представителями округов по просьбе Элеоноры Викентьевны присутствовала от Центрархива Митропольская. Ее доклад «Архивное дело в РСФСР» и принятая по нему резолюция отразили интересы дальневосточных архивистов. На совещании были подведены итоги первых двух лет деятельности краевого архивного бюро по созданию сети архивных органов ДВК. Особенно полезным для архивариусов ведомств стало городское совещание в Хабаровске, состоявшееся в апреле 1927 года. Отойдя от рекомендаций Центрархива о порядке проведения подобных совещаний, архивные работники все обсуждение перенесли на практические вопросы, такие как организация размещения, учет и хранение документов в архивах учреждений, подготовка документов к передаче на хранение в бюро и т.д. Полезность таких мероприятий была очевидной для всех собравшихся, они высказывались за их систематическое проведение.

Немало других интересных и значимых дел было на счету Э.В. Климовской. Хабаровчанам особенно запомнились документальные выставки. Большой общественный интерес вызвала выставка, организованная 31 мая 1928 года Дальневосточным краевым бюро к 10-летию архивного дела в РСФСР (1928), на которой было представлено около 200 архивных документов. Местная газета «Тихоокеанская звезда» подробно осветила основные разделы экспозиции: I – 5-летие работы архивного бюро ДВК, II – исторический, III – историко-революционный. Последний делился на подотделы: крестьянско-аграрное движение, революционные события 1905–1907 годов, Февральская революция, первые месяцы советской власти и контрреволюция на Дальнем Востоке, период ДВР, советизация края. Проведенные архивистами экскурсии дополнили документальную панораму интересной исторической информацией. Выставку посетили сотни горожан.

Одно из самых значительных достижений руководителя Дальархивбюро – получение и оборудование отдельного здания крайархивбюро в Хабаровске в Дальнеукраинской слободке (ныне здание по ул. Волочаевской). Это было небольшое, одноэтажное, отдельно стоящее здание из красного кирпича, принадлежавшее военному ведомству. Его недостатки: небольшие площади для дальнейшего комплектования документами, отдаленность от центра, невозможность закрепления за архивом на постоянной основе. Но уже в 1927 году Далькрайисполком признал это здание непригодным для дальнейшего сбора документов и выделил средства на достройку второго этажа, а затем принял решение о постройке специального здания в центре города. В 1929 году Далькрайисполком выделил 250 тысяч рублей на постройку нового здания краевого архивного управления – и в том была немалая заслуга руководителя архивной службы Э.В. Климовской.

В июле 1928 года началась трагическая страница в судьбе Элеоноры Викентьевны Климовской. Ее привлекли к уголовной ответственности, сняли с должности заведующей – она обвинялась в краже документов и продаже их в корыстных целях. Итоги финансовой проверки не подтвердили значительных размеров хищений и убытков, тем не менее суд приговорил Климовскую к исправительным работам на три месяца. В дальнейшем к архивной работе она не возвращалась. Скорее всего, судебная акция была преднамеренная, в русле установок партии по очищению рядов «от чуждых и зарвавшихся элементов».

Первоначально «очищение» архивных учреждений от политически неблагонадежных, классово чуждых элементов происходило под лозунгами экономии средств и неправильной организации архивного дела, позже стали использоваться другие аргументы: «финансовые нарушения в личных корыстных целях». По данным современных исследователей, аналогичные судебные процессы прошли в конце 1920 годов над десятками заведующих архивбюро в других регионах страны. На Дальнем Востоке в 1926 году – над заведующим Амурским окружным архивным бюро В.И. Соколовым, в 1928 году – над заведующей Дальневосточным краевым архивным бюро Э.В. Климовской. Они обвинялись в том, что похитили в целях личной наживы «сотни тонн бумаги, продали и присвоили деньги». Суд определил им меры наказания: В.И. Соколову лишение свободы на 2 года, Э.В. Климовской – 3 месяца исправительных работ. Тем не менее комиссии, созданные для проверки этих фактов, констатировали, что «по всем признакам похищено незначительное количество», а «при проверке расходов существенных нарушений не обнаружено». Современные историки расценивают подобные судебные процессы 1920-х годов, прокатившиеся по всей стране, как продолжение волны репрессий, известных под названиями «шахтинское дело», «процесс Промпартии», «дело академиков», «дело историков» и другие. Дальневосточный край, несмотря на свою отдаленность, не смог миновать общероссийских трагедий. Но дела истинных служителей архивного дела не пропали даром, их продолжили следующие неутомимые хранители вечности.

Фото из Государственного архива Хабаровского края

НА РУБЕЖЕ

1937

И.И. Шабанов

П.Г. Кулыгин

Е.И. Титов

Союз обреченных

История отделения Союза советских писателей ДВК и журнала «На рубеже» (1937–1938)

Наталья ПОЗИНА

«Большой террор» – так называют период 1937–1938 годов. Историки разделяют его на два этапа: первый – «разбега», он продлился с марта по июль 1937 года. Ему предшествовал пленум ЦК ВКП(б) (конец февраля – начало марта 1937 года), на котором И.В. Сталин предложил «теоретическое обоснование» массовых репрессий, представив положение в стране как «чрезвычайно опасное» в связи с происшествиями различного рода «вредителей, саботажников, диверсантов», и призвал к усилению бдительности, разоблачениям и доносам. При этом вождь четко не определил понятия «классовый враг», и это позволяло исполнителям безмерно расширять его границы¹. Второй этап «большого террора» охватывает время с августа 1937-го по ноябрь 1938 года, его начало связано с установками, прозвучавшими на июньском (1937 г.) пленуме ЦК. В них заявлялось о существовании в стране огромной контрреволюционной троцкистской организации и задачах, стоявших перед всеми гражданами страны по ее обезвреживанию. Решение

плена и оперативные приказы НКВД повлекли за собой переход к массовым репрессиям².

Они затронули и немногочисленный круг профессиональных литераторов Дальневосточного края: к 1937 году здесь было 10 членов Союза советских писателей и 5 кандидатов. Организационный комитет Союза по ДВК (впоследствии – Отделение) создан в 1933 году, а годом ранее в Хабаровск приехали профессиональные журналисты, писатели П.Г. Кулыгин, И.И. Шацкий, С.М. Бытовой, С.В. Диковский, А.П. Гайдар, И.И. Шабанов, Е.И. Титов и другие. Спустя некоторое время в Хабаровск из Владивостока переехал поэт А. Гай (А.А. Плешков), который вместе с П.Г. Кулыгиным и И.И. Шабановым стал членом дальневосточной делегации на 1-м съезде Союза советских писателей летом 1934 года. Литературно одаренных людей сплотил журнал «На рубеже». В ноябре 1933 года вышел первый номер альманаха (впоследствии журнала), в состав его редколлегии вошли И.И. Шабанов, А.А. Гай, П.Г. Кулыгин.

Репрессии среди художников слова начались на 1-м краевом собрании писателей и литературного актива края – оно состоялось в апреле 1937 года в Хабаровске. Его глав-

¹ Чернолуцкая Е.Н., Приказ НКВД № 00447 «об операции по репрессированию... антисоветских элементов». Дальний Восток, 1937–1938 гг. // Россия и АТР, 2005, № 3. – с. 55.

² Там же, с. 56.

Комсомольская, 80. Здесь находилась редакция журнала «На рубеже»

ной задачей стало разоблачение «врагов народа» среди писателей и самокритика «идиотской болезни – беспечности». Собрание продлилось три дня, но все выступления содержали единый посыл: «враги народа, японо-германские шпионы и диверсанты, троцкистско-бухаринские агенты пробрались в литературу, вели в ней гнусную подрывную работу, стремясь разложить советскую литературу, вырвать это могучее орудие воздействия на массы из рук нашей партии»³.

В начале собрания, в его повестке, были названы первые имена «врагов, японских шпионов и контр-троцкистов, долгое время орудовавших в Союзе, в его руководящих органах и журнале «На рубеже»: В.А. Ким, Цой Хо Рим, Д.И. Романенко (Амурский), И.И. Шабанов⁴.

Одним из самых значимых имен «врагов», прозвучавших тогда, было имя И.И. Шабанова (1903–1937), писателя, ответственного секретаря Дальневосточного правления Союза советских писателей, члена редколлегии журнала «На рубеже». К началу собрания И.И. Шабанов еще не был арестован, но уже во второй раз исключен из партии. Арест последовал сразу же после собрания. «Враг-троцкист» И.И. Шабанов проходил по делу Дальневосточного параллельного правотроцкистского центра, по которому проходили и «В.В. Шмидт, Г.Г. Гербек, Фрумкин, Булатов». Как отмечал в своем выступлении А.А. Гай на 1-м краевом собрании писателей Дальнего Востока, «он (...) был единственный человек, который служил связующим звеном между СП, между редакцией журнала и крайкомом партии», И.И. Шабанов был хорошо знаком с А.А. Фадеевым, генеральным секретарем Союза писателей СССР, В.П. Ставским, В.К. Блюхером, которые «относились к нему хорошо»⁵. Оратор также признавал, что писатель помог ему при переезде в Хабаровск, был с ним дружен, но оправдывал свои отношения незнанием того, что он «троцкист».

Другим «врагом народа» стал корейский писатель Цой Хо Рим (1896–1962), редактор краевой корейской газеты «Сэнбон» («Авангард»). Накануне депортации корейцев с Дальнего Востока в Среднюю Азию и Казахстан почти вся редакционная коллегия во главе с редактором была арестована и репрессирована. Их судьбу разделил и член редколлегии жур-

нала, писатель, «японский шпион» В.А. Ким (1907–1937?).

Судьба прозаика, автора романа «Гордость» Д.И. Романенко (Амурского) (1905–1971) сложилась иначе. Публикация романа в журнале «На рубеже» совпала с днями, когда произошло убийство С.М. Кирова, послужившее предлогом для новой волны политических репрессий, которые были перенаправлены от «классовых врагов», «буржуазной интеллигенции» к самой партии большевиков. Критика усмотрела в его произведении «троцкистскую контрреволюционную клевету на советскую деревню, на советское колхозное строительство». Это был «первый звонок» для отделения ССП на Дальнем Востоке. Решением бюро крайкома ВКП(б) от 31 марта 1935 года редколлегия журнала получила выговор, редактор И.И. Шацкий (1893–1941) уволен (впоследствии он переехал в Омск, но был репрессирован в 1937 году), а сам Романенко исключен из партии и кандидатов в члены Союза писателей. Это побудило его переехать в Москву и так избежать репрессий.

На собрании обвинялись и другие литераторы. Так, прозвучали обвинения в адрес критика Е.И. Титова – к тому времени он был уже исключен из рядов ВКП(б), поэта С.М. Бытового в «бухаринских установках в поэзии».

Уже после собрания, повлиявшего на судьбы многих, в 1937–1938 годах были репрессированы писатель И.И. Рабин (арестован в 1937 году, до 1943 года – заключенный ИТЛ), корейский поэт Тё Мен Хи (арестован 18 сентября 1937 года, расстрелян 11 мая 1938 года), критик Е.И. Титов (арестован и расстрелян 14 января 1938 года), прозаик П.Г. Кулыгин (арестован и расстрелян 7 августа 1938 года), китайский поэт, сотрудник газеты «Рабочий путь» (издание прекращено в 1938 году) Тинь Шань и другие.

Репрессии 1937–1938 годов среди дальневосточных литераторов привели к полному разгону местного отделения Союза писателей, а журнал «На рубеже» не выходил полтора года. С.М. Бытовой, председатель бюро Хабаровского отделения ССП, после некоторого смягчения террора в 1940 году говорил, что в борьбе за восстановление журнала и возвращение помещения редакции местный литературный актив направлял в Москву телеграммы Председателю Верховного Совета РСФСР А.А. Жданову и в прошлом редактору журнала, заместителю председателя оргкомитета СП СССР А.А. Фадееву. Вопрос о восстановлении журнала обсуждался на бюро крайкома ВКП(б). Редакцию «Колхозной газеты», которая заняла помещение, выселили, и был открыт клуб писателей.

Как только крайком принял решение восстановить журнал, материалы для его издания были подготовлены в сжатые сроки, за 10 дней. Эта спешка объяснялась просто: «нужно было показать, что люди», обладающие творческим потенциалом, «существуют»⁶. В журнале были опубликованы стихи П.С. Комарова, А. Гая, А.А. Артемова, В.Н. Афанасьева, проза С.В. Диковского, А.Т. Фетисова, Н.Ф. Пугачева и других авторов.

После репрессий 1937–1938 годов в регионе осталось всего три члена ССП: С.М. Бытовой, А. Гай, Г.Я. Кобец (был арестован в 1938 году, но оправдан, репрессирован в 1941 году) и 25–30 человек литературной группы вокруг журнала. Та небольшая профессиональная литературная среда, которая появилась в Хабаровске за несколько лет, была уничтожена.

³ РГАЛИ Ф. 631 оп. 5, д. 61 Стенограмма 1 краевого собрания писателей ДВ 1937 г. Выступления А. Гая. 17.04. 1937 г.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ РГАЛИ Ф. 631, оп. 5, д. 326 Материалы и переписка по ДВК май – октябрь 1940 г. // Стенограмма заседания бюро областной комиссии с ДВ делегацией на курсах писателей.

Где-то в поле возле Магадана...

Лагерная тема в творчестве Николая Алексеевича Заболоцкого

Юрий ИВАНОВ

По убеждению автора «Колымских рассказов» Варлама Шаламова, «так называемая лагерная тема – это очень большая тема, где разместится сто таких писателей, как Солженицын, пять таких писателей, как Лев Толстой. И никому не будет тесно». Вклад Н. Заболоцкого в мемуарное и литературно-художественное освоение тюремно-лагерного материала достаточно скромно в сравнении с теми же Солженицыным и А. Жигулиным, но этот вклад неоспорим, по-своему замечателен.

Как известно, Н. А. Заболоцкий был арестован 19 марта 1938 года в Ленинграде, около восьми месяцев провел в ДПЗ в тюрьме «Кресты» и после объявления приговора Особым совещанием – пять лет лагерей «за троцкистскую контрреволюционную деятельность» – был отправлен по этапу в Востлаг НКВД. С февраля 1939 по 1943 год Заболоцкий пребывал в лагере в районе Комсомольска-на-Амуре – «валил лес в тайге, дробил камень в карьере (...) работал чертежником в проектно-отделе строительства». С мая 1943 года писатель находился в Алтайском крае на добыче озерной соды и опять в качестве чертежника – до августа 1944-го, когда был наконец (с задержкой более чем на год по истечении срока заключения) освобожден из-под стражи, но оставлен при лагере – как «так называемый ...директивник», то есть освобожденный по директиве и обязанный работать здесь по назначению до конца войны. «Это не совсем полное освобождение», – пояснял сам Н.А. Заболоцкий в письме к жене от 28 сентября 1944 года. Затем – около года труда с лагерными строителями в Караганде, после чего Н. Заболоцкого вызвали в Москву и разрешили заниматься вновь литературной деятельностью. Все названные этапы тюремно-лагерной биографии поэта получили отражение в его дальнейшем творчестве: в «Истории моего заключения» (1956), впервые опубликованной в СССР только в 1988 году, в эпистолярном цикле «Сто писем 1938–1944 года», а также в нескольких стихотворениях 1946–1956 годов.

Небольшая по объему «История моего заключения» поражает концентрацией фактов и мыслей, представляя собой по существу некий конспект проблематики и в известной мере образец стиля последующей обширной и разнообразной лагерной литературы. Начиная с посыла, воодушевляющего мемуарный очерк: такое забыть нельзя, невозможно, такое должно быть обязательно запечатлено и рано или поздно донесено до читателя. С первых строчек повествования бросается в глаза подчеркнутая безэмоциональность автора, его ставка на фактическую сторону дела. Изображаемые события настолько феноменальны, абсурдно-

Николай Заболоцкий после освобождения

чудовищны, настолько расходятся с показной стороной советской действительности, что должны быть зафиксированы свидетелем в их натуральном виде, безо всяких авторских интерпретаций и художественных прикрас. Принцип протокольного описания происходящего распространяется и на сцены ареста, допросов, и на изображение тюремного быта, двухмесячного движения этапа по Сибирской железнодорожной магистрали. Так, сообщая о своем приводе после обыска дома на Литейный проспект, автор приводит все подробности: «Обыскали, отобрали чемодан, шарф, подтяжки, воротничок, срезали металлические пуговицы с костюма, заперли в крошечную камеру». Рассказывая о допросе в ДПЗ, «который продолжался около четырех суток без перерыва», Заболоцкий не забывает назвать фамилии следователя и его помощника. Выделяется характерная деталь при допросах писателей: ссылки следователей на Горь-

кого, призывавшего уничтожать «тех врагов, которые не сдаются». «Апелляция к Горькому повторялась всякий раз, когда в кабинет входил какой-либо посторонний следователь и узнавал, что допрашивают писателя», – бесстрастно дополняет автор-повествователь. Добросовестно фиксирует он все основные приемы и методы, применяемые к безвинному человеку, которого надо заставить сознаться в несуществующих «преступлениях против Советской власти»: лишение пищи, сна, физическое изматывание подозреваемого. Приводится автором и такая характерная, знаменательная деталь: «За стеной, в соседнем кабинете, по временам слышались чьи-то неистовые вопли» (ИМЗ, 8).

В лице заключенного Заболоцкого следователи НКВД столкнулись с человеком редкого мужества и высокого гражданского сознания: «Я протестовал против незаконного ареста, против грубого обращения, криков и брани, ссылаясь на права, которыми я, как и всякий гражданин, обладаю по Советской Конституции.

– Действие конституции кончается у нашего порога, – издевательски отвечал следователь».

Арестованный Заболоцкий, не сломленный изматывающими допросами, вступил (редкий случай!) в открытую борьбу со следствием, быстро поняв, «что НКВД пытается сколотить дело о некоей контрреволюционной писательской организации». Даже требовал очной ставки с оговорившими его ленинградскими писателями, арестованными до него Б.К. Лившицем и Е.М. Тагер. Заболоцкий не спешит осуждать их в своем очерке, лишь уточняет, что их показания, его избобличающие, «прочитать (...) мне не давали». В дальнейшем выяснилось, что свои показания против него названные писатели «дали под мучительными пытками, после чего Лившиц вскоре был расстрелян, а Тагер, снова допрошенная в 1951 году, от своих показаний отказалась». Таким образом, и этот второстепенный штрих поведения Заболоцкого в процессе следствия говорит о благородстве его личности. «Лишь бы не наклеветать ни на себя, ни на других», не дать палачам «сделать меня бесчестным человеком» – вот главная задача, которую поэт ставил себе во время допросов. Непреклонное сопротивление привело Заболоцкого к помрачению сознания, к уникальной ситуации, когда он вступил в прямую драку с тюремщиками. «Защищаться, не дать убить себя этим людям, или, по крайней мере, не отдать свою жизнь даром!». «В результате нервного напряжения, голода и бессонницы», жестоким истязаний арестованный писатель был помещен в тюремную психиатрическую больницу, где находился на лечении около двух недель. Страница очерка, посвященная этому эпизоду пребывания под следствием, воссоздает, по-прежнему бесстрастно, по возможности точно и детализированно, картину клинического состояния больного автора, считающего своим долгом упомянуть врачей, его лечивших: «Из них я помню врача Гонтарёва и женщину-врача Келчевскую (имя ее Нина, отчества не помню)».

Комментарий автора очерка удивительно сдержан, отвечает главной цели – повествовать о том, что действительно имело место. «Так это было на земле», – как писал в это же время Твардовский, осмысляя трудное прошлое. Заболоцкий позволяет себе пока лишь следующее скромное признание: «Только теперь, восемнадцать лет спустя, жизнь, наконец, показала мне, в чем мы были правы и в чем заблуждались». Но начало прозрения в те тюремные месяцы все же

фиксируется, «тьень догадки мелькала в головах наиболее здравомыслящих людей», пусть и в виде предположения фантастического: «В моей голове созревала странная уверенность в том, что мы находимся в руках фашистов, которые под носом у нашей власти нашли способ уничтожать советских людей, действуя в самом центре советской карательной системы». И мемуарист считает своим гражданским долгом запечатлеть все ужасы ночных допросов в «многоэтажном застенке на Литейном проспекте», «эти вопиющие извращения в следственном деле, эти бесчеловечные пытки и истязания», в том числе неимоверные физические испытания и унижения, вызванные скученностью заключенных в тесных камерах, невозможностью «уединиться ни на миг».

Николай Заболоцкий хотел получить только «живую жизнь». В свете этой задачи он воссоздает и «целую одиссею фантастических переживаний» заключенных во время двухмесячного движения по железной дороге на Дальний Восток. Как и ранее, на этих страницах автобиографической повести Заболоцкий подчеркивает чрезмерность действий репрессивной машины сталинского государства по отношению к измученным, забитым, несчастным людям. Негодование автора, чувствующееся за бесстрастным тоном рассказа, в этих описаниях сопровождается порой юмором. Так, рассказывая о переводе в тюрьму «Кресты» в летнюю жару, о маленькой камере, куда его поместили, автор рисует картину одновременно и трагичную, и комическую: «Десять голых человеческих фигур, истекающих потом и изнемогающих от жары, сидели, как индейские божки, на корточках вдоль стен по всему периметру камеры. Поздоровавшись, я разделся догола и сел между ними, одиннадцатый по счету. Вскоре подо мной на каменном полу образовалось большое влажное пятно». Подобный же эффект – хоть немного разбавить ужас тюремного быта нынешним воспоминанием о нем – имеет и гротескное описание проверки заключенных в вагонах, следующих по этапу. «Для того чтобы пересчитать людей, нас перегоняли на одни нары. С этих нар по особой команде мы переползали по доске на другие нары, и в это время производился счет. Как сейчас вижу картину: черные от копоти, заросшие бородами, мы, как обезьяны, ползем друг за другом на четвереньках по доске, освещаемые тусклым светом фонарей, а малограмотная стража держит нас под наведенными винтовками и считает, путаясь в своей мудреной цифири».

«История моего заключения» Заболоцкого вносит свою лепту в давний литературный спор о месте и роли уголовников – преступного мира, соседствующего с политическими арестантами. Автору чужда какая-либо романтика преступного сообщества, ставшая модной в годы так называемой «перековки». Его взгляд на уголовников, как и у В. Шаламова, аналитичен и трезв: «С их точки зрения, мы были жалкой тварью, не заслуживающей уважения и подлежащей самой беспощадной эксплуатации и смерти. И тогда, когда это зависело от них, они со спокойной совестью уничтожали нас с прямого или косвенного благословения лагерного начальства». Заканчивается автобиографический очерк Заболоцкого картиной прибытия эшелона с заключенными в Комсомольск-на-Амуре. «По обе стороны дороги замелькали колонны лагерей с их караульными вышками и поселки из новеньких пряничных домиков, построенных по одному образцу. Царство БАМа встречало нас, своих новых поселенцев. Поезд остановился, загрохотали засовы, и мы выш-

ли из своих убежищ в этот новый мир, залитый солнцем, закованный в пятидесятиградусный холод, окруженный видениями тонких, уходящих в самое небо дальневосточных берез». Это художественно-красочное, многосмысленное, особым ритмическим образом организованное описание – по сути образец той новой, «лагерной» прозы, которая хлынула на рубеже 1980–1990-х годов на страницы журналов.

«История моего заключения» Заболоцкого выглядит вполне законченным произведением, хотя, по предположению его сына, очерк должен быть продолжен «описанием жизни в лагерях». Подсобным материалом для осуществления этого замысла могли быть выписки поэта из его тюремных и лагерных писем к жене, опубликованные после его смерти. Но лагерной художественной прозы на основе «Ста писем 1938–1944 года» у Заболоцкого не получилось.

Все-таки письма эти имеют явный семейно-бытовой уклон, слишком личный характер. Обобщенных суждений о жизни лагерников, драматических сцен и описаний наподобие имеющихся в «Истории моего заключения» в эпистолярном цикле, подготовленном Заболоцким, нет. Наболевшего, как признается он в письме от 28 сентября 1940 года, «мысль моя с робостью и болью старается не касаться...». Литературной работой в свои дальневосточные и сибирские годы Заболоцкий не имел возможности заниматься, а когда думал о возвращении к ней, то намечал следующее: «Если бы я мог теперь писать, я бы стал писать о природе. Чем старше я становлюсь, тем ближе мне делается природа. И теперь она стоит передо мной, как огромная тема...». Частичным воплощением подобного замысла явились «Картины Дальнего Востока», вошедшие в письмо от 21 апреля 1944 года с Алтая, – нечто вроде красочного этнографического очерка. Как и письма, этот очерк может служить лишь комментарием к ряду стихотворений Заболоцкого о людях и природе дальневосточного края после возвращения поэта в литературу – стихотворений, которые принято связывать с лагерной биографией автора.

Это «Творцы дорог» (1947), «В тайге» (1947), «Возвращение с работы» (1954) и заслуживающий отдельного разговора прямой отклик поэта на лагерную тему – «Где-то в поле возле Магадана» (1956). Оценка первых трех стихотворений в критике и научной литературе о Заболоцком в общем-то единодушная. «Героика труда», «Труд с большой буквы», «пафос коллективности» (А. Македонов), «гимн социалистическому труду» (С. Чиковани), «слияние авторского «я» с народом», романтическое осмысление темы диктует поэту и соответствующий высокий стиль. Пышность, величественность, тяжеловесная монументальность, бросающиеся в глаза, прощались в 1960-е годы покойному уже поэту за актуальность темы для первых послевоенных лет, когда героизированное искусство признавалось официальной эстетикой единственно нужным, первостепенным. Тоньше других прочитал эти стихи А. Турков, зорко усмотревший в «Творцах дорог» некую тайнопись – «ноту духовного освобождения и едва ли не пророчество о неминуемом крахе тяготеющих над героями сил:

*Так под напором сказочных гигантов.
Работающих тысячами рук.
Из недр вселенной ад поднялся Дантов
И, грохнув наземь, раскололся вдруг.
При свете солнца раскололись страхи,
Исчезли толпы духов и теней.*

Подробно проанализировал критик стихотворение «В тайге» и в нем обнаружил – за монументально-исполинским образом кедра – «усталость», «духовное одиночество», от него страдает лесоруб, неназванный зек. Удивительно, но о стихотворении «Где-то в поле возле Магадана» критика 1960-х годов говорила как-то нехотя и порой весьма приблизительно. А. Македонов отметил в нем только «элементы сентиментальности» (как и в «Смерти врача»), А. Турков увидел в нем как бы самоубийство зеков. «Два старика, которые предпочли смерть лагерной маете...». Разве только К. Шилова правомерно поставила его в ряд новой, лагерной литературы: «Стихотворение «Где-то в поле возле Магадана» – произведение той же горькой и суровой правды, которая так ударила по сердцам в повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Фабулы самоубийства у Заболоцкого этот исследователь не находит, в чем, на наш взгляд, совершенно прав: ««Два несчастных русских старика», вспоминающие о родимых хатах, даны поэтом в час, когда они уже изнемогли от страданий. Их сломили усталость, жизнь в соседстве с бандитами «шайки воровской». Чуждые, «проникновенного огня» природы, они уже не сопротивляются холоду, и только в предсмертном сознании их возникает мысль о свободе...» Еще ранее, в 1963 году, сразу после первой публикации этого стихотворения в московском «Дне поэзии» (1962), о нем развернулась бурная полемика в магаданской печати. Сейчас нельзя без сожаления читать «ответ» Заболоцкому местного стихотворца Петра Нефедова под названием «Созвездья Магадана», опубликованный в газете «Магаданская правда» (2 февраля 1963 г.). Спор с Заболоцким, одним из первооткрывателей лагерной темы, велся на таком уровне: «Нет, неправда! Не одни созвездья им светили в их последний час...». И далее, в качестве «показанья очевидца», следовал душщипательный рассказ о том, как конвоир проливает слезу над умирающим зеком, упавшим в ходе движения колонны. И конечно, справедливо оценивает эти стихи П. Нефедова А. Сандлер в своей поэтической реплике: «И звучит насмешкой и кощунством конвоир с пролитой слезой». Магаданскому журналисту А. Сандлеру стихотворение Заболоцкого тем не менее тоже не понравилось. Он упрекает его автора, не бывавшего в Магадане, в фактических неточностях. В самом деле, что это за «наряды в город за мукой», в один из которых направляют героев стихотворения на «розвальнях» и, главное, без конвоя? О таких вольготных командировках зеков бывшие лагерники что-то не пишут. Однако несогласие А. Сандлера с поэтом по поводу «контингента» («Стариков из «хат», – спорит он, – на Колыму тогда почти не привозили») слишком буквалистское. Вряд ли можно толковать лагерное стихотворение Заболоцкого как свидетельство очевидца, прибегая к такой аргументации: «Нельзя писать стихи о «поле возле Магадана», не побывав здесь самому». Да, Николай Заболоцкий не бывал в колымских лагерях, как А. Алдан-Семенов или А. Жигулин. Но был в другом, в Востлаге, на том же Дальнем Востоке. Поэтому имел право писать о трагизме лагерного бытия, взяв Магадан как обобщающий символ (последнее отмечает, кстати, и сам А. Сандлер). Разве можно усомниться в художественной достоверности строк Заболоцкого о свободе, которую несчастные узники Колымы получали чаще всего в придачу к смерти?

*Не нагонит больше их охрана,
Не настигнет лагерный конвой,
Лишь одни созвездья Магадана
Засверкают, встав над головой.*

И не о том ли же повествует А. Жигулин в своей книге «Черные камни», фиксируя как добросовестный летописец «сталинской Колымы» устрашающие подробности смертей заключенных в лечебной зоне и обряда похорон: «Равнодушный вахтер сверял номер личного дела с номером уже готовой таблички, трижды прокалывал покойнику грудь специальной стальной пикой, втыкал ее в грязно-гнильный снег возле вахты и выпускал умершего на волю». Главу «Кладбище в Бутугычаге» Жигулин заканчивает своим стихотворением 1961 года, в концовке которого есть очевидная реплика со «звездами, символами свободы» Заболоцкого:

*Спускалась ночь на снег погоста,
На склад гранитного бугра
И тихо зажигала звезды
Там,
Где чернели
Номера...*

Известно, как часто в стихах Заболоцкого, особенно в послевоенных, встречается слово «душа» и какое для поэта это емкое понятие. В стихотворении «Где-то в поле возле Магадана» о гибнущих заключенных сказано: «Вся душа у них перегорела / Вдалеке от близких и родных...». Истоки этих строк о «несчастных русских стариках», уставших от лагерной жизни, можно усмотреть в горьком признании автора из его письма родным от 6 декабря 1940 года с Дальнего Востока: «Может быть, мы и будем вместе, и отдохнем, и детей вырастим, но душа моя так незаслуженно, так ужасно ужалена на веки веков». Лагерные испытания привели Заболоцкого к мироотношению, лапидарно выраженному в письме уже с Алтая от 18 февраля 1944 года: «...живая человеческая душа теперь осталась единственно ценной». И не о том ли идет речь в одном из поздних его стихотворений «Казбек» (1957) – стихотворении-аллегории, противопоставившем ежедневное выживание народа гневу верховной власти:

*У ног ледяного Казбека,
Справляя людские дела,
Живая душа человека
Страдала, дышала, жила.*

Один только «дух, полный разума и воли», но «лишенный сердца и души» («Противостояние Марса») гораздо меньше значил для Заболоцкого в последние десятилетия его творческой жизни, чем до его тюремно-лагерной «одиссеи фантастических переживаний».

ИСТОЧНИКИ

1. Заболоцкий Никита. Письма Н.А. Заболоцкого 1938–1944 годов // Знамя. 1989.
2. Заболоцкий Н.А. История моего заключения // Огонек. 1991.
3. Шаламов В. Колымские рассказы. СПб.
4. Турков А. Николай Заболоцкий. М., 1966.
5. Жигулин А.В. Черные камни. М., 1989.

Николай ЗАБОЛОЦКИЙ

*Где-то в поле возле Магадана,
Посреди окрестностей и бед,
В испареньях мерзлого тумана
Шли они за розвальнями вслед.
От солдат, от их луженых глоток,
От бандитов шайки воровской
Здесь спасали только околודок
Да наряды в город за мукой.
Вот они и шли в своих бушлатах –
Два несчастных русских старика
Вспоминая о родимых хатах
И томясь о них издалека.
Вся душа у них перегорела
Вдалеке от близких и родных,
И усталость, сгорбившая тело,
В эту ночь снедала души их.
Жизнь над ними в образах природы
Чередою двигалась своей.
Только звезды, символы свободы,
Не смотрели больше на людей.
Дивная мистерия вселенной
Шла в театре северных светил,
Но огонь ее проникновенный
До людей уже не доходил.
Вкруг людей посвистывала вьюга,
Заметая мерзлые пеньки.
И на них, не глядя друг на друга,
Замерзая, сели старики.
Стали кони, кончилась работа,
Смертные доделались дела...
Обняла их сладкая дремота,
В дальний край, рыдая, повела.
Не нагонит больше их охрана,
Не настигнет лагерный конвой,
Лишь одни созвездья Магадана
Засверкают, став над головой.*

1956 г.

Впервые опубликовано
в «Дне поэзии» в 1962 г.

Иосиф Бродский о Николае Заболоцком

«Вообще Заболоцкий – фигура недооцененная. Это гениальный поэт...»

Я думаю, что самые потрясающие русские стихи о лагерях, о лагерном опыте принадлежат перу Заболоцкого. А именно «Где-то в поле возле Магадана»... Там есть строчка, которая побивает все, что можно в связи с этой темой представить. Это очень простая фраза: «Вот они и шли в своих бушлатах – два несчастных русских старика». Это потрясающие слова...»

Из книги С. Волкова «Диалоги с Иосифом Бродским». Москва, 1998, с.153

«Спасибо за память обо мне»

Письма Николая Заболоцкого (1938–1943)

27 февраля 1939 года
(район Комсомольска-на-Амуре)

Родная моя Катенька, милые мои дети!

Я здоров и две недели назад отправил тебе первое письмо. Ответу еще быть рано, но жду его с нетерпением. Мой адрес: г. Комсомольск-на-Амуре, Востлаг НКВД, 15 отделение, 2 колонна, мне.

Работаю на общих работах. Хотя с непривычки и трудно, но все же норму начал давать. Просил послать тебя, если ты в силах, 50 рублей и посылку – сала, сахару, мыла, пару простого белья, 2 пары носков и портянок. Еще, дорогая, я нуждаюсь в витамине С (ц). Говорят, он продается в виде облаток рубля полтора коробка. Если есть – пошли, родная. Также хорошо бы – луку, чесноку. Вещей посылать сюда ценных не нужно.

Родные мои, не проходит часа, чтобы не подумал о вас. О детях наших тоскую я, Катя, и о тебе горюю. Жаль мне вас. Что с вами? Пиши сразу, как получишь письмо, и чаще. Я могу тебе писать 2 раза в месяц. О себе, о детях пиши. Адреса твоего еще не знаю. Пошли бумаги, марок.

Родная, я живу одной надеждой, что дело мое будет пересмотрено. Жду и верю, что будет так. 18 февраля послал заявление Наркомму. Надеемся и ты, родная. Как бы мне ни было трудно, буду стараться терпеливо ожидать ответа Наркома. Родная моя, целую тебя крепко, крепко. Ласкаю и целую родных Никитушку и Наташечку. Если б только знал я, как вы и что с вами.

Будьте же здоровы, терпеливы и благоразумны.

Любящий вас papa Н. Заболоцкий

Очки бы мне нужно от близорукости – 1,75 Д. Пошли, если можно заказать, в футляре.

30 октября 1939 года
(район Комсомольска-на-Амуре)

Милая моя Катя! Еще раз поздравляю тебя с днем твоего рождения, крепко целую и желаю всего хорошего. Вероятно, это письмо придет как раз ко дню твоего рождения.

Я здоров, и больших изменений в моей жизни пока нет. Писем от тебя давно не имею. Последняя открытка была из Москвы от 2 сентября. Кроме этого, была телеграмма из Москвы и телеграмма из Ленинграда с оплаченным ответом. Так как мы давать телеграмм не можем, то ответ остался неиспользованным. Но ты не беспокойся. Я пишу тебе аккуратно дважды в месяц, но временные задержки писем возможны. Тюремные деньги сюда, говорят, пришли, и, возможно, я вскоре получу из них часть. Но использовать их здесь не на что. Последняя посылка от тебя была уржумская, от конца августа. Не знаю, что с вами и где вы теперь.

Если есть возможность – вышли посылку. Сахару и жиров не имею уже больше месяца. Хлеб и каша, впрочем, имеются без ограничения. Но нужен витамин С.

Всякая весть от тебя – большая для меня радость. Жду каждый день. Последние телеграммы были особенно радостны, и теперь я с нетерпением жду результатов пересмотра дела. Не сомневаюсь, что пересмотр будет в мою пользу.

Но, милая Катя, не нужно думать, что все это может произойти быстро. Нужно ждать еще долгие месяцы, и ты должна быть терпелива. Нужно справляться с ходом дела и быть, насколько это возможно, в курсе.

Последнее время особенно мучительно думаю о детях и о тебе. Где теперь вы скитаетесь, бесприютные и одинокие? Где будете жить зиму? А эти переезды, – дети перенесут их, вероятно, очень трудно.

Милая Катя, дела некоторых заключенных ушли на пересмотр, некоторые освобождаются. Все это ободряет меня и подкрепляет мою постоянную надежду, что дело дойдет и до меня. Много я пережил за это время, но тем радостнее будет встреча с тобой и нашими милыми детьми.

Напиши мне, как определяются дела с твоим постоянным местожительством, чтобы я имел точный адрес. Обо всех важных переменах жизни сообщай телеграммами – они доходят быстрее и аккуратнее. Письма пиши чаще, повторяя самое главное, не забывая слать конверты и марки. Я писал о высылке теплой одежды и валенок. Помни, что, кроме валенок, все остальное можно не высылать; лучше выслать продуктов. Здесь уже установилась зима, но мы работаем в помещении, и у нас тепло.

Старые твои письма, июньские и июльские, получил, и вместе с ними – твою маленькую фотографию. Спасибо, моя родная, за твои заботы и память обо мне.

Напиши мне, как у Никитки здоровье и все ли обошлось благополучно? Что говорят лечащие врачи? Растут ли у него новые зубы? Крепкие ли они? Здорова ли доченька? Как чувствуешь себя ты? Пиши все, и подробно, всякая строчка от тебя – радость для меня.

Напиши также – как живет моя книжка Руставели и что с ней? Очень хотелось бы работать, читать, писать. Каким далеким кажется то время, когда я был писателем!

До свидания, моя родная. Будем надеяться, что минута нашей встречи все приближается к нам. Целую и обнимаю вас, моих бесконечно дорогих и милых. Будьте здоровы и терпеливы.

Ваш Н. Заболоцкий

31/X. Сейчас принесли телеграмму. Как я рад, что ты остаешься в Ленинграде! Сама можешь представить мою радость за тебя и детей. Будьте же здоровы, устраивайтесь здесь как-нибудь.

Ваш Н. З.

29 декабря 1939 года
(район Комсомольска-на-Амуре)

Родная моя Катя! Милые мои дети! Через два дня Новый год, еще раз поздравляю всех вас, целую, желаю здоровья и счастья. Сегодня получилась от вас новогодняя телеграмма, спасибо за поздравления и добрые вести о пересмотре дела. Перед этим была телеграмма о передаче дела ленинградскому областному прокурору. Радостно узнать, что дело мое сдвинулось с мертвой точки, крепко надеюсь и жду, что теперь оно примет другой оборот. Милая Катя, в обеих телеграммах ты пишешь, что «дети здоровы», о своем же здоровье как бы умалчиваешь. У меня возникают подозрения, и я начинаю беспокоиться о твоём здоровье. Когда все здоровы, ты пишешь «все здоровы»; о своем же здоровье напиши отдельно. Я с такой нежностью думаю всегда о тебе, ты мне дорога, как никогда, и для детей наших ты теперь единственная опора. Думаю, что, когда я вернусь домой, я буду для тебя лучшим мужем и другом, чем был раньше.

Я здоров, и нового у меня почти нет. Сыт, в тепле, очень много работаю. Твои заботы обо мне и телеграммы крепко поддерживают меня, и я очень тебе за все благодарен.

Рад, очень рад, что хотя временную комнату вы получили. Я не знаю, что это за квартира – кажется, где-то внизу. Пишу пока еще по адресу Лиды, если нужно писать по новому адресу – сообщи. Твоя посылка еще держится, и я питаюсь хорошо. В особенности хорош был язык. Масло съел половину. Чеснок, правда, весь промерз и испортился, несмотря на тщательную упаковку в вату. Я уже писал, милая Катя, твои посылки больше слать не надо, нужно экономить то немногое, что у тебя осталось, да и я здесь не сию голодом.

Быстро идет время. Уже декабрь проходит – один из двух самых морозных месяцев. Погода неровная – то ниже 40°, то довольно мягкая. Нужно сказать, что здешние морозы переносятся значительно легче, чем в Ленинграде. Всю зиму живет с нами в бараке маленький бурундук – нечто вроде белочки – полосатый, маленький. Привык к людям и бегаёт под ногами. Поймали дятла, и он несколько дней жил у нас в клетке, немилосердно долбил палки, жрал гусениц, которых мы вытаскивали из дров, наконец, мы его выпустили. Все эти маленькие забавы иногда скрашивают наши, правда, очень короткие досуги. Слушаем радио, и оно все время говорит сердцу о другом мире – свободном и далеком. Потом опять работа и привычные думы о вас, мои родные. Так идет жизнь и близится март – когда исполнится два года со дня моего ареста. Два года! Сколько мы пережили за это время – и ты, и я! До свидания, моя родная женка, пиши мне также письма, я их давно уже не получал. Никитушку, Наташеньку крепко целую и обнимаю, будьте все здоровы и терпеливы.

Крепко целую тебя. Твой Н. Заболоцкий

1 января 1940 г. Вот уже и Новый год. В 12 часов я мысленно поздравил вас, мои милые. Встречали праздник хорошо: за хорошую работу начальство выдало нам продуктов – колбасы, консервов, печенья, – так что получилось на брата по доброй посылке. Как-то встречали праздник вы? Верю, что будущий Новый год будем встречать вместе. Целую крепко всех вас.

Н. З.

13 марта 1940 года
(район Комсомольска-на-Амуре)

Милая моя Катя! За последние две недели получил от тебя две телеграммы, от 3 и 8 марта, и письмо от 9 января. Перед этим была получена телеграмма от 21 февраля с сообщением о поступлении дела из облпрокуратуры в Прокуратуру Союза, о чем я уже писал тебе в предыдущем письме. Судя по последним телеграммам и письму, ты ждешь окончания пересмотра моего дела буквально на днях. По всей видимости, ты не знаешь, что весь процесс пересмотра может тянуться очень долго. Заключение, дело которого опротестовано Верховным Прокурором два-три месяца назад (судя по письмам родственников), до сих пор еще ждет здесь окончательного разрешения дела в НКВД. Так что будь терпелива и ты. Я твердо верю в то, что пересмотр моего дела освободит меня из заключения, но все это делается не так быстро. Нужно справляться о положении дела – если есть возможность, торопить и ждать.

Я жив и здоров. Больших изменений в моей жизни нет. Большую радость доставляют твои письма и телеграммы, хотя не все из них понятно, так как письма запаздывают. Так, я только могу догадываться, что по каким-то причинам ты должна была выехать из кв. 18, а потом снова вернулась. Как, что и почему – не знаю.

Самая большая моя радость – что ты и дети здоровы. Мальчика я уже поздравлял с днем его рождения и послал ему отдельное письмо. Получил ли он его? Когда получится это письмо – и дочке моей будет 3 года. Целую и крепко обнимаю мою милую доченьку. Помню, как горячо целовал я ее в последний раз – ручки и ножки ее, она смеялась и тихонько говорила «папа». Тогда ей было всего 11 месяцев. Я покинул ее, но как долго она, как живая, была перед моими глазами. Я никогда не думал раньше, что так можно любить детей.

19 марта, через 6 дней, исполнится 2 года моего заключения. Два года из лучшего времени человеческой жизни. Как странно сложилась моя судьба.

Вчера я был очень удивлен. Как всегда, склонившись над столом, я работал. В другом конце барака говорило радио. Транслировалась Москва. Вдруг слышу – артист читает, что-то знакомое. Со второй строчки узнаю – мой перевод Руставели! Битву Автандила с пиратами. Читал актер неважно – но все сердце мое затрепетало от этих полузабытых, но близких строк, и голос московского чтеца прозвучал, как голос с того света. И дальше была музыка – Фантастическая симфония Берлиоза. Это потрясающая вещь, особенно 4 часть. Радио в тайге – большая радость.

Сегодня радио сообщило нам еще новую радостную весть – о заключении мира с Финляндией, по которому Советский Союз добился всего, чего желал. Ты понимаешь, как радостно знать, что безопасность родного Ленинграда теперь обеспечена.

Из посылок, милая Катя, как я уже сообщал, я получил только одну продуктовую – в плоском ящике – с концентратами и пр. Валенки и пиджак еще не получил – по всей вероятности, местные задержки. Обещают привезти через несколько дней.

Уже совсем было наступали весенние дни, но вдруг погода снова изменилась: зима настоящая. Думаю, что если вещи получу на днях, – я еще успею их поносить.

Представляю себе, как ты замоталась и измучилась, родная моя. Как хочется тихо, молча посидеть рядом с тобой, ничего не говорить, так, чтобы понемногу отходили и успокаивались наши души. Чтобы все прошлое, как мучи-

ГЛАВНАЯ ТЕМА

тельная болезнь, отошло назад и все существо отдыхало бы от пережитых бурь. Будет ли это? Будет. Будем терпеливы. Не будем волноваться и разжигать нетерпением сердца. Будем терпеливы.

Крепко целую и обнимаю тебя, моя родная, и милых наших детей. Коле и Сане (друзья Н.А. Заболоцкого – литературовед Н.Л. Степанов (1901–1972) и поэт А.И. Гитович (1909–1966). – Н.Г.) передай мой сердечный привет. Будьте здоровы, мои бесконечно дорогие.

Ваш Н. Заболоцкий

15-го, вечер. Милая Катя, сейчас совершенно неожиданно получил две посылки – с валенками, пиджаком и продуктами в них. Лук и чеснок совершенно разложились, и все пахнет особым запахом разложившегося чеснока. Но это не смущает меня – ибо все впору, а консервы, конечно, пахнуть не будут. Большое спасибо. Только балуешь ты меня. Сейчас сижу в валенках. Сейчас буду пробовать продукты. Будьте здоровы.

25 июня 1940 года (район Комсомольска-на-Амуре)

Моя милая Катя! На днях получил твое письмо от 31 мая 1940 о том, что Верховная Прокуратура передала мое дело в НКВД для утверждения отмены приговора.

Я всегда твердо верил в то, что мой приговор будет отменен, и я буду реабилитирован. Тем не менее, твое письмо так сильно подействовало на меня, что я до сих пор хожу под его впечатлением. Легче стало жить на свете. Каждую ночь вижу во сне вас, мои дорогие, и Ленинград. Верю, что уже не так долго ждать мне окончательного разрешения дела в НКВД.

Жаль, милая Катя, что так лаконично сообщаясь мне эту радостную весть. По контексту я понимаю, что дело идет о реабилитации. Но юстиция знает 4 причины отмены приговоров: 1) за отсутствием состава преступления, 2) ввиду того, что приговор сделан не по существу преступления (т. е. приговор не соответствует преступлению), 3) ввиду мягкости приговора и 4) ввиду того, что дело недорасследовано и нуждается в дополнительном рассмотрении.

Судя по твоему письму, я делаю заключение, что Прокуратура отменяет приговор за отсутствием состава преступления. Подтверди это в следующем письме, если ты в курсе дела.

Поразила меня карточка детей. Какие большие они стали! Никитка совсем уже мальчик и смотрит так серьезно. Он очень хорошо пишет. Наташенька такая милая и толстая. Почему ты опять не снялась с детьми? Спасибо тебе за то, что ты сохранила и сберегла детей. Одной тебе они обязаны всем. Я очень хорошо знаю, моя милая женка, что часто тебе приходилось труднее, чем мне. Но ты должна чувствовать, что дети, ради которых нам так часто приходится переносить столько трудностей, – они же и спасают самих нас, дают нам силы в нашем несчастье. Так уж нас устроила природа. Чего не вытерпишь ради детей. Порой жизнь кажется такой нестерпимой, но как только вспомнишь детей, – чувствуешь – надо жить, надо добиваться правды; веришь – что минуют беды и жизнь снова вступит в свое нормальное течение.

Ты просишь меня беречь себя – я более чем прошу тебя о том же. Ты не должна забывать о себе. Ведь при твоей просьбе я иногда улыбаюсь, но все же нахожу некоторые

возможности исполнять ее. Я знаю, как трудно тебе заботиться о себе. Но сколь возможно, ты должна научиться делать это – для детей же в первую очередь, наконец – для меня, который теперь уже имеет реальную надежду возвратиться к семье, – к тебе и детям.

Я, к счастью, физически здоров, и за все мое заключение болел очень мало. Мой организм оказался крепче, чем я сам предполагал. Душевно я, конечно, очень утомлен от всего пережитого. Но я отдохну, когда буду с семьей.

В моей жизни больших изменений нет. Живем мы на старом месте, почему я и прошу писать по старому адресу, на поселок Старт. Когда будем переезжать – в точности неизвестно. Питание, как я уже писал тебе, у нас улучшилось, и я всегда сыт. Нет только сладкого. С работой своей я вполне справляюсь и за этот месяц, думаю, буду иметь выработку не менее 120 процентов нормы, хотя нормы у нас нелегкие. Белья у меня достаточно, обувь в порядке. Сейчас у меня длинная борода и усы, но так как устанавливаются теплые летние дни, я на днях срежу всю эту историю и опять буду ходить бритым.

Недавно удалось прочитать «Войну и мир» Толстого. Эта книга доставила мне столько счастливых минут, и мне так было жаль, что не было тебя вместе со мной, чтобы поделиться впечатлениями. Как я люблю Толстого! Какой он умный наблюдатель жизни и какой большой художник!

Твое решение не ехать в Уржум за вещами, так как дети дороже, – я вполне одобряю. Относительно готовальни – ничего покупать и посылать не надо, так как сейчас у меня есть хорошие инструменты и я ни в чем этом не нуждаюсь. Сыты ли вы, родные мои? Скорее бы, скорее мог я снова кормить наших милых детей!

До свидания, моя женка, крепко целую тебя и благодарю за радостное письмо. Я терпеливо жду своей очереди и уверен, что все будет хорошо. Целую моих больших деток.

Будьте здоровы и не забывайте вашего папу. Сердечный привет деду.

Ваш Н. Заболоцкий

28 сентября 1940 года (район Комсомольска-на-Амуре)

Милая Катя! Я жив и здоров. Живу по-старому на старом месте, и нового у меня ничего нет. Работаю архитектурным чертежником, те свободные минуты, которые остаются от 11 часов работы, – отдаю технической литературе и понемногу повышаю свой технический минимум. Стоят последние дни осени, ожидаем снега с часу на час.

Письма твои получаю редко. Как уже сообщал, в течение последнего месяца получил разом 3 твоих письма с фото детей. С тех пор ничего не получал и не знаю, что с вами.

Ввиду того, что абсолютно все время занято, – некогда сучать и тосковать. Кончишь работу, засыпаешь как убитый и если и просыпаешься – то только от холода. Так идет день за днем – одинаковые, без переживаний, без мысли. Очень рад, что стал теперь заниматься техникой, чем заполняю пустоту в голове, с которой никогда жить еще не приходилось.

Что мне нужно? Штаны. Какие-нибудь старые, что ли, только чтобы были прочные и потеплее. Вид их безразличен, и кто носил раньше – тоже. Если подвернется случай – вышли, пожалуйста. А то эти синие уже носятся, не снимая, 2 года и уже разваливаются, не говоря уже о том, что вид имеют самый фантастический. И если будешь их высылать, пожалуйста, не забудь махорку или табаку хотя самого дешевого, но

побольше. Пропадаю без табаку и достать негде. Впрочем, и штаны и табак не важны, ибо можно обойтись и без них.

В последнем письме выслал тебе доверенность на получение облигаций. Это уже третья по счету. Сообщи, получила ли ее. И прошу написать правду о результатах дела, не скрывая ее от меня (если она тебе известна).

Что еще написать тебе? Все вы, мои родные, по ком я сходил с ума столько времени, теперь глубоко-глубоко погребены в моей душе, и уже мысль моя с робостью и болью старается не касаться этого наболевшего места. Что толку? Надо жить, пока живется, и ждать того времени, когда твоя жизнь снова будет походить на жизнь человеческую.

До свидания, родная. Целую и обнимаю тебя и детей и всем сердцем желаю вам терпения и здоровья.

Ваш Н. Заболоцкий

**11 ноября 1940 года
(Комсомольск-на-Амуре)**

Моя милая Катя! Вот и прошли праздники, и я хорошо отдохнул в течение этих трех дней. Понемногу обживаемся на новом месте в Комсомольске и привыкаем к новым условиям. Ходить приходится в день в общей сложности километров по 12 – до места работы и обратно. Это отчасти и хорошо, так как это время проводим на свежем воздухе и в движении, что представляет хороший контраст моей неподвижной работе. Плохая сторона хождений – время отдыха сокращается вдвое, и в результате значительно больше устаешь. Зато работаю теперь в настоящем большом каменном здании. Я так отвык за эти годы от настоящих домов, что вначале даже странно было видеть себя в обстановке городского дома. В бараке, где живем, удобства меньше, но зато тепло. Адрес мой несколько меняется. Письма нужно адресовать так: г. Комсомольск-на-Амуре, п/я 99/к, Штабная колонна, мне. Этот адрес обязателен; письма, согласно приказу, будут приниматься только с этим адресом. Название отдела проставлять не нужно.

На праздниках выдали зимнее теплое обмундирование, хорошего – для лагеря – качества: теплый бушлат, шапку-финку, ватные брюки, шарф, рубашку. Кажется, выдадут еще теплые бурки. Так что я теперь обеспечен на все время работы в Управлении еще и казенной теплой одеждой. Кормежка сносная, и количественно ее, в общем, хватает. Правда, нет жиров и сахара; сильная нехватка табаку.

Совсем случайно попался в руки мой Руставели, причем на заглавном листе стоит «Перевод с грузинского. Обработка для юношества», и все. Грустно было видеть эту осиротелую книгу, хотя и утешительно было узнать, что работа даром не пропала и не опорочена по существу. В случайно и редко попадающихся книгах читаю иногда чужие стихи и по ним стараюсь почувствовать, чем и как живут старые знакомые. Грустно было прочесть Санины (А.И. Гитович. – Н. П.) стихи «Давным-давно, не зная почему».

14 ноября. Вчера получил твое письмо от 25/X – с сообщением об ответе Прокуратуры. (В ответе Верховной Прокуратуры от 15 июля 1940 года говорилось: «На В/заявление Прокуратура сообщает, что дело Заболоцкого Николая Алексеевича перепроверено. Установлено, что он осужден правильно и оснований к пересмотру дела нет» – Н.Г.). Оно удивило меня, в особенности, если учесть майское сообщение об отмене приговора. За меня ты не бойся, моя родная, – я спокойно читал его; только бесконечно жаль

было тебя и детей. Непокойное время теперь.

Что касается дальнейших заявлений, то я подумаю и, может быть, в дальнейшем напишу. Видишь ли: невозможно оправдаться, не зная конкретно, в чем тебя обвиняют. Ведь если бы было всерьез все то, о чем я писал раньше и в чем меня конкретно обвиняли, – я бы теперь был уже на воле. Оно, по-видимому, так и вышло: со своим заявлением я ломился в открытую дверь. А в чем дело – угадать невозможно.

Доверенность на получение пая я выслал тебе в октябре – теперь ты, очевидно, уже получила ее. Несколько раз сообщал тебе о получении двух сентябрьских посылок из Луги – аккуратно ли ты получаешь мои письма? Сейчас я не понял хорошенько – ты еще две посылки послала или пишешь о тех двух? Имей в виду на всякий случай, что я решительно прошу тебя не беспокоиться обо мне и часто посылки не высылать. Я сыт, обут и одет и живу сносно, ты же должна думать не только о себе, но и о детях.

Скоро кончится 8-й месяц 3-го года. Время идет. Будем жить и работать и надеяться, что через 2 года мы будем вместе. Это как будто все, что нам остается и что подсказывается нам нашим благоразумием. Крепко целую тебя и благодарю за все, моя родная; только не отчаивайся, береги себя и детей. Никитушку и Наташеньку нежно целую. Получил ли Никитушка мое письмо, высланное с неделю назад?

Твой Н. Заболоцкий

**Из письма от 6 декабря 1940 года
(в одном конверте с письмом от 3 декабря)**

Получил сегодня твою открытку от 17 ноября. Кажется, сама скорбь писала это маленькое письмецо. «Устала немного» – пишешь ты, и я готов плакать над этим «немного», моя бедная детка, мой усталый друг. И образ болезненного одинокого мальчика с его недетским горем встает передо мной – твой «индюшонок». Может быть, мы и будем вместе, и отдохнем, и детей вырастим, но душа моя так незаслуженно, так ужасно ужалена на веки веков. Неужели во всем этом есть какой-то смысл, который нам непонятен?

Из письма от 19 апреля 1941 года

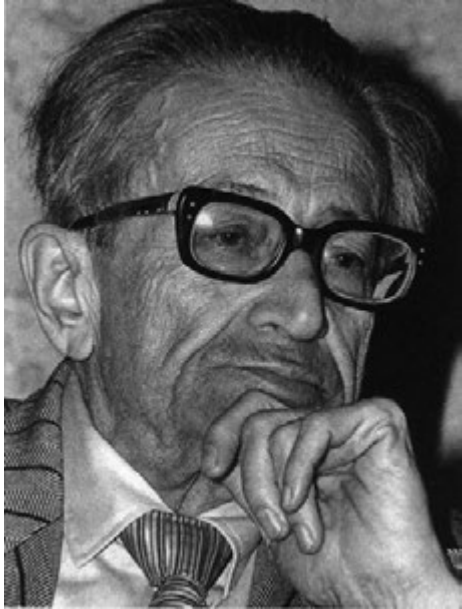
Получил телеграмму о высылке хрестоматии. Ты мне оказала большую услугу...

Стал и я стареть. Все явственней обозначается лысина, появились морщины, в коже нет прежней упругости, свежести. Время и лишения делают свое дело. Из одной жизни я провалился в другую и смотрю теперь оттуда на вас глазами иного человека, малопонятного для вас и уже многими, вероятно, забытого... Если бы я мог как следует отдохнуть, отоспаться и передумать много, много мыслей, которые уже давно ждут своей очереди и которыми заниматься некогда! Моя голова еще хочет думать, она еще не утратила этой способности, и одно это обстоятельство уже радует меня. Не мне одному тяжело в заключении, но мне тяжелее, чем многим другим, потому что природа одарила меня умом и талантом. Если бы я мог теперь писать, я бы стал писать о природе. Чем старше я становлюсь, тем ближе мне делается природа. И теперь она стоит передо мной, как огромная тема, и все то, что я писал о природе до сих пор, мне кажется только небольшими и робкими попытками подойти к этой теме.

Журнал «Знамя», январь 1989 года

Баллада о баланде

Письмо Асира Сандлера Никите Николаевичу Заболоцкому*

Сандлер Асир Семенович (1917–1996), писатель, журналист, фотокорреспондент.

Родился в Баку в семье работника таможни. Учился на факультете русского языка и литературы Института заочного педагогического образования и повышения квалификации педагогов. С 1936 по 1938 год служил полковым учителем в зенитно-артиллерийском полку в Баку. В декабре 1941 года арестован по ложному обвинению. Военный трибунал Закавказского военного округа вынес Сандлеру смертный приговор, но после ходатайства о помиловании его заменили 10 годами ИТЛ. 1944–1946 годы – этап в Благовещенск близ Кулунды. Содержался в лагере для бытовиков (Касли Челябинской области), работал на заводе художественного литья. 1947 год – пересыльный лагерь в бухте Ванино. 1947 – конец 1948 года – этап на Колыму, где Сандлер находился в лагере около поселка Ягодного, затем работал на прииске «Штурмовой». С 1949 до середины 1952 года прошел через особые лагеря на Колыме, в том числе Берлаг. С 1952 года в качестве ссыльного жил на окраине Магадана. В 1956 году полностью реабилитирован. В 1964 году встречался с Ильей Эренбургом.

До конца своих дней Асир Сандлер жил в Магадане, работал в местной печати. Он автор двух книг, вышедших в Магадане: «Узелки на память» (1988), «Современники ГУЛАГа» (совместно с М.М. Этлисом, 1991). В 1991 году участвовал в открытии памятника жертвам политических репрессий на «Серпантинке» – месте бывшей колымской внутренней тюрьмы смертников.

[...] Мне в известном смысле «повезло». Я был на крупнейших стройках, где находились и писатели, художники, ученые, деятели во всех областях жизни, масштабные люди. Все примечательное с моей точки зрения я зашифровал. На нитках, которые не отбирались, поскольку ремонт одежды поощрялся: «узелковое письмо», описанное Джеком Лондоном. И вот накопленное за столько лет, переданное всякими законными, а больше незаконными способами за пределы зоны, но перепутанное невероятно я, начиная с пятидесяти седьмого года, расшифровывал. Напрасно надеялся на свою, пусть и тренированную, память. Целый ряд фамилий и дат я не записывал. Тогда мне казалось, что буду их помнить вечно. Но это только казалось...

Моя встреча с Николаем Алексеевичем Заболоцким произошла вследствие того, что я был судим Военным трибуналом Закавказского военного округа. А кодекс Азербайджана по нумерации статей резко отличался от кодекса Российской Федерации. И вместо 58-й статьи с ее бесконечными пунктами у меня были 72-я и 73-я и еще какая-то, что в кодексе Российской Федерации означало мелкую уголовщину с невероятно большим сроком. Вот меня и загоняли частенько не туда, не по назначению. Так я попал на Алтай.

Начальство было столь благосклонно, что сообщило о том, что через пару недель нас этапируют на Колыму, поскольку к ним мы попали по ошибке. Было нас двое: я и девятнадцатилетний Тедди, поэт божьей милостью. И вот нас водворили в какую-то тюрьму не тюрьму, КПЗ не КПЗ. Там были еще двое – студенты-свердловчане, издававшие на литфаке какой-то рукописный журнал, за что и получили по десять лет. И так, нас оказалось четверо.

Узелковое письмо Асира Сандлера

* Из книги: Сандлер А.С., Этлис М.М. Современники ГУЛАГа: Книга воспоминаний и размышлений. Магадан, 1991 (глава восьмая, «Встреча»)

Днем к нам завели еще одного человека. Человек этот расположился очень уверенно, обстоятельно. По всему чувствовалось, что тюремный опыт у него есть. Познакомились. Николай Алексеевич был значительно старше нас. Табачок у него был, а спичек не было. Мы быстренько закрутили в плотный жгут клочок ваты из телогрейки и начали быстро тереть, катать с помощью специальной дощечки по полу. В определенный момент, когда уже почувствуется слабый запах горелого, вату надо быстро разорвать посередине. И можете прикуривать.

Сказать, что Николай Алексеевич проявил себя общительным, никак нельзя. Он только сообщил, что его вызвали для встречи с прибывшим начальством по линии госбезопасности. Я никак не мог понять, к какому контингенту он принадлежит. Заключенный? Ссылный? Спецпоселенец? И прямо спросил его об этом. Он ответил, что сейчас уж и сам не знает, кто он. О своей работе сказал:

– Чертим разные бумажки.

Меньше всего я думал, что передо мной один из крупнейших поэтов России. [...]

Шли дни. Нас никто не вызывал, а Николая Алексеевича тревожили, и каждый раз, я это чувствовал, он приходил все более спокойным.

Вызывали нас не по фамилиям, а по номерам. Так что мы даже не знали, с кем рядом ежедневно находились. Примерно на десятый день Николай Алексеевич сказал, что с ним вроде разобрались и скоро отправят в Кулунду.

Вечерком, после так называемого ужина, Тедди сказал:

– А жрать-то уж больно хочется!

Я предложил:

– Давайте напишем балладу о баланде. Противопоставим блатному фольклору если не поэзию, то хотя бы эрудицию.

И Николай Алексеевич, молчаливый, серьезный, занятый своими раздумьями, вдруг сказал нам, что и он включится в создание баллады, но если только будет выработан твердый, строгий план. Чем очень нас удивил.

План был выработан. Начало предложил Тедди:

В Шервудском лесу догорает костер...

Николай Алексеевич сказал, что первые восемь строк он берет на себя, вторые восемь беру я, третьи восьмистишие берет Тедди и так далее.

И вот что появилось на свет.

Первым начал Николай Алексеевич:

*В Шервудском лесу догорает костер,
К закату склоняется день.
Охотничий нож и жесток, и остер –
Сражен благородный олень.*

*Кровавое мясо соками шипит
И кроется ровным загаром...
И фляга гуляет, и ляжка хрустит –
Охотились день мы недаром.*

Дальше продолжил я:

*Хрустальные люстры сияние льют,
Джаз-бандом гремит казино:*

*Здесь ломится стол от серебряных блюд
И кубков с янтарным вином.*

*Изящный француз распекает слугу,
От виски хмельны офицеры...
Слегка золотится фазанье рагу
Под соусом старой мадеры.*

Тедди:

*Чалмою завился узорчатый плов,
Пируют Востока сыны, –
Здесь время не тратят для суетных слов,
Молчанию нет здесь цены.*

*И вкрадчиво пальцы вползают в рис,
А жир ароматен и прян!
И красные бороды клонятся вниз,
Туда, где имбирь и шафран.*

Николай Алексеевич:

*Огромная ложка зажата в руке,
Кушак распустил белорус:
Горшок со сметаной и щи в чугушке,
И жирной говядины кус.*

*И тонет пшено в белизне молока,
И плавает в сале картошка!..
Проходит минута – и дно чугушка
Скребет деревянная ложка.*

Тедди:

*Но сочный олень и фазанье рагу,
И нежный, рассыпчатый плов,
И каша, что тонет в молочном снегу,
И вкус симментальских быков...*

Николай Алексеевич, перебивая, экспромтом:

*Ах, всех этих яств несравненных гирлянда
Ничто, по сравнению с тобой, о баланда!*

Тедди:

*В тебе драгоценная кость судака,
И сочная гниль помидора,
Омыты тобой кулинара рука
И грязные пальцы надзора!*

Я:

*Клянусь Магометом, я вам не солгу,
Хоть это покажется странным,
Но кость судака – благодатней рагу,
Крапива – приятней шафрана.*

*Пусть венгры смакуют проклятый гуляш,
Пусть бигосом давятся в Польше,
А нам в утешенье – чудесный мираж,
Тебя, ненаглядной, побольше.*

«Баллада о баланде» состоит из пятидесяти строк, из которых восемнадцать принадлежат Николаю Заболоцкому. Она широко была известна на Колыме, Чукотке, в Тайшете в далекие минувшие годы; нынешние колымчане и магаданцы – совершенно иные люди – имеют весьма смутное и искаженное представление о Колыме тридцатых, сороковых и даже пятидесятих годов.

Балладу знали на память многие литераторы, поэты, прозаики, художники, скульпторы, ученые. Писатель Борис Ицын, поэт Валентин Португалов, скульптор Михаил Ракидин, художник Соколов-Островский.

«Баллада о баланде», в конце концов, шутка голодных людей, обладающих чувством юмора, оптимизмом и тем, что называют стойкостью духа.

Когда баллада была окончена, каждый выучил ее по одному-единственному экземпляру, ибо сочинялась она без бумаги и карандаша, поскольку средства связи у нас изымались. Был крохотный огрызок карандаша и один листок серой оберточной бумаги. [...]

Наступил час, когда мы должны были расстаться. За день до этого на вечерней поверке дежурный сказал:

– Заболоцкий! Готовься, завтра уйдешь!

Вечером все долго молчали. И вдруг Тедди взорвался:

– Как вам не стыдно, Николай Алексеевич! Я думал, что вы бухгалтер, а вы ведь поэт Заболоцкий?! Почему же вы об этом не сказали раньше?

– А что бы это изменило?

– Я считаю себя поэтом совсем молодым и неопытным, но поэтом. Сколько же я вам прочел бы и узнал от вас! Это же академия!

Николай Алексеевич, отечески улыбнувшись, ответил:

– Литературой и поэзией будем заниматься после «империалистической буффонады». Кажется, так нам обещал Лев Толстой? (Имеется в виду шутка, когда Заболоцкий, Сандлер и Тедди устроили спиритический сеанс: вызывали дух Толстого и спрашивали у него, когда же наступит долгожданная свобода. И классик «ответил»: «После империалистической буффонады». – Примеч. ред.). Работай все время, всюду и каждый день. Первую книжку пришлешь мне на рецензию. Ну а ты, – это уже ко мне, – версификатор, отличный версификатор на уровне многих. Но – не надо. Ты по призванию журналист, найди свой стиль, себя и – с богом!

Он ушел, оставив нам весь свой запас табаку. И перед уходом:

– Так значит, в Москве, после буффонады...

Сказано совершенно будничным, ровным, тихим голосом, без малейшей аффектации.

Прошло тринадцать лет. В 1957 году писатель Натан Забара после реабилитации уезжал в Киев. В списке лиц, с которыми он хотел встретиться, был и Н. Заболоцкий. Я передал с ним записку. В ней был мой магаданский адрес и сообщение, что месяцев через десять буду на материке, увидимся. А подпись была такая: «В Шервудском лесу костер догорел. Асир».

Через месяц получил открытку, крайне лаконичную: «Поторопись. "К закату склоняется день". Н.З.».

В ноябре 1958 года я прибыл в Москву... С опозданием.

Вот и все основное, Никита Николаевич.

С уважением.

28 апреля 1978 года

Долгое возвращение*

Валерий ЯНКОВСКИЙ

Янковский Валерий Юрьевич (1911–2010), писатель. Арестован в январе 1946 года (6 лет ИТЛ «за оказание помощи международной буржуазии»). Пересмотр дела – 10 лет ИТЛ. Приговор военного трибунала: 25 лет ИТЛ. Места заключения – пересыльный лагерь «Шестой километр» на Первой речке (Владивосток), зона усиленного режима (ЗУР), отдельный лагерный пункт (ОЛП) (пос. Таврический), Уссурийская следственная тюрьма, ИТЛ Ванино, ОЛП в Певеке (лагерь Чаун-Чукотского Горнопромышленного управления Дальстроя). Освобожден в 1952 году.

* Отрывок из книги В.Ю. Янковского «Долгое возвращение: Автобиографическая повесть. – Ярославль: Верхнее-Волжское кн. изд-во, 1991. – 160 с.

Из Уссурийска я угодил на этап в Хабаровск, в тюрьму на Красную речку. И снова оказался в интернациональной камере. На этот раз там сидели два пожилых корейца и японец средних лет. Кабата был взят в плен как сержант Квантунской армии. Но позднее, во время фильтрации военнопленных, какой-то дотошный оперативник установил, что тот ранее служил в жандармерии, и этого было достаточно, чтобы заработать семь лет ИТЛ. Теперь он сидел в ожидании этапа и очень эмоционально рассказывал о своей работе на совхозных полях Сибири. Он был в восторге от богатства, необъятности сибирской земли, но никак не мог понять, почему русские так странно к ней относятся. Болтал по-русски:

– Ай-яй-яй, какой там картошка! Как мой кулак! Много, много. Только я копаю, собираю, а бригадир кричит: «Чего тихо копаешь?» Я говорю: «Очень хороший картошка, все собираю». А он: «Картошка не важно, гектар надо. Давай вперед, скорей, скорей!» Ай-яй-яй, такой хороший картошка – все на поле бросали. Зачем гектар?

Загоревший до черноты на сибирских ветрах крепкошбрюнет горестно качал головой, в которой не укладывался смысл такой уборки...

Один из пожилых корейцев гадал по руке. Когда я заговорил по-корейски, он проникся большой симпатией ко мне и предложил погадать. Долго, насупившись, рассматривал мою ладонь, качал головой:

– Для вас очень опасны сорок лет (мне было 36). Не знаю, переживете ли. Но если обойдется, жить вам далеко за семьдесят.

Оказалось, в нашей камере вели подкоп. Ушли далеко, но попались, и все участники, в том числе и я как потенциальный беглец, загремели через Комсомольск на бухту Ванино. Здесь я впервые ехал в «столыпинском вагоне». Кто говорит, что Столыпин создал «ужасные вагоны для арестантов»? Это комфортабельные купе, только отгороженные от коридора решеткой. Но они создавались на троих арестантов, а нас везли 18! По шесть человек на койке.

В Комсомольске с левого берега на правый переправляли на пароме, и я не мог оторвать глаз от мощи Амура в его нижнем течении. Вот уж где правда – чуден Амур при любой погоде! И, наконец, – Ванино.

О, через эту бухту прошли тысячи тысяч! Станный городок на холме на берегу Татарского пролива, обнесенный высоким деревянным частоколом наподобие старинного острога. Только, разумеется, с колючей проволокой поверх частокола. Целых пять зон, разделенных воротами и вахтами внутри городка. Когда нас (...) запустили в главные ворота, один из принимавших, обыскивая, вдруг задал показавшийся мне странным вопрос:

– Слушай, мужик, а ты не из жучков?

Видно, я еще как-то отличался от серой однородной колонны зеков или одет был получше. Кажется, на мне еще была чудом уцелевшая замшевая курточка из Кореи.

В Ванино я пробыл с октября по декабрь. Этапы шли за этапом: с колес на пароходы и обратно. И здесь я впервые наблюдал сознательный акт членовредительства. Молодой урка по кличке Колыма панически боялся отправки на Крайний Север. Кажется, он уже нюхнул Колымы, откуда и его прозвище. Я задержался возле чурбака, на котором он, дневальный барака, колот растопку; в этот момент по устной лагерной почте пришло сообщение: «Завтра этап!» Услышав жуткую весть, уголовник покрыл всех и вся страшным матом, опустил левую кисть на чурбан и одним махом отрубил себе все четыре пальца! Голубовато-белые обрубки отлетели в кучу щепок, а лежавшая на чурбане культя странно посинела, но кровь из ран сразу не появилась. Колыма взвыл зверем, зажал беспальную ладонь здоровой рукой и бросился в санчасть. Возможно, он и угодил «на колеса» – железнодорожный этап куда-то внутрь страны, что, мне кажется, ничуть не лучше Колымы. И вряд ли лучше остаться калекой на всю жизнь.

Вскоре я пристроился «на работу»; сначала баландером, а потом гробовщиком. Баланду мы с напарником разносили в большой деревянной бочке. Получали ее на кухне, продевали под дужку крепкую палку, брали концы на плечи и разносили по баракам. Мы обеспечивали дальние бараки, где были собраны прибалты – литовцы, латыши, эстонцы. Русоголовые, молчаливые, какие-то тихие и покорные. Очевидно, битая шпана отняла в дороге у безропотных людей все, что могла: у них не было ни мисок, ни ложек, ни котелков, хотя все были одеты в полувоенную форму с пилотками на бритых головах. Они жались в углу длинной палатки, молча подставляя под черпак мутной баланды свои пилотки. Паечка сырого хлеба и два черпака этой теплой серой бурды в день – долго ли протянешь?

Однажды при переходе через канаву у напарника оборвалась перемычка его самодельного сабо. Он упал, бочка опрокинулась, содержимое поплыло. Мы в ужасе глядели на пролитый для сотни людей обед. Но самое впечатляющее заключалось в том, что когда эта мутная волна схлынула, на дне канавы осталась лишь едва заметная полоска перловой крупы...

Лагерная поговорка гласит: «Все, что положено – в котел заложено». Думается, на котел отпускалось больше, однако львиная доля уходила лагерной обслуге и блатной братии, которой кишели все пересылки.

Из баландеров нас тут же прогнали, но вскоре я втерся гробовщиком. Их тоже слегка прикармливали. А доходяги таяли на глазах. Я проработал в новой должности недели три и хорошо запомнил, что самым «неурожайным» был день, когда мы сколотили из горбыля тринадцать длинных ящичков, а рекордным – когда потребовалось девятнадцать.

Началась новая лихорадочная подготовка к побегу. Целой группой сидели ночью уже с веревками и крюками для штурма ограды, когда сквозь щель заметили в ку-

ГЛАВНАЯ ТЕМА

стах огонек папиросы. Стало ясно: кто-то продал, и там нас ждут автоматчики. Если б не эта папироса...

В декабре, в лютый мороз снова заговорили об этапе на Север. Отбирали по упитанности. Комиссия заставляла раздеваться догола, поворачиваться, приседать, нагибаться. Тех, на ком еще оставалось сколько-то мяса, отправляли в отдельный пустой барак. Там велели все снимать, бросать в кучу и бежать в другое отделение, где якобы выдадут «полное северное обмундирование». К этому времени многие, в том числе и я, припасли кое-какие теплые вещички. Кто поумнее, их пронес. А наивные получили и натянули на голое тело далеко не северное обмундирование: правда, новые, но очень тонкие стеганные, на подкладке с цветочками куртку и брюки, ушанку, по паре портянок и простые ботинки. А так мечтали о валенках и действительно теплой одежде! Нет, оказалось все, ты экипирован для Севера, а там как знаешь. В таком виде и загнали в трюмы большого теплохода типа «Либерти» – «Красногвардеец», из тех, что нам отпускали по ленд-лизу союзники во время войны.

Эта десятилетиячная цельнометаллическая громадина так промерзла к моменту нашей погрузки, что все борта, переборки, пол и потолок трюмов сверкали покрывшей их в палец толщиной сизой изморозью. По обеим сторонам огромных «кают» тянулись свежесколотенные трехъярусные нары из нестроганного, сырого, а потому тоже покрытого куржаком леса. На верхний ярус таких нар я и забрался с группой дрожавших, как в лихорадке, зеков, натянувших на плечи подхваченный где-то обрывок серого брезента.

Вскоре раздали пайки хлеба. Но он был так проморожен, что даже здоровые зубы были бессильны отгрызть хоть кусочек. Эти пайки оттаивали кто как мог: под мышкой, на животе, между ног.

Наконец, зашумели дизеля, раздался гудок, теплоход вздрогнул и отчалил. Вскоре началась качка, но никто не прилегал, ибо это означало замерзнуть. Мы, как воробы, сидели плотной кучкой, глядя вниз. А в трюме бушевал блестящий бал! Замерзающие люди прыгали с нар и кружились на скользком железном полу в каком-то диком танце. Трюм сверкал в лучах электрических лампочек, а пары кружились, скользили, падали, но вскакивали и снова неслись в вихре этого трагического танца. Роскошный бал! Временами чудилось, что я слышу бравурную музыку, какой-то сатанинский оркестр.

И вдруг прямо напротив нас, видимо, от качки, с грохотом рухнули наскоро сколотенные нары. Раздался жуткий звериный вой. А когда разобрали обломки, увидели на железном полу то, что осталось под ними: какие-то странные лепешки, словно раскатанные из теста фигурки-игрушки. Их вынесли на палубу и, говорят, бросили в море...

На четвертые сутки пришли в Находку, но корабль с замерзающими людьми продержали на рейде еще день, в то время как все остатки тепла были израсходованы. Наконец подошли к пирсу, бросили сходни, дали команду выходить, но большая часть двигаться не могла. Несколько сот трупов поехало под сопку, а колонна полукалек тащилась от пирса уже без строя.

Я сильно приморозил большой палец левой ноги, но был в числе ковыляющих своим ходом. Вонючий барак оказался раем. Тут удалось выменять на пайку хлеба очень приличный полушубок – в тепле можно день и на баланде пролежать. Однако радовался недолго. Ночью, пока бежал в сортир, увели выданную в Ванино телогрейку на подкладке с цветочками. Остался поистине в нагольном тулупе. А обмороженный палец разнесло, он посинел. К великому счастью, взяли в стационар, предложили ампутировать. Отказался. Тогда стали лечить. Никогда не забуду доктора – зека Беляковского. Худой, сутулый, он сидел с 37-го года, побывал на Колыме и еще бог знает где, но остался человеком. Пожалел. Когда я стал поправляться и уже мог ступать, он продержал меня еще несколько дней в роли санитаря. Хотя двадцатипятилетников держать строго запрещалось, и он, конечно, мог пострадать.

Этот маленький в низком темном бараке стационар порта Находка – лучший курорт в моей жизни: тепло, больничный паек, уход, лечение. Корыто, в котором можно помыться. По утрам 200 граммов белого хлеба!

Мы лежали на нарах-вагонках: трое внизу, трое наверху. Многие – активированные, возвращавшиеся с Чукотки. Большая часть их этапа за два года осталась лежать во льдах мыса Шмидта на берегу Северного Ледовитого океана. А те, что выбрались, были уже инвалидами. Их активировали за негодностью и теперь оформляли документы. Каждый день кто-то получал литер на поезд и сухой паек: хлеб, селедку, сахар на дорогу до дома. Кто ехал в Сибирь, кто на Украину, в Россию или Белоруссию. Со мной на нижних нарах лежали Иван и Лешка. Иван часто вспоминал родных, жил близкой встречей. Улыбался застенчиво: «Работать по-настоящему уже не смогу, но сторожем в колхозе возьмут. Все ж повидаю родителей, родные места. А все проклятое окружение...». Все они отбывали срок за немецкий плен. Алексей больше молчал. Ел жадно, родных не поминал.

Утром фельдшер назвал фамилию Ивана: «Идите на укол». Тот встал, прошаркал за занавеску, где делали назначенные врачом процедуры. Занавеска из старой простыни, сквозь нее отчетливо просматривались силуэты. Была видна тень Ивана, его согнутая рука, рука фельдшера со шприцем. Но вот тени разъединились, занавеска колыхнулась. Как-то виновато улыбающийся Иван, придерживая пальцем ватку, медленно шел на свое место. Дневальный разносил утренний паек – по ломтику белого и черного хлеба. Мой положил слева, на моей тумбочке, паек Ивана и Алексея на тумбочку в правом проходе между нарами. Увидев хлеб, Иван заулыбался еще радостнее и двинулся в обход стоявшего поперек барака топчана. Почти его обошел, как вдруг сказал: «Ой-ой», покачнулся, присел на топчан, потом прилегал и, издав протяжный звук, вытянулся...

Больные закричали, вбежал доктор Белявский, пощупал пульс: «Камфару!» Сделали укол, но... многострадальный Иван уже отдал богу душу.

В этот момент я услышал какую-то возню и сопение. Оглянулся и замер: молчун Алексей, давясь, всухомятку, запихивал в рот и глотал хлебный паек еще не остывшего товарища. А свой затолкал под подушку...

«Этот край – не наша Родина...»

Судьба корейского писателя Тё Мен Хи

Наталья ГРЕБЕНЮКОВА

Корейский поэт и прозаик, организатор Лиги левых писателей в Корее, член ревизионной комиссии СП СССР Тё Мен Хи (псевдонимы Фо-Сек (Посек), Ро Ижек) – один из основоположников современной корейской литературы. В 1937 году он был репрессирован, в 1938-м – расстрелян, а в 1956 году реабилитирован посмертно и восстановлен в правах члена Союза писателей СССР. В 1958 году по заявлению вдовы писателя Марии Ивановны Хван была создана комиссия по литературному наследию Тё Мен Хи с целью выявления, изучения его произведений, подготовки к изданию двух сборников его стихов, прозы, пьес, воспоминаний о нем (в издательстве «Советский писатель» и в Издательстве литературы на иностранных языках).

В фондах Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова, в архиве А.А. Плешкова (А. Гая), есть материалы, связанные с созданием литературной комиссии. Это предисловие Ли Ги Ена к сборнику избранных произведений Тё Мен Хи, переписанные А. Гаем, выписки из протоколов – заседания секретариата, комиссии по литературному наследию писателя, переписка, перечень его произведений и другое¹.

Тё Мен Хи родился в 1894 году в крестьянской семье в Южной Корее, в деревне Пекамни, расположенной в провинции Северный Чхунчхон. Вырос в нужде, и жизнь приучила его к серьезному труду, терпению и самоограничению. «Его отец был неподкупным синологом, который проводил остаток жизни в горной деревне»². Под сильным влиянием отца находился старший сын, брат будущего писателя – Чо Кон Хи. Впоследствии он проявил своеобразный протест против захвата Кореи японскими империалистами: стал отшельником, уйдя в горы Чжирисан, порвав все связи с внешним миром. Тё Мен Хи был четвертым ребенком в семье, и ему едва исполнилось четыре года, когда умер отец, поэтому воспитывал его старший брат. Учёный и поэт, Чо Кон Хи сыграл большую роль в формировании мировоззрения Тё Мен Хи. В отличие от брата, избравшего пассивное сопротивление захватчикам, Тё Мен Хи принял активное участие в патри-

тическом антияпонском восстании «Первомартовское движение»³.

Начальное образование Тё Мен Хи получил в родной деревне. В ту пору, после смерти отца, семья бедствовала, и мальчику пришлось уйти из школы. Через некоторое время Тё Мен Хи уехал в Сеул и поступил в среднюю школу. Он много читал и мечтал стать писателем.

³ После аннексии Кореи Японией в августе 1910 г. руководители корейского освободительного движения, веря обещаниям американского президента Вильсона о предоставлении независимости Корее, направили делегатов на Парижскую мирную конференцию, но они были арестованы, а собранные ими деньги конфискованы. В Париж была направлена «Декларация независимости Кореи», но и тогда Конференция не обратила внимания на требования корейских патриотов. 1 марта 1919 г. население многих крупных городов и деревень Центральной и Северной Кореи начало устраивать митинги и демонстрации под лозунгом «Японцы, убирайтесь домой!».

¹ ХКМ, ф.52. оп.29, д.30.

² Там же, л.10.

Зимой 1919 года Тё Мен Хи поехал в Японию, поступил на философский факультет токийского Восточного института. Здесь проявился его поэтический дар, за время учебы он написал более ста стихотворений, некоторые были опубликованы в журналах «Чосан чжи куан» («Свет Кореи») и «Казбек» («Сотворение мира»). Многие стихи были включены в его первый сборник «На весенней траве» (1923 г.)⁴. На вечерах, посвященных Первомайскому движению и другим знаменательным датам Кореи, Тё Мен Хи читал свои стихотворения и за агитационную деятельность не раз подвергался арестам. В студенческие годы Тё Мен Хи бедствовал и за несколько месяцев до окончания института, весной 1923 года, вынужден был оставить учебу и вернуться на родину.

С 1924 года он жил в Сеуле. Это время связано с духовными исканиями поэта. Он увлекся творчеством и философией Рабиндраната Тагора, мысли которого о революционных преобразованиях в Индии в сочетании с принципом ненасилия, были близки Тё Мен Хи. Поэт наблюдал нищенскую жизнь горожан, много размышлял. Его мучительным переживаниям и поискам идеала посвящена повесть «Отрывок из записок о жизни». В эти годы в Корею были очень популярны произведения А.М. Горького, и представители нового искусства следовали за пролетарским писателем, разделяя его гуманистическое отношение к человеку. Новому романтизму в духе Р. Тагора Тё Мен Хи предпочел реализм М. Горького: «Да, реализм! Столкнемся с реальностью...» – восклицал он, разглядывая на горизонте долгого духовного заблуждения настоящую миссию и цель литературы⁵.

До 1928 года Тё Мен Хи опубликовал множество произведений прозы, поэзии⁶. Наиболее известны рассказы «Низкое атмосферное давление» (1926) и «Река Накгоган» (1927). Тё Мен Хи был одним из создателей корейской федерации пролетарского искусства КАПП, которая объединилась под знаменем социалистического реализма. Писателя преследовала японская полиция, и в 1928 году, почувствовав угрозу ареста и тюрьмы, он выехал в СССР.

Первые три года жил во Владивостоке и в корейском селе Пуциловка, заложенном в 1870 году капитаном М.И. Пуцилло, который славился своей гуманностью: «Доброе отношение Пуцилло к корейцам было столь широким, что он потратил немало средств из своего жалования, которые не были ему возмещены»⁷. Благодарные корейцы поставили ему два памятника с надписью: «За любовь и справедливость к корейскому народу». К середине 30-х годов XX века численность корейцев в Дальневосточном крае достигла 204 тысяч человек. В крае работали 344 школы, единственный в мире корейский педагогический институт, два корейских педагогических техникума, один сельскохозяйственный техникум, краевая корейская совпартшкола, корейское отделение Высшей коммунистической школы⁸.

⁴ ХКМ, ф. 53, оп. 29, д. 30, л. 10. Несколько десятков лучших его стихов были при издании сборника исключены цензурой японской полиции.

⁵ ХКМ, ф. 52, оп. 29, д. 30, л. 12.

⁶ Там же, л. 5.

⁷ Петров А.И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России. 60–90-годы 19 века. Владивосток, РАН ДВ отделение. 2000. С. 248.

⁸ Пак Б.Д. Корейцы в советской России (1917 – конец 30-х годов) М. – СПб. – Иркутск, 1995. С. 216.

В Пуциловке Тё Мен Хи работал учителем, затем переехал в Уссурийск: его пригласили преподавать корейский язык в техникуме и областной партшколе. Одновременно сотрудничал с краевой корейской газетой «Авангард». После приезда в СССР Тё Мен Хи написал произведение «Под красным знаменем», которое ходило в списках – переписывалось корейцами в тетради и не было опубликовано. В Приморье поэт написал стихи и поэмы «Растопанная Корея» (1928), «Песня Октября» (1931), «Большевицкая весна» (1931), «Женская ударная бригада» (1931), «Клянемся!», «Первомайская демонстрация» (1934), стихи «Для самых маленьких» и другие.

4 февраля 1934 года в Хабаровске состоялось общегородское собрание писателей, журналистов и редакционно-издательских работников, а 15 апреля открылся съезд советских писателей Дальнего Востока. Один из вопросов съезда – «О литературе национальностей ДВК» (докладчик Тарханов). На съезде были выбраны Дальневосточный краевой комитет ССП и делегаты на Всесоюзный съезд советских писателей⁹.

С 1934 года Тё Мен Хи входил в состав актива ДВК¹⁰. 5 июня 1934 года в Хабаровске в преддверии I съезда писателей СССР открылась Первая конференция писателей и литкружковцев ДВК, делегатом на которую был послан Тё Мен Хи¹¹. Комиссией Дальневосточного правления ССП он был предварительно принят в члены Союза советских писателей и делегирован на I Всесоюзный съезд писателей. А.А. Фадеев, знакомый с Тё Мен Хи и его творчеством по Владивостоку, рекомендовал его в члены Союза советских писателей и на работу в писательскую организацию Хабаровска.

В начале 1935 года редакции корейской газеты «Авангард» и китайской «Рабочий путь» переехали из Приморья в Хабаровск. Вместе с ними и Тё Мен Хи с семьей. Его поселили в помещении редакции журнала «На рубеже». Тё Мен Хи возглавил секцию корейской литературы. Его считали «квалифицированным писателем», прислушивались к его мнению, ему поручали ответственные задания¹². В 1935 году в Хабаровске вышел альманах «Родина трудящихся» на корейском языке. Это стало знаменательным событием в жизни края: его обсуждали на читательских конференциях в Хабаровске, во Владивостоке, в Уссурийске. В альманахе вошли и стихи Тё Мен Хи, в том числе «Выступим с клятвой»:

Пусть рушатся горы границы.
До того дня, пока в наших руках винтовки
И в наших жилах бьется кровь, –
Ноги врага не будут топтать нашу землю
И запаха газов не будет на нашей земле¹³.

В рецензии на альманах «Родина трудящихся», напечатанной в журнале «На рубеже», говорилось: «Темы произведений – это горячие будни, радостная практика социалистического строительства в крае: охрана колхозного до-

⁹ «На рубеже». Кн. 2. М. – Хабаровск, 1934, с. 122.

¹⁰ ГАХК, ф. 1738, оп. 1, ед. 1, л. 43.

¹¹ ГАХК, ф. 1738, оп. 1, ед. 1, л. 43.

¹² ГАХК, ф. 1738, оп. 1, д. 1, л. 29.

¹³ «На рубеже», кн. 4, 1935, с. 101.

бра, ударники на промыслах в колхозах, красноармейцы на обороне рубежей края, челюскинская эпопея, любовь к девушке – товарищу по труду...»¹⁴. Первый номер альманаха вышел тиражом 5 200 экземпляров и, по словам Тё Мен Хи, «удовлетворил ½ часть читателей-корейцев»¹⁵.

В июле 1936 года Тё Мен Хи утвердили инструктором национального сектора Дальневосточного краевого правления ССП¹⁶. В том же году планировалось издание корейского сборника (авторы Тё Мен Хи, Цай Ен, Анатолий Хан, Цай Дон Чер и др.). Тираж каждого сборника должен был быть не менее 10 000 экземпляров¹⁷. Тё Мен Хи собирал и обрабатывал корейский фольклор. В 1937 году планировалось издание сборника «Народные песни Кореи» (автор Тё Мен Хи)¹⁸.

Писатель продолжал сотрудничать с газетой «Авангард», литературным альманахом «Родина трудящихся» (в 1937 году планировался выход второго номера с произведениями Тё Мен Хи и молодых авторов – Ен Тай-су, Ю Ирлена и другими), начал работу над романом «Маньчжурские партизаны», посвященным корейскому партизанскому движению в районе, граничащем с Кореей. В 1937 году роман был почти завершен, остался только эпилог. Но автору не удалось его дописать.

Что сыграло роковую роль в судьбе писателя: его учеба в Японии, связь с «врагами народа» (талантливыми прозаиками Василием Кимом и Цой Хоримом) или история с писательским билетом, который Тё Мен Хи так и не получил?

Билет члена Союза писателей Дальневосточное правление ССП передало Василию Киму для вручения его Тё Мен Хи, который в ту пору жил в деревне, поэтому Ким билета писателю так и не вручил. В Хабаровском краевом архиве есть короткая записка репрессированного впоследствии писателя Ивана Шабанова Тё Мен Хи от 26 августа 1935 года: «Получили ли Вы билет членский или нет? Сообщите. Билет документ важный, за подписью М. Горького, и к нему надо относиться очень бережно. Привет. Крепко жму руку. Ив. Шабанов»¹⁹.

При аресте В. Кима билета Тё Мен Хи не оказалось. Краевое правление ССП обратилось к Всесоюзному правлению с просьбой о выдаче Тё Мен Хи дубликата членского билета, но в просьбе было отказано²⁰. На I краевом собрании писателей (15–17 июня 1937 года) председателем правления Михаилом Алексеевым было высказано предположение, что «японский шпион Ким Василий якобы затерял союзный билет Тё Мен Хи; не исключена возможность, что он переслал этот писательский билет японской контрразведке»²¹.

А может быть, утрата билета стала лишь поводом к репрессиям против корейцев в СССР, которые начались почти одновременно с окончанием Гражданской войны на Дальнем Востоке?

В начале 30-х годов XX века советское руководство предприняло первую крупную акцию по отселению корейцев из приграничных районов Приморья на крайне суровые отдаленные территории Хабаровского края²². 25 февраля 1930 года Политбюро ЦК ВКП(б) под руководством И.В. Сталина специально обсуждало вопрос о переселении дальневосточных корейцев. 10 июля 1932 года Политбюро ЦК ВКП(б) снова вернулось к вопросу «О корейцах» и подтвердило свою директиву на массовое административное отселение корейского населения из приграничных районов Приморья²³. В 1937 году Япония, видя в корейцах сторонников СССР, передала их из пограничных с Советским Союзом районов в глубь Кореи и на Сахалин. Сталин не доверял корейцам. Пограничная зона проживания корейцев считалась благоприятной средой для деятельности японской агентуры, и 5 сентября 1937 года появилось Постановление СНК СССР № 1527 («О порядке расчетов с переселенными в Казахскую и Узбекскую ССР корейцами»). 74 500 корейцев в срочном порядке были отправлены в Казахстан и Среднюю Азию²⁴.

Сын писателя Тё Мен Хи Михаил Менхеевич Тё вспоминал: «Как-то глухой ночью в наружную дверь грубо постучали. Отец хотел было вызвать милицию. Выглянул в окно, а там стояли ее представители. Забирали папу трое: двое русских и один кореец... Из кабинета унесли все бумаги, среди которых, как позже мы узнали, оказалась рукопись завершенного романа... Отец нашел в себе силы произнести: «Я перед советской властью ни в чем не виноват. Там разберутся. Дня через три вернусь». Но ни через три дня, ни через три месяца, ни через три года отец не вернулся. Нас с мамой, Валюшей и с грудным братишкой выселили из квартиры, погрузили, как скотину, с другими корейскими семьями в товарные вагоны и выдворили, как социально опасный элемент, на чужбину мыкать горе»²⁵.

В 10-е годы XX века в корейских деревнях Маньчжурии и Дальнего Востока России старики и дети пели:

*Этот край – не наша родина,
Для чего мы пришли сюда?
Хотя в Корее каждая тень – патриот,
Но все мечты призрачны,
Ибо нет земли даже постоять.*

Казалось бы, корейцы обрели Отчизну – ту, что «носили на чужбине, как пылинку», в своем сердце: они учились, работали, творили и мечтали. Однако им пришлось разделить печальную судьбу многих дальневосточников и граждан сопредельных государств (Кореи, Китая, Японии). Книги-мартирологи свидетельствуют, что необоснованные политические репрессии в годы советского режима применялись ко всем одинаково, независимо от национальности.

¹⁴ Там же, с. 99.

¹⁵ ГАХК, ф.1738, оп.1, ед. 25, с. 69.

¹⁶ ГАХК, ф.1738, оп.1, ед. 12, л. 27.

¹⁷ ГАХК, ф.1738, оп.1, ед. 15, л. 21–27.

¹⁸ ГАХК, ф.1738, оп.1, ед. 22, л. 11.

¹⁹ ГАХК, ф.1738, оп.1, ед. 5, л. 165.

²⁰ ГАХК, ф.1738, оп.1, ед. 12, л. 65.

²¹ ГАХК, ф.1738, оп.1, ед. 25, л. 201.

²² Пак Б.Д. Корейцы в советской России (1917 – конец 30-х годов).

²³ Там же, с. 228–229.

²⁴ Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину «Согласно Вашему указанию...». М., «АИРО - XX», 1995. С. 18–19.

²⁵ Сутурин А. Свидание с отцом. «Приамурские ведомости». 1991. 12 февр. С. 6.

Театр за колючей проволокой

Олег КОЛЕСНИКОВ

С возникновением системы ГУЛАГа появилась и своеобразная лагерная культура. Ее особенности диктовались спецификой, законами, обычаями всей данной системы: тяжелейшими условиями труда и быта, несоблюдением элементарных человеческих прав, применением жестоких мер воздействия за малейшие нарушения режима, бесплатной работой на строительстве каналов, дорог, промышленных и других объектов на Крайнем Севере, Дальнем Востоке. История «архипелага ГУЛАГ» оставалась бы, пожалуй, неполной без тюремного искусства, в первую очередь – театрального.

«Без театральных красок, если не обесцвечивается полностью, то теряет важные оттенки картина жизни, которая шла за тюремной стеной и запреткой. Именно эстетического начала зачастую недостает исследователям и мемуаристам, сосредоточившим внимание на политико-социальной стороне ГУЛАГа»¹.

Лагерное творчество сродни жажде жизни, оно помогло сохранить то, что тоталитарная система старательно истребляла в личности: индивидуальность, духовность, самостоятельность мысли. Изучая театр как институт, созданный системой ГУЛАГа, мы вскрываем внутренние механизмы устойчивости человека против истребительной системы и одновременно вырабатываем подходы к противостоянию ее возможным рецидивам.

Театры в Сибири и на Дальнем Востоке нередко начинались как лагерные. Из-за неразвитости театральной культуры на окраинах бывшей Российской империи именно си-

стема ГУЛАГа давала городам первые театры с репрессированными актерами из западных областей страны.

Строительство здания театра в поселке Дальлага началось в 1933 году – это был год массового прибытия заключенных в Комсомольск. Первым художественным руководителем лагерного театра стал Петр Александрович Вознесенский. Арестованный в марте 1933 года по 58-й статье, он уже в августе убыл из Хабаровского изолятора ПП ОГПУ в Комсомольск, где и возглавил новый театр². До нас дошли имена первых актеров театральной труппы: заключенные Михаил Карликовский, Орест Коханский, А. Алексеев, А. Мьянов. Ведущая актриса театра, жена П.А. Вознесенского Е. Шаповалова, была вольнонаемной. Первый художник театра – А.П. Охлопков, брат известного киноактера Н.П. Охлопкова. Первым начальником театра был лейтенант НКВД В. Гамаюнов, первым директором – И.В. Семенова (бывший начальник культурно-воспитательной части 4-го отделения Дальлага).

¹ Театр ГУЛАГа. Сборник воспоминаний под ред. М.М. Кораллова. – М.: Мемориал, 1995. – 557 с.

² Архив Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Хабаровскому краю (Архив УФСИН РФ по ХК). Учетная карточка на з/к Вознесенского П.А.

Театр имени 16-летия Октября открылся в ночь на 1 января 1934 года спектаклем по роману Д. Фурманова «Чапаев». «Он не просто вошел в жизнь молодого города. Он ворвался в нее спектаклем героико-романтического плана, так отвечающего духу того времени, полного надежд и свершений»³. Труппа брала лучшие пьесы советских драматургов, ставя их почти одновременно со столичными театрами. Так было с пьесами В. Киршона «Чудесный сплав» и А. Корнейчука «Гибель эскадры», которые в 1934 году поставили также ведущие театры Москвы, Ленинграда, Харькова.

«Пусть «крепостной», но факт: город уже в 1934 году имел театр, ...который своей работой способствовал нравственному и эстетическому воспитанию строителей города»⁴. М. Кузьмина приводит строчки из письма первостроителя города Г.С. Николаева: «...Мы часто посещали кинотеатр «Ударник», театр на Гаражной улице. С восхищением смотрели спектакли «Отелло», «Чапаев», «Уриэль Акоста». Любимыми актерами были Вознесенский, Шаповалова и Коханский. Это были актеры по призванию»⁵.

Театр знакомил молодых строителей города с произведениями русской и советской классики. На его сцене шли спектакли по пьесам А. Островского «Лес», Н. Гоголя «Ревизор», М. Горького «Егор Булычев» и другие. Сезон 1935/36 года открывался спектаклем по пьесе А. Корнейчука «Платон Кречет», первую постановку которой в этом же сезоне осуществили МХАТ и Киевский театр драмы им. И. Франко⁶.

Спустя несколько лет, в июне 1936 года, клуб-театр им. 16-летия Октября был передан тресту-корпусу в ведение Политотдела военно-строительных частей и переименован в Гарнизонный театр. В 1940 году он стал городским театром⁷.

Военные сороковые были отмечены усилением лагерного режима, беспокойством за судьбу страны и неопределенностью в судьбах самих заключенных. Перелом на фронте вселил в людей надежду на изменения к лучшему, вызвал светлые патриотические чувства. Лагерный театр военного времени тоже переживал необычайный подъем. Шли лучшие постановки – настоящие шедевры, например, опера «Травиата» Дж. Верди, поставленная на сцене драматического театра Управления Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерей (УСВИТЛ) в Магадане в 1944 году.

Его театральный коллектив был образован из заключенных артистов в 1932 году при клубе УСВИТЛ. Театр с первых своих шагов формировался, в основном, из осужденных по политической статье – режиссеров и актеров, музыкантов и театральных художников. В составе его труппы были представители лучших театров страны. Работали талантливый режиссер Л.В. Варпаховский, художник В.И. Шухаев, балетмейстер Н. Гамильтон и дирижер Х.Я. Нарва. На его подмостках блистали известные актеры Ю.Э. Кольцов, Г.С. Жженов, А. Демич.

В музее искусства ГУЛАГа («Мемориал», г. Москва) хранятся сценические разработки пьес русской и зарубежной классики (хотя существовали сборники специально для ИТЛ). По ним можно судить, что в Магаданском театре ставились не только драматические спектакли, но и оперетты, иногда даже оперы, партитуру музыканты порой восстанавливали по памяти. Идея инсценировки «Травиаты» Дж. Верди возникла у главного дирижера театра Конака Новогрудского, а Леонид Варпаховский, известный впоследствии режиссер, а в то время заключенный, воплотил эту мечту в реальность в 1944 году⁸.

Главные роли в «колымской «Травиате» исполняли заключенные актеры: Виолетта – Ида Самуиловна Зискина, будущая супруга режиссера Л.В. Варпаховского, Альфред –

³ Кузьмина М.А., Комсомольск-на-Амуре: легенды, мифы и реальность. – Комсомольск-на-Амуре: Жук, 2002. – 388 с., с ил.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Кузьмина М.А., Театр поднимает занавес. Путеводитель. – Комсомольск-на-Амуре: ГО ВООПИК, 1988. – 82 с.

⁷ Книга памяти жертв политических репрессий. Хабаровск, Т. 2. с. 347.

⁸ Леонид Викторович Варпаховский начинал свою творческую деятельность в Государственных экспериментальных театральных мастерских у В. Мейерхольда. Впервые был арестован в 1935 году, осужден к 3 годам ссылки в Казахстан. Ставил спектакли в Алма-Атинском театре имени М.Ю. Лермонтова. Повторный арест – в 1937 году, срок – 10 лет, место заключения – колымские лагеря и г. Магадан.

Так выглядел театральный вагончик до начала спектакля

тенор Тит Епифанович Яковлев, барон Дюфоль – бывший вор Грызлов с очень приятным красивым баритоном, Жермон, отец Альфреда – Гамид Тухватуллин, выпускник Казанской консерватории. Петр Зиновьевич Ладирдо дирижировал оркестром. Легко решилась и проблема отсутствия хора – необходимой составляющей оперы. В начале августа 1944 году в Магадан этапировали Государственный художественный ансамбль Эстонской ССР. Его репрессированные участники стали долгожданным хором в опере.

И.С. Зискина писала позже о премьере «Травиаты» так: «Наконец премьера. Успех был оглушительный. Меня и Варпаховского на руках отнесли со сцены на второй этаж и без конца качали. У меня просто закружилась голова. Через несколько дней Никишов (начальник Дальстроя) в своей ложе с генералами слушал спектакль и говорил свите: «Здесь недавно были белые медведи, а теперь мы оперу слушаем». Мы были награждены грамотой с изображением Сталина, а режиссер-постановщик Леонид Варпаховский – снижением срока на полгода. «Советская Колыма» 31 марта 1945 г. напечатала рецензию на «Травиату». Похвалила всех, правда, по именам никого не назвала: ни режиссера, ни артистов – заключенные же!»⁹.

Культурно-воспитательная работа в лагерях и колониях НКВД СССР должна была содействовать выполнению и перевыполнению производственных планов. Артисты же Магаданского театра сами нередко совершали «трудовые подвиги»: «Спектакли, данные театром Дальстроя, доставили подлинно культурный отдых стахановцам и ударникам забоя... На отдаленном участке «Дикий» повысили производительность труда с приездом театра, обязались до конца сезона давать по 190 процентов сменного задания... На прииске «Туманный» артисты пошли в забой с тачками и кайлом»¹⁰.

Только в 1954 году театр обрел свободу, выйдя из подчинения НКВД. И тем не менее за эти годы были спасены многие и многие десятки жизней творческих работников.

Но работа в «крепостном» лагерном театре часто становилась моральной дилеммой для актеров-заключенных. Среди заключенных нередко обсуждалось моральное право артиста идти в такой театр. Э. Котляр вспоминает, что «... решительным и, главное, дружным «нет» в лагере отвечали на этот вопрос разные по убеждениям заключенные: монархисты, партийные ортодоксы, участники оппозиции...»¹¹. Однако же губительны для творческой интеллигенции были и изнурительные лагерные будни. В этих условиях для человека даже с небольшими творческими задатками какая-то форма художественного самовыражения становилась острой потребностью, одним из путей выживания – нравственного и физического. Кто-то, например, актер Вацлав Дворжецкий, все же решил: «Хорошо, что театр есть. Я сам хочу остаться в этом театре, в кругу своих товарищей, актеров, которые находятся в одинаковом со мной положении. И хорошо, что не хуже, что не на общих работах, что можно заниматься любимым делом и помогать тысячам заключенных преодолеть тупость лагерной жизни, сохранить или обрести достоинство, не превратиться в скотину...»¹².

Деятельность Магаданского театра можно считать образцом взлета и наивысшего развития театрального искусства ГУЛАГа.

В 1930–1940-е годы были организованы концертные группы и в системе БАМлага. Согласно приказу от 01.08.1943 года начальника управления Нижне-Амурского лагеря Петренко для художественного обслуживания заключенных строительства-500 (железной дороги Комсо-

⁹ Театр ГУЛАГа. Сборник воспоминаний под ред. М.М. Кораллова. – М.: Мемориал, 1995. – 557 с.

¹⁰ «Магаданский рабочий» от 23.07. 1939 г.

¹¹ Тиханова В., Театральное и художественное творчество в лагерях и ссылках // <http://www.memo.ru/>.

¹² Там же.

Театральный вагончик превратился в импровизированную сцену

мольск – Советская Гавань) при культурно-воспитательном отделе лагеря срочно создавался ансамбль художественного обслуживания. Состав: один руководитель – вольнонаемный, исполнители – трое вольнонаемных и 20 заключенных¹³. Репрессированная актриса Е.А. Жакова вспоминала, что в концертную бригаду ее пригласила Зоя Рапохина, артистка московского цирка, работавшая до ареста с отцом Кио. Жакова стала ходить на репетиции, и ее приняли в ансамбль художественного обслуживания, где ей приходилось и петь, и танцевать, и играть драматические роли¹⁴.

Десятилетием раньше была создана концертная бригада БАМлага, управление которого находилось в городе Свободном Амурской области. Руководителем этого коллектива стал профессор Александр Осипович Гавронский. «Быт «крепостных» актеров резко отличался от быта остальных заключенных, – вспоминала актриса этого импровизированного театра Альва Владимировна Волович. – Питание было намного лучше. Мы свой паек получали на руки в сухом виде. Это значит, что положенная норма доходила до наших желудков почти полностью. Страшно было возвращаться к грязи и вшам общих бараков, к похлебке из крапивы и иван-чая, к непосильной работе и вечному унижению»¹⁵.

Артисты работали на строительстве железнодорожных путей, как и все заключенные: ломом долбили лунки в скальном грунте, закладывали динамит. Выброшенную силой взрыва породу вывозили на тачках. Но за день перед концертом их освобождали от работы. Например, только за 4,5 месяца пребывания на трассе в 1934 году концертная группа театра БАМлага дала 104 концерта в 71 пункте,

а в 1935 году театр дал 122 спектакля (из них 22 на трассе), 235 концертов, провел спектакли кукольного театра¹⁶.

Сохранилось немало отчетов о работе агитколлектива на строительстве. Один из них дает следующую информацию: «11 сентября 1934 года коллектив в полном составе в послеобеденное время работает на кубатуре. Тачечная возка. Расстояние 87 м. Дело идет туго. Кряхтят, некоторые шипят. К концу дня дали 23,8 м³.

Вечером – концерт. Холодная ветреная ночь. Зрители развели перед сценой костры. Им тепло. Актеры трясутся от холода, хрипнут. Концерт принимается очень хорошо. Путеармейцы просят артистов остаться еще хотя бы на денек.

Словом, выполняя тяжелые земляные погрузочно-разгрузочные и иные работы, а потом выступая на сцене, репетируя, переезжая из фаланги в фалангу, трудились заключенные артисты. И так изо дня в день. А еще надо было что-то новое сочинять, творить...»¹⁷.

Да, в театре ГУЛАГа нашли свое отражение самые негативные черты эпохи большевизма и сталинизма, в том числе грубое давление власти на культуру, сценическое искусство. Но при этом искусство с его преобразующей силой находило путь к человеческим сердцам даже через такое явление, как лагерный театр, демонстрируя свою удивительную способность коренным образом изменять человеческую личность. Театр жил, потому что люди испытывали в нем громадную внутреннюю потребность, особенно за колючей проволокой.

Фото из архива УИТЛ УМВД Хабаровского края. Фотоснимки заключенных сделаны в 1936 году (Управление лагерей и колоний по Хабаровскому краю, культурно-воспитательный отдел)

¹³ Архив УФСИН РФ по ХК, Ф. 26, Д. 92

¹⁴ Кузьмина М.А., Комсомольск-на-Амуре: легенды мифы и реальность. – Комсомольск-на-Амуре: Жук, 2002. – 388 с., с ил.

¹⁵ Еланцева О.П. БАМЛАГ в контексте истории литературы: из фондов дальневосточных библиотек. – Владивосток: ДВГУ, 2000. – 232 с.

¹⁶ Там же

¹⁷ Российский государственный архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. Р-3625. Оп. 6. Д. 37. Л. 21-24, 33, 39.

Дар Наума Нальского

Наталья ПОЗИНА

О таланте и мастерстве актера сложно судить по прошествии многих лет, особенно если расцвет его творчества пришелся на 1920–40-е годы. Многих из них мы оцениваем по отзывам современников, оставленным в воспоминаниях, репертуару сыгранных ими ролей да скупым биографическим фактам, которые рассеяны в редких архивных документах. Но даже эти немногочисленные известные нам детали судьбы и творчества позволяют увидеть в Науме Павловиче Нальском яркую личность, талантливого, самобытного актера, режиссера, посвятившего свою жизнь жанру оперетты.

Известно, что Н.П. Нальский родился в 1895 году в Ростове-на-Дону. Окончив реальное училище, поступил на медицинский факультет Донского университета, но, проучившись два курса, оставил университет и стал актером Ростовского театра драмы. В годы Гражданской войны Наум служил актером красноармейского театра 2-й Донской дивизии 9-й Кубанской армии. До приезда в Хабаровск в 1936 году он работал в театрах Баку, Ленинграда, Ашхабада, Винницы, Бердичева, Куйбышева, как режиссер сотрудничал с театрами Пензы, Ульяновска, Казани.

Актриса О.П. Грекова-Дашковская (цитируя рассказы самого Нальского) так вспоминала о его первых театральных опытах: «В 1922 году, когда К. Греков был главным режиссером городского оперного театра в Баку, Нальский, наслышанный от актеров о большой и интересной работе у Грекова, пришел к нему. Константин Дмитриевич принял Нальского, тогда очень молодого актера, на выходные роли. «Но недолго пришлось мне задержаться в составе Бакинского городского оперного театра! – с непередаваемым юмором рассказывал Наум

Павлович. – К.Д. Греков занял меня в маленькой рольке одного из молодых людей в оперетте Легара «Ева». Мое «крещение» состоялось в том, что я опоздал на свой первый выход в первом акте! Греков простил мне этот первый блин, указав только на него. Но, на свою беду, во втором акте у меня произошла катастрофа с ботинками. Они мне страшно жали, и я их снял, чтобы немного отдохнуть! Когда меня позвали на сцену, я сунул ноги в ботинки – и о ужас! Ноги так распухли, что, пока я «боролся» с ботинками, моя сцена во втором акте благополучно прошла без моего участия! На этом моя карьера у Грекова и закончилась. Греков попросил меня, чтобы я «не утруждал» себя работой в третьем акте... Диалог, который произошел между Константином Дмитриевичем и мною, был короткий, но значительный, после которого я пулей вылетел из театра...».

В 1936 году в истории Хабаровского краевого музыкального театра начался новый этап, директором был назначен известный театральный деятель К.К. Мирский, а главным режиссером – Р.А. Шульман. Была образована новая большая труппа, в которую вошел и Наум Наль-

ский, актер с ампула простака, которого, по словам Фейгина, «боялся сам король оперетты Ярон», и режиссер. В августе он был зачислен в театр. В сентябре состоялась премьера спектакля «Цыганский барон», режиссером-постановщиком которого стал Нальский. В приказе директора режиссеру была объявлена благодарность, а про спектакль говорилось, что он «сработан крепко и, безусловно, представляет художественную ценность. Сознательное, серьезное отношение коллектива к трудной классической пьесе дает возможность в дальнейшем развернуть широко работу по классическому репертуару, что может театр выдвинуть на первое место в числе целого ряда периферийных театров Союза». Кроме того, Н.П. Нальский как режиссер был назначен наставником С.Г. Орландо.

Сезон 1937/38 года был открыт премьерой «Веселой вдовы» Ф. Легара в постановке Н.А. Дашковского; спектакль имел большой успех. Нальский играл секретаря Негуша. Кроме того, актер выступал в роли старого воспитателя в оперетте И. Кальмана «Цыган-премьер». О.П. Грекова так описывала игру Наума Павловича: «На великосветском балу в Париже старый воспитатель, которого играл Нальский, попал в смешное и горькое положение шута. Его злобно высмеивали и даже били. Мурашки бежали по коже, когда из-за комической маски выглядывало лицо жестоко обиженного, маленького, забитого человека. «За что ты меня?» – спрашивал Нальский-воспитатель таким тоном, что сразу становилось стыдно за человека, обидевшего его. (...) Нальскому, как всем большим талантам, был присущ дар одним штрихом или фразой потрясать зрителя».

Кроме работы в театре в эти годы Нальский входил в комиссии по проведению дня памяти А.С. Пушкина, был бригадиром художественной бригады, участвовавшей в праздновании пятилетия Комсомольска-на-Амуре. Но его пребывание в Хабаровске было недолгим: в конце 1937 года его арестовали и осудили «за участие в антисоветской организации» на 8 лет исправительно-трудовых лагерей. В годы заточения Нальский пережил весь ужас суда, этап на Колыму. Его супруга, артистка балета Галина Николаевна Иванова-Нальская, в момент ареста мужа была в декретном отпуске.

Актер попал на Колыму в октябре 1938 года. Известно, как прошли первые годы заключения, но в начале 1940-х годов Нальский уже входил в состав Ягодинской культбригады, которую возглавлял журналист в прошлом Аркадий Школьник. В эти годы основой «перевоспитания» в исправительно-трудовых лагерях провозглашался принудительный труд вкупе с пропагандой «всех преимуществ советского строя». Именно это было главным в деятельности культурно-воспитательных отделов (КВО) и культурно-воспитательных частей (КВЧ), призванных вести политмассовую, производственно-массовую, библиотечную и спортивную работу, а также заниматься кино- и радиообслуживанием, курировать театральное-концертное творчество заключенных.

В эпоху ГУЛАГа в лагерях работали два типа творческих коллективов. Первые – культбригады КВО, в оркестрах и театрах которых играли заключенные, освобожден-

денные от общих работ. Вторые – самодеятельные коллективы КВЧ, в них узники занимались после основной работы. В культбригадах КВО Маглага выступали профессиональные драматические актеры Ю.Э. Кольцов, А.И. Демич, И.В. Эллис, Г.С. Жженов и многие другие. Зачисление в лагерную труппу давало шанс спастись, возможность заниматься любимым делом.

В 1942 году в Ягодинскую культбригаду попал известный режиссер, ученик В.Э. Мейерхольда Л.В. Варпаховский. В воспоминаниях о спектакле «Сталинград» в постановке Л.В. Варпаховского и А. Школьника есть упоминание и о Нальском. Невысокого роста, склонный к полноте, он играл Паулюса, притом что генерал был высоким и худым. Спустя некоторое время, в ноябре 1943 года, Наум Павлович принимал участие в стихотворной композиции «Днепр бушует» об освобождении Киева от фашистов. По воспоминаниям И.С. Варпаховской, он исполнял роль фашистского генерала. Композиция имела особый успех у зрителей: она была подготовлена еще до того, как стало известно об освобождении Киева, и ее премьера совпала с этой победой Красной Армии. «Люди кричали «ура!», бросали шапки на сцену».

Благодаря успеху спектакля Н.П. Нальский вместе со многими другими участниками был досрочно освобожден и зачислен в Магаданский музыкально-драматический театр им. М. Горького «на должность артиста высшей категории с возложением обязанностей

Наум Нальский. 1935

главного режиссера мюзикомедии». В конце 1944 года он был уволен и в феврале 1945 года принят на работу в Театр музыкальной комедии Хабаровска. За этот сезон театр «дал 197 спектаклей и обслужил 162 тысяч зрителей, провел успешно гастроли в Магадане, в Маньчжурии, Владивостоке...». Зачастую работа над премьерным спектаклем занимала не более месяца.

В марте 1945 года в театр на должность художественного руководителя из Театра музыкальной комедии Московской областной филармонии перевели режиссера Михаила Исааковича Веризова, который с 1945 по 1948 год поставил такие спектакли, как «Девичий переполох», «Вольный ветер», «Одиннадцать неизвестных», «Мадемузель Нитуш» и «Голубой гусар». М.И. Веризов, выпускник Тбилисской консерватории, по мнению труппы, «обладал пониманием и чувством музыки».

Во всех этих спектаклях был задействован и Н.П. Нальский. Кроме этого, он играл в постановках «Табачный капитан», «Голубая мазурка», «Цыганский барон», «Рубиновое кольцо», «Свадьба в Малиновке», «Принцесса цирка» и других. Его работа не раз отмечалась благодарностями администрации театра: например, по итогам сезона 1945/46 года он единственный был премирован творческой командировкой в Москву. По воспоминаниям актрисы Н.И. Симоновой, «бывали случаи, когда хабаровчане шли персонально на Нальского. Так происходило, например, со спектаклем «Летучая мышь». Нальский

исполнял в этой оперетте роль дежурного, и все, что он делал на сцене, было настолько заразительно, что третий акт в спектаклях с участием Нальского непременно затягивался». Из премьер тех лет Нина Ивановна выделяла оперетту И.О. Дунаевского «Вольный ветер» и вспоминала, что на спектакль ходил весь Хабаровск. «Сердцу зрителей, так недавно испытывавших тяготы войны, «Вольный ветер» говорил о многом». В этой оперетте «большое оживление вносила комедийная пара Фомы и Филиппа в исполнении Г.И. Доре и Н.П. Нальского».

Наум Павлович полностью отдавался служению театру; бывало, что актер, чтобы не сорвать спектакль, выступал больным. Из театральных премьер сезона 1946/47 года критики особенно отмечали музыкальную комедию Н.Н. Рахманова «Голубой гусар» в постановке М.И. Веризова. Режиссер работал над ней очень серьезно, и «актеры репетировали свои роли охотно». Роль Кутузова играл Н.П. Нальский, Шуру Азарову – А.В. Грибкова. К слову сказать, когда труппа театра принимала участие в демонстрации в честь 30-й годовщины Октябрьской революции, Нальский был в образе М.И. Кутузова. Н.И. Симонова писала: «В работе Нальского был и юмор, и множество острокомедийных ситуаций. Но это было уже много нового для исполнителя качества. Это был, прежде всего, интересный человеческий характер, отмеченный лукавством и мудростью, здесь можно было следить за поступками и решениями Кутузова, а не умирать от хохота, вызванного трюком. (...) Зритель увидел в Нальском требовательного художника. Я помню, как он работал над ролью. Город наш раскинулся на сопках, улицы (...) круты и гористы. Бывало, Нальский, возвращаясь домой с репетиции, где-то на полпути остановится, передохнет, перекинется словом с попутчиком. В период работы над ролью Кутузова он медленно и молча забирался вверх и там, переводя дух, произносил слова роли: «Устал. Подъем немного крут / Всегда трудна дорога к штабу...». В спектакле этот кусок получался великолепно».

В эти годы Н.П. Нальский совмещал работу актера и режиссера, он поставил «Свадьбу в Малиновке», «Черный тюльпан», «Рубиновое кольцо» и в начале 1948 года стал режиссером-постановщиком первой категории. Наум Павлович выступал и как конферансье в концертах театра, много импровизируя и вступая в диалог со зрителями. За эту свободу, легкость общения он даже был отстранен от участия в концертах.

В конце 1948 года Нальский ушел в отпуск, и дальнейшая судьба Наума Павловича в архивных документах не просматривается. Возможно, он уехал из Хабаровска и продолжал играть в других театрах. Трудно сказать, когда он ушел из жизни, в архиве режиссера М.И. Веризова хранятся телеграммы Н.П. Нальского конца 1940-х – начала 1950-х годов и фотография 1956 года. Дальнейшая история жизни актера и режиссера неизвестна. О.П. Грекова, знавшая и высоко оценивавшая его талант, отмечала спустя десятилетия несправедливость забвения его имени и трагичность судьбы. Она писала, что «его имя по праву должно занимать место в первых рядах со старейшими комиками советской оперетты».

Из воспоминаний колымской Травиаты*

Ида ВАРПАХОВСКАЯ

В магаданском театре заключенных, куда занесла меня недобрая судьба, я встретила замечательного художника и удивительного человека, с которым навсегда соединила свою жизнь. Это был Леонид Викторович Варпаховский. Сейчас, вспоминая о нем, часто говорят о его человеческой красоте, благородстве и редкой интеллигентности, и хотя кому как не мне дано было в полной мере ощутить все эти качества, для меня Л.В. был прежде всего человеком, наделенным необыкновенным творческим даром, неудержимой фантазией, жившим всецело своим любимым искусством – театром.

Варпаховская (Зискина) Ида Самуиловна, певица, (1911 г. р.). Арестована в ноябре 1937 года. (ЧСИР, ОСО; срок – 8 лет и 10 лет ссылки), места заключения – Томские ИТЛ, Дальстрой (Колыма, Магадан); освобождена в 1945 году.

Однажды до Л.В. дошел слух, что в соседнем лагере – в нескольких километрах от его ОЛПа – есть культбригада. И он, доведенный до отчаяния, решил туда пойти. А выйти через вахту невозможно. Если выходишь из зоны – стреляют. Но он вышел. Часовые на вышках даже представить себе не могли, что вышел он самовольно! Раз человек идет, значит, имеет право. И его даже не окликнули. Он прошел четыре километра и таким же точно образом вошел в соседний лагерь. Разыскал нужный барак, открыл дверь и остолбенел. По стенкам нары, а центр свободный (обычно нары устраивали так, что только узкие проходы оставались). А тут был еще и стол, на котором лежали пайки хлеба. В центре стояла железная печурка. На нарах в белье «первого срока» сидели блатные и играли в карты, курили. Висели коврики с лебедями. В культбригады 58-я допускалась только в виде исключения.

Когда Л.В. сказал, что он артист, раздался дружный хохот – в таком он был страшном виде. К нему подошел человек, по виду вроде не блатной, и спросил:

– Ну и кто же вы – Моцарт или Гамлет?

(Те, кто причастны к музыке, были Моцарты, а те, кто к драме – Гамлеты.)

Л.В. подумал и сказал:

– Скорее Гамлет.

– Ну подождите, с вами сейчас поговорят.

Подошел человек очень болезненного вида с отеком желтым лицом. Сели, стали разговаривать, человек задавал всякие каверзные вопросы. Например: «Вам по-

нравилась актриса Гельцер из Малого театра?» Л.В. отвечал: «Гельцер – балерина». «Где находится Большой театр, а где Малый?» – ловил, проверял, экзаменовал.

Наконец, спросил:

– Кем же и где вы работали?

– Я работал у Мейерхольда.

– А чем вы у него занимались?

– Я был его ученым секретарем.

Человек огорчился:

– До сих пор вы говорили мне правду, а сейчас обманули. Ученым секретарем у Мейерхольда был мой друг, Леня Варпаховский.

Л.В. говорит:

– Так я же и есть Леня Варпаховский! А вы кто?

– А я – Юра Кольцов!

* Фрагмент из книги Варпаховской И.С. Из воспоминаний колымской Травиаты // Театр ГУЛАГа: Воспоминания, очерки / сост., вступ. ст. М. М. Кораллова – М.: Мемориал, 1995.

Варшавский Леонид Викторович (1908–1976), режиссер. Арестован в 1935 году. (КРА, ОСО; срок – 3 года ссылки, Казахстан). Повторный арест – 18 ноября 1937 года. (ст. 58-10, ОСО), места заключения – БАМлаг (Свободный), Дальстрой (Нексикан, Колыма, Ягодное, Магадан); освобожден в 1947 году.

Мхатовский Кольцов! Они не узнали друг друга!

Кольцов принес буханку хлеба. Л.В. как ни старался сдержаться, съел ее целиком, ему сделалось худо. Его отходили в санчасти, а потом оставили при бригаде. Л.В. начал с того, что поставил там «Мнимого больного» Мольера. Он мне говорил, что это был самый веселый спектакль в его жизни...

Кстати, Кольцов попал в культбригаду тоже необычно. Он погубил, был на лесоповале. Там был морг. А в этом морге работал старик, караульный. У его печки часто собирались уголовники погреться. Сторож играл с ними в карты и в домино. А когда у него не случалось партнеров, сажал мертвецов и «играл» с ними. Как-то Юра отчаялся и зашел в избушку. Уголовные взглянули на него: «Ты кто?» Он говорит: «Я артист». – «Ах, артист, ну так тисни роман». Уголовники жестоки, как звери. Но если вы им расскажете что-нибудь жалостливое, например, как мать бросила грудного ребенка на произвол судьбы, они будут обливаться горячими слезами. Юра же был великолепный чтец и великолепный актер! Он стал читать им Чехова. Они слушали развесив уши. Его стали пускать в сторожку. Как-то туда нагрянул начальник этого лагеря, стал выяснять, что там происходит. «Да вот, – говорят, – артиста вот слушаем». – «Кто такой?» – Юра говорит: «Я – артист МХАТа». А у этого начальника, как выяснилось, была слабость к театру. Он привел Кольцова в свой кабинет, вы-

нул наган, положил его на стол и говорит: «Рассказывай. Если ты действительно артист, я тебе помогу. Но если ты наврал, то я тебя хлопну на месте». Борясь со страхом, Юра стал что-то рассказывать и так понравился начальнику, что тот устроил его в бригаду (кстати сказать, этот начальник потом проворовался, оказался в лагере и у нас в «Травиате» пел в хоре, такая вот судьба...).

И последнюю домагаданскую историю хочется рассказать, поскольку благодаря ей Л.В., собственно, и попал в Магадан. После «Мнимого больного» Л.В. стал известен. Спектакль возили по многим приискам. И вот (дело происходило во время войны) начальник горного управления, по фамилии Гакаев, приказал к 7 ноября «сочинить концерт». Гакаев был страшной личностью. Он ходил по забоям и, если видел, что человек не может двигаться, «доходит», – собственноручно его пристреливал. Вот такой заказчик!

Легко сказать – сочинить концерт! Правда, в бригаде были и такие люди, как Нальский – талантливый опереточный актер, Николай Рытьков – актер театра Ленинского комсомола, Аркадий Школьник – молодой комсомольский работник, журналист, но в основном-то – блатные-четочки. Аркадий Школьник предложил сочинить композицию под названием «Днепр бушует», об освобождении Киева: «Как комсомольский работник и журналист, говорю вам, что к праздникам Киев обязательно освободят». Л.В. колебался: «А если не освободят? В лучшем случае пошлют на штрафной прииск, а то и вообще... От Гакаева всего можно ждать». – «Ручаюсь тебе головой, – настаивал Школьник, – что освободят». И Л.В. «соблазнился». Они пишут пьесу в стихах «Днепр бушует». Л.В. оркестрирует Героический этюд Шопена в расчете на маленький состав оркестра, Нальский репетирует фашистского генерала, Рытьков играет матроса.

И вот все готово. Их везут в клуб, все музыканты во фраках, из-под телогреек торчат френчские хвосты. А Киев не взят! По дороге Л.В. и Школьник судорожно переделывают текст, вставляют вместо Киева какой-то другой город. Ничего не сходится. В таком состоянии приезжают в клуб. Идет торжественная часть, они сидят, лихорадочно все переписывают, переделывают, ничего не клеится. Кончается торжественная часть, встает председательствующий и сообщает: «Товарищи, только что получена телеграмма: доблестные части Красной Армии освободили город Киев! Художественная часть».

Л.В. говорил, что у него никогда не было такого успеха. Люди кричали «Ура!», бросали шапки на сцену. На следующее утро приехала черная «эмка» и увезла Л.В. – в Магадан, куда его назначили художественным руководителем городской культбригады.

Здесь мне надо остановиться и объяснить, как я оказалась на Колыме. В 1936 году я с мужем, сыном и родителями вернулась из Харбина. Мечтала поступить в Оперную студию имени Станиславского. Стала брать уроки пения. Неожиданно арестовали мужа (где и как он кончил свою жизнь – не знаю, реабилитировали его в 50-х годах, посмертно), и я автоматически превратилась в ЧСИРовку. Арестовали меня прямо на улице. Я, помню, все объясняла им, что никак не могу отлучиться надолго – и ре-

Эстрадная группа культбригады Маглага середины 1940-х годов. В центре Л.В. Варпаховский

бенок маленький, и мать больна. Через две недели ОСО вынесло мне приговор – восемь лет лагерей.

В толпе уголовниц я отправилась в свой мучительный путь. «Посчастливилось» побывать в теперь уже хорошо известном Томском лагере. В этом лагере я сидела вместе с сестрами Тухачевского, женой Бухарина, сестрами и невесткой Якира. Я сблизилась с Бэлой Якир, мы ее звали Беленькая. Вместе с нами была Клава Шахт – первая советская парашютистка. Позже судьба привела ее в Усть-Омчуг, и она участвовала в местной самодеятельности, которой руководил Л.В.

Прожила я в том лагере два года. Закаленные царскими каторгами старые коммунистки быстрее нас, новеньких, приспосабливались к очередной в их жизни тюрьме. Они научили меня вышивать. Иголочки делали из зубчиков расчесок: один конец заострялся, во втором конце пробивали гвоздем дырочку для нитки. Хорошо, что у некоторых сохранилось вольное цветное белье, оно шло на нитки! Мотивы «картин» были, конечно, сказочные – царевны, райские птицы, цветы – вся та красота, мечты о которой у нас не смогли отнять.

Там, в Томске, произошло чудо: меня нашел в лагере отец. Нашел по штемпелю на конверте письма, которое мне с помощью добрых людей удалось переслать домой. Его невероятная настойчивость, похоже, произвела впечатление даже на начальство тюрьмы. Разрешили свидания и передачи – он приносил хлеб и молоко. Так надеялся мне помочь, так верил... Это был 1939 год. Потом отец

уехал из Томска за теплыми вещами, а когда вернулся – не застал меня на месте. Этап уже отправили дальше. Новый этап – новые страдания.

Во Владивостоке, на пересылке, перед баней получили мы уже более реальное представление о том, где мы находимся. Голых, с поднятыми вверх руками, женщин прогнали через строй мужчин-охранников и парикмахеров, нас побрили... После санобработки нас погрузили на «Дальстрой». Там, в трюме, задраенном наглухо, затаившись, переждали мы, пока пароход досматривали японцы. Мы были уже грамотными – никто не пикнул, сидели как мышки.

На Колыме я очутилась в лагере «Местпром». Работала на швейной фабрике по 14 часов – шила обмундирование для эзков Магадана. В бараке – пол земляной, нары обледеневшие, ночью волосы примерзали к доскам. Как-то раз человек по фамилии Танеев предложил мне принять участие в лагерной самодеятельности. Я испугалась и отказалась. Ничто в лагере так не страшит, как перемены.

Самыми мучительными были ночные смены, особенно, если стоять у агрегата или мотора. Я-таки прошила себе палец (не выдержала, заснула). Спасла меня болезнь – немели пальцы рук и ног. В больнице меня осмотрел профессор Скобло – светило медицины, он тоже «проживал» в лагерях – и определил болезнь Рено. Это красивое название дало мне освобождение от ночных работ и направление в рукодельный цех. Здесь шили самые невероятные вещи для вольнонаемных. Цехом руководила Вера Федоровна Шухаева. Вера Федоровна и

Василий Шухаев. Автопортрет

Вера Шухаева. Эскиз костюма Виолетты

Василий Иванович Шухаевы – еще одно чудо наших с Л.В. колымских лет.

Шухаевы оказались на Колыме вместе. Это случайное упущение властей – обычно репрессированные семьи разделялись – помогло им выжить. Я уверена, что и сама продержалась потому, что встретила на Колыме с Л.В.

Шухаев начинал блестяще. Вот выдержка из его письма Л.В. от 5 марта 1972 года: «Помню о знакомстве с Мейерхольдом, о вступлении в труппу этого театра и о роли, исполненной в шедшей там пантомиме «Шарф Коломбины»... Мейерхольд уговаривал меня бросить Академию и вообще изобразительное искусство. «Бросьте вашу живопись, – говорил он, – неизвестно, какой из вас выйдет художник, а артист вы первоклассный». Художником Шухаев, впрочем, тоже стал первоклассным. Чего стоит только хранящийся в Русском музее в Ленинграде двойной автопортрет Шухаева и Яковлева, изобразивших себя в костюмах Пьеро и Арлекина. Шухаев был близок с М. Кузминым, Н. Сапуновым, Б. Прониным, В. Соловьевым.

«После окончания Академии, – писал он Л.В. в другом письме, – моя конкурсная картина «Вакханалия» вызвала большой «подвал» в газете «Речь», написанный А.Н. Бенуа, благодаря этому «подвалу» я получил заграничную командировку в Италию от Римского общества поощрения молодых художников, а также место в ряду молодых талантов. Недолго думая, я махнул в Италию. Работая в Риме, я уже стал забывать о своих театральных успехах, как вдруг появился ко мне представитель С.П. Дягилева, который повел со мной речь о вступлении в труппу Дягилева».

В Париже, куда Шухаевы уехали по совету А.В. Луначарского (Шухаев пожаловался наркому на нехватку красок, кистей, холстов, а тот сказал, что в России этого не будет еще, наверное, долго, и посоветовал пожить за границей), Василий Иванович писал много и упоенно, а Вера Федоровна, лингвист по образованию, сумела устроиться только модельером. Вернулись Шухаевы только в 1935 году, встречали их шумно и торжественно, а в 1937-м посадили.

На Колыме они встретились. Вера Федоровна работала вначале мастером вышивального цеха, сама сочиняла и рисовала фасоны платьев для дам вольнонаемного состава. Ну а уж вышивки и отделки никто не мог сделать лучше, у нее был такой дивный вкус. «...Вера Шухаева работала в магаданском пошивочном ателье, где ей иногда удавалось придать приличный вид магаданским начальственным толстомясым дамам», – вспоминает Е.С. Гинзбург в «Крутом маршруте». Василий Иванович находился на мужском ОЛПе. Узнав, что он художник, начальство поручило ему писать лозунги и красить легковые машины. Когда увидели, что он справляется с этим, ему была поручена работа более почетная – делать копии с шихинских «Мишек» и «Трех богатырей» Васнецова, что для него, «мирискусника», было сущим наказанием, так как художников этих он терпеть не мог.

На Колыме сидели тогда многие художники, с двумя из них – Леонидом Вегенером и Исааком Шерманом – Л.В. довелось работать. Исаак Шерман был превосходный художник и образованнейший человек, долго жил в Париже, прекрасно знал язык и культуру страны. (К тому же

мужественный человек. Когда Л.В. посадили в третий раз, почти все отвернулись от меня, а он продолжал приходить. Умер он в Магадане, от инфаркта.) Он очень пессимистично смотрел на наше будущее, не верил, что мы когда-нибудь станем прежними. Говорил, что мы подопытные кролики и что опытам над нами не будет конца. Прав был! Есть одно его письмо Л.В. (О «Холопке», они вместе ее делали), написанное на куске обоев, наполовину – по-французски. Замечательны и стиль письма, и тонкие изящные эскизы – на обоях. <...>

На фабрике я проработала четыре года, потом не выдержала, нашла Танеева, попросилась все-таки в самодеятельность. Видимо, мое пение понравилось Дробкиной, жене начальника УСВИТЛа, которая заведовала КВО Маглага. Меня перевели в женОЛП, где была организована культбригада.

И культбригада, и театр, и вся наша жизнь находилась в полной власти Никишова и Гридасовой, их расположение или немилость решали нашу участь, недовольное выражение лица могло обернуться увеличением срока, они были нашими полновластными хозяевами. Иван Федорович Никишов, начальник Дальстроя, генерал-лейтенант, имел личный особняк в центре Магадана, сад вокруг дома (это в Магадане-то!) и прямой провод к Сталину. Он был в зените своего могущества, когда по комсомольской путевке в Магадан приезжает молодая Александра Гридасова. Случайно знакомится с Никишовым. Роман. Жена и дети отсылаются на материк, и Гридасова поселяется в особняке Никишова. Она делает стремительную карьеру – сначала получает чин лейтенанта, а затем становится начальницей Маглага. В ее распоряжении личная машина с шофером, обслуга. Отныне она, Александра Романовна, решает стать покровительницей искусств. Именно она организовала нашу культбригаду, которая потом и переросла в театр.

И вот осенью 1943 года – не помню месяца, знаю только, что это была осень, – сижу я в конторе. Вдруг открывается дверь и входит человек, невысокий, невероятно худой, лицо в морщинах, мне еще показалось, что у него безумно длинные руки – ниже колен. Одет в телогрейку, стеганые штаны, на ногах – матерчатые бурки, а на голове – ушанка из собачьего меха. (Потом я узнала, что он очень гордился своим нарядом, его собирали в дорогу все его товарищи, каждый дал, что мог.)

– Знакомьтесь – наша певица Зискина, наш новый руководитель культбригады – Варпаховский.

Первой постановкой Варпаховского в Магадане было «Похищение Елены» Луи Вернейля. Комедия нужна была ему, чтобы раскрепостить людей хотя бы на сцене. Спектакль оформляли художники Вегенер и Карпенко. В нем участвовали Демич, Кольцов и частушечница Дуся Тарасова. На одной из репетиций «Елены» я и влюбилась. Я была очарована, потрясена, я поняла, что Леонид Викторович – настоящий, тонкий, необыкновенный художник. Запомнилась мне особенно сцена похищения Елены. Между двумя белыми колоннами в центре – окно. Перед колоннами – два кресла, в которых сидели муж (Демич) и Елена (Дуся Тарасова), на плечах у нее белый шарф. Между ними стоял домашний врач (его играл Кольцов). Вдруг на сцене гаснет

свет. Суматоха. Муж Елены в большом волнении. Никто не понимает, что произошло. Вбегают два лакея с зажженными канделябрами, между колоннами мелькают свечи. Обнаруживается, что Елена пропала, и только в открытом настежь окне на синем фоне треплется белый шарф.

Спектакль получился легкий, изящный, светлый и покорил весь Магадан. Сам Л.В. тоже работал легко, увлеченно, с задором. Он в те времена любил пошутить на сцене, придумывал разные смешные трюки и даже имел кличку Стружкомет – ее дал ему Василий Иванович Шушаев (на день рождения Л.В. Шушаев преподнес ему большую коробку, перевязанную красивой лентой и наполненную обыкновенными стружками).

Пока шла работа над «Похищением Елены», у нашего дирижера Конака Новогрудского возникла идея поставить «Травиату». Л.В. считал эту затею утопией. Но мы с таким энтузиазмом взялись за работу, что он решил не вмешиваться. Постепенно, однако, увлекся и он сам, и после «Елены» началась настоящая работа над «Травиатой». Л.В. всегда был внутренне готов к музыкальному спектаклю. Он говорил, что истинный драматический спектакль строится по законам музыки.

Итак – опера. Хора нет. Правда, есть артисты на главные роли и небольшая танцевальная группа, частично из вольнонаемных. О главных персонажах. Виолетта – я, недоучившаяся певица. Когда меня посадили, мне было 24 года, не успела. Правда, в Магадане у меня были прекрасные учителя. Во-первых, конечно, Л.В. А во-вторых, Софья Теодоровна Гербет, замечательный концертмейстер, ученица Г.В. Пабста. (Уже когда Л.В. освободился и работал как вольнонаемный, она, не выдержав мучений, повесилась ночью в лагере. Наутро Л.В. перед началом репетиции поднял оркестр, чтобы почтить память погибшего товарища. Это стало одним из пунктов обвинения при третьем аресте Л.В.: «Устроил панихиду по немке, покончившей с собой в знак протеста против советского режима»).

Альфред – Тит Епифанович Яковлев, большой, крупный мужчина с очень красивым тенором, большого диапазона, но, увы, не отличавшийся галантностью. Он был хорошим исполнителем русских романсов и народных песен. Очень хорошо пел «Вот мчится тройка удалая...». А тут – Альфред. Барон Дюфоль – Грызлов. Бандит в прошлом, с видом гориллы, «специалист» по часам, по кличке Часики. С очень приятным красивым баритоном. Жермон, отец Альфреда – Гамид Тухватуллин. Певец, окончивший, если не ошибаюсь, Казанскую консерваторию. Неплохо исполнял арию Тореадора. К сожалению, в арии Жермона, где верхнее соль – трудная для баритона нота, он частенько «пускал петуха». Далее следовали второстепенные персонажи, с небольшими партиями. <...>

Репетировали мы с упоением, в особенности нам нравился застольный период, там, где Л.В. работал с нами как с актерами. Помню, вечером, ложась спать в своем бараке, я совершенно отключалась от окружающего меня мрака, укрывалась с головой и все думала, думала о Виолетте, о ее жизни, любви, трагедии.

К этому времени в нашей бригаде произошли большие перемены. Новогрудского за связь со скрипачкой Эльзой Злочевер отправили, как говорится, куда Макар

телят не гонял, там он отморозил себе пальцы на ногах и стал калекой. (Впоследствии они встретились и до конца жизни остались мужем и женой, у них было двое детей). Эльзу пощадили и оставили в бригаде, так как она прекрасно шила и вышивала, чем была любезна начальству.

Нашего нового дирижера звали Петр Зиновьевич Ладирдо. Ко мне он относился неплохо, давал возможность петь и выступать. Л.В. продолжал работать над «Травиатой». Для оформления спектакля он привлек художника Вегенера, а по костюмам – Веру Федоровну Шухаеву. Василий Иванович помогал ей в этом. Шухаев всегда толкался среди участников спектакля. Даже в телогрейке, с суковатой палкой, он был элегантен и походил на парижанина.

Костюмы решили делать в стиле портретов Ренуара и перенести время действия во вторую половину XIX века. У меня сохранились эскизы, это в большинстве своем художественные произведения. Но все делалось пока что не всерьез, потому что средства еще не были отпущены. Правда, наше непосредственное начальство, то есть наши дамы из Маглага, смотрели на нашу затею благосклонно. Опера на Колыме, да еще под их руководством! Потому всячески старались помочь. Когда обнаружилось, что у нас не хватает мужских голосов для хора, Л.В. обратился к Александре Романовне. Она его утешила: «Не волнуйся, Варпаховский, к нам вот-вот прибывает из Томска эстонская капелла в полном составе». Впоследствии Т. Эре (бас), эстонец, пел арию маркиза д'Обиньи, а другой эстонец – В. Кивимяки – садовника. <...>

Накануне премьеры Л.В. вызвали к директору театра. Там уже находился Ладирдо, который заявил, что спектаклем дирижировать не будет, что надо все изменить и оркестр посадить во всех актах куда положено – в оркестровую яму, на что Л.В. очень спокойно ответил: «Менять ничего не буду, а оркестром дирижировать буду сам». Директор театра – это была дама, не помню ее фамилии, их очень много сменилось – обомлела. Через некоторое время Ладирдо дал все же согласие дирижировать в предложенных ему условиях.

Наконец премьеры. Успех был оглушительный. Меня и Л.В. на руках отнесли со сцены на второй этаж и без конца качали. У меня просто закружилась голова. Ладирдо страшно разозлился. Он думал, что будет провал, раз оркестр сидит не там, где нужно... И вот на тебе! От злости он так стукнул своей дирижерской палочкой о пюпитр, что она сломалась.

Через несколько дней Никишов в своей ложе с генералами слушал спектакль и говорил свите: «Здесь недавно были белые медведи, а теперь мы оперу слушаем», – и послал за кулисы несколько яблок. Были награждены мы грамотой, на которой был изображен Сталин, а Л.В. – снижением срока на полгода. «Советская Колыма» 31 марта 1945 года напечатала рецензию на «Травиату». Похвалила всех, правда, по именам никого не назвала: ни режиссера, ни артистов – зэки же!

КОЛЫМСКИЙ букет*

Леонид ВЕГЕНЕР

...Вы вообще странные люди. Я имею в виду ваше поколение. Считаете, что если человека арестовали, то непременно на его совести что-то должно было быть, пусть даже малозначительное, но хоть что-то. А трагедия страны заключалась в том, что людей сажали и убивали ни за что – по разрядке сверху.

...К нам на Лубянку привезли молодого парня лет двадцати. Жена попросила его сходить в магазин за продуктами. Жили они на горе в арбатском переулке, где находилось одно иностранное посольство. Возвращаясь домой, он по дороге уронил размокший сверток с мясом. Ну и что? Никто от таких случайностей не застрахован. Поднял этот кусок мяса и пошел дальше. Так не успел он войти в дом, как за ним явились. На допросе спрашивают: «Вы проходили по такой-то улице?» – «Да, проходил». – «Мясо роняли на тротуар?» – «Ронял». – «Все ясно. Шпионаж! Вы подавали условный знак посольству на противоположной стороне улицы».

С нами сидел и 16-летний школьник. Ему предъявили обвинение ни больше ни меньше как в попытке покушения на Ежова. И это только потому, что он на улице рассматривал легковой автомобиль невиданной марки, принадлежавший, как оказалось, наркомун внутренних дел. Вот такие были формальные поводы для арестов.

Мне в протоколе записали, что я проник на Тушинский аэродром со шпионской целью. Следователь был большой импровизатор и «лепил» дело прямо при мне. Он рассуждал вслух, насколько я помню, примерно так: «Я понимаю, если бы это был военный аэродром, то ты бы туда вообще не попал, потому что там охрана. А на Тушинский – вход свободный. Ну как бы ты там мог навредить? Может, сфотографировать его хотел или на план посадить?» Ничего правдоподобного не придумав, он начал разрабатывать версию моей причастности к шпионажу, так сказать, с другого конца. Назвал мне фамилии нескольких уже арестованных людей и спросил, знаю ли я кого-нибудь из них. Был такой Бархаш, руководивший «Обществом пролетарского туризма», большой приятель Крыленко. Я в то время увлекался альпинизмом, уже после моего ареста вы-

* Вегенер Л. В. Воспоминания // Воля : Журн. узников тоталит. систем. – 2002. – № 8–9. – С. 183–192 : портр. С. 183–192.

шла книга коллектива авторов «Перевалы Центрального Кавказа», к которой я делал несколько топографических планов. Поэтому, естественно, я и знал Бархаша. «Вот он тебя и завербовал! – обрадовался следователь. – Он тебе и предложил «работу» на Тушинском аэродроме». Причем, когда я рассказывал об этом «Обществе пролетарского туризма», он тихо и почти умоляюще предупредил меня: «Только не называй людей, которые еще не арестованы». То есть я должен был говорить только о тех лицах, которых назвал он. Я понял, что они уже захлебываются от этой истерии бессмысленных арестов.

Когда этот idiotский протокол был составлен и мы остались одни, я спросил его между делом: «Вы давно работаете в органах?» Он ответил: «Да нет. Месяца полтора». «А до этого?» – «Я работал в кооперации. Сюда попал по комсомольской мобилизации». То есть ни образования юридического, ни опыта практического, какие-то краткосрочные курсы. Потом я его спросил: «Ну хорошо, есть у вас этот протокол, участь моя решена. Скажите, зачем вам это нужно?» Он откинулся на стул и посмотрел на меня усталыми грустными глазами: «Что я, профессор что ли?» Они и сами толком ничего не знали. Им приказывали: «Оформи!» Они и «оформляли», не задумываясь, зачем и для чего. Неудивительно, что многие из них потом разделили участь своих жертв.

Поздней осенью тридцать восьмого «Джурма» доставила нас в бухту Нагаева. Уже снег выпал. Из бухты этапом в тайгу. На речку Контрандья. Нам это название сразу чрезвычайно понравилось – «Контра!». Никакого прииска и никаких домов там не было.

Все делали сами. Рубили лес, ставили палатки. Охраны тоже никакой не было. Практически всем заправляли уголовники. Начальник лагеря появлялся крайне редко, мы его почти не видели. Зима была ужасной. Голод, мороз. Совершенно непосильный труд, дикие нормы. Если норма не выполнялась, еду не давали или сокращали до минимума. Ну и началось просто всеобщее вымирание. Кончилось дело тем, что в марте следующего года наш участок закрыли как нерентабельный. Осталась лишь огромная яма с трупами, заваленная сверху дрсевой. Остатки дохляг посадили на машины и отправили в Магадан, на 23-й километр, так называемую «инвалидку». Там я познакомился с Шухаевым, Махлисом, Лузаном. Потом эту группу художников взяли в Магадан на оформление нового здания театра. Когда наша работа была окончена, я в течение года работал художником по линии Политуправления.

Однажды в лагере я заболел тяжелым воспалением легких. И когда, едва оправившись от болезни, вышел из лагерного лазарета совершенно истрепанный и полуживой, Гридасова устроила мне командировку на 23-й километр, своего рода «санаторий» для заключенных, и дала соответствующие указания, чтобы меня не трогали ни для каких работ и кормили досыта. «Возьмите краски и пишите только этюды», – напутствовала она.

На «инвалидке» у меня, между прочим, был такой эпизод. Я приволок с сопок букет рододендронов. Он простоял в вазе с неделю, и тут мне пришлось в голову написать с него натюрморт. Пишу себе, и чувствую, сзади кто-то стоит. Оборачиваюсь и вижу энкавэдэшника с точеной физиономией, немножечко похожего на Берию. Продолжаю работать. «Я не мешаю вам?». Отвечаю: «Нет». Хотя это, конечно, мешает. Через несколько дней он появился опять: «Я хотел бы по-

Вегенер Леонид Винфридович (1908–1991), театральный художник. Родился в Москве. Работал во Всесоюзном союзе кооперативных товариществ работников изобразительного искусства (Всекохудожник). Арестован «по подозрению в шпионаже» в марте 1938 года и осужден через несколько месяцев (особое совещание при НКВД – осуждение по ст. 58, п. 10, 11 на 8 лет ИТЛ с правом переписки, а после конца срока – спецпоселение с ежесемьдневной явкой и отметкой в спецкомендатуре НКВД Магадана). Отбывал заключение на прииске Контрандья (ныне Сусуманский район Магаданской области), в инвалидном лагере на 23-м километре Колымской трассы.

Освобожден в сентябре 1946 года. С этого времени и до конца 1958 года являлся художником, а затем главным художником Магаданского музыкально-драматического театра. Автор сценографии к спектаклям «Взаимная любовь» И. Рубинштейна, «Похищение Елены» А. Вернейля (совместно с А. Карпенко), «Отцы» Ж. Летраца, «Полководец Суворов» И. Бехтерева и А. Разумовского (совместно с В. Шухаевым), «Женитьба» Н. Гоголя и др. Вместе с В. Шухаевым оформлял декорации к единственной в истории магаданского театра опере «Травиата» Д. Верди.

Реабилитирован в 1955 году. В конце 1950-х уехал из Магадана. Оформлял спектакли в театрах Симферополя, Костромы, Оренбурга. В качестве сценографа работал над несколькими постановками режиссера Л. Варпаховского на сцене Малого театра, театра имени Моссовета и др.

смотреть. Не помешаю?» – «Смотрите». – «Мне нравится, как вы работаете». Он помолчал немного, потом говорит: «А вы не могли бы выполнить мою просьбу? Написать для меня такой же натюрморт?» – «Отчего ж, напишу. А может быть, вам этот подойдет? Цветы, правда, немного завяли». – «Ничего, это как раз и интересно». – «Чем же вам интересен сникший букет?» Он усмехнулся: «Это настоящий колымский букет». – «В каком смысле, настоящий? Я его действительно принес из тайги». – «Нет, дело не в этом. Как бы вам объяснить? Такое впечатление, что его будто ударили по голове». Я обалдел от такой ассоциации. «Когда я смогу забрать его?» – «Заходите через неделю». Ровно через неделю он появился.

Долго изучал. Натюрморт ему понравился. «Я вам очень благодарен. Завтра подошел своего солдата, и вы ему отдайте эту вещь». Действительно на следующий день пришел солдат с огромным пакетом – от такого-то – и забрал натюрморт. Чего только не было в этом пакете: белый хлеб, тушенка, конфеты, копченая рыба, сгущенка. Птичьего молока только не было.

Кстати, вот такое совпадение. Во время последнего визита моего благодетеля у меня в мастерской находилась некая Хана Орлова. Она работала геологом у Цареградского, а потом вдруг «загрелась». Тогда многие из вольнонаемных становились заключенными. Она частенько заходила ко мне, читала, разговаривала. И вдруг увидела этого энкавэдэшника. Прямо так и впились своими черными глазницами. Когда он ушел, я спросил у нее: «Почему ты так пристально на него смотрела?». «Так это ж мой следователь», – ответила она. «Ну и что?» – «Так он же меня выпустил. Ему поручили мое дело, и он повел его таким образом, что спас меня». Так что в их среде тоже были самые разные, неожиданные люди.

Первое время директора в Магаданском театре менялись довольно часто. Об их профессиональной компетентности можно было судить хотя бы по такому факту. Очередным руководителем колымского храма искусств стала супруга одного из начальствующих лиц, этакая грандама необъятных размеров по прозвищу Мадам Гамбург. И вот она осматривала залы и помещения в сопровождении целой свиты во главе с художественным руководителем Георгием Николаевичем Кацманом. Но пояснения давал почему-то театральный завхоз. Мадам Гамбург осталась, в общем, всем довольна, как вдруг в фойе ей попался на глаза один портрет. «Это что еще за художество?!» – ее возмущению не было предела. «Где? Что?» – спрашивают. «А вот эта картина! Кто посмел повесить в театре какого-то пьяного мужика?!» Завхоз наклоняется к Кацману: «Георгий Николаевич, что это за мужик такой?» Кацман отшутился: «Я не в курсе дела». А директриса распалилась не на шутку: «Позор! Немыслимая опухшая физиономия с рачьими глазами. Да еще в больничном халате. Кто это придумал? Снять немедленно! Нечего ему тут висеть!» Георгий Николаевич, деликатнейший человек, подошел к ней поближе и тихо так произнес: «Успокойтесь, пожалуйста. Это, собственно, не пьяный мужик, а композитор Мусоргский. Копия с портрета Репина, сделанная нашим художником Шухаевым!» «Мусоргский?!» – опешила Мадам Гамбург. – Ну, конечно же, я знаю его. Великий русский композитор. Но неужели нельзя было изобразить его как-то по-человечески, а не в таком неприглядном виде?»

Как-то я получил задание – написать очередной портрет Сталина. Эти портреты «организатора и вдохнови-

теля всех наших побед» мы писали к каждому празднику. Интересно, что когда мне впервые предстояло делать такую работу, в Политуправлении долго решали, можно ли доверить заключенному писать портрет великого вождя. Решили, что можно. В этот раз у меня возникла идея изобразить Сталина в полный рост у географической карты. Взял я кисти и принялся за работу. И помню, когда писал эту вещь, ко мне подошел Шухаев. Долго-долго смотрел и потом изрек: «Ну, Леонид Викторович, это у вас не пройдет». – «Почему не пройдет, Василий Иванович?» – «Это у вас слишком реалистично».

Когда я закончил портрет, первым его увидел наш новый директор театра Венгржинский, чрезвычайно интересный человек. Он все ходил вокруг портрета, изучал с разных точек, крутил свои усы и наконец сказал: «Мне нравится!» Я поинтересовался: «Николай Федорович, а может, это слишком реалистично?» – «Нет, почему же. Помоему, нет». Через день в мастерскую нагрнулся Сидоров – начальник Политуправления Колымы, холеный такой, красивый, похожий на екатерининского вельможу. Я как раз обедал. Прибегают ко мне: «Иди, там Сидоров пришел, требует тебя». – «Какой Сидоров?» – «Иди-иди, узнаешь». Прихожу в мастерскую. Генерал рассматривает портрет Сталина, прислоненный к стене. «Это вы писали?» – «Да, я». «Интересно, интересно. Очень хорошо. Понимаете, в чем дело? Я ведь этого человека много раз видел вблизи. Он действительно такой. Очень похож». И пошло. Сидоров сообщил о портрете Никишову и Гридасовой. В общем, портрет забрали в кабинет начальника Дальстроя. Я потом Шухаеву сказал: «Василий Иванович, это оказалось не слишком реалистично».

Специально к открытию художественной выставки Шухаеву тоже поручили написать портрет Сталина. Он сделал поясную копию, кажется, с портрета Герасимова. На открытие выставки пожаловал сам Никишов. Первым делом направился к портрету. Смотрел, смотрел, и вдруг говорит: «Что за безобразие!» – «В чем вы усматриваете безобразие?» – спрашивает кто-то из художников. «Да как же вы посмели изобразить Иосифа Виссарионовича с грязным воротничком?» – «Почему с грязным?» – «Смотрите, вот с этой стороны грязный воротничок». – «Это не грязь, тут боковой свет, это тень» – «Никаких теней! Грязный воротник и все!» Никишов пришел просто в ярость. Последовал приказ: портрет немедленно снять, художника посадить в карцер. Шухаев в это время, ничего не подозревая, пил чай у себя в лагере. Прибегают входец: «Собирайся» – «Куда?» – «В карцер пойдешь» – «За что?» – «Не знаю, приказ такой».

Дальше продолжение вообще смешное было. На этой же выставке экспонировалась и моя работа «Сталин и Жуков на фронте под Москвой». Здесь Никишов грязных воротничков не нашел. Заметил только, что шубу у Сталина надо было сделать светлее. А поскольку лагерное начальство переполошилось, когда он ополчился на Шухаева, то на всякий случай решили и Вегенера посадить в карцер – он тоже Сталина рисовал. Ночью меня поднимают, говорят, чтоб оделся теплее, и выводят из барака. А карцер – это железный ящик недалеко от вахты, в котором можно было только сидеть. А сидеть нужно сутки. Там жуткий холод, на полу немного соломы и все. Открывают ящик и толкают меня: «Заходи». Лезу внутрь и головой упираюсь во что-то теплое. А это Шухаев. Он уже привык к темноте и спра-

шивает: «Леонид Викторович, а вы-то как сюда попали?» Я говорю: «А вы?» – «Ну, я-то попал сюда нормально». – «А я понятия не имею. Наверное, за компанию».

Утром Гридасова втайне от мужа дала приказ выпустить нас.

Однажды в театр приезжает наш главный хозяйственник генерал Рабинович. Собирает нас и сообщает, что для выполнения особого заказа создается специальная группа из художников, резчиков по кости и других умельцев, близких к искусству. Предстоит изготовить большую резную шкатулку из моржового клыка, золота и драгоценных камней. «Что за шкатулка? Для чего?» – «Узнаете после». В лагере нам отвели место под мастерскую. Мне поручили создать эскиз этой шкатулки, общее решение и с проработкой деталей.

Работу курировал сам Рабинович. Он постоянно навдывался в лагерь и, как правило, всегда привозил всякие вкусные вещи: сухую колбасу, сгущенное молоко, соленую кету. Так что, пока мы трудились над заказом, жили как у Христа за пазухой. Однажды он открыл нам секрет: шкатулка предназначалась в подарок Сталину от высшего командования Колымы.

Что же представляла собой сия шкатулка? В смысле оформления это была мешанина – сложнейшее решение колымской специфики: драги, промприборы, бульдозеры и прочее. А внутри этой шкатулки помещалась золотая пластина с выгравированной картой Колымы.

Через два месяца мы закончили работу. Приехал Рабинович, долго вертел это произведение искусства и потом сказал: «Не пойдет. Надоели все эти винтики, гайки, техника. Давайте-ка сделаем лучше природу Колымы: олени, моржи, собачьи упряжки. Это будет экзотичнее. А сбoku золотой каллиграфической вязью слова: «Дорогому и любимому товарищу Сталину от...» – и мы еще три месяца возились с этой шкатулкой.

Колоритной фигурой был Николай Федорович Венгржинский, проработавший в театре до конца 50-х годов. Войну он начал в истребительных отрядах СМЕРШа, после ранения завербовался на Колыму. Мы знали, что это грозный человек, но он никогда не повышал голоса, наоборот: в гневе становился еще более сдержанным. Он было невероятно похож на Лермонтова, и портрет поэта, висевший среди прочих в фойе театра, я писал именно с него.

Интересно, как он появился. В театре на третьем этаже был репетиционный зал. Вошел Венгржинский. Смотрит – работает оркестр. Тихо присев в уголке, сидит, слушает. В перерыве подошел к музыкантам, поздоровался. Начинает рассматривать инструменты. «Это что?» – спрашивает. «Скрипка». – «Понятно. А это?» – «Виолончель». – «Ага. А это?» – «Флейта». – «А как с ней надо обращаться?» Ему показывают. Он берет флейту, покрутил в руках, дунул в нее – какой-то нелепый звук. А потом вдруг взял и заиграл! Наступила мертвая тишина. Он улыбнулся и говорит: «Вот и познакомились. Я ваш новый директор. А до войны я играл в оркестре на флейте».

В театре одно время была еще одна весьма примечательная личность – Гертруда Фридриховна Рихтер. Только что освободилась из лагеря. В театре ведь работали и вольнонаемные, и заключенные. Утром мы под конвоем шли через весь город в театр, причем впереди всегда очень смешно вышагивал Шухаев. На вахте нас сдавали, а вечером конвой снова уводил в лагерь. Гертруда Фри-

дриховна устроилась к нам уборщицей. Парадокс, но по всем вопросам истории, мировой литературы, довоенного коммунистического движения шли за консультацией именно к ней. И Кацман, и Варпаховский, и другие постановщики. Она смеялась: «Опять пришли спрашивать, а мне еще полы подметать надо». Она происходила из сугубо буржуазной немецкой семьи, но это не помешало ей стать коммунистом и быть секретарем у немецких пролетарских писателей. Тельман шутя называл ее «Майн Луначарский». Когда в Германии произошел фашистский переворот, она ушла в подполье, а потом вместе с мужем Хансом Понтером эмигрировала в Россию. И на Колыму они попали вместе с ним. Он был крупным философом-публицистом и умер в лагере.

В театре не обходилось без курьезов. В спектакле Варпаховского «Похищение Елены» была такая мизансцена. Когда врывались полицейские, чтобы схватить похитителя при передаче денег, актер Розенштраух (он же мхатовец Юрий Кольцов) цеплялся руками за веревку, и его поднимали вверх – он как бы улетал в трубу. Один раз веревку опустили, а поднять его не смогли. Что-то заело. Подняли всего метра на полтора. Бедные полицейские бегают вокруг него и кричат: «Ушел, ушел!» А его ноги болтаются на уровне их голов.

Между прочим, Розенштраух все время надеялся на досрочное освобождение. Он мне показывал письма, которые получал от знаменитого мхатовского актера Василия Ивановича Качалова. Качалов, по-видимому, хлопотал за него в Москве, а потом обращался непосредственно к Никишову. В одном письме была такая фраза: «Я три раза написал Никишову и ни разу не получил никакого ответа».

Еще один нюанс из той жизни. Я знал музыканта, которому разрешили отбывать срок со своей скрипкой. Однажды он сбежал из лагеря, его искали с собаками, не нашли и посчитали погибшим. А он несколько лет провел в тайге. Что такое колымская тайга, надеюсь, объяснять не надо: летом – полчища комаров и мошки, прорва хищного зверья, зимой – лютые морозы, ниже пятидесяти. Ночевал и питался в охотничьих избушках. Откуда-то он знал их месторасположение. Через три года нервы у него не выдержали, и он добровольно сдался охране на каком-то прииске. Его привезли в Магадан показать Никишову. «Как ты умудрился прожить столько времени в лесу?» – спросил владыка Колымы. – «Ведь мы считали тебя мертвым». Скрипач рассказал. Никишов смилостивился. «По идее я должен добавить тебе за побег еще десять лет, но ладно – иди в лагерь и досиживай свой срок».

Вообще Никишову, как и его супруге, Гридасовой, были свойственны приступы милосердия. Помню, во время очередного вояжа по приискам он со своей свитой переправлялся через Колыму. Во время переправы плот перевернулся. Свита успела выбраться на сушу, а Никишов начал тонуть – он был очень грузный. Его спасли двое заключенных, бросившихся в ледяную воду. Когда генерала вытащили на берег, он произнес: «Считайте себя вольными». И они их освободил. На фоне колымского рабства и массовых расстрелов такие поступки создавали у определенной части заключенных иллюзии «добротного начальства». А там и легенды складывались...

Подготовлено к публикации Н.С. Позинной

Георгий Вагнер и его тюремная исповедь

Анна МОРОЗОВА

Георгий Карлович Вагнер (1908–1995) – известный ученый, доктор искусствоведения, исследователь древнерусской архитектуры, обладатель золотой медали Академии художеств СССР и Государственной премии. Но это из его второй жизни.

В первой Вагнер был одним из тех, кто побывал в «запроволочном аду» и остался жив. В предисловии к своим воспоминаниям «Из глубины взываю...» (отдельной книгой они были изданы московским издательством «Круг» почти через десять лет после смерти автора) он написал: «Преобладающим было чувство, вернее, убеждение в необходимости все выдержать, все перенести. Я был обязан вернуться к тем, кто меня любил и кого я любил. Мне не было «все равно»! Думая так, я тогда же погиб бы». Возможно, выжить и вернуться (чтобы сказать свое слово в науке, создать целый ряд замечательных книг и статей по истории скульптуры Древней Руси, наконец, оставить воспоминания о том страшном времени) помогла сорочка, в которой, по семейному преданию, Георгий Вагнер появился на свет в уездном городке Спасске Рязанской губернии.

Если коротко, первый отрезок его линии жизни выглядит так. После окончания десятилетки семья Вагнеров перебралась из Спасска в Рязань. Георгий окончил художественный техникум и остался здесь же преподавать изобразительное искусство. Увлёкся научной работой, изучал старинную рязанскую архитектуру, писал научные статьи. В 1933 году Вагнер уже заведовал художественным отделом областного краеведческого музея и заочно учился на искусствоведческом факультете Высших музейных курсов в Москве.

Точку поставил 1937 год: первый арест, заключение в тюрьму, приговор Особого Совещания при НКВД (5 лет ИТЛ), этап на Колыму. Все произошло очень быстро. В сентябре 1937 года Георгий Вагнер прибыл на самый отдаленный от Магадана прииск Мальдяк. Он работал землекопом, строителем, чертежником, выходил в забой и на заготовку дров. Через год произошла абсурдная с точки зрения здравого смысла ситуация: уже находясь в положении заключенного, Георгий Карлович подвергся

повторному аресту, допросам, пыткам. Но его не сломала тюрьма-барак в Хатыннахе, он не признал себя виновным в организации лагерной эсеровской организации.

В 1942-м Вагнера освободили и ... наложили запрет на выезд за пределы Колымы. Пришлось искать работу на прииске имени Водопьянова, и, по сути, ничего не изменилось: голод, цинга, выживание. Только в 1947 году удалось вернуться в Рязань. Ненадолго. Уже в 1949-м его, старшего научного сотрудника художественного музея с отметинной «судимость», арестовали и приговорили к пожизненной ссылке в Красноярский край. Здесь, в поселке Бельске, исследователь древнерусского искусства был грузчиком, техником-художником и чертежником в геологических партиях. И неизвестно, как бы все в итоге сложилось, если бы не смерть Сталина. В знаковом для многих тысяч заключенных 1954-м Вагнер стал свободным. В это время он находился в Ангарской археологической экспедиции под руководством академика Окладникова. Спустя год после реабилитации стал возможен приезд в Москву, где Георгий Карлович наконец смог заниматься главным делом своей жизни. Он работал в Институте археологии Академии наук СССР и уже в 1968-м успешно защитил (од-

новременно!) кандидатскую и докторскую диссертацию по владими́ро-суздальской скульптуре.

Свои воспоминания Георгий Карлович написал накануне 85-летия. Подчеркнул, что они не преследуют никакой общественно-литературной цели, поскольку ни общественным деятелем, ни писателем не является. «Между тем в моей жизни, сломленной трагедией 1937 года, было немало такого, что предать забвению нельзя».

Книгу предваряют два эпитафия. Первый – девиз на фамильном гербе рода Головкиных, к которому Вагнер принадлежал по линии матери и который, по убеждению автора, объясняет, почему он остался жив: «За правых – провидение». Второй – изречение Оскара Уайльда из его «Тюремной исповеди»: «Высказывать правду – мучительно. Обречь себя на вынужденную ложь много хуже». Эти строки не только определяют жанр повествования, но и отчетливо выражают внутреннее кредо автора книги. Он прошел через допросы и пытки, но никого не предал, не оговорил. И ложной вины, которую ему приписывали, не признал.

В качестве названия к своей «тюремной исповеди» Георгий Вагнер выбрал первые слова 129-го псалма Давида: «Из глубины взываю к Тебе, Господи. Господи, услышь голос мой». Авторское вступление к книге завершил так: «Я предвижу, что история моей жизни покажется многим читателям очень скупой на рассуждения. И они будут правы. Рассуждения – не мой удел. К тому же они очень прочны, быстро устаревают. Мне же хочется, чтобы сказанное здесь никогда не подверглось конъюнктуре».

Повествование Георгия Карловича Вагнера – скорее исторический документ, нежели литературное произведение. Честный, без лишних эмоций. Но именно это и позволяет понять, почувствовать кожей, что же на самом деле происходило на Колыме. В том краю нашей огромной страны, где «лиловые сопки высились кругом, как тюремные стены (...) и ни разу не удалось прорваться взглядом к свободному горизонту». Удивительно точно описала эту особенность колымского ландшафта Евгения Гинзбург в своем «Крутом маршруте». Такой же пейзаж в 1949 году запечатлел Георгий Вагнер в небольшой акварели.

Взываю к Тебе, Господи...

Георгий ВАГНЕР

Колыма. Гиблое место, символ несвободы. Одна на всех. И для каждого – своя. Небольшие фрагменты из книги «Из глубины взываю...» позволяют увидеть Колыму Георгия Вагнера.

Прииск Мальдяк был только недавно основан (что значит слово Мальдяк, я так и не узнал, да и не было никакого интереса узнавать), и тайга еще не успела пойти на дрова. На довольно большой площади были разбиты в шашечном порядке длинные брезентовые палатки с одним входом на продольной стороне. Изнутри стены палаток были «утеплены» большими листами фанеры, но между фанерой и брезентом никакого утепляющего слоя, например, торфа, не было. Тепло поддерживалось двумя железными печами из бочек от горючего (справа и слева от входа), огонь в которых нужно было поддерживать непрерывно. Отсюда – острая проблема заготовки дров. Каждый человек, идя с работы, обязан был принести дровесины, чем больше, тем лучше. Наблюдение за топкой печей возлагалось на дневальных. В дневальные, конечно, тут же устроились «бытовики». Они же должны были получать и раздавать пайки хлеба. Низовая лагерная администрация – УРБ (Учетно-распределительное бюро), КВЧ (Культурно-воспитательная часть), нарядчики, нормировщики, ротные и т. п. – жили в таких же, но более утепленных палатках. Начальник прииска, начальник лагерного пункта, маркшейдерское и геологическое бюро, баня находились в бревенчатых зданиях. Так же и ВОХР (военизированная охрана). Проволока вокруг лагерного пункта была, но не она «охраняла» нас, а охранники на деревянных вышках (их звали «грачами»). [...]

Утром работа начиналась, когда черное небо еще было усеяно яркими звездами. Нас отрядами выводили к вахте, пересчитывали и отправляли на свои рабочие места. Нашей бригаде сначала было поручено прокопать вокруг лагерного пункта (лагпункта, или просто ЛП) обводную канаву, которая могла бы преградить доступ в ЛП весенних вод. Вооруженные кайлами (кирками) и железными лопатами, мы были расставлены по трассе канавы, и я первый раз в жизни вонзил кайло в мерзлую колымскую землю.

Удивительно, что даже на этой работе я еще мог замечать окружающую таежную красоту. Как и на сенокосе, это в какой-то степени облегчало душу, отвлекало от сознания нашей заброшенности на край света, откуда, может быть, не было суждено вернуться... Но впереди было другое. [...]

Не помню, как это произошло, но о том, что я художник, и, следовательно, владею чертежным умением, стало известно одному из моих коллег «по этапу», который уже работал в геологическом бюро. Он рекомендовал меня геологам. Начальник геологического бюро, интеллигентный добрый человек (вольнонаемный, конечно), участливо встретил меня и поручил копировать на кальку планы прииска. Я почему-то должен был работать ночью. Вместе с коллегой мы уютно устраивались в бревенчатом доме, топили печь, и работа спорилась. Конечно, после тяжело-

го физического напряжения с кайлом, руки мои не сразу приобрели твердость, но, видимо, качество моих калек удовлетворяло геологов. У нас завязались хорошие отношения. Они даже подкармливали меня. Для меня это были боги. И надо же случиться такому, что я, неблагодарный, не запомнил их фамилии! Это – тяжкий мой грех... Есть, правда, слабая надежда на то, что, прочитав мои воспоминания, кто-нибудь из геологов-богов Мальдяка подаст весть о себе. Это сняло бы тяжкий грех с моей души.

Днем я уходил в свою палатку спать. И тут надо мной разразилась гроза. Ротный, увидев, что я не на «общих работах», пришел в злобный раж, обозвал меня последними словами, и на следующее утро я очутился снова на «общих работах», причем в штрафной бригаде. [...]

Как штрафники, мы получали по 400 г хлеба вместо 700, 800 и 900. Обеды и ужины были слабые. На первое – овсяный суп с соленой кетой, на второе – две-три ложки какой-либо каши. Чай был похож на коричневатую бурду. Хлеб хранился в холодном складе, и нам приходилось распиливать буханки двуручной пилой.

Наступили тяжелые морозы, до 40 градусов мы еще работали. Сейчас я не смогу даже объяснить, как я выдерживал 40 градусов при 14–16-часовом рабочем дне на открытом воздухе, т. е. не в штольне, а в забое. При 40 градусах выдыхаемый воздух образует струю пара, шуршащую, как при чистке котлов локомотива. Какое-то время эта струя не исчезает, а как бы стоит в воздухе. Страшно. Весь организм напряжен до предела в усилиях не поддаться ослабе. Стоит только воле ослабнуть, как страшный холод охватывает все тело, возникает желание бросить все и... Трудно сказать, что следует за этим «и». Спрятаться в тихом месте? Негде. Кроме того – кругом вооруженный конвой. Конвоиры в теплых тулупах, им мороз не страшен. Таким образом, спасение только в движении, в отчаянном сопротивлении морозу. От выдержки и силы воли зависит: кончится эта борьба победой или поражением. [...]

Прииск Мальдяк, видимо, не справлялся с планом. Рабочий день был увеличен до 16 часов. Это касалось и ночной смены. Помню, как уже утром мы все еще содержались под конвоем в забое, хотя никто уже не работал, все сидели где кто мог. Тут я впервые наблюдал северное сияние. Со всех краев горизонта снизу вверх устремлялись световые всполохи, а в зените небесного купола образовывалась какая-то круговерть. Я еще был способен залюбоваться этим невиданным зрелищем. Но чувства медленно тупели. Начиналась борьба за жизнь.

Давал знать о себе голод. По тяжелым земляным работам питания явно не хватало. Я тогда удивлялся: неужели Даль-

Акварели Георгия Вагнера из коллекции Мотыгинского государственного краеведческого музея (Красноярский край, п. Мотыгино)

строю было выгодно экономить на дешевой еде, когда мы добывали золото? Ведь это золото доставалось задаром! При достаточном питании его добычу можно было резко увеличить. Действовал, однако, примитивный «принцип»: «зэков» надо кормить плохо, чтобы они чувствовали наказание... Я уже начал терять чувство мужского достоинства и не гнушался подбирать кухонные отбросы на лагерной помойке, благо в замершем виде они не грозили никакой заразой. Но от этого только больше распухали ноги... [...]

В зимней тайге было очень красиво. Мы разжигали костер и поочередно грелись. При взгляде на полыхающий огонь возникало какое-то безумное отупение, вероятно, так смотрят на огонь звери. Это сравнение со зверем возникло у меня тогда, в мальдякской тайге, на заготовке дров. Удивительно, как я сохранил это ощущение в течение чуть ли не 50 лет! Да, мы были тогда если не звери, то полузвери... [...]

Наступил момент, и наш злосчастный Мальдяк радиофицировали. На одном из «наших» столбов прикрепили круглый черный репродуктор. И первое, что я услышал, был романс Бородина «Для берегов отчизны дальней». Пел Козловский. Я не был поклонником его нежного голоса, но после рязанской тюрьмы и всего, что за ней последовало, пение потрясло меня, и я впервые не удержался от слез... Заплакал я не от своей участи, нет, а от поразившего меня контраста между тайгой, лагерем и красотой музыки. Неужели Красота и Смерть могут быть совместимы? Однако я не могу сказать про этот случай, что не выдержал испытания на мужественность. Слезы свидетель-

ствовали о наличии эмоций. Эмоции сохранились, несмотря на все происшедшее.

Хочу добавить, что мои попытки предложить администрации свои услуги в качестве художника были отклонены. Художник на прииске очень нужен. Нужно писать лозунги, оформлять стенгазеты, рисовать карикатуры на отказников и пр. (не говоря уже о работе в клубе). Я познакомился с работниками КВЧ (культурно-воспитательной части), они были не против, но начальство не разрешило взять меня. Надо мной, как дамоклов меч, висела литературная КРД. [...]

Топография Нижнего Хатыннаха очень напоминала Мальдяк. Но все здесь было капитально. Капитальная кухня со столовой, здание клуба, здание амбулатории. Вне проволочной ограды, на склоне пологой сопки разместились бревенчатые здания для вольнонаемных (начальник ЛП, геологическая и маркшейдерская службы) и для воезированной охраны. Вне зоны была баня. [...]

Однажды я, вероятно поэтому, был освобожден от «общих работ», и мне было поручено подмести территорию лагеря перед бараками. Размахиваю я ряд за рядом метлой, размахиваю бездумно – это хороший способ ограждать психику от травмирования. Вижу – идет староста лагеря (обычно он назначался из людей с какой-либо гражданской статьей: злоупотребление служебным положением, растрата или что-либо в этом роде). Староста Иван Иванович смотрит на меня и спрашивает: «Небось, стыдно подмести-то?» «Нисколько», – отвечаю я.

Иван Иванович: Кем был-то на воле?

Я быстро соображаю, что понятие «музейный работ-

ник» ничего ему не скажет, а вот «художник» – другое дело. Ответил: «Художником».

Иван Иванович: Верно? И что же, ты сможешь срисовать меня?

Я: Конечно, смогу, если в тюрьме не разучился. Надо попробовать.

Иван Иванович: Ну, вот что. Дометай и приходи ко мне в мою контору.

Я: Разживитесь бумагой, если можно – слоновой.

На том мы расстались.

Явившись к нему, я усадил его и начал рисовать, для начала в профиль. Портрет вышел не очень профессиональный, но сравнительно похожий. Староста был доволен и дал мне краюху черного хлеба. Далее у нас состоялась такой разговор.

Иван Иванович: Ты можешь сделать красивую арку при входе на территорию ЛП?

Я: Почему бы не сделать, нужна фанера, пила, краски.

Иван Иванович: Завтра на «общие работы» не пойдешь. Скажешь, что оставлен старостой. [...]

Наутро я пришел в КВЧ, которая занимала три комнаты за сценой бывшего клуба. Тут же на сцене стоял большой стол, на котором могла поместиться немалая стенгазета. Валув познакомил меня с начальником КВЧ, вольнонаемным Владимиром Карловичем Даркевичем, человеком еще молодым, но на вид чрезвычайно серьезным. Мне были даны уже написанные статьи, я составил композицию стенгазеты, нарисовал заголовок, украсил статьи иллюстрациями (акварелями) и вызвал у воспитателей полное удовольствие. Мне было сказано, что в виде исключения, как «литерный» (КРД), остаюсь при КВЧ и освобождаюсь от «общих работ».

Так передо мной блеснул свет. [...]

Я, действительно, работал не покладая рук. Если не оформлял стенгазету, то писал лозунги, рисовал иллюстрации к текстам, сочиненным воспитателями. Лозунги и плакаты были нужны не только для ЛП и его зданий, но и для тех промывательных сооружений, которые растягивались вдоль всего прииска. Для этого мне давались старые простыни или новая бязевая ткань, и я очень скоро овладел техникой сухой кисти. Этой техникой я сделал большой портрет Ежова для центрального лагпункта «Полярный». Он был водружен над Управлением, но вскоре был снят. [...]

На Колыме некуда было совершить побег. Кругом на тысячи километров простиралась мертвая тайга. Но некоторые смельчаки бежали. Обычно их вскоре ловили.

Живя еще в бараке № 1, я был свидетелем поимки трех таких беглецов. Их выпустили в исподнем в «зону» и натравили на них вохровских овчарок. Собаки кидались на беглецов, рвали на них белье, кусали так, что белье было все в крови, парни кричали, кидались на проволочные ограждения. Настоящее возвращение к опрочине! С тех пор у меня родилась антипатия к овчаркам, хотя их «патриотические» заслуги в войне 1941–1945 годов очень велики. [...]

21 января 1942 года закончился срок моего пребывания в лагерях. Как говорится в таких случаях – «прозвенел звонок». Я стал со дня на день поджидать официального извещения об освобождении, но его все не было и не было.

Время шло, я обратился «по инстанции» и получил обескураживающий ответ. В связи с войной освобождение лиц по таким-то и таким-то статьям и литерам откладывается «до особого распоряжения». Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

Надо, впрочем, сказать, что к выходу «на свободу» я не был готов. Язвы на ноге все расширялись. Я попал в лагерную лечебницу, для которой исполнял разные оформительские работы и поэтому пользовался расположением медицинского персонала. Меня стали подлечивать синим светом, и дело пошло уже на поправку, но тут заведующая больницей сказала мне, что получено извещение о моем освобождении.

Был май. Кругом еще все белело под снегами. Куда мне подаваться? Сказали, что все освобождающиеся направляются на прииск им. Водопьянова, который преобразован в прииск вольнонаемной силы. Это меня устраивало, так как я пребывал на этом прииске со злополучной хатыннахской тюрьмы. Добрейшая заведующая больницей пробовала оттянуть мой выход и получше подлечить ногу. На небольшой срок ей это удалось, но настал момент, когда требование о выводе меня «из зоны» прозвучало категорически, и я, простившись с товарищами, с перевязанной ногой заковылял за вахту, потом на трассу и стал ждать попутной автомашины (грузовой, разумеется).

Шли разные машины: американские «студебекеры» и «даймонды», отечественные грузовики. Много их прошло, не обратив на меня никакого внимания. Я стал уже тревожиться: куда же мне податься с наступлением холодной ночи? Не ковылять же с больной ногой 10–15 километров пешком! Тем более что поднялся чуть ли не ледяной ветер, о котором, хотя он и был ветром свободы, я никак не мог сказать словами Франциска Ассизского: «брат мой, ветер». Какой там брат, когда передо мной вставал призрак замерзания... Отчаявшись, я не знал, что делать, пока один из сердобольных водителей, везший какие-то длинные жерди, не остановился и не сказал: «Залезай, я еду на Водопьянов». Его звали Ершов. Я хорошо запомнил эту фамилию, так как мне пришлось жить с ним одно время и именно с ним, на его машине, я навсегда покидал в 1946 году прииск им. Водопьянова, а вместе с ним и Колыму (это произошло уже в январе 1947 года).

Сидя на дровах, обдуваемый свежим ветром, я вовсе не чувствовал себя счастливым. Радостно, конечно, было, ведь сзади оставалась «зона», овчарки, грубые команды, лагерная баланда, неудобные бараки, а, главное, сознание непринадлежности самому себе. Сзади оставалось убогое обмундирование, нищенское белье, вечное «ты» (эй, ты, Вагнер). Сзади оставался весь этот запроволочный ад, в котором я пробыл пять лет и пять месяцев. И даже обдувавший меня холодный ветер казался последним дыханием ада... Но бездумно-радостно мне все же не было. Как я устроюсь на вольнонаемном прииске? А что если как художник я буду не нужен и придется кайлить мерзлую бетонную землю? Было над чем задуматься. Я ведь уже знал, что в связи с идущей войной выезд с Колымы на «материк» отменен. Нужно было золото, очень много золота, добыча которого держалась не столько на технике, сколько на ручном труде.

Работы Г. Вагнера хранятся в Рязанском художественном музее, переданы в дар московскому обществу «Мемориал»

Дело «харбинцев»

Репрессии среди русских эмигрантов из Китая

Наталья ГРЕБЕНЮКОВА

Политические репрессии 1930–1940-х годов напрямую коснулись не только ни в чем не повинных советских людей, но и русских эмигрантов из Китая. Среди них немало деятелей культуры, искусства и науки. Вина их часто была надуманной, а наказание – суровым и неотвратимым.

У поэтессы Марии Петровых есть такие строки: «Мы живем, не мудрствуя лукаво. / И не так уж мы преступны, право... / Прокляты. Не только что преступны! / Велика ли честь, что неподкупны... / И ни нам, и ни от нас прощенья, / Только завещанье на отмщенье...». У автора этих стихотворных строк во время репрессий пострадали родные: дядя (брат матери) – ярославский священномученик Димитрий Александрович Смирнов, другой дядя, Иван Семенович Петровых (в монашестве Иосиф) – церковный деятель, митрополит и духовный писатель (многokrатно арестовывался советскими властями, был расстрелян и канонизирован Русской православной церковью за границей).

События 1920–1930-х годов, в особенности 1945 года, определили судьбу российской эмиграции в Китае. Во время советско-китайского конфликта 1929 года в Маньчжурию вошло два советских полка, и следователи, уже имевшие на руках списки подозреваемых, производили аресты, допросы среди русских поселенцев Маньчжурии. В 1932 году Япония оккупировала Маньчжурию, что привело спустя три года к продаже Китайско-Восточной железной дороги. В марте 1935 года началась репатриация из Маньчжурии советских граждан, работавших на КВЖД. В Советский Союз выехали десятки тысяч человек. Органы госбезопасности СССР активно «вели разработку» прибывших реэмигрантов, которых называли в оперативной отчетности «харбинцами».

Планомерные репрессии в отношении «харбинцев», бывших служащих КВЖД и реэмигрантов из Маньчжоу-Го, начались с 20 сентября 1937 года, когда вышел оперативный приказ народного комиссара внутренних дел Союза ССР Н.И. Ежова за № 00593. Он был направлен против «террористической диверсионной и шпионской деятельности японской агентуры из так называемых харбинцев». В приказе сообщалось, что органами НКВД учтено до 25 тысяч человек, делались ссылки на Учетные агентурно-оперативные материалы. В них утверждалось, что «выехавшие в СССР «харбинцы» в подавляющем большинстве состоят из бывших белых офицеров, полицейских, жандармов, участников различных эмигрантских шпионско-

фашистских организаций и т. п.». Они якобы являются агентурой японской разведки, которая на протяжении ряда лет направляла их в Советский Союз для террористической, диверсионной и шпионской деятельности. В приказе перечислялись категории «харбинцев», которые подвергались ликвидации или аресту. Среди них, в том числе, назывались участники всевозможных организаций («Христианский союз молодых людей», «Русское студенческое общество», «Братство русской правды», «Союз мушкетеров» и другие), также лица, служившие в иностранных фирмах, владельцы и совладельцы различных предприятий в Харбине.

Арестованные были разбиты на две категории: «изобличенным в диверсионно-шпионской, террористической, вредительской и антисоветской деятельности» выносился приговор «расстрелять», менее активных ожидало заключение в тюрьмы сроком от 8 до 10 лет. Кроме того, на арестованных «харбинцев» ежедекадно составлялась отдельная справка (альбом) с изложением следственных и агентурных материалов, которые определяли степень виновности арестованных, и этот «альбом» направлялся на утверждение в НКВД СССР. Пик террора в отношении репатриантов из Китая пришелся на 1937–1938 годы, когда было репрессировано более 31 тысячи «харбинцев», из них более 19 тысяч человек к расстрелу и более 10,5 тысячи – на 10–25 лет ИТЛ.

9 августа 1945 года началась советско-японская война, в результате которой была разгромлена Квантунская армия в Китае и советские войска оккупировали Маньчжурию. Среди репрессированных в 1945 году оказались как бывшие рядовые Белой армии («колчаковцы», «каппелевцы» и «семеновцы»), так и старожилы КВЖД. Начались массовые аресты. Репрессиям подверглись почти все журналисты, издатели, деятели культуры, которые ранее сотрудничали с японскими властями. По воспоминаниям В.Ф. Перелешина, советская администрация Харбина устроила в бывшем здании японского консульства официальный прием. Арестовали всех приглашенных, среди которых были А.И. Несмелов, М.П. Шмейссер, вся редакция журнала «Луч Азии» и газеты «Заря». Спи-

А.А. Ачаир (Грызов). Харбин, 1940

Архив журнала «Мные Сергеса»

Встреча с Ф.И. Шаляпиным в Шанхае. Стоят (слева направо): П. А. Северный, журналист Полишинель (Н. Б. Петров), балетмейстер Э. И. Элиров; сидят: руководитель театра оперетты Г.И. Кудинов, Ф.И. Шаляпин, солистка балета А. Ганина, драматург и артист П.А. Дьяков, поэт М.Ц. Спургот. 1936

Группа харбинских поэтов, четвертый слева А.И. Несмелов

ГЛАВНАЯ ТЕМА

сок арестованных поэтов, журналистов, издателей и деятелей образования, репрессированных в Маньчжурии после 1945 года, насчитывает сотни имен.

Сохранилось немало воспоминаний бывших харбинцев, тех, кто, пережив лагеря, остался жив. Литератор Н.И. Заерко вспоминал, что их «из подвалов и камер харбинской тюрьмы октябрьской ночью вывозили по мертвым ночным улицам затаившегося в тревоге города... Погрузка в «телячи» вагоны – и долгий путь до нынешнего Уссурийска... Меня судили 31 декабря. «Новогодним подарком» военного трибунала было 10 лет лишения свободы с отбыванием в ИТЛ. После суда – в тюрьму. Двухъярусные нары были заполнены харбинцами... Интересовались: сколько дали? Меньше десяти не было ни у кого... Бодро, не теряя выправки, держался полковник Я.Я. Смирнов. Стихами писал просьбу об улучшении питания популярный в Харбине поэт Поперек-Маманди...».

После окончания Второй мировой войны указами Президиума Верховного Совета СССР определенной части эмигрантов было предоставлено право получения советского гражданства. Его получали лица, состоявшие к 7 ноября 1917 года подданными бывшей Российской империи, а также те, кто утратил советское гражданство, и их дети. Распространялось оно на русских эмигрантов, которые в то время жили не только в Маньчжурии, но и в провинции Синьцзян, в Шанхае, Тяньцзине и других городах Китая.

После выхода этих указов началась добровольная репатриация, которая охватила период 1946–1950 годов. Бывшие русские эмигранты подавали прошения о предоставлении им советского гражданства. Пик репатриации этого периода, считают историки, пришелся на 1947–1948 годы. В сентябре 1947 года после оформления документов в Генконсульстве СССР турбоэлектроход «Ильич» с русскими на борту вышел из Шанхая и взял курс на порт Находка. Вторая группа русских из Тяньцзиня отплыла на родину на теплоходе «Гоголь». В 1947 году прибывших репатриантов из Китая размещали, главным образом, на Урале – в 38 городах и районах Свердловской области, в городах Златоусте, Магнитогорске, Миассе, двух районах Челябинской области, в шести городах Башкирской АССР, в двух районах в Молотовской области – в Татарской АССР – в Казани и четырех районах республики.

В 1946–1948 годах все репатрианты прошли процедуру фильтрации, примерно треть была осуждена по 58-й статье УК РСФСР за коллаборационизм на сроки от 10 до 15 лет. В 1947–1951 годах несколько сотен репатриантов, добровольно вернувшихся в СССР, также были осуждены. На запросы родственников погибших репрессированных давались неверные ответы о дате и причине смерти, а действительные причины сообщались только устно. Такое положение закреплялось с 1955 года Указанием № 108сс органам КГБ, подписанным председателем комитета госбезопасности В.Е. Семичастным. В соответствии с ним органы госбезопасности извещали членов семей осужденных, что их родственники, приговоренные к 10 годам ИТЛ, умерли в местах лишения свободы, а в выданных свидетельствах причина смерти была вымышленна, даты смерти назывались в пределах 10 лет со дня ареста. Введение такого порядка объяснялось тем,

В.Ю. Янковский. Маньчжурия, 1943

что «в период репрессий было необоснованно осуждено большое количество лиц, поэтому сообщение о действительной судьбе репрессированных могло быть ... использовано враждебными элементами в ущерб интересам Советского государства».

Во второй половине 1950-х годов наметилась либерализация политического режима в СССР, фактов массового террора в отношении репатриантов из Китая уже не было, хотя выходили директивные распоряжения КГБ, согласно которым все прибывшие из Китая подлежали постановке на оперативно-следственный учет. Снятие с учета в 1950-е годы планировалось произвести только в 1980–1990-е годы. На сегодняшний день большая часть репатриантов из Китая, репрессированных в годы сталинизма, реабилитирована.

В рамках статьи можно лишь назвать имена некоторых пострадавших деятелей культуры, искусства и науки, «харбинцев», коснуться их драматических судеб. О некоторых из них известно чуть больше, об иных совсем немного. Прошли по кругам ада поэты и прозаики А.А. Ачаир, А.И. Несмелов, Л.В. Гроссе, А.П. Хейдок, Ф.Ф. Даниленко, М.Ц. Спургот, Л.И. Хаиндрава, М.П. Шмейссер, В.Ю. Янковский и многие другие.

Тяжелой была судьба писателя В.Ю. Янковского (1911–2010). Когда части Советской армии вступили в Маньчжурию, он и братья Арсений и Юрий добровольно явились в штаб 25-й армии, работали военными переводчиками с корейского и японского языков. Но вскоре, в январе 1946 года, их арестовали «за оказание помощи международной

буржуазии». Взятые были и двоюродная сестра Татьяна, и их 69-летний отец. Сначала Валерию дали 6 лет, но после пересмотра дела он получил 10 лет ИТЛ, и его повезли во Владивосток. На вопрос исследователя восточной ветви зарубежья А.В. Ревоненко (1934–1995), не сохранилось ли у писателя книг, изданных в Китае, Янковский ответил: «Сборников и альманахов у меня, конечно, не сохранилось по причине, я думаю, Вам понятной: не слишком комфортно я оттуда ехал». «Везли даже не как скот, а как хищных зверей – за решетками, – вспоминал В.Ю. Янковский. – Так спустя 25 лет я вновь встретился с Родиной». За побег в группе заключенных в мае 1947 года приговором военного трибунала он был осужден на 25 лет ИТЛ. В 1949 году эта мера была заменена на три года. Места заключения В.Ю. Янковского – пересыльный лагерь «Шестой километр» на Первой речке (Владивосток), зона усиленного режима (ЗУР), отдельный лагерный пункт (ОЛП) в п. Таврическом, Уссурийская следственная тюрьма, ИТЛ п. Ванино, ОЛП в Певеке (лагерь Чаун-Чукотского Горно-промышленного управления Дальстроя). Работал он «баландером», гробовщиком; после разрешения на работу в лагере бесконвойным был табельщиком, экономистом, репетитором по английскому языку сына начальника участка, бригадиром. В августе 1952 года В.Ю. Янковский был освобожден, однако по предписанию администрации Дальстроя должен был проживать «до особого распоряжения» на отдаленном прииске «Южный» на Чукотке. О пережитом Валерий Янковский написал книгу «От Гроба Господня до гроба ГУЛАГа: быть».

Судьба Л.В. Гроссе (1906 – после 1950 года), сына блестящего русского дипломата старой России, генерального консула Российской империи в Шанхае В.Ф. Гроссе, после репатриации менее известна. Поэт, автор многих стихотворных сборников, переводчик, журналист, издатель, теософ родился в Иокогаме, но своей родиной считал Россию. Решение переехать в Советский Союз было у Л.В. Гроссе добровольным и обдуманым. В личном деле Л.В. Гроссе, хранящемся в Государственном архиве Хабаровского края, есть такая запись некоего информатора: «Кто же такой Гроссе? Он или вообще Никто, или «Некто в Сером». Он может быть и атамановским агентом, и немецким агентом, и британским агентом (...). В.А. Кузнецов охарактеризовал мне его, как «типичного немца». Но Гроссе был в свое время очень дружен с бароном Жирар де Сукантоном. Про последнего я слышал, что он был атамановским контрразведчиком. 19 марта 1938 г.». Удивительно, что после такой характеристики поэт не был осужден сразу. После репатриации в СССР в 1948 году Л.В. Гроссе жил в Казани, работал переводчиком. Беда пришла через год. В каком именно ИТЛ поэт погиб, неизвестно: к 1940 году ГУЛАГ объединял 53 лагеря с тысячами лагерных отделений и пунктов, 425 колоний.

Был репрессирован и ярчайший поэт восточной ветви зарубежья А.И. Несмелов (Митропольский) (1892–1945). При жизни он выпустил девять сборников поэзии и два сборника рассказов. В августе 1945 года А.И. Несмелов был арестован и вывезен в СССР. Поэт находился в пересыльной тюрьме на станции Гродеково. Его сокамерник Иннокентий Пасынков рассказывал о последних днях и кончине А.И. Несмелова, который не терял присутствия

духа (воспоминания приводятся в предисловии к собранию сочинений поэта, изданных во Владивостоке в 2006 году): «Внешний вид у всех нас был трагикомический..., а моральное состояние Вам нечего описывать. Помню, как А.И. нас всех развлекал, особенно перед сном, своими богатыми воспоминаниями, юмором, анекдотами, и иногда приходилось слышать смех и оживление, хотя в некотором роде это походило на пир во время чумы...». Умер поэт от инсульта прямо в камере, и никто из охранников не вызвал врача.

Не избежал репрессий большой поэт и мелодраматический русский зарубежья, основатель харбинского объединения «Молодая Чураевка», секретарь отдела ХСМЛ в Харбине (с 1923 года) А.А. Ачаир (Грызлов) (1896–1960). В личном деле А.А. Грызова, хранящемся в Государственном архиве Хабаровского края, содержится такая информация: «ХСМЛ тесно связан с местными масонскими организациями. Секретарь ХСМЛ Грызлов» (...) является членом масонской организации розенкрейцеров...». Там же, под грифом «совершенно секретно» есть такая запись: «...владеет английским, японским и немецким языками. Из копии имеющегося в деле агентурного донесения агента Х-306 от 27 ноября 1939 г. видно, что Грызлов имеет связи с английской и американской разведками, имеет близкие отношения с работниками Американского и Английского посольства... Из агентурного донесения агента Х-323 от 25 января 1940 г. видно, что Грызлов имел беседу с секретарем Французского посольства, которая происходила 20 января 1940 г. в кабаре «Бомонд». Поэт был арестован в Харбине в 1945 году и осужден на десять лет ИТЛ. О своем «гулаговском» прошлом поэт не рассказывал даже близким, но известно, что в ссылке он находился в Байките и там продолжал писать стихи и музыку к ним.

Поэт М.Ц. Спургот (1901–1993), автор восьми стихотворных сборников и популярных в Харбине песен, «Мистер ХЛАМ» (звание на конкурсе объединения русской шанхайской богемы, Содружества художников, литераторов, артистов и музыкантов – Н.Г.), журналист, редактор, вернулся в СССР «из страны роз и чая» в 1947 году. Он был осужден и находился в ИТЛ с 1951 по 1955 год. Михаил Цезаревич о своем возвращении в СССР вспоминал так: «Я весь свой литературный архив оставил в Китае с тем, чтобы его привезла моя – теперь бывшая – жена: она должна была выехать вслед за мной, однако приехала только через несколько лет. Перед отъездом же сожгла все мои книжки, вырезки напечатанного из газет и журналов и даже рукописи, опасаясь везти с собою, подозревая, что я репрессирован. Так оно и было: я был репрессирован в начале 1951 года и реабилитирован в конце 1955 года».

Не все репрессированные поэты вернулись к творчеству после лагерей. Так, М.П. Шмейссер (1909–1986), депортированный в СССР в 1945 году, писал: «... с 1945 года я фактически перестал быть поэтом и писателем. (...) Видимо, лагерь был для меня слишком сильной психической травмой, от которой трудно было войти в состояние прежнего творческого настроения».

Размышляя о сталинском терроре и его жертвах, спрашиваешь себя: почему наказание без преступления происходило именно в России и откуда взялось это необъяснимое чувство вины, которое не дает покоя?

Семья переселенцев-староверов за обедом на жатве. Село Ульмин, Амурская область. Начало XX века

История старообрядческого братства

Иван ШЕВНИН

В XX веке в Приамурье проживали поколения крестьян, рыбаков, ремесленников, переселившихся сюда из разных концов императорской России. В 1920–1930-х годах, причисленные советской властью к «старообрядческому братству», они испытали на себе всю тяжесть и трагизм карательных операций ОГПУ.

Среди них были и те, кто вернулся на родину, в «Аморию» из королевства Румыния (нескольких сел Добруджи) и императорской Австрии (нескольких сел Буковины) в поисках религиозной свободы, труда на земле и лучшей жизни. Произошло это после того, как в России в 1905 году был принят закон о веротерпимости. А ведь задолго до этого, в XVII–XVIII веках, их предки из-за религиозных притеснений покинули родину. Именно с той поры их называют старообрядцами-липованами. Но ведали те, кто остался крестьянствовать на амурской земле, о новых испытаниях, которые выпадут на их долю через двадцать лет?

В начале 1930-х годов в СССР ускоренными темпами проводились социалистические реформы, широкомасштабно проходили индустриализация и коллективизация. Страна нуждалась в современной промышленности и крепком, технически оснащенном сельском хозяйстве. А поскольку ускорять темпы страна была вынуждена в империалистическом окружении, народу требовалось усиливать бдительность и крепить тылы в борьбе с внутренними врагами. У молодой Страны Советов их оказалось множество. Согласно советской доктрине фатальной неизбежности войны с капиталистическими странами империалисти-

ческие государства и их спецслужбы обязательно готовили заговоры с целью ликвидировать первое государство рабочих и крестьян. Роль «щита и меча революции» была предоставлена ОГПУ для раскрытия, разоблачения и уничтожения империалистических заговоров. Как потом показала жизнь, раскрытые до 1933 года «заговоры» оказались вымышленными. Тем не менее с конца 1920-х годов СССР охватила шпиономания и охота за реальными и вымышленными «классовыми врагами» в городе и деревне. Не отставал в этом от центра и Дальний Восток.

Ко всему этому добавилось еще и усиление антирелигиозной работы и борьбы с контрреволюционными элементами в руководящих органах религиозных объединений. Светской власти тогда древлеправославные христиане представлялись массой верующих старообрядцев. В начале 1930-х произошло такое стечение социально-политических, экономических и международных обстоятельств, когда светской власти пришлось придумывать угрозу со стороны, в том числе и со стороны старообрядцев, в лице Древлеправославной церкви Христовой (старообрядцев, приемлющих белокриницкую иерархию). Тогда опасность исходила от якобы созданного на территории советской России особого объединения, единственного в своем роде старообрядческого союза, который по мысли авторов сценария соединял в себе большинство приходов и обществ старообрядческой церкви белокриницкого согласия.

Здесь нужно обязательно подчеркнуть, что Приамурье и Приморье граничили с северо-восточными провинциями Китая, или Маньчжурией, территория которой осенью 1931 года была оккупирована милитаристской Японией, что привело к образованию марионеточного государства Маньчжоу-Го. Факт прямой агрессии был расценен как угрожающий советским экономическим интересам в Маньчжурии (КВЖД), так и безопасности дальневосточных границ. Для СССР с его относительно слабой системой обороны на Дальнем Востоке важно было избежать втягивания в маньчжурский конфликт и противостояние с Японией.

Такое географическое положение Дальневосточного края и непростая геополитическая ситуация на дальневосточных рубежах СССР очень сильно влияли на выводы следствия по делу выдуманного старообрядческого союза. Страхи, связанные с тем, что «Япония создала плацдарм для нападения на восточные рубежи СССР», отражались на мышлении следователей ОГПУ. Они стремились найти любые подтверждения этим страхам и объективно складывающимся политическим обстоятельствам.

Для обеспечения своей безопасности Советский Союз сразу сделал главный упор на военном строительстве. Одним из пунктов плана укрепления обороноспособности на востоке СССР стала борьба с различными контрреволюционными элементами внутри страны, которые «мешали» его реализации.

На сегодняшний момент основной источник сведений о вымышленном старообрядческом союзе – архивно-следственное дело П 77640, в которое включены различные следственные материалы Полномочного Представительства Объединенного государственного политического управления по Дальневосточному краю (ПП ОГПУ ДВК) о старообрядцах Древлеправославной церкви Христовой, приемлющих священство белокриницкой иерархии, которые проживали на нынешней территории Амурской области, Хабаровского края и Приморья. Наиболее ранние ма-

Семья Куделиных, семейские староверы. Село Желтоярово, Серышевский район

Староверки Брылёвы

териалы датированы апрелем 1931 года. Дополнением к нему является архивно-следственное дело П 87837.

Краткая предыстория событий в Приамурье такова. В апреле после службы «Марьино стояние» и далее весной 1932 года в Ленинграде арестованы 13 духовных лиц и десятки мирян Русской православной старообрядческой церкви. Есть свидетельство, что тогда же в Ессентуках арестовали владыку Викентия (Никитина) по обвинению в «создании и руководстве Северо-Кавказским филиалом Всероссийской контрреволюционной организации старообрядцев». А летом 1933 года уже шло параллельно с дальневосточным следствием о старообрядческой организации «Сибирское братство» по Нарымскому краю с числом арестованных более 200 человек.

Наибольший интерес для историков представляет «Обвинительное заключение по следственному делу № 301 о контрреволюционной повстанческой организации старообрядцев белокрыницкого толка «всероссийский союз старообрядческих братств» на 53 листах, составленное оперуполномоченным 3-го отдела Секретно-политического отдела (СПО) ПП ОГПУ по ДВК Свириденко после согласования с начальником СПО ПП Торопкиным и утвержденное заместителем ПП ОГПУ ДВК Западным 15 июля 1933 года, и список ячеек контрреволюционных организаций «Всероссийский союз старообрядческих братств» с адресами и отметками о ликвидации, а также выписки из протокола заседания судебной тройки ПП ОГПУ ДВК от 17 июля 1933 года.

Из архивно-следственного дела П 87837 можно выделить «Обвинительное заключение по следственному делу № 1212 – 1933 г. о к-р организации старообрядцев белокрыницкого толка – «Всероссийский союз старообрядческих братств», составленное также В.М. Свириденко с согласия А.И. Торопкина и утвержденное С.И. Западным, и выписки из протокола заседания тройки ПП ОГПУ ДВК от 11 января 1934 года.

Эти документы приобретают актуальность, поскольку исследования о вымышленном старообрядческом союзе практически отсутствуют, а вот упоминается о нем в публикациях о сталинских репрессиях в начале 1930-х годов против Русской православной старообрядческой церкви (РПСЦ) довольно часто.

В августе 1992 года Управление Министерства безопасности Российской Федерации (УМБ РФ) по Амурской области в одном из своих ответов на заявление по этому архивному делу сообщило, что «дополнительным расследованием, проведенным в 1959 году, доказано, что дело (всего по нему было арестовано 59 человек) сфабриковано по аналогии с ленинградским делом «Всероссийского союза старообрядческих братств» и «Ленинградского братства имени протопопы Аввакума» по которому в 1932 году арестовано и осуждено 67 человек. В связи с этим президиум Амурского областного суда 28 сентября 1959 года отменил постановление тройки ПП ОГПУ ДВК от 17.07.33 и дело дальнейшим производством прекратил за отсутствием состава преступления». Реабилитировали тогда 53 человека.

Вначале имеет смысл воспроизвести весь список адресов «ячеек контрреволюционной повстанческой организации «Всероссийский союз старообрядческих братств» составленный В.М. Свириденко. Напротив этих адресов сделана пометка: «Ликвидирована». Это касается таких го-

родов СССР, как Ленинград, Москва, Томск, Киев, Ессентуки, Калуга, Ржев, Барнаул, Пенза, Саратов, Новосибирск, Кострома, Херсон, Тула, Ростов-на-Дону, Уфа, Иркутск, Хабаровск. В Амурской области в Свободненском районе – села Бардагон, Новгородка, Рождественка, Семеновка, Нылга, Маркучин, Каменка, Климовцы. В Забайкалье в Верхне-Удинском районе – в селе Тарбагатай. Начиная же с Владивостока и до конца списка стоит отметка «Нет». Так, с точки зрения следователей ДВК, старообрядческие села Амурской области и Хабаровского края, где проживали в большом числе переселенцы периода столыпинских аграрных реформ из Румынии и Австрии, приобрели все-российское значение. Вероятно, по этой причине в отношении старообрядческих приходов и общин городов Благовещенска, Владивостока, сел Маркучин, Красная Речка, Киселе-Озерка, Тарбагатай, Орловка, Смирновка, Покровка, Владимировка, Марковка, Селеткан и других позднее были заведены новые следственные дела.

Согласно материалам обвинения в условиях официального советского атеизма светская власть с самого начала враждебно относилась к старообрядчеству: «среди существующих в СССР церковных ориентаций старообрядчество по всей своей контрреволюционной сущности, сплоченности, консервативности и строгой последовательности занимает одно из первых мест». Дальневосточные чекисты считали, что уже после 1917 года старообрядческая церковь белокрыницкого согласия в Амурской области имела все признаки контрреволюционной повстанческой организации и постепенно за десять лет оформилась полностью и стала выдвигать задачи свержения советского строя. По убеждению следователей, «в 1918 году при всех старообрядческих религиозных общинах ДВК были организованы объединения под названием «братство». Во главе «братств» стояли «попечители», которые проводили работу под руководством духовенства. «Братства» в первый период своего существования ставили перед собой следующие задачи: 1) объединение старообрядцев; 2) укрепление веры, сохранение старых бытовых форм и традиций; 3) воспитание юношества в религиозном и антисоветском духе; 4) восстановление старообрядчества против советской власти и борьба со всеми проводимыми ею кампаниями и мероприятиями; 5) активная борьба с советской властью вплоть до вооруженного восстания.

По мысли организаторов карательной операции «в 1926 году руководители организации в целях активизации борьбы с советской властью стали на путь создания единого церковного фронта. [...] В том же 1926 году в Москве во время проведения старообрядческого собора, группа духовенства из активных братчиков, на нелегальном совещании окончательно оформила контрреволюционную повстанческую организацию «Всероссийский союз старообрядческих братств».

Для следователей ОГПУ не было сомнения, что «организация имела разработанную программу деятельности, структуру построения организации, методы конспирации, клички, шифры, членские взносы, практиковала массовое печатание контрреволюционных брошюр и листовок». Частными задачами всероссийского союза назывались борьба за политико-экономические интересы старообрядческой церкви и борьба против политики ВКП(б) и советской власти в религиозном вопросе.

Продажа свечей, просфор, тарелочный сбор, добровольные подворные пожертвования, сбор по подписным листам, отчисления от церковных сумм понималось как «материально-финансовая база организации». Согласно версии чекистов, «средства эти направлялись местными контрреволюционными группами, или братствами или через епископов и священников в Москву и Ленинград [...] шли на печатание контрреволюционной литературы и на разъезды агитаторов и связников». Религиозное воспитание в семье, школе, в церкви представлялось как подготовка и создание кадров для антигосударственной деятельности. Даже молодежные сельские вечеринки понимались как осуществление «вербовочной работы». Обычные проявления церковной жизни рассматривались как «собрания членов организации», происходившие в церквях и на частных квартирах.

В начале 1930-х годов чтение «божественных книг на уроках», беседы архиерея с мирянами, где он призывал усердно молиться, сохранять древние обычаи, почитать старших и терпеть, нежелание водить в светскую школу детей интерпретировались как «широко развернутая контрпропаганда антирелигиозных вопросов, ставящая в основном своем направлении создание единого фронта верующих против соввласти в целях мобилизации масс верующих». Даже понимание отдельными старообрядцами некоторых астрономических явлений в апокалиптическом духе (лунное затмение, падающая звезда и т. п.) воспринималось как распространение слухов о чудесах, «которые связывались с приближением конца соввласти».

Сельскохозяйственные трудности при хлебозаготовках в связи с непосильностью выполнения плана, неурожаями, злоупотреблениями уполномоченных и просто бедностью старообрядцев, как колхозников так и единоличников, в глазах следствия выглядело как будто бы «хлебозаготовки 1932 года по селам Свободненского района поражены участниками организации, затянулись до февраля месяца 1933 года благодаря агитации, направленной против и к срыву этой кампании».

Так как Дальневосточный край входил в приграничную зону с Северо-Восточным Китаем, для дальневосточных чекистов было важно выяснить, были ли у приамурских старообрядцев какие-либо отношения с восточными соседями РСФСР – Маньчжоу-Го и Японией. Это нашло отражение в части обвинительного заключения под названием «нелегальная связь с Харбином». На востоке страны, так же как и на западе, зарубежные старообрядцы якобы стремились захватить руководство. «Отдельные группы контрреволюционной организации имели нелегальную связь с Харбином – харбинскими эмигрантами, старообрядцами, которые пытались возглавить контрреволюционную деятельность организации на ДВК». Всю ответственность за «нелегальную связь с Харбином» оперуполномоченный Секретно-политического отдела В.М. Свириденко возложил на отошедшего от епархиального управления владыку Климента (Логвинова), который имел переписку со старообрядцами-эмигрантами, проживающими в Маньчжурии: со священниками И. Кудриным, И. Шадринным, И. Старосадчевым и Панкратовым.

По мысли ОГПУ выходило, что «конечной целью контрреволюционная организация «Всероссийский союз старообрядческих братств» ставила подготовку вооруженного восстания, свержение соввласти и восстановление мо-

Семейная женщина-староверка за прядением. 1885

Женщины-староверки в праздничных нарядах. 1885

нархии». И дальневосточные чекисты пытались доказать, что во Владивостоке ведется подготовка к вооруженному восстанию весной 1931 года, владивостокская организация имеет связь с Харбином, раскулаченные старообрядцы ведут подрывную работу среди рабочих, а наступлением будут руководить из-за границы. Для этого амурские старообрядцы должны были поддержать это выступление, они купили оружие и собираются работать в подполье, ищут место в тайге, куда хотят завезти продукты питания. И главное, что при подготовке переворота существует связь между организациями в Свободном и во Владивостоке в деле подготовки переворота.

Всего по этому архивному следственному делу прошли 107 человек, считая тех, кто скрылся от следствия – 8 человек, и свидетелей – 40 человек. Признавалось, что 59 обвиняемых создали и активно участвовали в контрреволюционной повстанческой организации под названием «Всероссийский союз старообрядческих братств». Далее по согласованию с крайпрокурором следственное дело направили в тройку при ПП ОГПУ ДВК для внесудебного разбирательства.

Постановление внесудебной судтройки от 17 июля 1933 года. Расстрелять 19 человек (К.Д. Логвинов, Т.К. Афанасьев, Т.М. Морозов, Е.И. Бутковский, А.И. Бутковский, П.И. Бутковский, И.С. Минаев, У.И. Иванов, Е.С. Чебунин, А.И. Федоров, П.С. Калистратов, М.З. Афанасьев, М.В. Чебунин, С.Ф. Перов, Ф.В. Черухов, Л.К. Афанасьев, Е.П. Иванов, В.Ф. Перов, Ф.И. Перов). Заключение в концлагерь сроком на 10 лет 23 человека (Д.И. Шерстюков, М.Л. Бузинов, П.И. Суворов, И.В. Рябов, Н.М. Верба, А.М. Верба, А.А. Карасюк, С.П. Калистратов, А.А. Шишкин, М.К. Афанасьев, П.А. Кондратов, С.И. Суржиков, Т.П. Калистратов, Н.П. Авдеев, П.Е. Зверев, Ф.Ф. Философов, А.Н. Авдеев, К.У. Райков, Я.Ф. Федоров, Ф.М. Нестеров, В.В. Рябов, Е.Т. Коллегов, К.М. Коптелов). Заключение в концлагерь на 5 лет четырех человек (А.Н. Лыков, А.У. Иванов, М.К. Сипаткин, А.С. Карасюк). Заключение в концлагерь сроком на 3 года двух человек (Л.И. Савилов, П.Т. Саратов). Заключение в концлагерь условно сроком на 3 года двух человек (А.И. Суржиков, А.Е. Устинов). Заключение в концлагерь сроком на 3 года условно восьмерых ввиду старческого возраста (Н.А. Лыков, М.П. Осипов, Т.М. Васильев, Т.И. Кутейников, О.С. Маркина, Г.А. Ананьев, Е.И. Поздняков, М.А. Гребенчуков). Выслать в Зейский район сроком на 3 года одного (П.Ф. Изотов).

Результатом служебного рвения оперуполномоченного В.М. Свириденко стало инициирование доследования в селах под Хабаровском, одно из которых было основано переселенцами-старообрядцами из Саратовской губернии в конце 1890-х и двумя переселенцами из Румынии в 1910-х, где они и проживали на тот момент. «Доследованием было установлено наличие в селах Марковка, Смирновка, Красная Речка и Князе-Волконка Хабаровского района, нелегальных «братств» старообрядцев, являющихся ячейками контрреволюционной организации «Всероссийский союз старообрядческих братств». Участники того союза привлекались к ответственности по ст. 58 п. 11 и 58 п. 10, ч. II УК РСФСР. В итоге следствия обвинялись 15 человек, все граждане СССР. Согласно «обвинительному заключению», предъявленное обвинение считалось доказанным. Далее, также по согласованию с крайпрокурором, следственное дело передавалось в тройку при ПП ОГПУ ДВК для внесудебного разбирательства.

Очередное постановление внесудебной тройки от 11 января 1934 года. Расстрелять пятерых человек (П.Ф. Изотов, В.Г. Борисов, П.К. Голованов, М.В. Рябов, Н.Е. Семенов). Заключение в концлагерь на 10 лет восемь человек (Ф.М. Куцепалов, А.А. Остапов, П.М. Выходцев, Ф.С. Манешкин, С.Я. Уткин, А.Т. Карпухин, Г.М. Марков, Г.Ф. Судаков). Заключение в концлагерь на 5 лет двух человек (А.В. Борисов, А.С. Манешкин).

Президиум Хабаровского краевого суда в постановлении от 4 марта 1960 года, руководствуясь указом от 19 августа 1955 года, в отношении тех 15 старообрядцев решил прекратить дело по ст. 3 УПК РСФСР за недоказанностью вменяемого им обвинения: «...проверкой установлено, что антисоветской повстанческой старообрядческой организации на ДВК не существовало, а материалы о ней были сфальсифицированы сотрудниками ОГПУ Свириденко...».

По всей видимости, именно в старообрядческих селах под Хабаровском была поставлена заключительная точка в широкомасштабных карательных операциях ОГПУ против старообрядцев в начале 1930-х годов в СССР, что привело впоследствии к замиранию церковной жизни на просторах Дальнего Востока на долгие десятилетия и оставило неизгладимый след в памяти современников, детей и внуков участников тех трагических событий, рассказы о которых сейчас передаются через поколения.

По-разному складывались судьбы оставшихся в живых дальневосточных древлеправославных христиан. Кто-то подавал жалобы вплоть до Центрального Комитета Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) еще в 1934 году. Некоторые умерли в ГУЛАГе. Кому-то сократили сроки заключения, вплоть до досрочного освобождения. А были и такие, которых после освобождения арестовали вновь и расстреляли в 1938 году.

Само дело сдали в архив, пока оно опять не потребовалось. В 1958–1959 годах Д.П. Бутковский, М.Ф. Зверева, А.У. Иванов посылали официальные бумаги в прокуратуру Амурской области, прокуратуру РСФСР, в КГБ при Совете министров СССР, президиум Амурского областного суда. На основании их настойчивых заявлений архивно-следственное дело после поисков все-таки обнаружили в Управлении комитета государственной безопасности (УКГБ) по Омской области и начали его пересматривать весной 1959 года. О результатах проведенной следственным отделом проверки, зафиксированных в постановлении президиума Амурского областного суда, уже говорилось. При этом для шестерых человек (О.С. Маркина, М.В. Чебунин, И.С. Минаев, Т.И. Кутейников, С.И. Суржиков, П.С. Калистратов) приговор за антисоветскую деятельность (ст. 58-10, ч. II УК РСФСР) оставался в силе вплоть до весны 1990 года, когда они попали под действие статьи 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов». Решение заседания судтройки ПП ОГПУ ДВК отменено как незаконное, и они были реабилитированы по заключению прокуратуры Амурской области только на относительно недавнее время, 25 апреля 1990 года. Спустя более чем пятьдесят лет.

Фото из архива Амурского областного краеведческого музея им. Г.С. Новикова-Даурского

Уроки доброты

Тема с вариациями

...память, память, за собою позови...

Р. Рождественский

Ирина НИКИФОРОВА

Испокон веков человечество мечтает о машине времени, чтоб годы передвинуть назад или вперед. А память человеческая? Не она ли и есть машина времени? Вы скажете: да, назад память вернет, а вперед? А что, разве наши планы, мечты, задумки – не есть ли «время вперед»? Сейчас передо мной часто возникают картины прошлых лет. Словно кадры в кино: то мелькают, то еле движутся, то стоп-кадр... Интересно, когда начинаешь перебирать в памяти те или иные события, то с высоты сегодняшнего дня многое видится по-другому. Поистине, прав поэт: «большое видится на расстояньи...»

«Тема с вариациями» – так я решила назвать эти маленькие новеллы из собственной жизни. Тема? Да тема одна – люди, которые меня окружали. А почему с вариациями? А потому, что это самые разные люди – по возрасту, по роду занятий, по месту жительства. Некоторые встречи бывали и очень краткими, но ведь не бесследными.

Я иногда говорю: меня воспитали «враги народа». И это правда. В детстве (так случилось) вокруг меня было их немало – «врагов народа». А на самом деле, совсем не врагов, а глубоко порядочных, умных, любящих Россию, истинных ее патриотов. О ком из них рассказать? Я не буду соблюдать хронологию – все так переплелось, перепуталось...

Вот, например. В педучилище, где я училась, работал сторож, он же истопник, Петрович. Возраст определить трудно – пожилой. Ходил он в шинели какой-то странной. Оказалось потом, дореволюционная офицерская шинель. Потертая, залатанная, выцветшая. У Петровича было такое выразительное лицо, я бы сейчас сказала – породистое: впалые щеки с нездоровым румянцем и тонкие, аристократические, руки. Несмотря на бедность и ветхость одежды, он не выглядел неряшливо. Выделяя меня и трех моих подружек из студенческой среды, Петрович часто расспрашивал о наших семьях, о родных. Выручал не раз, когда мы опаздывали, покрывал студенческие проказы.

В те годы выборы в Верховный Совет были всенародным праздником. В школах, учебных заведениях организовывали избирательные участки. Люди приходили голосовать пораньше: к открытию уже стояла толпа! И в нашем училище был избирательный участок, а во время кампании – агитпункт. Мы активно здесь работали и часто оста-

вались на ночное дежурство. И вот как-то девчонки уже заснули на диванах, а мы с Петровичем сидели возле печки в его сторожке. Не спалось. Тогда-то он очень кратко рассказал о своей судьбе.

Бывший дворянин. Офицер. В революцию и Гражданскую войну потерял всех. Даже не знал точно, кто погиб, кто «убежал за границу». Он застрел на Амуре. Жил долго в тайге, среди нанайцев. Как удалось избежать ареста? Не знаю. Да он и не вдавался в подробности, а я и не спрашивала. Говорил то, что мог. И то рисковал. Читал мне очень красивые стихи. Позже я узнала, что это были Гумилев, Волошин, Сологуб, Бальмонт...

На последнем курсе я уже работала на радио, но директор училища строго-настроено предупреждал, что, если опоздаю хоть раз, не разрешит работать. Прибегала в училище прямо к звонку. Спасибо педагогам, которые пропустили меня вперед себя в класс, и спасибо Петровичу, который «тянул» со звонком и частенько подхватывал у меня пальто, сам вешал его, а номерок отдавал на перемене.

Короткая встреча. Хотя как посмотреть. Ведь полтора года мы были знакомы. А потом он исчез. Что с ним стало? Не знаю. Но в памяти моей Петрович жив. Простой русский человек с трагической судьбой. Может быть, какие-то крупинки своей душевной щедрости он передал мне? Может быть. Спасибо, Петрович.

Каждое лето, начиная с 1940 года, я уезжала в пионерский лагерь, что на Красной речке. Его называли дальневосточным Артеком. Сюда приезжали дети со всего Дальнего Востока: Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре, Благовещенск, Владивосток, Камчатка, Колыма. В общем, «ребята Амура, Чукотки, Камчатки – всего необъятного нашего края» летом встречались на берегу Уссури в нашем любимом пионерлагере (кажется, в 1942 или 1943 году ему дали имя Берии, а после 1953 года он носил имя Ленина). Так вот, отдыхали здесь дети сотрудников Улага (или вначале Дальлага). И вся обслуга лагеря состояла из заключенных. Естественно, не уголовников, а политических. Врач – высочайший специалист, профессор; медсестра – обычно их было две; руководители кружков – авиамодельный, хор, ИЗО, драматический, юннатов и прочих кружков было много. Драматическим руководил Яков Са-

Родион Родионович Орлов. 1999

вельевич Хавис – бывший режиссер МХАТа, сподвижник Станиславского. Я занималась с ним несколько лет. И не только летом, но и зимою бегала в клуб, где он руководил взрослым театральным коллективом Улага. Два лета подряд, уже после войны, был у нас эстрадный оркестр под управлением знаменитого Эдди Рознера. Это особая страница в моей биографии. А вот оформлением пионерлагеря занимался художник Родион Родионович Орлов. Он же руководил и кружком ИЗО. И был у него помощник – Саша. Красивый! Бывший военный летчик. Играл на гитаре, пел, читал стихи. И все вожатые, конечно же, в него влюблены! А он был влюблен в самую красивую вожатую нашего лагеря – Алю. Помню, он говорил: «Влетел в туманность Андромеды». После освобождения и реабилитации он много

лет был начальником аэропорта в Тюмени. Увы, я этого не знала, когда в 1982 году была там на гастролях. А жаль!

А вот с Родионом Родионовичем судьба свела меня в конце его жизни.

Однажды Аэлита Косицина – близкий и дорогой мне человек – спросила меня: «Вы знаете художника Родиона Орлова?» Я задумалась: вроде нет... «А он вас хорошо знает и внимательно следит за вашей судьбой». Я пытаюсь вспомнить и не могу. «Вот видите, а он говорит: «Ира Пастаногова залазила на чердак в пионерлагере и в рупор вещала: «Говорит радиогозета «Лагерные комары»! Главный диктор – Комар Комарович – длинный нос!» И тут я вспомнила: это художник из нашего пионерлагеря! Дядя Родион! Конечно помню! «А хотите с ним встретиться?» Еще бы! И вот спустя 53 года у меня состоялась встреча с этим удивительным человеком.

В назначенный день я пришла в Дом культуры им. Орджоникидзе. Аэлита Александровна встретила меня в холле. Попросила подождать и поднялась в свой музей. Как я поняла, за Родионом Родионовичем. И вот я вижу: спускается по лестнице пожилой человек в светлом летнем костюме. В руках трость и шляпа. Ну, конечно, разве может воспитанный человек быть в головном уборе в помещении? Ни в коем случае! Это неприлично. (Я никак не могу привыкнуть к тому, что нынешние лица мужского пола сидят в каких-то кепках, да еще задом наперед – за столами в кафе, в служебных кабинетах и т. д.) Он слегка горбится, несколько грузноват... А глаза – глаза молодые и с легкой усмешкой. Какая-то сила поднимает меня с банкетки, и я почти бегом бросаюсь ему навстречу: «Родион Родионович! Вы?» Мы обнимаемся и несколько секунд стоим замерев. И на глазах у

*Памятный знак жертвам репрессий, установлен в 1996 году.
Автор Р.Р. Орлов*

Эдди Рознер со своим джаз-оркестром

нас слезы. Тогда ему не было сорока, а нынче за 80. Мы садимся в холле и говорим, говорим, говорим...

«Из моего окна, – говорит Орлов – я вижу то место, где была проходная. А подо мной живет один из бывших конвоиров. Мы встречаемся каждый день и обмениваемся рукопожатием... Что делать? Он не виноват. Он просто делал свою работу...» «А я смотрю из окна, – продолжает мой собеседник, – и представляю: вот здесь был барак уголовных, там – иностранцев, а вот тут наш, в котором жили мы с Эдди Рознером и Яковом Савельевичем Хависом, И. В. Куликовым». В конце разговора Родион Родионович грустно говорит: «Странно, но часто, глядя на так сильно изменившуюся округу, я ощущаю, что по сей день не свободен...»

С того памятного дня нашей первой встречи через 53 года мы общались и по телефону, и в музее завода вплоть до кончины Родиона Родионовича. Узнав, что я готовлю программу из произведений Лермонтова, он решил написать для меня портрет поэта. Программу я назвала «Поэт, с которым ангелы и демоны». Он расспрашивал, что я буду читать, о чем буду говорить, какие данные из биографии Лермонтова включу в рассказ, принес мне несколько книг о поэте и объяснил мне, где и как я должна буду демонстрировать портрет: «Ни в коем случае не на заднем фоне! Лучше где-то сбоку – на первом плане. Я сделаю вам подставку-пюпитр». А потом он позвонил Аэлите Александровне и сказал, что портрет для Иришки готов и она может его забирать. Позвонила ему: «Ой, Родион Родионович! У меня сегодня такое давление – хочу отлежаться. Давайте до понедельника отложим встречу...» «Давайте! – ответил Орлов. – Какие наши годы!»

А на другой день рано утром у меня раздался телефонный звонок. Аэлита Александровна, рыдая, с трудом произнесла:

– Час назад скончался Родион Родионович. Звонила Римма – его дочь...

Его последнюю работу – портрет Лермонтова – мне вручили в музее, где вместе с его родными мы отмечали девять дней со дня кончины художника. Портрет был очень большой. Пока я читала лермонтовскую программу, он был у меня. А потом я отдала его в музей завода, а мне взамен сделали копию, небольшую, в рамке, чтобы я могла повесить ее дома. И сейчас эта последняя работа Родиона Родионовича Орлова висит в моей небольшой квартире в Новосибирске. В альбоме хранятся фотографии, на которых рядом с художником музыканты филармонии – А. Кондратьева и В. Будников и я на фоне панно, посвященного 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина, выполненного Орловым. А хабаровчанам знаком его памятный знак жертвам репрессий, установленный возле Хабаровского института искусств и культуры.

Еще один светлый добрый человек в моей судьбе. Человек, чья жизнь была сломана, исковеркана, чья душа обливалась кровью и слезами, но не озлобилась, не научилась любить жизнь, людей, искусство... Светлая память ему – Родиону Орлову.

Закончилась Великая Отечественная война. Жизнь потихоньку входила в свою колею. Каждое лето мы по-прежнему ездили в свой любимый пионерлагерь им. Бери. Там все было тоже по-прежнему. Многие из obsługi были теми же з/к: повар Илья Лукич Касатадзе (бывший

кремлевский повар) или другой шеф-повар Иван Степанович – они иногда менялись. Врачи тоже были одни и те же, медсестры, уборщицы. Все знакомые! Из «новых» появился художник Родион Орлов и его помощник Саша. Вдоль дороги в центре лагеря стояли военные палатки. В них жили солдаты – охранники. Мы думали, что они охраняют нас, а, оказывается, охраняли тех, кто нас обслуживал.

Я в то время ездила в пионерлагерь уже не пионеркой, а вожатой. В тот год мне доверили третий отряд. Сколько же было моим пионерам? 12–13 лет. Кое с кем я по сей день поддерживаю отношения. Помню, утром, пристроившись на подоконнике с уличной стороны, даю указания дежурным: аккуратно подправить все коечки, чтобы было ровно. На аллее показался Яков Савельевич Хавис, а с ним красивый мужчина в голубой рубашке-апаш, загорелый, с усиками, белозубый, волосы темные, гладко зачесаны и набриолиненны (тогда это было модно). Улыбчивый. Я поздоровалась. Яков Савельевич спросил: «Не забыла? Сегодня репетиция в четыре». А красивый мужчина встал около меня и, не переставая улыбаться, произнес: «Девочка, дай глазки поносить!» «Это Ирочка, моя любимая ученица», – сказал Яков Савельевич. «Хороша Ирочка, дай глазки поносить», – опять повторил мужчина. «Ирочка, познакомься, это Эдди Игнатьевич Рознер, приехал к нам со своим оркестром. Теперь побудку вам будет играть золотая труба Европы!»

С тех пор каждое утро Эдди Игнатьевич на мое «здравствуйте» неизменно отвечал: «Ирчик, ну когда дашь глазки поносить?» И теперь каждое утро мы поднимались под звуки золотой трубы знаменитого джазмена, трубача Эдди Рознера. А на линейке подъем флага сопровождали звуки трубы и дробь барабана. И играли на них тоже «враги народа», политзаключенные... Вот такие парадоксы. Вечером на нашей танцплощадке игры, танцы сопровождал эстрадный оркестр под управлением Рознера. Мы говорили «джаз-банда». Слово «бэнд» нам было не знакомо. А джаз-банда потому, что музыканты заключенные. Кроме этого оркестр играл на массовых и прочих мероприятиях, артисты занимались с музыкально одаренными детьми. Эдди Рознер часто со своей трубой уходил в глубину парка, и там, над обрывом, его труба пела, плакала, тосковала и рвалась на свободу.

И еще одна картина возникает в памяти. Посреди футбольного поля огромный лагерный костер. Мы весь день таскали сучья, бревна, складывали эту пирамиду. А когда стемнело, по сигналу старшие мальчишки во главе со старшим пионервожатым разожгли его. Пламя поднималось высоко в небо, летели искры, и казалось, они превращаются в звезды. Недалеко от костра сидел Эдди Рознер. Без рубашки, загорелый, он как скульптура возвышается над оркестром, а труба кажется продолжением рук. Рознер не просто играет, его труба разрывает сердце. И я, комсомолка, такая идейная, не могу сдержать слез. А может быть, это из-за дыма от костра? Не знаю. Но ведь сердце-то сжимается не от дыма... А стоявший рядом Яков Савельевич, слегка сжимая мои плечи, тихо говорит: «Поплачь, поплачь, девочка. Поплачь за нас...» Наверное, сам он уже плакать за эти годы разучился...

Прошло много лет. В 1959 году на гастроли в Хабаровск приехал большой эстрадный оркестр под управлением Эдди Рознера. Вел концерт артист МХАТа А. Степин. Со-

листка – Ирина Бржевальская и ударник Борис Матвеев, который всегда сидел на переднем плане рядом с Рознером. Оркестр гастролировал долго. Все билеты были проданы. Как-то утром мы с мужем подошли к гостинице «Дальний Восток». У него была встреча с кем-то из музыкантов. Я села на скамейке, рядом со Степиным, мы были с ним знакомы по прежним его гастролям. Недалеко от нас стояла невысокая женщина с мальчиком лет десяти. Вышел Эдди Рознер. Поздоровался со всеми, поцеловал мальчика и его маму, стал о чем-то с ними говорить. Потом вышла его жена – танцовщица. Забыла ее фамилию. Рознер сразу как-то сник, что-то еще сказал женщине с мальчиком, и они ушли. Немного погодя все отправились на репетицию в ДОСА, а мы с мужем домой. Муж, Вадим Тимофеевич, мне объяснил, что женщина с мальчиком – «лагерная любовь» Рознера из Комсомольска, где он отбывал часть срока, а мальчик – его сын, который родился в 1949 году.

Я и забыла об этом, но спустя много лет раздался звонок: «Ирина Викторовна, вы знали Эдди Рознера?» – «Да». – «Я звоню по поручению его сына Владимира...» Так началась моя дружба с сыном Эдди Рознера – Владимиром. Да, тем самым мальчиком из 1959 года. К этому времени он уже был известным в Комсомольске врачом-урологом. Владимир попросил меня написать письмо в городскую думу – он хотел открыть мемориальную доску в память об отце. Конечно, я не отказалась, да еще привлекла к этому доброму делу известных хабаровских джазменов. Меня порадовала наша дума: как быстро они откликнулись! Открыть доску решили на здании театра драмы. Это бывший клуб НКВД, и здесь Рознер не раз выступал со своим оркестром.

Его везли в Магадан. Не знаю точно: или он здесь, в Хабаровске, задержался из-за болезни, или его решил оставить генерал Долгих, начальник управления НКВД по Хабаровскому краю, поклонник его творчества. Факт тот, что его оставили в Хабаровске и по всем зонам собирали музыкантов. Таким образом и был создан в Улаге эстрадный оркестр. Первое его выступление состоялось в клубе НКВД на торжественном вечере, посвященном годовщине Великой Октябрьской революции. Когда выступали заключенные, аплодировать было не принято. Так когда оркестр под управлением Рознера исполнил первую вещь, зал не выдержал – грянули аплодисменты!

Вот так и оказался Рознер у нас в городе. Четыре года был здесь, потом два года – в Комсомольске-на-Амуре, затем два года в Магадане. Уже после знакомства с ним в пионерском лагере я не раз встречала его на радио. Председатель радиокomiteта В.И. Диордиенко заказывал Рознеру музыку для радиопередач. Правда, шла она под другим именем. А еще случайно встретилась с Рознером в больнице. В 1948 году я лежала в Центральном лазарете Улага, мне делали операцию – аппендицит. А Рознер находился в отделении для заключенных. В рентгенкабинете техником работал мой приятель Володя Кантер, и Рознер часто у него бывал. Я перед выпиской пришла к Вовке попрощаться и встретила там Эдди Игнатьевича. Вовка попросил достать для Рознера нотную бумагу, и где-то через пару дней я принесла ему целую кипу нотных тетрадей и бумаги.

А с Володей Рознером мы подружились. И даже здесь, в Новосибирске, он был у меня в гостях. Иногда общаемся по телефону. Да, «жизнь щедрa на людей хороших».

В «Русской деревне».
Фото Галины Першиной

Единое пространство культуры

Дата

ЧЕРЕПАНОВА Светлана Юрьевна – коренная дальневосточница. В 1963 году окончила театральную студию в городе Владивостоке, где получила специальность «Актриса театра». С 1958 по 1971 год служила в театрах Дальнего Востока и Сибири. С 1971 по 1978 год – учеба, а затем работа заместителем директора Новокузнецкого театра юного зрителя. С 1978 года С.Ю. Черепанова – директор Красноярского театра юного зрителя, с 1981 года – директор Хабаровского театра юного зрителя.

В октябре 1987 года в Хабаровске создается отделение Советского фонда культуры (позднее оно переименовано в Хабаровский фонд культуры). Заместителем председателя избрана С.Ю. Черепанова, а с 1999 года и по сегодняшний день она является председателем Хабаровского краевого благотворительного общественного фонда культуры и директором филиала Российского фонда культуры.

За 25 лет непрерывной работы в фонде С.Ю. Черепановой удалось создать структуру целого ряда благотворительных программ, по которым строится вся деятельность фонда культуры в Хабаровском крае. Многие из этих программ успешно действуют почти два десятилетия. Благодаря активности С.Ю. Черепановой и ее бережному отношению к талантливым людям Хабаровский фонд культуры, объединив художников, музыкантов, артистов, творческие коллективы, стал одним из крупных центров культурной жизни города и края.

Колесо жизни

Елена СОЛНЦЕВА

В середине октября в Хабаровске всегда солнечно и тепло. Как будто природа, готовясь к зиме, приберегает еще немного хороших дней. Идешь по золоченым улицам, шуршишь листвой и думаешь об этом чудесном колесе жизни. В таком же октябре 25 лет назад в Хабаровске появился фонд культуры – одна из самых первых благотворительных общественных организаций на Дальнем Востоке. А сегодня – одна из крупнейших и активно работающих.

С появление фонда культуры в жизни города и края стали происходить события, о которых говорили, добавляя непременно «впервые». Первые фольклорные экспедиции, первые неформальные художественные выставки, первые уличные концерты, первый молодежный рейс по Амуру и много чего другого. И это при том, что все имущество молодой организации составляла лишь папка с учредительными документами, а офисом служил кабинет, выделенный на дружеских началах хабаровским Союзом художников. Комната не отапливалась, но работал телефон, и это уже составляло большую радость. Чем смогли, помогли хабаровские театры: подарили мебель и шторы. ТЮЗ на все лето дал в распоряжение фонда помещение гардероба, и в таком необычном обрамлении с успехом прошла художественная выставка. А по вечерам на пяточке рядом с детским театром собиралась молодежь, устраивая импровизированные концерты.

Жизнь бурлила, меняя ритм городских улиц, на которые выходили музыканты поэты, художники. Их объединяющим центром или, правильней сказать, вдохновляющим, был фонд культуры. Он давал шанс молодым и неизвестным авторам проявить себя и быть услышанными, отыскивал таланты совсем юные и бережно пестовал, не забывал о тех, кто честно всю свою жизнь служил культуре и искусству. Когда у

У памятника писателю Николаю Павловичу Задорнову. 1999

Н.Н. Губенко, Р.М. Горбачева, С.Ю. Черепанова. 1991

фонда появилась собственная выставочная площадка – галерея «Арт-подвальчик», хабаровчанам открылась широкая палитра: выставки детского творчества, произведения начинающих и маститых авторов, арт-перформансы, спектакли, концерты, творческие акции. Со временем Арт-подвальчик стал одним из символов Хабаровска, особой точкой на центральной улице города, так же как и верный страж фонда культуры – пес Иннокентий, подобранный и спасенный от неминуемой гибели сотрудниками фонда. Поправившись и окрепнув, Кеша стал постоянным обитателем творческой территории фонда, и было время, когда о нем снимались телевизионные сюжеты и писали газеты. Мохнатый пес дворянской породы словно бы подтверждал: эти двери открыты для всех. Для всех и для каждого волшебство гончарного круга во время традиционного Дня гончара, веселые праздники в «Русской деревне», встречи с художниками, музыкантами, литераторами.

Двадцать пять лет – незаметное движение времени. Выросли дети, и на смену им пришли новые юные дарования. Уже нет многих ветеранов культуры, но светлую память о них хранит Арт-подвальчик – любимое место их встреч и общения. Многое изменилось в городе и крае, появились масштабные фестивали и творческие площадки. Эти первые зерна когда-то посеял фонд культуры. Задолго до краевого конкурса «Ремесла земли Дерсу» учредил ежегодную премию имени К.П. Белобородовой для мастеров декоративно-прикладного искусства из числа коренных малочисленных народов Севера. Явился главным импульсом к тому, чтобы в городе появился мемориал памяти актерам Елене Паевской и Валерию Шаврину, памятник писателю Николаю Задорнову, был проведен конкурс на создание памятника «золотому голосу Севера» – певцу Кола Бельды. Стал крепкой опорой для молодых хабаровчан, обеспечив им возможность получить профессиональное образование в области культуры в центральных вузах страны, и надежным плечом для пожилых людей. Учредил первый на Дальнем Востоке журнал, посвященный искусству и истории региона, издал целый ряд книг дальневосточных авторов. Но главное, даже в самые непростые времена Хабаровский краевой благотворительный общественный фонд культуры сохранил силу духа и желание жить ярко.

С 2002 года по инициативе и при непосредственном участии С.Ю. Черепановой в селе Бычиха Хабаровского района существует «Русская деревня» – масштабная программа, направленная на пропаганду русской культуры, организацию свободного времени детей и подростков (часто из социально неблагополучных семей) через их вовлечение в активную творческую жизнь. Этот социально значимый проект на протяжении ряда лет получает поддержку крупных российских фондов, в том числе грант Президента России.

Биография С.Ю. Черепановой включена в энциклопедию успешных людей России «Who is Who в России» (выпуск 6, 2012).

Гульшат Гальманова. Пес Иннокентий. 2006. Пастель, бумага

Ангелина Владимировна МУЛЬТАН, ветеран культуры, пожизненный стипендиат губернатора Хабаровского края, член Союза театральных деятелей Российской Федерации:

– 25 лет Хабаровскому краевому фонду культуры! Как быстро летит время, особенно для нас, пожилых людей. Но все эти годы мы были вместе со Светланой Юрьевной Черепановой – бессменным руководителем фонда культуры.

Наш любимый Арт-подвальчик! Сколько праздников, встреч, юбилеев готовилось здесь для нас. Здесь мы попадали в объятия этой маленькой, хрупкой, но необычайно энергичной женщины – Светланы Юрьевны. На наших глазах за эти годы выросли дети – стипендиаты фонда, которых она всегда нам представляла. Мы следили за их успехами и радовались. Мы старели, а дети развивали свои таланты. Благодаря фонду культуры они заканчивали консерватории и шли в искусство. Большая помощь оказывается и ветеранам. Благодаря фонду я ежегодно читаю газету «Тихоокеанская звезда». Ко всем праздникам – поздравления, подарки, и это очень поднимает настроение.

Что нужно сейчас пожилому человеку, ветерану, отдавшему культуре почти 50 лет? Внимание! И так приятно, что ты не забыт, тебя помнят, ценят и любят. А любить своих ветеранов Светлана Юрьевна умеет!

Хочется в этот день пожелать ей хорошего здоровья, сил и мужества. И продолжать расцветать вместе со своим фондом. Он нам так нужен!

Стипендиаты Хабаровского отделения Российского фонда культуры. 1998

Хроника главных событий Хабаровского фонда культуры

17 октября 1987 г. – учредительная конференция Хабаровского отделения Советского фонда культуры. На состоявшемся 25 октября заседании президиума общественным председателем избрана Т.Ф. Зайцева, ее заместителем – С.Ю. Черепанова.

16 ноября 1987 г. – заседание правления, на котором утверждена организационная структура фонда с комитетами и советами.

8 декабря 1987 г. – первый благотворительный спектакль «Здесь мое сердце» на сцене Краевого театра музыкальной комедии. Средства от спектакля отправлены в Москву на благотворительные программы.

Главный ориентир в работе фонда – слова академика Д.С. Лихачева: «Сохранять, осваивать, приумножать». Начинается активная деятельность по сохранению традиционной культуры: экспедиции в деревни и села, сбор фольклорного материала и привлечение к этому студентов Хабаровского института культуры, творческие контакты с народными мастерами. Первая выставка фонда в зале регионального Союза художников, ее тема – декоративно-прикладное искусство коренных народов Севера.

1988 г. – акция по сбору средств на восстановление памятника генерал-губернатору Восточной Сибири графу Н.Н. Муравьеву-Амурскому совместно с Всероссийским обществом охраны памятников истории и архитектуры.

Первая организованная фондом выставка хабаровских художников, состоявшаяся в Москве, в Советском фонде культуры (представлены работы живописца Сергея Зубова и народного мастера Леонида Овчаренко).

Ветераны искусства и культуры. Рождество в Арт-подвальчике. 2006

Гуманитарная помощь для детей из национальных сел

Первый весенний аукцион произведений молодых художников в Хабаровском доме моделей.

Первая выставка декоративно-прикладного искусства коренных малочисленных народов Севера в помещении театра музыкальной комедии.

Молодежный творческий круиз по Амуру «Мир. Экология. Культура».

1989 г. – в городе Советская Гавань при содействии фонда открыт Центр эстетического воспитания. В Комсомольске-на-Амуре открыт филиал фонда.

Первый фестиваль рок-музыки «Шанс-89».

«Неделя совести» совместно с краевым историко-просветительским движением «Мемориал», творческими союзами. Проведение конкурса на создание проекта часовни и сбор средств на ее строительство. Впоследствии часовня была возведена у входа на центральное городское кладбище и увековечила память о невинных жертвах сталинских репрессий.

Создана ассоциация «Портленд – Хабаровск», организована выставка «Знакомьтесь, Портленд» – первый международный проект фонда, ставший началом благотворительной программы «Содружество культур».

1990 г. – создается целый ряд творческих организаций: издательский центр «Гармония», музыкальное общество «Орфей», общество любителей игры в го – «ЛиГо» (позднее его члены побывали на соревнованиях в Японии), корейское общество «Единство». Организован первый фестиваль корейской культуры.

При поддержке фонда состоялась экспедиция по чеховским местам, которую возглавил хабаровский писатель Юрий Ефименко.

День памяти В.С. Высоцкого на центральной улице Хабаровска. 1990

Людмила Ивановна МИЛАНИЧ,
поэт, член Союза писателей России:

– Сколько постулатов о необходимости беречь и приумножать нашу родную культуру произносится ежедневно. И все слова, слова, слова. И соглашаясь с пугающим заявлением, что умирает культура – умирает нация, все эти говоруны чаще всего палец о палец не ударяют, чтобы что-то конкретное, им доступное, сделать для этой самой культуры. А Светлана Черепанова поступает с точностью до наоборот. И поддержанные ею практически, приходят в жизнь новые творцы нашей культуры – художники, певцы, музыканты, сочинители. И, подрастая, «увеличивают доброе в окружающем нас», что, по словам Дмитрия Сергеевича Лихачева, «самая большая цель жизни».

Не забыты фондом и профессионалы от культуры. Ежедневное сотворение добра – работа трудная и часто неблагодарная. Но большой души маленькой женщины Светланы Юрьевны хватает и на ветеранов культуры, и на повседневные хлопоты о конкретных делах, касающихся, по ее мнению, фонда культуры.

И очень хочется, чтобы охранительная сила ответной благодарности ее подопечных помогла ей выстоять в будничных суровых потребностях.

**Дмитрий Федорович ЕФРЕМОВ,
ученый-лесовод:**

– Юбилей – это всегда итоги. Сделано много, но особо следует отметить, что Хабаровский фонд культуры может служить образцом общественной деятельности, напорочь избегающей каких-либо организационных бюрократических форм, искренне вкладывающей душу и свои усилия, по мере скромных возможностей, в дело продвижения и насаждения культурных ценностей в массы.

Для Хабаровского края – отдаленной окраины нашей обширной страны – такие центры поддержки национального культурного наследия имеют неоценимое значение. Не только как организатор различных общественных просветительских акций, пропагандирующих культуру, но, и, пожалуй, прежде всего, как ниша для общения и консолидации людей, любящих искусство и дорожащих достижениями культуры.

Фонд всегда оказывал активную помощь творческим инициативам и конкретным людям, будь то сложившийся профессионал, или новичок, или просто талант из народа. В связи с юбилеем фонда хочется выразить ему и всем, кто его олицетворяет, благодарность и пожелание долго быть и нести людям радость.

Встреча с мэром г. Ниигаты (Япония). 1998

Организация и проведение дня памяти Владимира Высоцкого. Впервые в Хабаровске состоялся большой открытый концерт на центральной улице города. Все сборы отправлены в Москву на создание музея Высоцкого на Таганке.

Участие в Первом краевом фестивале культуры коренных народов Севера в селе Нижние Халбы.

Первая поездка делегации фонда культуры в Харбин по приглашению Харбинского издательского центра. Визит состоялся в рамках благотворительной программы «Содружество культур». В свою очередь фонд принимает в Хабаровске делегацию из Италии и представляет выставку произведений художников города Лука (экспонаты выставки – живопись, графика, мелкая пластика – подарены фонду).

1991 г. – фонд открывает собственную выставочную площадку в мраморном зале здания администрации Хабаровского края. Первая выставка представила творчество живописцев Алексея Черкасова и Константина Дружина.

Существующий при фонде камерный хор под управлением Лидии Гладкой выступил на фестивале в Таллине. Хабаровские художники и руководители благотворительных программ фонда побывали с творческим визитом в Италии.

«Наследники» – новая благотворительная программа фонда, направленная на поддержку одаренных детей. После проведения первого детского фестиваля «Тихий мирный океан» у фонда появились первые стипендиаты – дети со всего края.

1992 г. – первый визит на Дальний Восток прославленного музыканта Владимира Ашкенази. Сборы от его концертов пошли на создание благотворительной программы «Дальневосточные таланты». После фестива-

День гончара

Театр «Галерея»

ля, состоявшегося в рамках конкурса «Новые имена», из его участников были отобраны 26 стипендиатов фонда. Среди них Вячеслав Попругин и Ольга Гриднева, закончившие позднее Московскую и Горьковскую консерватории.

Создается общество «Духовные основы русской культуры». В мраморном зале проходит выставка «Праздники и обряды на Руси», в открытии которой участвовал мэр Портленда Бат Кларк. Открытие выставки детских рисунков в Портленде.

Переезд в новое помещение на улице Муравьева-Амурского, 17, открытие творческого центра «Тайны ремесла».

1993 г. – в рамках программы «Память» создается мемориал актерам Краевого театра драмы Елене Паевской и Валерию Шаврину. Все обязательства по созданию памятника фонд берет на себя. Открытие состоялось через год.

Создается благотворительная программа «Наше наследие» – поддержка ветеранов культуры и искусства.

1994 г. – 13 января, на старый Новый год, фонд открывает галерею «Арт-подвальчик». Самая первая выставка представила творчество Марьяны Татьяниной.

Визит председателя Российского фонда культуры Н.С. Михалкова. В селе Бычиха Хабаровского района открывается филиал фонда.

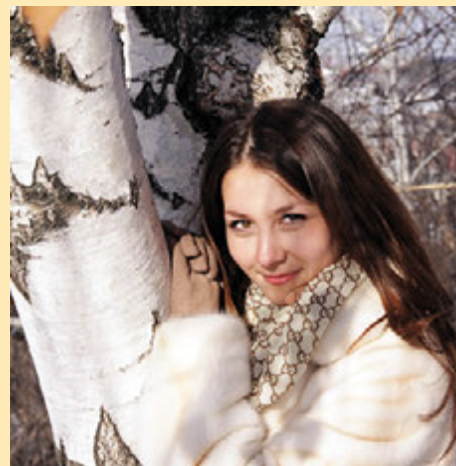
1995 г. – состоялся первый День гончара, который при поддержке фонда провели художники группы «Другие».

В японском городе Ниигата с успехом прошла первая выставка хабаровских художников.

Открылся театр «Галерея». Первый спектакль «Алтари в пустыне» прошел в «Арт-подвальчике».

Мастер-классы в «Русской деревне»

Полина ТРУБАЧЕВА,
аспирантка **Российского государственного университета нефти и газа им. И.М. Губкина (Москва):**

– Мое детство было творческим, а значит, счастливым. Мое детство было полным настоящим людьми – тех, кто при трудностях не сдаётся, любит Россию и свое дело!

Сейчас мне 22, и я не живу в Хабаровске, но отчетливо помню музыку и смех. Музыку и смех, которые раздавались в Арт-подвальчике в 1995 году, когда мне было 5 лет. Самое ценное – связь поколений. Я помню добрые глаза ветеранов творческих профессий – актеров, музыкантов, чьим любимым местом был и остается фонд культуры. Эти люди для меня, маленькой девчушки, были волшебниками! Мы пели песни – и они, ветераны, пели с нами! Мы танцевали, а в их глазах искрился смех. Фонд культуры по волшебству расширил годы своего существования. Это уже не 25 лет, а полных наших с заслуженными людьми лет.

Были разные времена, но фонд всегда шел не меняя курса. Еще бы – с таким капитаном курс поменять! Светлана Юрьевна Черепанова бережет традиции и научила этому нас – стипендиатов. Для нее никогда не существовало неразрешимых проблем. Это так важно в жизни – никогда не сдаваться. Фонд – боевая семья! Ведь именно сотрудники фонда под руководством своего капитана стоят на страже искусства, не изменяя себе в этом ни при каких обстоятельствах.

Мы, стипендиаты, выросли: у кого-то творчество – профессия, у кого-то уже появились собственные дети, но из всех нас бьет энергия искусства. Мы живем ярко и с музыкой! Моя благодарность – Хабаровскому краевому благотворительному общественному фонду культуры! А Светлане Юрьевне от души хочу пожелать творческих интересных проектов, крепкого здоровья и хороших людей рядом.

Евгения ГУРЕЕВА,
выпускница Института современного
искусства, преподаватель вокала в
Детской школе мюзикла (Москва):

– От всей души поздравляю Хабаровский краевой благотворительный фонд культуры в лице его бессменного руководителя – Светланы Юрьевны Черепановой с юбилеем!

Желаю нашему фонду процветания и новых последователей, а Светлане Юрьевне – крепкого здоровья, неиссякаемой творческой энергии, которая позволяла бы еще долгие годы радовать нас новыми идеями и проектами.

К сожалению, в России мало организаций, которые оказывают такую поддержку и помощь творческим людям, а также детям из бедных семей и детских домов. С большой теплотой вспоминаю наши выступления на различных выставках в Арт-подвальчике, на благотворительных елках, на встречах с ветеранами культуры Хабаровского края. Наверное, будучи в юном возрасте стипендиатами фонда мы тогда до конца не понимали, какая это была удача – попасть в такую атмосферу добра и творчества. Мы получили возможность всесторонне развиваться, общаться с интересными людьми, помогать другим людям, отдавая частичку своего таланта. Мы обрели новых друзей в лице других стипендиатов фонда (с некоторыми из них я продолжаю творческое сотрудничество и до сих пор). И всегда в этом доме искусства встречала нас теплой улыбкой Светлана Юрьевна. Она заражала нас своим добрым отношением к людям и огромной любовью к своему делу.

Светлана Юрьевна не просто открывала новые таланты, но и давала им дорогу в жизнь. Одним из таких счастливиц стала и я. Сначала были поездки на мастер-классы в Москву, где с нами занимались педагоги Московской консерватории и Академии имени

Часовня В Честь Святой Равноапостольной Княгини Ольги в «Русской деревне»

Программе «Новые имена» исполнилось пять лет. Стипендиаты фонда Маша Подсекина, Маша Карпова и Люба Мокогнонова поехали в Москву. Издан сборник стихов Маши Карповой с рисунками Любы.

1996 г. – первая ярмарка «Праздник самоцветов».

Ветераны получают первые пожизненные стипендии губернатора.

Празднование 90-летия искусствоведа К.П. Белобородовой.

Дети эколого-эстетического центра «Хехцирские узоры» села Бычиха отправляются с творческим визитом в Италию.

1997 г. – десятилетие фонда. К этому времени уже действуют 10 благотворительных программ. Проводится конкурс на создание памятника певцу Кола Бельды. В интернете появилась страница фонда, где представлены 10 хабаровских художников. Организован конкурс на создание проекта памятника писателю Н.П. Задорнову.

1998 г. – в октябре выходит в свет региональный культурно-просветительский журнал «Словесница Искусств», учрежденный Хабаровским краевым благотворительным общественным фондом культуры. В рамках издательской деятельности фонда выходят книги поэтессы Лады Магистровой, писательницы Юлии Шестаковой, историка Валерия Павлика, нанайского мастера Ларисы Бельды.

2000 г. – учреждена премия имени К.П. Белобородой для поддержки мастеров из числа коренных малочисленных народов Севера.

2002 г. – начало культурно-просветительской программы «Русская деревня» совместно с эколого-эстетическим центром «Хехцирские узоры» села Бычиха.

Аллея сказок в «Русской деревне»

Ветеран Великой Отечественной войны, ветеран культуры и искусства Хабаровского фонда культуры Николай Михайлович Кулеш

2005 г. – масштабные творческие акции для детей и подростков на территории «Русской деревни»: «Семейные забавы», «Посиделки в русском доме», «Зеленый щит Черного дракона», «Художники – детям», «День гончара», фестиваль «Золотая осень», мастер-классы для детей по живописи, керамике, русской игрушке и др. Программы осуществлены при грантовой поддержке Росбанка, Института устойчивых сообществ (США).

2006 г. – работа над второй очередью «Русской деревни», разработан генеральный план проекта. Студенты художественно-графического факультета ДВГУ и Хабаровского колледжа искусств сделали Аллею сказок, где разместились деревянные скульптуры сказочных персонажей А.С. Пушкина.

2007 г. – на территории «Русской деревни» построена и освящена православная часовня, открыта иконописная мастерская для детей (при финансовой поддержке Российского фонда культуры и РАО «ЕЭС России»).

2007–2012 гг. – праздники и мастер-классы в «Русской деревне» с участием профессиональных художников для детей из социальных приютов, детских домов, социально неблагополучных семей.

2012 г. – новая программа фонда – «Рукотворные чудеса»: мастер-классы для широкого круга людей по различным техникам декоративно-прикладного искусства.

Иконописная мастерская. Мастер-класс Натальи Михеевой

Гнесиных. А затем исполнилась и самая заветная моя мечта – учеба в Москве на отделении эстрадно-джазового вокала у одного из знаменитых в этом направлении педагогов.

Сейчас я уже семь лет живу в Москве. Окончила Институт современного искусства с красным дипломом. Первые три года во время учебы в институте работала артисткой в Культурном центре Вооруженных сил РФ (ранее он назывался Центральный дом Советской армии), а затем была назначена там на должность руководителя эстрадного коллектива, в которой проработала еще три года. Сейчас я преподаю вокал в Детской школе музыки и надеюсь, что когда-нибудь у меня появится собственная вокальная студия. Я очень благодарна Хабаровскому краевому фонду культуры и Светлане Юрьевне за все, что для меня сделано! Я никогда этого не забуду!

Наталья ЖАРОВА,
певица (Москва):

– В моей жизни Хабаровский краевой благотворительный общественный фонд культуры сыграл большую роль. Я училась в Москве, став профессиональной певицей. В течение десяти лет преподавала вокал в Российской академии театрального искусства (ГИТИСе), получила там должность доцента. Принимала участие в различных концертах Москвы и других городов России.

Дорогая Светлана Юрьевна! Поздравляю вас и весь ваш коллектив с 25-летием фонда культуры!

Желаю вам оставаться всегда таким же светлым, талантливым, творческим и полным сил человеком! Я очень часто вспоминаю ту теплую обстановку, которая царила в фонде. Творческое общение со стипендиатами, с актерами, музыкантами и художниками до сих пор живет в моем сердце. Спасибо за поддержку в одном из самых значимых периодов моей жизни. Я вас очень люблю и горжусь вами!

Ульрике Бонет и Никола Йеле

Слышать реки

Глеб МОРДОВЦЕВ

Выставка работ немецких художниц Ульрике Бонет и Николы Йеле «ГородСтранаРекаЖурчание» открыла 15-й международный фестиваль «Дни немецко-российской культуры в Хабаровске».

Жительницы Штутгарда (Германия) представили большую экспозицию коллажей, собранных из фотографий, рисунков и множества странных вещей, найденных ими в реках Германии и России. Может быть, кому-то покажется, что старый валенок, крышки от бутылок, осколки посуды просто мусор, но Ульрике сравнивает эти предметы с детскими находками. Ведь в детстве все кажется настоящими сокровищами.

Свою выставку художницы назвали «интуитивным исследованием». Это путешествие по рекам и каналам, подальше от городов, чтобы ощутить в себе связь с живой природой. По их мнению, это очень важно – общение человека с журчащими потоками воды и шелестом листвы.

На выставке была представлена единственная совместная работа Ульрике и Николы – коллаж, изображающий рыбу: нарисованный хвост, выделанная рыбья шкура, фотография рыбьей головы в деревянной рамке. Эта рыба – житель-

Никола Йеле. Портрет. Картон, акрил

Ульрике Бонет. Коллаж

Никола Йеле. Реки. Картон, акрил

ница водных пространств – стала отправной точкой для немецких художниц. А дальше каждая из них начала двигаться в своем направлении.

Для Ульрике Бонет очень важен чистый, незамутненный научными изысканиями взгляд на простые предметы, найденные ею в реке. В своих работах она вспоминает детство, проведенное с отцом-рыбаком, сплавы по рекам. А костюм ныряльщика, сделанный Ульрике из войлока и помещенный в самом центре выставочного зала, – это ее особое средство передвижения, одежда для полетов над водными пространствами с собственной навигационной системой и оберегом.

Никола Йеле привезла в Хабаровск карту России, где выделены все реки страны. Очень давно она нашла ее на чердаке школы, где в то время преподавала. По удивительному стечению обстоятельств Дальнего Востока на карте нет – он оказался заклеен серым прямоугольником. Никола говорит о том, что это стало для нее знаком. Она практически ничего не знала о самой восточной российской территории, и вот пришло время заполнить пробел. По мере того как художница путешествовала по Дальнему Востоку, рождалась серия рисунков на серых дощечках. Никола заполняла пустое пространство своими ощущениями и яркими красками.

«ГородСтранаРекаЖурчание» – это еще и возможность услышать реки. Выставочный зал был наполнен журчанием воды, записанным художницами во время путешествия. Так они стремились передать ощущение близости с природой. А то, что было невозможно представить с помощью звуков, они описали словами и разместили тексты в разных уголках зала, чтобы зрители могли понять и почувствовать, что чувствовали они сами.

Эту выставку, которая рождалась и в Германии, и в России, Ульрика и Никола увезли к себе домой. Может быть, побывав в других интересных местах, они вновь вернуться к нам с новыми идеями и удивительными находками. И мы снова услышим журчание рек.

Фото предоставлены оргкомитетом фестиваля «Дни немецко-российской культуры в Хабаровске»

Ульрике Бонет. Дерево жизни. Коллаж

Радость первооткрывателя

Марина ЦВЕТНИКОВА

Известный японский скрипач, обладатель драгоценной скрипки Carlo Ferdinando Landolfi (Милан, 1756) Джюн Танимото на Дальнем Востоке России не впервые. В июне 2012 года по приглашению Министерства культуры Хабаровского края и Хабаровской краевой филармонии состоялся его концерт. Наряду с золотой классикой – музыкой П.И.Чайковского – прозвучали новые для слушателей произведения русского композитора Иосифа Ахрона и японского композитора Икума Дана. Джюн Танимото – настоящий первооткрыватель новых имен и новых сочинений. Серьезный, вдумчивый и глубокий артист, для которого виртуозная игра органично вплетается в интерпретацию произведения.

Японский скрипач держит скрипку в руках с четырехлетнего возраста. Музыка для него не просто синоним жизни, но даже больше чем жизнь: своего рода вечный поиск. Когда Джюн Танимото стажировался в Москве у профессора Э. Грача, он бесповоротно влюбился в русскую музыку. Впрочем, не только в музыку. Великая русская литература подвигла его выучить русский язык, чтобы иметь возможность прикоснуться к творчеству Толстого, Тургенева, Чехова, Бунина, Куприна.

Джюн Танимото и Владимир Будников

Судьбоносное переплетение

В одну из гастрольных поездок хабаровского пианиста Владимира Будникова по Японии состоялось поистине судьбоносное пересечение творческих путей двух музыкантов. Игра Будникова с его сдержанным благородством, виртуозностью, стилистическим попаданием покорила японского скрипача. С 2001 года начался плодотворный альянс, который длится и по сей день.

Метнер

Самое поразительное в обоих музыкантах то, что они возвращают России ее драгоценное наследие, а именно творчество композиторов-эмигрантов. Николай Метнер в этом ряду в приоритете. Проект Владимира Будникова «Метнер. Возвращение музыкального наследия России» (действует с 2006 года) позволил не только Хабаровску, но и другим городам России – Нижнему Новгороду и Петрозаводску – познакомиться с этим истинным гением русской музыки. Эпическая, сказочная, заповедная, внутренне тонкая музыка Метнера явилась, наверное, самым большим открытием и откровением на фортепианном пути Владимира Будникова. «Заболел» Метнером и Джюн Танимото. Надо сказать, что творчество композиторов-эмигрантов особенно драгоценно тем, что оно бережно переняло золотую нить традиции. В их сочинениях видна преемственность, угадываются глубокие корни. Творчество их исходит

от могучего национального корня – М. Глинки, М. Мусоргского, П. Чайковского. К слову сказать, советская музыка как таковая, словно началась с пустого места, и никаких живых связей с веком истинного Возрождения, а именно таким был для России XIX век, в ней не прослеживается.

CD

Альянс Танимото – Будников поразителен еще тем, что музыканты уже записали в Японии два диска («Catoire. Violin sonatas» 2007 г., «Medtner Violin Sonata № 3» 2011 г.) и готовятся писать третий («Medtner Sonata № 1, Achron Sonata № 2» 2013 г.). Музыка композиторов, представленная на этих дисках, уникальна. Композитора Георгия Катара, например, и профессионалы не знают, не говоря уже об Ахроне.

Джюн Танимото живет в своем измерении, это редкостный и удивительный музыкант. Много гастролирует, дает концерты как в Японии, так и в России. Держит руку на пульсе музыкальной жизни. Когда Владимир Будников в апреле 2012 года поехал на гастроли в Карелию, чтобы сыграть там с Карельским симфоническим оркестром Третий концерт Метнера, Джюн попросил привезти ноты какой-нибудь скрипичной сонаты известного ему (!) карельского композитора Геннадия Вавилова. Поистине удивительная осведомленность о творчестве современных композиторов! Владимир посетил гостеприимный дом маститого композитора (в мае ему исполнилось 80 лет), большого друга Т. Хренникова и однокашника А. Шнитке по Ленин-

Колокола хабаровского Спасо-Преображенского собора

градской консерватории. Общение длилось бесконечно: слушали его фортепианные сочинения, симфонические и, разумеется, скрипичные. Особенно поразила В. Будникова музыка Второй скрипичной сонаты Г. Вавилова. Выбрали ее. Эти ноты и подарил композитор японскому скрипачу с искренним пожеланием исполнить сонату в Японии и, может быть, записать.

Преданность Джюна Танимото музыке безгранична. Его не остановило даже землетрясение в Японии в марте 2011 года, когда он в конце апреля того же года готовил концерт в Токио (столица находится в 300 км от Фукусимы) совместно с пианистом из Хабаровска. Эпическая соната ор. 57 русского композитора Николая Метнера на японской земле прозвучала тогда как проявление непоколебимости человеческого духа.

Православие

Будучи этим летом в Хабаровске Джюн Танимото посетил духовную семинарию. Как он признался, это его давняя мечта. Владыка Ефрем, епископ Бикинский и проректор семинарии, любезно принял японского скрипача. Поскольку было воскресенье, Джюн получил неожиданную и радостную возможность позвонить в колокола. Поднялись на колокольню. Освоить премудрости колокольного звона скрипачу помогал звонарь Андрей. Потом посетили домовый храм семинарии, где владыка подарил скрипачу икону. Признание Танимото о том, что он раздумывает о приходе в лоно православной церкви, владыку не удивило. Этим естественно венчается глубокое проникновение в рус-

скую культуру, христианскую по своей сакральной сути. Знаменательно, что в короткой беседе говорили о судьбах искусства вообще и русского в частности, о потерянной традиции, об истинно русском, которое сохранилось в творчестве эмигрантов первой волны. Говорили о Платоне, о том, что в его воображаемом государстве запрещена была музыка в определенных ладах. И это правильно. В теперешнее время, к сожалению, есть место всякой музыке, в том числе и той, которая разлагает людские души. Благодарность музыканта была закономерна – он исполнил элегию И. Стравинского для скрипки соло, произведение, выбранное специально для знаменательной встречи с живой православной традицией в Хабаровске.

Саёнора

Уезжая на родину, Джюн Танимото подарил Владимиру Будникову сборник материалов и статей о Н. Метнере с международной научной конференции (Москва, 2002). На русском языке. Он-то уже прочел! Владимир еще нет.

Впереди новая встреча с японским скрипачом. Впервые в Хабаровске и на Дальнем Востоке прозвучит Вторая скрипичная соната русского композитора Иосифа Ахрона, посвященная Б. Асафьеву. Монументальное четырехчастное полотно повествует об апокалипсических чувствованиях творческой души, зажатой в тиски страшного противостояния. Все части написаны в Петрограде летом 1918 года. В 1921 году Ахрон вынужденно покинул родину.

Фото из архива Владимира БУДНИКОВА

Библиотечный дворик в стиле пост-рок

Глеб МОРДОВЦЕВ

23 июля стало знаменательным днем для многих поклонников рок-культуры Хабаровска. Открылась новая концертная площадка, до сих пор не имеющая аналогов для выступления музыкальных коллективов, – «Библио-Двор».

Речь идет о дворике Дальневосточной государственной научной библиотеки, расположенной в одном из самых красивых зданий нашего города. Библиотечный двор, скрытый от глаз горожан, тоже колоритен: кирпичная кладка, которой больше ста лет, высокая железная лестница, старые трубы. Впервые в истории этого городского уголка здесь звучала музыка. Самым первым событием «Библио-Двора» стало выступление хабаровской рок-группы «Simple is Good».

Зрители начали собираться уже за несколько часов до начала концерта. Каждый по-своему узнал о предстоящем концерте – кто от друзей, кто через интернет. Все в предвкушении предстоящего шоу: за массивными воротами, скрывающими двор библиотеки, всюду идет подготовка к презентации дебютного альбома группы, названного авторами «Волны де Бройля». Специально для этого события в центре двора установлена широкая сцена. Музыканты настраивают инструменты, фотографы занимают удобные места, звукооператоры проверяют аппаратуру. Все происходит под открытым небом, с естественным освещением, в старых кирпичных стенах.

В назначенное время ворота открываются. Более двухсот поклонников рок-музыки заполняют двор. Среди них люди самого разного возраста. Все они пришли сюда послушать хорошую музыку. Концерт открывают приглашенные гости – команда «DiamonD SwallowS» со своей акустической программой. Шоу-группа «Этр Аллюм» представляет удивительное по красоте световое шоу. Под вечерним небом артисты жонглируют стеклянными шарами, танцуют, звучат космические мелодии.

И вот на сцену выходят главные участники концертной программы и буквально с первых нот взрывают двор удивительной музыкой. Группа работает в стиле пост-рок. Это экспериментальный жанр, в котором почти нет слов, а все внимание уделено нетрадиционному звучанию самых обычных инструментов – гитары, бас-гитары, барабанов. Поразительная атмосфера наполняет старый дворик. Под ночным небом ярко горят разноцветные прожекторы, они выхватывают из темноты мотыльков, которые тоже исполняют свой танец под музыку «Simple is Good». Каждый фрагмент шоу в «Библио-Дворе» оставляет яркое впечатление: и красочные лучи света, скользящие по кирпичным стенам, и магические звуки, доносящиеся из колонок и улывающиеся в темное небо.

Все закончилось в полночь. Зрители отправились домой с новыми мыслями и ощущениями. А концерт стал прекрасным началом новой жизни «Библио-Двора» – еще одного культурного символа нашего города.

В материале использованы фотографии с сайта Geometria.ru

Жизнь как странствие

Виктория ШИШКИНА

Фото Владимира МАЙОРОВА

Александр Михалевич в своих экспериментальных по духу произведениях сплавляет, казалось бы, несоединимое, раскрывая то срез многовековой культуры, то маленькое событие из своей жизни.

МИХАЛЕВИЧ Александр Владимирович родился в 1951 году в г. Бикине Хабаровского края. Окончил художественно-графический факультет ХГПИ в 1976 году, где учился у Д.А. Романюка, Е.М. Фентисова, С.Н. Золотарева. Начал участвовать в выставках с 1980-х годов. С 1997 года постоянный участник региональных художественных выставок «Дальний Восток», а также выставок различного уровня в России и за рубежом. В 2001 году награжден нагрудным знаком Министерства культуры РФ «За достижения в культуре». С 2005 года Александр Михалевич является членом Союза художников России. Его работы находятся в собрании Дальневосточного художественного музея.

Пространство в композициях Михалевича часто обретает неожиданную смысловую многозначность, втягивая во взаимодействие далекое и близкое, часто увлекает в этот поток и его самого, вызывая воспоминания о жизненных странствиях. Художника нельзя назвать городским отшельником, его всегда окружает круг друзей творческих профессий. По своему темпераменту он не равнодушен и не пассивен, наоборот, характер имеет взрывной, импульсивный. В творчестве Александр Владимирович открывается как цельная личность, как мастер, ищущий образы и приемы для передачи того, что он считает особенно существенным. В визуальном ряду его произведений преломляется напряженная духовная жизнь, порой глубоко личное, ошеломляет неожиданное ощущение сопричастности к удаленным во времени событиям и свидетельствам, сближением реальности и художественной метафоры. Живопись Михалевича обнаруживает тесную связь с истоками классического искусства: общепринятый тезаурус художественных образов, гармонию ценностных категорий, соединение холстов в триптихи, сочетание мира вечного – небесного и земной жизни, характерный прием алтарной живописи и др.

Он быстро развивался как художник, искал свою манеру в графике и живописи, много читал, напряженно осмысливая прочитанное и осознавая бесконечную многомерность мира искусства. Русская классическая проза второй половины XIX века, поэзия Серебряного века и В. Маяковский повлияли на его становление. Неслучайно в станковой графике художника 1970-х годов можно видеть листы к «Мастеру и Маргарите» М. Булгакова. Александр Михалевич хорошо знаком с различными источниками древнейшей и современной истории, в том числе библейской. Это очень важно для реконструкции его авторского культурного пространства. Художник нашел такой образный язык, в котором важна и каждая деталь, и авторское слово, вживленное в канву произведения. Мы можем прочитать библейские слова и слова из песен, крылатые выражения и лозунги советского времени. Слово и миф могут быть переплетены с личными воспоминаниями мастера, придавая напряженный характер рефлексии. Слово и предмет часто ключ к пониманию сюжета, уточнению временной позиции или импульс к размышлению над ним. Предмет (вещь) исполняет роль носителя, приметыв времени, «личного шифра» из биографии автора и даже страны. Для художника нет ничего второстепенного и малозначащего в предметном мире. Вещи простые, обыденные и незатейливые (старинная швейная машинка «Zinger», патефон и др.), переходившие в

Пять хлебов и две рыбы.
2010. Холст, акрил, масло. 120 x 102

семье от одного поколения к другому, незаметно и навсегда ускользнувшие из наших домов, когда-то несли черты достатка. Их образы в графике художника взяты в рамки, они взирают на нас, как портреты родственников. Они просты и суровы, они из растаявшего небогатого прошлого, но их изображения, сохраняя стихию ушедшей жизни, через малое открывают путь многому. Благодаря авторским приемам усложняются и одновременно раскрываются смысловые и пространственные связи в композиции, разворачивается странствие сюжета. Художнику нужен спутник в протяженном во време-

ни и наполненном смыслами бесконечном путешествии. Как рассказчик он часто пишет себя в качестве фигуры ввода или участника события – прием, известный еще с эпохи Возрождения. Мастер часто использует принцип построения картины, созвучный литературным воспоминаниям, когда наиболее яркие впечатления сразу же становятся доминирующими, повторяясь как эхо. Найденный Александром Михалевичем ход по смысловой или внутренней организации разновременных ситуаций делает очень сложной для него как художника работу по пластической организации холста, поскольку

Следы.
2011. Холст, акрил, масло. 49,5 x 39,5

ему важно достичь именно органичности, а не случайности синтеза отдельных частей композиции.

Художник разработал редкую технику исполнения живописных произведений. Сначала акриловыми красками на холсте создается тонкий рельеф будущего изображения – основа, которая затем лессируется маслом. Для подчеркивания и выявления мелких деталей художник применяет процарапывание. Белый акриловый рельеф придает холстам легкое свечение и обогащает их фактуру.

В картинах Михалевича часто разрастается и ветвится древо обстоятельных или едва намеченных литературно-исторических ссылок, своеобразных микросценариев, искусно вплетенных в холст, которые внимательный зритель может прочесть. Название композиции «Ковчег» (2004) настраивает зрителя на восприятие библейской легенды о праведном Ное, спасшемся во время потопа. Небольшая фигура праотца слева в верхней части композиции с ковчегом в руках не сразу бросается в глаза зрителю. Перед нами вид какого-то захолустного городка или заводской окраины. Настроение угасания, запустения и деградации подчеркивается множеством говорящих деталей. Неухаженные дома и вросший в землю плуг, развалившаяся телега и разбитая дорога с дощатым тротуаром ведет в никуда, опечатанная памятником вождю с дежурным жестом в какой-то проулок. Тупую лень и праздность источает пьяная парочка на пригорке – олицетворение слепоты духовной. Многопалубный океанский лайнер рядом с фигурой Ноя – здесь, по творческой воле художника, символический корабль спасения нашей современной цивилизации доверху наполнен... легковыми машинами. Есть ли место на его многоэтажных палубах если не для твари земной, то хотя бы людей? Реет над сонным одурманенным городком, над этой рукотворной бездной голубь, но вот только некого здесь осенить. Пространство картины не переводимо на язык только логического мышления. Многое в нем неожиданно и невероятно, пока-

зывает, что развитие изобразительного языка Александра Михалевича пролегалает через авторский опыт восприятия и запечатления истории. Сдвиги во времени и соединение на холсте разноплановых реалий позволяют чуткому зрителю угадывать за ними нечто большее, чем открывается поверхностному взгляду.

Жизнь как странствие, путешествие в неведомое, чреватое неожиданными поворотами, взлетами и падениями открывается в композиции «Отдых в пути» (2008). Вечная тема выбора пути стоит перед молодой семьей. Неширокая и стремительная река – символическая преграда, одна из немногих которые придется преодолеть, за ней безмятежное залитое мягким светом пространство сельской идиллии с купальницами. Древо с кроной, уходящей в небо, у которого стоят молодые люди, узнаваемый символ жизни и познания. «Отдых в пути» – картина-размышление о сущностных, порой мучительных вопросах бытия, которые каждый постоянно задает себе сам на протяжении всей жизни.

Неслучайно обращение Александра Владимировича к библейской тематике, вечному источнику классических образов искусства, философский раздумий о непреходящих духовных ценностях. Холст «Пять хлебов и две рыбы» (2010) напоминает о евангельской легенде, о затянувшейся проповеди Иисуса Христа на берегу Генисаретского озера, где смог он потом малой снедью, всего пятью хлебами и двумя рыбами, накормить тысячи людей. К теме чудесного насыщения на протяжении веков обращались мастера европейского изобразительного искусства, трактуя ее как реальную многофигурную сцену своего времени. Художник не был в святых местах, и написанное им полотно – результат творческого воображения. В авторском решении Михалевича рельефно выписанный и приближенный зрителю натюрморт с корзиной и рыбами дополнен резким перспективным смещением в глубину изображения самой сцены проповеди Спасителя. Рыбачьи лодки скользят по спокойной глади овального озера. Особенный, легкий свет сглаживает очертания и размывает формы. Свет – отражение особой озаренности, носитель духовного начала, внутренней наполненности, которая объединяет многие произведения художника. Духовную мощь изображенному сказанию придают парящие в воздухе невесомые румяные хлеба, снимающие все будничное и прозаичное в авторском воспроизведении легенды о чуде.

Культура прошедших эпох не уходит в прошлое, не исчезает бесследно, как вода в песке, а продолжает жить. В философском контексте ее можно было бы толковать как вечную, своей художественной наполненностью озаряющей современность. В смысловом поле сравнительно небольшой по размерам композиции «Следы» (2011) в скрытый диалог оказываются вовлеченными известные культурные реалии. В мире небесном узнаваемая реплика фрагмента мраморного рельефа с древнеримской триумфальной арки императора Тита (вторая половина I века. Форум Романум) со зловецей сценой шествия римских воинов с сокровищами разграбленного ими Иерусалимского храма – достоверный исторический факт. Она, словно бегущие облака, одновременно динамична и неосязаема, как полустертые слова легенды. В мире земном также ощутим материальный след исторического времени. Когда-то в этой долине кипела жизнь, от которой остался только фрагмент шероховатой плиты с надписью: «Императору Тиберию Понтий Пилат». Рядом остановился уставший пастух, а далее мотив чудесным образом разворачивается силуэтами на сглаженной временем поверхности камня, оставляя в нем зримый отпечаток. Пастух, опирающийся на посох, берегущий свое стадо, тоже вечная тема в изобразительном

Отдых в пути.
2008. Холст, масло, акрил. 110 x 93

искусстве – олицетворение исконно древнего рода занятий человека и одновременно образ верного, знающего путь христианского пастыря. Замысел художника – это не остроумная игра в цитирование или занимательный кроссворд для продвинутого зрителя, а стремление настроить его на рефлексии и выстраивание культурно-исторических параллелей.

Портретный жанр играет заметную роль в творчестве Александра Михалевича – и в графике, и в живописи. Необычен по своему композиционному решению холст «Тихий ан-

гел» (2006). На портрете близкого художнику по духу человека Анастасии Берковской изображена своеобразная Вселенная – соединение мира земного и мира небесного, где неспешной, усталой от долгого пути поступью волхвы и пастухи идут поклониться Богородице с младенцем. Чем дальше смотришь на картину Михалевича, тем больше интересных деталей в ней отыскивается. Между жизнью земной и небесным Иерусалимом, оказывается, нет непреодолимой границы: их связуют кроны деревьев, цепочка птиц легко превращается в птиц не-

*Застолье. Из серии «Жизнь Рябчука».
2011. Бум., смеш. техника*

бесных да прорастают в светлую высь маковки церквей. Тихая земная жизнь небольшого провинциального городка показана одновременно в круговороте четырех времен года, как и тема «три возраста» человека в фигурах его обывателей. Ароматом весны слегка светящийся холст наполняют ландыши в рост человека, обрамляя портрет Анастасии со склонившимися к ней двумя ангелами – надежными хранителями ее жизни. Художник за раскрытым этюдником – символический автопортрет Александра Михалевича, постоянного проводника в созданной им художественной модели мира. Эстетический феномен сакральной сцены в верхней части композиции создает эффект абсолютного соприкосновения бытия и духовного сознания личности, оставляя при этом все же ощущение некоторой недосказанности.

У художника есть темы, которые он постоянно развивает. Из года в год продолжается работа над циклом «Знакомые окна». Открывает серию композиция «Вербное воскресенье» (2005). Через оконный проем мы смотрим сверху на Соборную площадь и отдаленный перспективой храм Иннокентия Иркутского. В мире небесном явлено в иконографической традиции торжественное шествие Христа в Иерусалим. Замысел художника состоит в перекрестном ритме единения небесных и земных символов (храм небесный и земной; древо небесное и пушистые веточки вербы в стакане и т. д.). Холст «Дом на окраине» (2007) – светлая память о рано ушедшем друге Сергее Петухове. Структура композиции воспроизводит оконную раму старого дома. Самостоятельное решение каждой секции представляет единый продуманный замысел. В верхнем фрагмен-

те представлен уходящий Хабаровск, времени детства друга. Окно в минувшее – обычный деревянный барак, окруженный деревьями, с маленьким двориком и пуховой пылью под ногами. Ведущий мотив – портрет художника Сергея Петухова у мольберта. Рядом раскинул побеги колючий и неприкаянный чертополох, выросший в чужой для него городской среде. Нелучайная деталь в общем замысле, как и выходящие голуби – символ творческих устремлений и вечности души.

Название некоторых замыслов Александра Михалевича сразу настраивают зрителя на размышление. На центральной части триптиха «Тихая жизнь наших соседей» (2001) – портрет Ларисы Белиной. С полнокровным женским образом гармонично сочетаются цветы, написанные на боковых холстах. Нелучайно на поверхности керамических горшков и рядом с ними словно вытаивают очертания раковин и бабочек. Керамика – это, в первую очередь, та самая первозданная глина, в которую уходили древние палеонтологические эпохи. Цветы в триптихе Александра Михалевича, точнее портреты цветов, написаны в натуральную величину. Они изображены по одному и «в полный рост», как царственные особы на парадных портретах. Соцветия и стебли поддержаны латинскими именами, запечатленными вязью в композиции. Надписи, останавливая взгляд, побуждают задуматься о наших тихих соседях. Ведь они отпрыски флоры далеких экзотических стран и стали такими привычными и родными, что мы об этом уже забыли. Образ цветов порождает волну воспоминаний и ассоциаций. Их звучные латинские имена окружены легендами и занимательными историями. Написанные в алтарных композициях, цветы несут не только очарование самой природы, но и совершенно скрытую для многих современных зрителей сакральную символику: чистоту помыслов и жертвенность поступков героев; в европейских натюрмортах XVI–XVII веков – назидательные напоминания о голгофских страданиях Христа, необходимости заботы о чистоте души и стойкости к искушениям; в букетах кокетливых дам почти позабытую цветочную азбуку флирта и любовной игры, объяснений и намеков; оброненные лепестки или листья цветов – мгновенность молодости и кратковременность человеческой жизни и т. д.

На персональной выставке, состоявшейся в декабре 2011 года в Дальневосточном художественном музее, мастер показал экспериментальный графический полиптих, созданный на основе колоритных рассказов хабаровского художника Александра Рябчука о своей жизни («Жизнь Рябчука: фрагменты иллюстрированной биографии Александра Андреевича Рябчука, пенсионера», 2011). Главный лист с изображением в полный рост Рябчука с маленьким росточком в руке в окружении весьма разнообразной фауны, включая динозавра, возможно, слишком прямолинейно графически высказанная мысль о том, что каждый оставляет свой след в этом мире и человек лишь его частица. Своеобразная летопись жизни художника А. Рябчука представлена на отдельных листах, и в «паузах» между ними мы что-то можем дополнить сами о его прошлом и настоящем бытии. Первым колядкам героя серии научила бабушка в маленьком селе Удыль. В тихий, безветренный день по нафантазированному художником уютному селу движется занятая процессия («Колядки»). Лица детей под объемными масками животных тоже нарисованы художником, показывая стремление Михалевича даже в графике «выйти в объем». Заглядывая в студенческое прошлое Александра Рябчука, в скромный быт худграфовского общежития, мы видим его друзей на листе «Застолье» (П. Баклыский, С. Петухов, А. Сенченко, Ю. Гофман). Молодых и бесшабашных, таких разных, полных энергии и открытых жизни, приглашающих нас к своему столу. И это пьянящее веселье, жажда жизни здесь самое главное. Во

Апрельское утро. Цикл «Знакомые окна». 2008. Холст, акрил, масло. 100 x 100

главе стола Александр Рябчук, а слева, благодаря творческой воле рассказчика и художника погружаясь в минувшее, видим улыбающегося нам Сергея Петухова. Спина к зрителям Михалевич нарисовал профильный автопортрет. Художник дорожит общим светлым прошлым и, вспоминая друзей, снова собирает их всех, как прежде, на веселом застолье. Хотя сейчас время уже стусевало черты когда-то молодых лиц мечтавших стать художниками и ставших ими.

Хабаровск на холстах и графике Александра Михалевича занимает особое место. Мастер любит город, знает его историю, топонимику улиц дореволюционного времени и посвятил ему многие произведения. Реконструирует Соборную площадь, унесенную временем в 30-е годы прошлого века («Соборная площадь»). Торговый дом Плюсниных рядом с Успенским собором возникает из небытия, окруженный горожанами XIX века, в то время как реальный пейзаж современной Соборной площади лишь намеком воспроизведен

на фрагменте кальки, точно фокусируя ее перспективу, напоминая о старой почтовой карточке. Этим приемом художник достигает неожиданного эффекта. Образы прошлого наплывают на нас (постукивание колес экипажа, дамы с зонтиками и галантные кавалеры, нищий на паперти и т. д.), а реальное наоборот размывается. Время неумолимо бежит вперед, но фантазия художника способна тасовать, совмещая на плоскости листа события и артефакты. Пестрый «поток жизни» в графическом цикле Михалевича разновременной и разноплановой, в чем-то ностальгически трогательный, иногда забавный и проникнутый юмором, не принадлежит одному пространственно-временному слою. Идея «*non finito*» (незавершенности), взятая за основу создания этого цикла, порождает ощущение абсолютной случайности и незавершенности, но ведь и жизнь главного героя не прекращается. Она есть и продолжается в новых событиях, встречах, расставаниях и жизненных странствиях.

Эффект ультрамарина

Светлана ФУРЦОВА

С дальневосточным художником Брониславом Тамулевичем мы встретились накануне праздника Крещения. Сияло солнце, отражаясь в куполах Спасо-Преображенского кафедрального собора, сиял снег, и город напоминал нарядную открытку в серебристом напылении, с ярким выпуклым изображением.

А здесь в спокойном свете мастерской тебя обступал совсем другой Хабаровск, легкий, невесомый, почти неузнаваемый сквозь слегка размытые краски, и все же до боли знакомый каждой выщербленной ступенькой, мостиком через пруд или потрескавшейся стеной старого дома.

– Я люблю неизвестные уголки старого Хабаровска – арки, подворотни, решетки. Не могу заставить себя писать узнаваемые городские пейзажи, – признается художник.

Рисование для Бронислава с детства было одним из многочисленных увлечений. Он читал книги об искусстве, внимательным образом изучил жизненный путь Леонардо да Винчи, дабы понять, что же подвигло великого Леонардо посвятить жизнь служению искусству. Когда в 7-м классе среди школьных предметов появилась тригонометрия, требующая от учеников пространственного решения, педагог посоветовала мальчику записаться в художественную студию.

– Тогда в Хабаровске в студии при Дворце профсоюзов вела занятия замечательная Марья Алексеевна Задворных. Она преподавала в политехническом институте и любила заниматься с одаренными детьми: проводила с ними театрализованные вечера, организовывала домашний театр, в котором задействовала и своих питомцев. Многие из ее учеников в дальнейшем стали художниками.

По окончании школы Бронислав поступил на художественно-графический факультет Хабаровского педагогического института к Дмитрию Андреевичу Романюку. С ним вместе в институте учились будущий хабаровский график Евгений Базилевич, Валентин Зыков, ставший впоследствии мастером по керамике, Виктор Босов...

По словам Бронислава, в его жизни не было каких-то особых метаний, он довольно рано определился с поиском смысла жизни и с любимыми направлениями в живописи.

– Я предпочитаю те виды искусства, в которых скорее можно высказаться – акварель, графику, сейчас вот увлекся акрилом. Не очень представляю, как можно несколько месяцев и даже лет корпеть над одной и той же картиной. Предпочитаю работать быстро, пока не пропал интерес и не ушло впечатление.

Улица Тургенева
2007. Бумага, акварель. 60 x 80

Сергея Зубов
2005. Бумага, акварель. 80 x 60

Сергей Мишкин
2006. Бумага, акварель. 80 x 60

После окончания института Тамулевич преподавал в технологическом колледже историю искусств, живопись, рисунок, компьютерную графику. Стал победителем конкурса «ИЗО в Сибири и на Дальнем Востоке», а также лауреатом конкурса «Преподаватель года». И уже пошли первые выставки, организованные совместно с женой Светланой и сыном Алексеем (у Бронислава творческая семья), когда в его жизнь вошли «Другие».

– В 1998-м я познакомился с Ириной Оркиной и ее группой «Другие», в которую входили Валентин Зыков, Сергей и Семен Зубовы, Евгений Он... Они предложили мне влиться в их сообщество. «Другие» отличалась тем, что все участники группы были художниками разных направлений, но проявляли лояльность по отношению к смежным жанрам. А еще нас сближала страсть к путешествиям, мы много ездили по краю, бывали в Приморье, попутно устраивали там свои выставки, например в Находке. Чего только не случалось с нами в пути – и горели мы, и тонули... Это вспоминать весело, а тогда не до шуток было. Но вообще путешествия, кроме приключений и адреналина в кровь, дают впечатления, которые потом становятся материалом для будущих сюжетов.

Как художник Тамулевич тяготеет к импровизации, поиску нового, старается избегать повторений. В его творческом активе портреты, пейзажи, натюрморты, выполненные в технике акварели. Линии легкие, точные. В портретах учеников, друзей, сыновей много теплоты, юмора и поэзии. При кажущейся незаконченности изображаемого, в котором все словно плывет, колеблется, движется, ибо мир природы изменчив, в каждой работе чувствуется крепкая и уверенная рука мастера. Интересно, как достигается эффект размытости, постоянного движения?

– Все очень просто, – поясняет Тамулевич, – берет лист бумаги, окунает в воду. Едва вода стечет, прикрепляю лист к планшету и пишу, тороплюсь схватить и передать на листе главное впечатление. На одном дыхании, разом, если не успел закончить – все.

Работы, выполненные в технике мокрой акварели, требуют повышенной эмоциональности, концентрации внимания, работоспособности. Бронислав считает, что, являясь мощным источником эмоций, творчество способно преобразить окружающий мир, одушевляя самые прозаические вещи – сухой ковыль или ветхий деревянный забор. Недаром его любимая натура – море, волны, город, небо, которые тоже постоянно меняются, возрождаются, умирают...

С 2000 года Тамулевич постоянный участник краевых, региональных, всероссийских художественных проектов. Его персональные выставки проходили в Хабаровске (Картинная галерея им. А.М. Федотова, Краевой музей им. Н.И. Гродекова), во Владивостоке, в Дальнегорске. В 2003 году Бронислав Тамулевич стал лауреатом премии администрации Хабаровска в области изобразительного искусства в номинации «Графика». А в феврале 2010-го в одном из залов Гродековского музея открылась персональная выставка художника под названием «Ультрамарин».

Краска ультрамарин имеет глубокий насыщенный цвет и обладает таким уникальным химическим со-

Лестница на стадион
2008. Бумага, акварель. 60 x 80

Зимняя дорога
2005. Бумага, акварель. 40 x 60

Весна
2005. Бумага, акварель. 40 x 70

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

Дочка на стуле
2002. Бумага, карандаш. 30 x 40

Больной Ромка
2002. Бумага, карандаш. 30 x 40

Студентка
2006. Бумага, карандаш. 30 x 40

Рэпер Саша
2006. Бумага, карандаш. 40 x 60

ставом, который позволяет ей при смешивании с другими красками, полностью вытеснять их на холсте.

Мне кажется, это свойство весьма характерно для творчества художника Тамулевича, который, не без успеха осваивая различные виды деятельности, больше всего ценит те часы, когда, прикрепив к планшету чистый лист бумаги, улетает за пределы мастерской. Пишет, не заботясь о том, куда уйдет картина и что будет завтра, ибо для него существует только здесь и сегодня. Но художник чужд пафоса.

– Просто день проходит более наполненно, когда ты несколько часов поработаешь над портретом или начнешь новый сюжет. Это помогает быть всегда в форме, не расслабляться. А вообще моя профессия предполагает множество жанров. Например, книжный дизайн...

Это у них семейное: Бронислав и его жена Светлана – авторы ряда книг, буклетов, каталогов. Попутно Тамулевич начал заниматься фотографией и зачастую при создании книги все, от идеи и фотографий до верстки, принадлежит ему. Подобные проекты приносят не только заработок, уверяет художник, но и удовлетворение от овладения новыми знаниями.

Тамулевичу удаются все виды экспозиционной работы: передвижные, стационарные выставки, экспозиции. Воссоздавая атмосферу, художник хорошо чувствует пространство, со временем он выработал свой фирменный стиль, по которому его сразу можно узнать. Бронислав Тамулевич – автор эскизов и создатель комплексного оформления экспозиций музея истории Хабаровска. Более 10 лет он сотрудничает с Краевым музеем им. Н.И. Гродекова, где подготовил экспозицию, посвященную хабаровчанам в годы Великой Отечественной войны. Среди совместных выставочных проектов можно назвать передвижные выставки «Амурский вопрос», «Трудами вашими – здесь Россия!», «Славя Родину, звали на подвиг», стационарные выставки «Толкование Торы», «Сон в красном тереме», «Дикая слива, азалия и сакура», «Славянские узоры», «Казачи – защитники Отечества», экспозиция «Культура Приамурья в конце XIX – начале XX вв.»

Музейная работа дает возможность расширять круг знакомств, завязывать деловые отношения. Так, благодаря дружбе с приморскими коллегами во Владивостоке, в музее имени Арсеньева, несколько лет назад Тамулевич осуществил большую, многоплановую выставку «Магия клинка», посвященную оружию. За проект «Магия клинка» Бронислав Тамулевич удостоен премии имени В.К. Арсеньева (Владивосток).

– «Магия клинка» – это девять воинов различных национальностей, каждый из которых представляет определенный вид оружия. Но это только один, внешний, план экспозиции. Рядом, на информационных стендах, выставлены материалы, в которых рассказывается об изготовлении оружия, его особенностях. Всего де-

вать блоков, которые можно не спеша рассматривать и изучать.

Как экспозиционер художник оформил зал археологии в музее Дальнегогорска, проделал большую работу над интереснейшим и сложнейшим музейным проектом, связанным с 385-летием Охотска.

Опыт сотрудничества с различными организациями также весьма полезен для художника, считает Тамулевич. У него правило: к любым проектам подходить творчески. Даже прозаические трубы, проходящие по полу и потолку, он умудряется задействовать в экспозиции таким образом, что они напоминают некие фантастические объекты сродни космическим.

– Мне интересно то, что происходит вокруг меня сегодня и сейчас. А сегодня я пребываю в относительном равновесии: есть работа, есть время заниматься творчеством, есть понимание, куда надо идти и что делать. Чего делать не надо, тоже понятно: не повторяться. Карьерных целей я для себя не ставлю, хотя, может быть, это впереди...

Андреева
2006. Бумага, акварель.
60 x 80

Экспоцентр
КНААПО.
Зал Великой
Отечественной
войны

Осколки исчезнувшего государства

Алена ФРОЛОВА

Фото Владимира МАЙОРОВА

Дальневосточный художественный музей (ДВХМ) обладает небольшой, но разнообразной коллекцией произведений античности. Она включает и несколько предметов, которые созданы в боспорских мастерских в первые века новой эры.

На формирование самобытного искусства Боспора – древнего государства, существовавшего с V века до н. э. по IV век н. э. на северном побережье Черного моря, – оказали влияние и анималистические верования соседних варварских племен, и классическая греко-римская культура метрополии. Но прибывавшие из Греции изделия не становились объектом бездумного подражания. Копируя их, местные мастера вырабатывали собственный самобытный стиль.

На службе у Великой богини

Пример уникального образного мира боспорских мастеров – группа марионеток с подвесными ногами. Глиняные статуэтки такого типа создавались на протяжении первых четырех веков новой эры в городах Боспора, предположительно для совершения определенных обрядов, связанных с поклонением Великой богине. Как участников мистерий их также именуют мистами.

В собрании Дальневосточного художественного музея находится одна марионетка, поступившая в числе других предметов античности из Эрмитажа в 1931 году¹. В сопроводительных документах она называется куклой в виде странного демона, демоном смерти со щитом в руке. Демоны как силы природы, некие природные стихии, духи-хранители являлись популярными образами в Древнем мире. Вероятно, таким названием, данным учеными рубежа XIX–XX веков марионеткам с подвесными ногами, они обязаны гротескным чертам лица и гипертрофированному фаллу.

М.М. Бахтин в своем фундаментальном труде «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса», исследуя вопросы гротеска в искусстве, отмечает: «Гротескный образ характеризует явление в состоянии его изменения, ... в стадии смерти и рождения, роста и становления. ... Гротескные образы... амбивалентны и противоречивы; они уродливы, чудовищны и безобразны с точки зрения всякой «классической» эстетики, то есть эстетики готового, законченного бытия.

Акценты лежат на тех частях тела, где оно либо открыто для внешнего мира, то есть где мир входит в тело или выпирает из него, либо оно само выпирает в мир, то есть на отверстиях, на выпуклостях, на всяких ответвлениях и отростках: разинутый рот, детородный орган, груди, фалл, толстый живот, нос. Тело раскрывает свою сущность, как растущее и выходящее за свои пределы начало, только в таких актах, как совокупление, беременность, роды, агония, еда, питье, испражнение... Одна из основных тенденций гротескного образа тела сводится к тому, чтобы показать два тела в одном: одно – рождающее и отмирающее, другое – зачинаемое, вынашиваемое, рождаемое. Это – всегда чреватое и рождающее тело или хотя бы готовое к зачатию и оплодотворению – с подчеркнутым фаллом или детородным органом...»

Гротескные образы олицетворяют жизнь на краю бездны, на грани, во всей ее изменчивости, неустойчивости. Такое воплощение неприкрашенной жизни противостояло и греческому идеалу «ничего слишком», и римской «портретной» точности, – всему тому «правильно-приличному», что привносит цивилизация, а с ней и профессиональное искусство. И это воплощение, которое греческому эстету показалось бы отталкивающе-неприглядным, воспринимается боспорцами как Обращение. Обращение к Великой богине-матери, чтобы она не оставила беззащитными своих детей, чтобы не прервался род человеческий...

В настоящее время насчитывают более двухсот статуэток с подвесными ногами. Большая часть хранится в музеях Северного Причерноморья, в Государственном Эрмитаже и Государственном историческом музее. За редким исключением они не имеют столь выразительных гротескных черт, как у марионетки из собрания Дальневосточного художественного музея.

¹ Изучение музейной статуэтки стало возможным благодаря консультациям коллег из музеев России, Украины, США. К сожалению, по вполне объяснимым причинам ДВХМ не имеет возможности произвести необходимые для окончательного заключения дорогостоящие технико-технологические исследования материала.

Основополагающим научным трудом по изучению боспорских культовых статуэток с подвесными ногами является статья И.Д. Марченко «Марионетки и культовые статуэтки Пантикапея». Проследивая историографию их изучения, автор отмечает, что отдельные исследователи «видели в таких статуэтках изображение воинов племен, соседних с античными городами <...> племен, принесших обычай деформации головы в первые века н. э.». Но большинство ученых сходятся на том, что марионетки были связаны с местными религиозными представлениями, с культом Великой богини, а также могли служить апотропеями и изображениями духов – покровителей природных сил.

И.Д. Марченко характеризует марионетки следующим образом: «Среди типов боспорских терракот первых веков н. э. выделяется большая группа статуэток, которые своим видом резко отличаются от обычных античных типов. Они имеют своеобразное устройство – в голове и внизу с двух сторон полого корпуса, заканчивающегося набедренной повязкой или простым одеянием типа рубахи, сделаны отверстия, сквозь них продевался стержень или шнурок с навешенными ногами и фаллом. Техника изготовления статуэток обычна: в двух формах отжимались передняя и задняя половинки, их соединяли, заглаживали швы, подправляли стеклой, прилепляли руки и различные детали обычно из глины, в редких случаях из железа. Фигурки сделаны из боспорской глины».

Ученый выделяет семь групп марионеток с подвесными ногами: группу юношей-танцоров; группу марионеток с козлиными рогами на голове; группу статуэток с большими оттопыренными ушами, с музыкальными инструментами в руках; группу воинов со щитами различной формы в руках; группу жертвователей; группу жрецов; группу марионеток с чертами двуполости.

По наличию таких атрибутов, как шарообразный предмет в правой руке и щит в левой, музейная статуэтка близка двум группам – жертвователей и воинов. Жертвователи, или дарители, объединены единством действия: они держат в руках свою жертву богине, присутствуют при культовом акте. В руках у статуэток могут быть птицы, животные,

яблоки, лепешки, колосья. Еще одна их характерная черта – большие уши.

Группу воинов со щитами И.Д. Марченко относит к изображениям служителей местной Великой богини по аналогии с римскими жреческими обществами салиев. Главной задачей салиев было почитание военных божеств танцем и пляской. Служители богини, вероятно, вводили собравшихся в гипнотическое состояние гулом ударяемых щитов.

Как же могло получиться, что музейная статуэтка сочетает в себе признаки двух групп? В ответах на этот вопрос коллеги из Эрмитажа, Исторического музея и Метрополитен-музея определяют предмет как «пастиш», то есть соединение нескольких частей разных статуэток. Такую «реставрацию» осуществляли в XIX – начале XX века местные мастерские Северного Причерноморья. Дополнительным подтверждением позднего вмешательства является отсутствие в голове обязательного отверстия для подвешивания, очевидно, залепленного гипсовым клеем при «реставрации».

Особый интерес вызывает щит в левой руке музейной марионетки. При определенном ракурсе гравированное изображение на нем напоминает лицо с сильно выступающим носом и удлинёнными глазами. «...Не до конца понятно, – пишет М.Б. Муратова по поводу обоснованности нашей гипотезы, – подделка ли этот щит или он действительно античный. В обоих случаях или античный мастер, или мастер из не очень далекого прошлого могли ориентироваться на щиты с Медузой Горгоной или с Гелиосом, которые встречаются «в руках» других марионеток».

Образ Медузы Горгоны появился на щитах во устрашение врагов, как напоминание о мифе, в котором богиня Афина прикрепляла на свой щит отрубленную Персеем голову этого змееволосого чудовища. «С тех пор щит Афины вселяет во всех смертельный ужас».

Культовый греческого бога солнца Гелиоса, традиционно изображаемого в окружении солнечных лучей или в короне из них, слился на Боспоре с культом популярного в Римской империи древнеиранского бога верности и закона Митры, воспринимаемого древними римлянами как символ силы и мужества. Он также получил статус солнечного божества. Вероятно, Гелиос на щитах античных статуэток выступает как носитель воинских доблестей.

Музейная марионетка со щитом и шарообразным предметом в руках самим фактом вмешательства, «доработок» XIX – начала XX века являет собой типичное изделие художественного производства Северного Причерноморья. Необдуманный подбор элементов статуэток разных групп, сделанный неизвестным мастером столетие назад, превращает фигурку в синкретичное существо. Даритель, несущий свою жертву богине, является здесь также мистом-

Гротескная марионетка с подвесными ногами. Боспор. I–IV века. «Реставрирована» в XIX – начале XX веках. Глина

Гротескная марионетка с подвесными ногами. Фрагмент. Щит

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

воином, вводящим в транс ритмичными ударами о щит участников действия. Щит с изображением головы Медузы или Гелиоса в солнечных лучах указывает на охранительную функцию марионетки.

Гипертрофированные черты марионетки, которые сегодня воспринимаются скорее с улыбкой, также придавались ей в какой-то мере для выполнения охранительной задачи. Но все же глубинным смыслом гротеска как художественного приема стало исследованное М.М. Бахтиным стремление древних авторов показать мир в «единстве и борьбе противоположностей», одномоментности рождения и умирания.

Это открытие великого ученого словно подтверждается чередой сменяющих друг друга названий: демон – кукла – марионетка – мист. Переименования характеризуют не только и не столько этапы изучения статуэток, сколько являются свидетельствами бесконечной вариативности этого образа: дух природы – управляемая человеком вещь – полноправный участник мистерии.

Хранители вечного сна

Боспорские предметы ритуальной пластики, не имеющие аналогий в античном мире, были созданы не без воздействия местных религиозных воззрений. В то же время неприязнительность запросов и поточный метод производства обусловили невысокий художественный уровень, свойственный местным изделиям позднего периода. Например, гипсовым предметам, выполненным в технике штамповки и предназначенным для декорирования деревянных саркофагов².

Традиционно время создания гипсовых деталей саркофагов устанавливали как I – II века. Новейшие исследования, в частности диссертация Н.К. Жижиной, научного сотрудника отдела античного мира Государственного Эрмитажа, сужают временные рамки до одного столетия, с 50 по 150 год. Исследователи выделяют несколько групп гипсовых предметов данного назначения: архитектурные элементы (антефиксы, акротерии, базы); декоративно-растительные (шпечки, пальметки); прилепы апотропеического (охранительного) характера (маски Медузы горгоны, маски животных, фигурки змееногой богини).

Прилепы-апотропеи – обереги, охранявшие от грабителей покой умершего. Очевидно, и в давние времена мародеров было немало. Логично, что на роль хранителей выбирались персонажи, которые даже своим видом могли напугать злоумышленников. Недаром излюбленными сюжетами гипсовых прилепов становятся такие мощные и опасные животные, как бык и лев, а также мифическое змееволосое чудовище – Медуза горгона.

Специалисты полагают, что мастерские по изготовлению прилепов находились недалеко от мест захоронений, а декорировались саркофаги непосредственно перед захоронением. Об этом свидетельствуют многочисленные гипсовые обломки, найденные рядом с саркофагами. Прилепы крепились между колоннами саркофага или на его крышке. Порой добавлялись надписи, проклинающие грабителей. Для устрашения внешняя сторона прилепов ярко раскра-

шивалась. К сожалению, на большинстве изделий в настоящее время краски почти не осталось.

В собрании Дальневосточного художественного музея находятся два гипсовых прилепа, один в виде головы Медузы горгоны, второй – в форме львиной головы. Греческие мифы повествуют о трех сестрах горгонах, крылатых, чешуйчатых, клыкастых, со змеями вместо волос и взглядом, превращающим в камень все живое. Одна сестра, Медуза, была смертна. Сын Зевса Персей убил спящую Медузу, глядя на нее в отражение на щите, подаренном ему Афиной. Голову Медузы Персей отдал богине, которая прикрепила ее к себе на эгиду³, очевидно как знак устрашения. На эгиде статуи Афины Лемнии, выполненной

³ Эгида. С латинского – козья шкура. Щиты из шкуры с изображением горгоны. Афина носила эгиду накинутой на плечи и грудь.

Гуттус чернолаковый. Кампания. Калес (?). IV – II века до н. э. Глина

Гуттус чернолаковый. Фрагмент. Щиток с изображением Медузы. Миниатюрные сосуды с высоким носиком – гуттусы (лат. gutt – капля), производились в греческих колониях Южной Италии в IV–II веках до н. э. и служили для кормления детей или заправки маслом светильников.

² На рубеже новой эры в античном мире способ захоронения в саркофагах был характерен только для Боспора.

Голова Медузы. Прилеп на саркофаг. Боспор. I–II века. Гипс

древнегреческим скульптором Фидием, изображена голова горгоны – горгонийон⁴.

Образ Медузы в качестве оберега использовался во всем античном мире, в метрополии и колониях. Изображения ее головы на бытовых и ритуальных предметах служили владельцу оберегом, защищали от злых духов и людей. Особенно выразительны рельефные изображения головы Медузы: то выступающие над поверхностью, то проваливающиеся вглубь волны волос-змей рождают иллюзию движения и тем сильнее пугают смотрящего. Существует два иконографических типа этого чудовища, связанных с борьбой «аполлонистического» и «дионисийского» в искусстве. Первый представляет божественную, совершенную красоту. Второй, и в античную эпоху более распространенный, отра-

⁴ Оригинал, созданный греческим скульптором Фидием около 450 года до н. э., до настоящего времени не сохранился. Мраморная копия, выполненная древнеримским скульптором, находится в Скульптурном собрании Дрездена (Германия). Дальневосточный художественный музей располагает гипсовой копией этого знаменитого изваяния.

Голова льва. Прилеп на саркофаг. Боспор. I–II века. Гипс

жает земную, стихийную сущность низших существ, например, сатиров, менад – этих грубых «детей природы».

На двух музейных предметах – итальянском сосуде и боспорском прилепе – представлен в рельефе второй, «низменный» тип изображения Медузы. Чернолаковый гуттус из собрания ДВХМ характерен для города Калеса, находящегося в Кампании – одной из областей Южной Италии. В подражание дорогой бронзовой посуде гуттус покрыт особой суспензией, традиционно именуемой черным лаком. Отсюда общее название сосудов такого типа – чернолаковая керамика. Эффект металлического сияния, придаваемый лаком, подчеркивает преимущества скульптурного декора. Поэтому гуттусы имеют ребристую поверхность, профилированные ножки и носики, на щитках вверху – барельефные изображения, несущие не только декоративную, но и охранительную функцию.

Образ Медузы на щитке музейного гуттуса полон напряженной экспрессии. Тяжелое круглое лицо, приоткрытый словно в ухмылке рот, перекошенные нос и левая щека, впадина в центре лба, волосы извивающимися змеями. При ярком освещении возникает ощущение, что все эти неровности оживают, вибрируя в бликах света. Более сглажены черты Медузы на музейном прилепе-барельефе. Горизонтальный формат подчеркивает растянутое в ширину ее круглое лицо. Благодаря легкой асимметрии: слегка вздернут рот, несколько гипертрофирована левая скула – лицо оживает. Несколько грустное выражение придает чудовищу, при взгляде на которое каменеют все смертные, огромные глаза с опущенными внешними уголками. При сравнении с аналогичным прилепом из собрания Эрмитажа заметна некоторая смазанность, нечеткость рельефа в разработке выпуклой складки под подбородком, хохолка надо лбом.

В обобщенной, но выразительной манере исполнен гипсовый прилеп в виде головы льва. Горельеф, или высокий рельеф, воссоздает во всем объеме морду этого опасного зверя. Отдельные детали: нос, глаза – едва намечены. Обнаженные клыки должны внушать всем дерзнувшему проникнуть в гробницу страх перед царем зверей, охраняющим покой умершего.

Прилепы на саркофаги, эти образчики самобытного культурного искусства Боспора, словно уцелевшие осколки исчезнувшего государства, несут в себе Историю. Удаленную от нас временем и расстоянием историю жизни и веры также раскрывают всем соприкоснувшимся изображения – пугающие и притягательные образы хранителей вечного сна.

ИСТОЧНИКИ

1. Акт приема-передачи предметов Отдела античности Государственного Эрмитажа в Хабаровский Краевой Музей от 26.05.1931. – Книга поступлений № 1 ДВХМ/ Вх. № 1463; 4.11.1931.
2. Краткая научная характеристика экспонатов, полученных художественным отделом Краевого музея, из фондов Эрмитажа. – ГАХК. 1629/1/4. 1927 г. Л. 23.
3. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М. 1990.
4. Марченко И.Д. Марионетки и культовые статуэтки Пантикалея. – САИ. Теракотовые статуэтки. Часть III. Пантикалей. Г 1–11. М. 1974.
5. Ходза Е.Н., зав. сектором Древней Греции и Рима Античного мира Государственного Эрмитажа; e-mail: ars@hermitage.ru, 09.04.09; Д.В. Журавлев, ст. н. с. ГИМ, письмо от 29.04.09; М.Б. Муратова, Метрополитен-музей, Нью-Йорк, письмо от 27.07.2010 / ДВХМ. Вх. № 301/5-10 от 29.12.2010
6. Муратова М.Б. Муратова. Письмо от 12.11.2010 / ДВХМ. Вх. № 302/5-10 от 29.12.2010.
7. Мертлик Р. Античные легенды и сказания. – М. 1992.
8. Словарь античности. Сост. И. Ирмшер. – М. 1989.
9. Жижина Н.К. Гипсовый рельеф в погребальных памятниках европейского Боспора первых веков н. э. (по материалам коллекции Государственного Эрмитажа). Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб. 2007// http://www.scholar.ru/speciality.php?page=3&spec_id=80
10. Сокольский Н. И. Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья // САИ Г 1–17. Том V. – М. Наука. 1969.
11. Художественное ремесло эпохи Римской империи. I в. до н. э. – IV в. н. э. Каталог выставки. – Л. 1980. С. 87. Кат. № 362.

Среда обитания

Главы из жизни творческого объединения
«Среда обитания Точка здесь»

*Пришло Время Вдохновения –
Возникла Точка Творчества –
Создалась Среда Обитания*

Тамара Кузьмина

Марина ТАРАСОВА

В разные времена творческие личности стремились уехать из шумного города хотя бы на время, чтобы в тишине загородного дома или дачи реализовать свои замыслы, накопить впечатлений. В поисках красивых и живописных мест они готовы ехать порой на край света. Таежное село Тигровое в Приморье – одна из тех особых географических точек. Именно его облюбовали художники и литераторы из Владивостока, Артема и Находки и создали в итоге творческое объединение «Среда обитания Точка здесь».

Небольшой юбилей – пятилетие объединения – совпал с открытием первой персональной выставки участника группы, жителя села Тигрового Александра Бея, проходившей в городском музее приморского города Партизанска в 2011 году. «Созвучие» – так художник название экспозицию, и в ней действительно все было созвучно его главному кредо: жить и творить в естественной для себя среде.

«Среда обитания Точка здесь» берет начало в 2006 году. Это творческий союз художников, литераторов, музыкантов и просто интересных людей, которые живут в Тигровом или часто сюда приезжают. Сложилась инициативная группа: Ольга Семих – художник-дизайнер и координатор рабо-

ты объединения, приехавшая из Владивостока, Марина Савченко – литератор и музыкант, сменившая Хабаровск на приморское село, Тамара Кузьмина – поэт и художник из Артема, постоянно приезжающая в Тигровое к своим пожилым родителям, художник-живописец Александр Бей, прибывший сюда на постоянное место жительства из Хабаровска. Позднее к группе присоединились известные приморские художники Джон Кудрявцев, Елена Никитина, Александр Котов, преподаватель художественной школы Светлана Лапаева, керамисты Ирина Дацко и Александр Калита, гобеленщица Людмила Габаева, художник-прикладник Римма Лобачева из Владивостока, а также музыканты Дмитрий Курилин из Хабаровска и Константин Радченко из Читы.

Первая большая выставка «Среды обитания» – дебют творческого объединения – состоялась в апреле 2009 года в музейно-выставочном центре Находки. Она так и называлась – «Первая глава». Пятнадцать участников вернисажа из разных городов Дальнего Востока представляли разные жанры и направления: от живописи, батика и графики до ковки, фотографии и музыки. Прошло совсем немного времени, и в городском музее Партизанска открылась «Вторая глава», созданная

Художницы Т. Кузьмина, О. Семих и жительница Тигрового Е. Омельченко

Творческое объединение «Среда обитания Точка здесь»

Старейшая жительница Тигрового Р.С. Кузьмина

Гости из Японии

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

День тигра в Тигровом

Марина Савченко

Выставка в сельской галерее

Ольгой Семих, Тамарой Кузьминой, Светланой Лапаевой, Александром Беем, Риммой Лобачевой, Людмилой Габаевой, Игорем Царевым и Мариной Савченко. В одном пространстве вновь соединились батик, живопись, графика, дерево и фотографии – непривычное, на первый взгляд, сочетание жанров и форм, но ярко представляющее картину творческого осмысления мира. Объединяющим центром этого выставочного проекта, по словам директора музея в Партизанске Татьяны Винниковой, стала конкретная точка на карте Приморья – село Тигровое.

Следующая, третья, глава из жизни «Среды обитания» – одноименная выставка – состоялась в августе 2009 года. Тамара Кузьмина и Ольга Семих посвятили ее дню рождения Тигрового. Расписанные причудливыми узорами батики украсили живописный деревенский пейзаж. На этом фоне проходило праздничное дефиле: тигровские девушки демонстрировали экзотические платья – авторские работы художниц.

Среди других событий выставка «Трое в лодке» на арт-площадке клуба «Yellow Submarine» (Владивосток, 2010). В творческой лодке Александр Бей, Тамара Кузьмина и Марина Савченко, а потом к ним присоединились скульптор по дереву Игорь Царев и автор-исполнитель Вадим Дубодел. К рождественским праздникам творческое объединение из села Тигрового подготовило «Подарки к Рождеству» (Партизанск, 2010).

Со временем стали складываться особые традиции. В начале октября в село приезжают гости на литературно-экологический праздник День тигра и тогда же проводятся Тройнинские чтения. Это дань памяти приморского писателя-эколога, большого знатока и любителя дальневосточной природы, жителя села Владимира Ильича Тройнина. Именно он придумал замечательный праздник в честь краснокнижного зверя и объединил писателей, журналистов, экологов, любителей природы. Тройнинские чтения стали инициативой объединения «Среда обитания Точка здесь» и проводятся с 2008 года совместно с коллективом сельской начальной школы № 11 (организатор – учитель Н.Я. Ильенко). В октябре 2012 года состоялись уже пятые по счету чтения, посвященные 75-летию со дня рождения Владимира Тройнина.

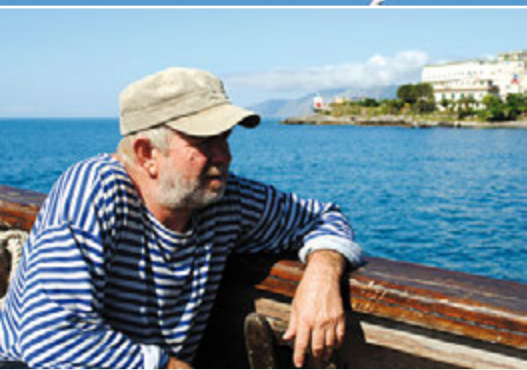
Что еще происходит в «Среде обитания»? Три года назад открыли сельскую галерею под названием «Точка здесь», где проходят персональные и коллективные выставки художников группы и их друзей. Здесь же проводятся творческие вечера, презентации, концерты, экологические акции. Активно развивается литературно-издательское направление, которым занимаются поэты Марина Савченко и Тамара Кузьмина, хабаровский издатель Алексей Терещенко. В сельской библиотеке под руководством Марины Савченко работает литературный клуб «Среда обитания».

Пять лет – совсем небольшой отрезок времени, но у «Среды обитания» уже немало друзей и единомышленников. Среди них член Общества изучения Амурского края Ольга Борисовская, журналист Валерий Малиновский, биолог Лилия Кондрашова, учитель биологии Татьяна Строчинская, писатель-переводчик Александр Белых, артист Вадим Дубодел, филолог Елена Дубодел, поэт Анна Тарабрина, учитель литературы Татьяна Стадник из Находки, защитники природы Александр Кожеров и Александр Серых, общественный деятель Любовь Самчинская, члены лито «Родник» из Партизанска Лидия Федорчук, Георгий Туровник, Александр Гривин, Владислав Супрунов, Наталья Ильенко и Анна Романович из Тигрового и многие другие. Местом их встречи стало приморское село. Точка творческого притяжения – здесь.

Фотографии предоставлены автором

Есть у каждого причал...

Сергей ЗИМИН
Фото и этюды автора

Теперь вряд ли сотрутся из памяти штормовые волны Лионского залива и зеркальный штиль у подошвы «итальянского сапога». А еще были «крутой» Мессинский пролив, странный остров-вулкан Стромболи, загадочный Монте-Кристо... И встречи с людьми: просто фейерверк характеров, профессий, национальностей! Нет, не зря я помнил всю жизнь слова путешественника Пржевальского о том, что жизнь хороша уже только потому, что можно путешествовать. А вот строчки из моей авторской песни, привести которые мне показалось кстати:

Долго я пробивался к морю – всю жизнь. И вот пробился: прошел под парусом от Босфора до Гибралтара. И даже поболее. Семеро человек команды, мы многое увидели, прилично обветрились и здорово просолились. Сошли на берег с Димкой, моим совершеннолетним внуком, в Гибралтаре в конце июля, пройдя за три месяца на паруснике все Средиземноморье.

*Так что сидя у окна
Вряд ли выпьется до дна
Эта штука – жизнь.
Иначе и не быть,
Мало толку лишь в речах.
Есть у каждого причал,
От которого, наверно,
можно плыть.*

Далее – страницы из дневника.

19 апреля (Черногория, Котор).
Вчера был солнечный день, даже лысина обгорела. На завтрак делал кашу из мелкой кукурузной крупы на моло-

ке. Чуть-чуть соли, сахара, маслица – и отличный завтрак получился! Назвал это приготовление маисовой похлебкой. Но лопали все с удовольствием. Только Серега Рассохин пренебрег – оказывается, он не любитель каш! Ну ничего, выйдем в море – полюбит...

Впервые после зимовки запустили дизель и сходили на заправку, метров 400 от стоянки. Залили полтонны солярки, а заодно очистили днище от всяческих моллюсков: эту дребедень смыло при движении судна. Убедились в том, что днище покрасили качественной краской – «необрастайкой».

Черногория. 2012. Холст, акрил, 35 х 45

Прервав дневниковые записи, скажу несколько слов о нашем паруснике. «Святитель Петр Митрополит Московский» – так называется наше судно. Это 16-метровая поморская ладья допетровской эпохи, построенная по чертежам XVII века современными корабельщиками из Петрозаводска. Принадлежит корабль московскому Морско-

му центру «Петрофлот», где энтузиасты, увлеченные историей российского флота, занимаются с детьми и совершают дальние морские походы. В этот раз парусник прошел по маршруту Котор (Черногория) – Брест (Франция) через все Средиземное море с выходом в Атлантический океан и участвовал во Всемирном фестивале

В предчувствии лета. Черногория. 2012. Холст, акрил, 35 х 40

исторических парусных судов в Бресте. Команда «Святителя Петра» сложилась такая: капитан Андрей Платонов, первый помощник Володя Чистяков, штурман Сергей Рассохин, матросы Дима Семенов и Володя Щетанов, штатный художник, заслуженный художник России Евгений Дацко, ну и я – корабельный кок Сергей Зимин.

1 мая (Ионическое море). Четвертый день в море. Вышел на палубу в полтретьего ночи. За штурвалом Дима. Ветра по-прежнему нет, из сотового телефона тихая музыка, и океан звезд над головой. Скорость – ноль. «Петр» не управляется, а покачивается на воде. Хорошо сидеть с Димкой рядом здесь и сейчас. Чуть слева, среди вант, две звезды.

– Эти две звезды – ориентир, наш курс, – говорит Дима. – Они должны быть слева всегда.

Символично. И мы должны быть с Димкой рядом всегда. Как две звезды. Вздорим, ссоримся, уезжаем, но все равно рядом...

Проснулся в шесть, слышу: будто маленькие ливни полосуют палубу временами. Когда высунул голову, меня окатило водой – роса с паруса. С праздником!

На завтрак Володя Чистяков сварил пшеничную кашу и кричит:

– Шрапнель подана!

В полдень на корабль прилетел голубь. Откуда? До Сицилии 133 мили, до Италии – 40...

А то вдруг увидели в миле от нас белое пятно, быстродвигающееся над водой. Что это? Но Андрея, нашего капитана, не проведешь – утки. Я взял бинокль – птицы, восемь штук, но что за птицы, непонятно, с длинными, как мне показалось, хвостами. Шли со стороны Африки на север. Очень низко над водой. На родину возвращаются, отжимовали.

А голубь не улетает, пристроился на носу «Петра» у брашпиля. Поставили ему водички в тарелке – попил. Крупный, с зеленовато-синим отливом у шейки и двумя черными полосками на крыле. Серега, стоя за штурвалом, стал рассматривать голубя в бинокль и увидел кольцо на правой лапке. Дима попытался подобраться к нему поближе – удалось. На кольцо написано: «Мальта, 2006 год» и номер... Мальтийский гость. Вот это пассажир!

Серега тут же добавил:

– Это знак! Значит, надо идти на Мальту!

У берегов Италии

До обеда живописал. После варки грибного супа (из итальянских шампиньонов) опять взялся за кисти.

Подошла стая дельфинов. Веселые существа: играют, выпрыгивают из воды, а главное, иногда можно заметить разумный взгляд этих интеллектуалов. И что удивительно, взгляд дельфина осмысленный. Это здорово!

В половине девятого вечера капитан запустил дизель, и мы пошли дальше на юго-запад вдоль подошвы итальянского «сапога».

3 мая (Ионическое море). Вчера весь день шли на двигателе. Сегодня, после полудня, подошли к Мессинскому проливу, что между Италией и Сицилией. Миль за десять начала подниматься волна и встречный ветер. Но мы знали, что в проливе будет крутить и колбасить. Это же аэродинамическая труба, где встречаются два моря: Тирренское и Ионическое. Так и получилось. Подошли, убрали косой парус, но волна все круче и круче, больше и больше. И все это нам в лоб. Резко усилился ветер... В общем, решили не входить в пролив, обдумать и обмозговать все в спокойном месте. Пошли дальше на Сицилию.

В половине десятого вечера встали на якорь в бухте у каменистого пляжа небольшого городка Таормино. В 20 км от нас, в глубине острова, находится вулкан Этна, дымная вершина которого все время маячила перед нами. Высота его 3 323 м.

4 мая (Сицилия). До обеда писал небольшой холст... Городок Таормино маленький с железнодорожной станцией и улочками, взбирающимися вверх в горы. К вечеру Дима меня и Володю Щетанова на «надувнушке» перевез на берег. До сумерек сидели в привокзальном баре: подзаряжали свои ноутбуки, фотоаппараты, видеокамеру и пили американо. Это нормальная, по русским меркам, чашка кофе за 1,50 евро, а не наперсток – капучино или эспрессо. Кофе терпкий, но, в общем-то, вкусный. Три-четыре столика, игральные автоматы, на стене сюрреалистическая живопись (оригинал, между прочим), барная стойка с улыбочивым черноволосым барменом в бейсболке и проносящиеся за стеклом электрички – весь антураж этой кафешки. Наблюдали итальянских алкашей. Красные и синюшные лица – все как у нас в России – но только пели они за столиком на своем итальянском сла-

Художник Евгений Дацко

Под созвездием Ориона. Франция. 2012. Холст, акрил, 50 x 60

женно и проникновенно, и это оказалось чертовски здорово. Да еще одежда их была все-таки приличной. Например, на одном соломенная шляпа, белая футболка с надписью «Тойота» и белые брюки. И на этой белоснежной одежке – ни одного пятнышка.

9 мая (Италия). День Победы встречаем в итальянском городке Сапри.

Вчера вечером, когда ел рисовую кашу, у меня вылетел еще один зуб – второй. И так, один – в Адриатическом море, второй – в Тирренском.

Сергея Рассохин сказал:
– Константиныч, в каждом море ты оставил частичку себя! Чертов парадонтоз... Но все точно. Везде, где мы оставляем душу и сердце, мы оставляем частичку себя: так или эдак, что делать. Но возвращается нам гораздо больше. Вот такая глубокая мысль после выпавшего зуба.

Бродили по городу. Небольшой, но уютный городишко. Зашел в парикмахерскую, где молодой цирюльник с мышцами культуриста: «... и обрил он меня наголо совсем». Постриг под Брюса Уиллиса, хорошо подстриг –

мне понравилось. Не понравилось, что обошлось все это мне в 10 евро, а что делать. Любое искусство, даже парикмахера, требует жертв.

13 мая (Тирренское море). Время 12 часов дня. Где-то час назад задул северо-западный ветер – то что нам нужно. Мы подняли все паруса: фок и грот. Проходим между островами и гордо входим в Неаполитанский залив. Справа просматривается Везувий (1 277 м), в бинокль можно рассмотреть серебряные крыши Помпеи и зеркала небоскребов Неаполя. Множество катеров и яхт снуют по заливу. Некоторые приветствуют нас гудками.

15 мая (Италия, Баколи). Вчера бродил один по Баколи: начинаю привыкать к небольшим приморским городкам. Люди здесь небогатые, но радужные...

Случайно в проеме открытой двери и за стеклом увидел картины – заглянул. Мастерская художника. Познакомился: зовут Никола. Черные работы, большие холсты... Непередаваемый, но почему-то узнаваемый итальянский стиль. Что-то в этих работах я увидел от Ренато Гутузо. Никола показал свой альбом-каталог: мне понравились пейзажи, ранние...

Художнику лет сорок, родился здесь, в Баколи, пригороде Неаполя. Рассматриваю холсты: головы мужские, женские, много черного цвета, но они привлекательны, интересны. Как я понял, он много работает на компьютере. Работы его какие-то плакатные, но это не поп-арт – слишком экспрессивные. По-моему, не слишком коммерческая (в нашем понимании) живопись. Делает еще дизайнерские работы. Кстати, за мастерскую платит 500 евро в месяц. Обратил внимание на цены в его каталоге: от 900 до 1 200 евро.

16 мая (Италия, Баколи). Был в гостях у художника-архитектора Габриэля Иллиано. Габриэль пожилой, седой, но красивый еще мужик, доброжелательный и, как мне увиделось, даже сердечный. Плохо, но он совсем не знает английского, так что общались жестами, мимикой да восклицаниями. Удивительно, его жена – не запомнил ее имени – напомнила мне маму. У нее очень русское лицо, чуть-чуть говорит по-английски. Пили кофе из маленьких чашечек, потом Габриэль показал мне свою живопись, скульптурные работы. У него в двухуровневой

Художник Габриэль Иллиано

Сан-Хосе – белый город

квартире три кабинета-мастерских: для архитектуры, живописи и скульптуры. Еще есть терраса метров тридцать. Короче, работай – не хочу. Живут вдвоем, дети взрослые.

Живопись Габриэля – абстрактная, но какая-то чувственная и теплая. И опять же черный цвет... Его много, он напомнил мне работы вчерашнего Николы. Из русских художников Габриэль предпочитает Кандинского.

Отвлекусь от дневника, чтобы пару слов сказать о своих поисках живописного фетиша в странах Западной Европы. У меня не было возможности посетить известные музеи, но посмотреть живопись в небольших галереях, всевозможных салонах, увидеть картины уличных художников, рассмотреть живопись интерьера я смог предостаточно. Особенно рьяно я рылся в книжных магазинах Ниццы, Малаги, Мадрида, пытаюсь обнаружить для себя доселе неизвестного, но близкого моей душе художника среди европейских мастеров. Увы, не нашел... Не нашел созвучного себе. Не увидел книг и о российских художниках. Лишь Марк Шагал и Кандинский... А где же хотя бы наши европейские нонконформисты Оскар Рабин, Олег Целков, Эду-

ард Штейнберг, Эрик Булатов, Борис Заборов?... Нигде и никого.

По моим субъективным ощущениям есть какой-то разрыв в культурном поле Европы и России. Ну и что? Ну так сложилась историческая ситуация. И, может, это не так плохо? Ведь творческая свобода – она, прежде всего, в душе художника, и путь необходимо пройти внутри себя, а не в границах своей страны или Европы.

Рассматривая живопись в залах ЦДХ Москвы, часто видишь, что этот художник пытается «догнать и перегнать Америку», а этот лезет из кожи вон, чтобы продаться. Конечно, западные арт-критики убеждены, что современное российское искусство весьма провинциально, но... Между прочим, Евгений Евтушенко как-то сказал: «У Пушкина в жизни было все. У него один минус – он не был за границей». Может, он стал бы еще лучше, побывав за границей?

Мне нравится, как о себе сказал Олег Целков, живущий во Франции:

«Я принадлежу к разряду не только русских, но типично русских художников. Сейчас бытует мнение, что больше русских нет, что все художники перемешались. Но это совсем не так. Я чувствую свою русскую жилку или жилу. У французов она – одна, у англичан – дру-

гая. Приехав во Францию, я понял, что мои картины французы не понимают. Они хлопают глазами и даже не могут догадаться, о чем это я говорю. А русские мою живопись «учуивают», она их зажигает, в них что-то просыпается. Мои картины – это не то, что я должен подсмотреть в России. Это культура целого этноса, которая заложена в нас генетически. Это наша школа, литература, язык, пейзаж, климат, которые и сформировали в нас «российскость».

27 июня. (Малага, Испания). Сегодня были с Димкой в доме, где родился Пабло Пикассо. Для меня это, конечно, событие. Старинный многоквартирный дом в углу тенистой площади, квартира-музей на втором этаже, состоящая из нескольких больших комнат. Увидели детскую распашонку мэтра, немного семейных фотографий, ящик с красками, керамику и графику конца 40-х и середины 50-х годов. Окна прикрыты, тихо и малоллюдно. Интересный фокус: в квартире гения до сих пор работает туалет и любой страждущий может им воспользоваться...

Долго я шел к Пикассо (не люблю художников с неприятными человеческими качествами) – отвергал, вглядывался, переоценивал. И все-таки творчество победило. Дима

Знойные будни у испанских берегов

сделал фото: бронзовый Пикассо и я на одной скамейке – смотрим в одну сторону. Забавное получилось фото! А моя живописная жизнь? Куда ж я без пикассовского кубизма? Вот такие художнические метаморфозы.

1 июля (Мадрид, Испания). С утра с Димкой перекусили в кафешке мест-

ной шаурмой и поехали на метро в центр. Добрались до музея Прадо, но внутрь не попали – дороговато, билет более 20 евро, а нам еще неизвестно сколько тут быть. Зато накупили сувениров: брелки, веера, зажигалки.

У супермаркета я увидел серебряного Дон-Кихота. У него была серебряная шляпа, серебряное лицо, се-

ребряная одежда и серебряные башмаки. Он сидел неподвижно и смотрел грустным взглядом куда-то вдаль. Этот живой памятник был ужасно правдоподобен и по фактуре, и по настроению. А затем он встал и прошел в супермаркет (а может, по мелкой надобности), пробиваясь через толпу и слегка шокируя покупателей.

Разговор с Пикассо. На заднем плане, справа, дом, где родился художник

4 июля (Мадрид, Испания). Утро, голубое небо. Открываю окно и вспугиваю ласточек, которые гнездятся в укромных местах зданий. Выхожу на террасу, наблюдаю сотню этих быстрых и неугомонных птиц. Ласточки над крышами Мадрида – романтично. Оранжевые пятна крыш, паутина антенн, загогулины дымоходов, труб и свист-щебет сотен то пикирующих, то взмывающих вверх ласточек.

Вспомнил о ребятах на «Петре»: как они там? Дима вчера отправил SMS и получил ответ: «Находимся на юге Португалии». Залезли в интернет и посмотрели погоду: на севере Атлантики разворачивается циклон, который будет бушевать дней пять. Ветер северо-западный – «мордотык». Да еще температура воздуха 13–17 градусов с дождем. Не знаю, как они там будут выгрывать. Но хочется верить – пробьются...

Фото Игря Симонова

Знаки и символы
нашей истории

Личность в истории

Военный и полярный летчик Эдуард Лухт

Виктор ЮЖАКОВ

В 2004 году в Тюменскую инспекцию по охране и использованию памятников истории и культуры поступило распоряжение городской власти – реконструировать надгробие полярного летчика Эдуарда Лухта на Текутьевском кладбище. Сотрудники инспекции обратились в нашу организацию. Так я впервые услышал об Эдуарде Мартыновиче Лухте – человеке интереснейшей судьбы.

Долгие годы могилу венчал деревянный обелиск, на котором был прикреплен пропеллер красного цвета. Потом дерево истлело, исчез пропеллер, осталась только чугунная плита, заросшая травой, на которой с трудом можно было прочесть: «Лухт Эдуард Мартынович, 1893–1940, трижды орденоседец».

Работая над эскизом, я сделал старую плиту основой композиции. Необходимо было сохранить частицу того времени, застывшую в чугуне, выполнить реконструкцию памятника и оградки в стиле 1940-х годов. Когда работа была закончена и принята инспекцией, понял, что сделано не все.

Познакомился с биографией летчика, начал поиск потомков Лухта и нашел его сына, который живет в Москве. Эдуард Эдуардович сейчас на заслуженном отдыхе, долгие годы проработал на заводе фрезеровщиком. В телефонном разговоре рассказал об отце много интересного, в том числе факты, ранее не опубликованные...

...Матрос Лухт, в Октябрьскую революцию принимавший участие во взятии Зимнего дворца, мечтал о полетах. Но был простым мотористом воздушной бригады Балтийского флота. В 1918-м участвовал в знаменитом Ледовом походе, эвакуировал имущество Первой воздушной авиабригады, в 1919-м служил в гидроавиаотряде Волжской речной

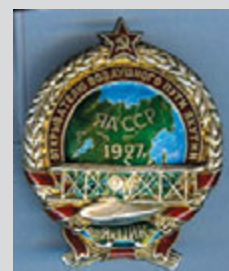
флотилии. Судьба свела его с Фрунзе, который, узнав о мечтах моториста, отправил Лухта учиться в Гатчинскую школу морских летчиков. Получив образование, Эдуард Мартынович поднял в небо самолет. Воевал на Туркестанском и Южном фронтах. Бил генерала Врангеля. Дважды летчика представляли к ордену Красного Знамени, и дважды награда обходила его стороной. Свой орден Лухт получил уже в мирное время – за полеты на заполярный остров Врангеля (уже другого – мореплавателя Фердинанда Петровича) и открытие воздушных трасс в Якутии.

В 1927 году на пароходе «Колыма» в Заполярье отправилась экспедиция с важными грузами для охотников Севера. Среди путешественников находился и Лухт, который во льдах должен был повести летающую лодку «Савойя-16». Эдуард Лухт и его коллега Ефим Кошелев доставили зимовщикам почту, медикаменты, продовольствие. Обрато улетели груженные пушниной.

О блестящей Первой советской воздушной экспедиции узнали во всем мире. Имена летчиков, рискнувших перелететь льды, написали газеты и журналы. Участники экспедиции были награждены ЦИК Якутии специальными серебряными знаками экспедиции на остров Врангеля и «Первооткрывателю воздушных путей Якутии». Правительство

ЛУХТ Эдуард Мартынович (10.08.1893, с. Каракура Перекопского уезда Таврической губернии – 29.05.1940, г. Тюмень), эстонец, летчик. Окончил Самарскую школу морских летчиков (1919), Качинскую школу высшего пилотажа (1924), учился в Военно-воздушной инженерной академии им. Н.Е. Жуковского. В 1914–1917 годах служил авиатористом в Первой воздушной бригаде Балтийского флота. Участвовал в штурме Зимнего. Конвоировал царскую семью в Екатеринбурге. В 1918–1921 годах воевал на Волге, в Приуралье, служил в гидроавиаотрядах Волжской и Днепровской флотилий. В 1926 году участвовал в Первой воздушной полярной экспедиции. В должности командира 68-го авиаотряда принимал участие в разгроме белокитайцев во время конфликта на КВЖД в 1929 году командовал авиацией Особой Дальневосточной армии. В 1938 году в звании полковника демобилизован и назначен командиром Обского отдельного отряда ГВФ.

Знак Э.М. Лухта

ЯАССР наградило их почетными грамотами и подало ходатайство о награждении участников экспедиции орденами Красного Знамени.

Вскоре после окончания полярной экспедиции Э.М. Лухта назначили на должность командира 68-го гидроавиаотряда, базировавшегося в Хабаровске и обеспечивавшего Амурскую военную речную флотилию. Приказом Наркома обороны К.Е. Ворошилова была создана ОДВА – Особая Дальневосточная армия. Командующим ее стал В.К. Блюхер. Амурская флотилия, в состав которой входил 68-й гидроавиаотряд, оперативно была подчинена командованию ОДВА. Корабли флотилии вышли из главной базы – Хабаровска – и пошли к государственной границе, а вместе с ними продвигалась и авиаматка «Амур».

Что же представлял собой этот первый в мире речной авианосец? По инициативе Э.М. Лухта канонерская лодка была переоборудована: с палубы сняли надстройку, а на ее месте соорудили мастерскую-ангар. Вместимость – четыре самолета Р-1 на поплавках. Командир отряда Лухт, как правило, брал на себя наиболее трудные задания. Часто летал на рекогносцировку, разведку. Дважды летал с Блюхером и многократно с командиром Амурской флотилии Я.И. Озолиным. Однажды они попали в сильный туман. Полет проходил над Амуром. Внезапно перед самолетом появилась громада железнодорожного моста. «Перепрыгнуть» мост было невозможно, и Лухт принял единственно верное решение – отдал ручку от себя и, почти касаясь воды, проскочил под фермой моста.

В 1929 году Красная армия в районе КВЖД совершила настоящий подвиг. Мир увидел «советский блицкриг» – частями РККА была разбита Мукденская армия в 300 000 человек. Численность группировки РККА составляла всего 18 521 человек, 150 артиллерийских орудий, 25 самолетов и 14 кораблей Амурской флотилии.

По большому счету положение СССР в регионе было безнадежным. В мае 1929 года китайская полиция ворвалась в Генконсульство СССР в Харбине, провела обыск, избила и ограбила сотрудников посольства. Был арестован генконсул СССР. Правда, через несколько часов китайцы освободили дипломатов.

Победа над белокитайцами казалась абсолютно невозможной – противник обладал колоссальным превосходством в силах. На Западе уже открыто обсуждали, каким образом будет делиться Дальний Восток после разгрома СССР, который всеми считался неизбежным.

Боевые действия на дальневосточном участке начались 12 октября в районе Лахасусу против китайской флотилии, сосредоточенной в устье реки Сунгари. Самолеты 40-й эскадрильи и 68-го отряда нанесли бомбовые удары по вражеским укреплениям, кораблям и огневым точкам и во многом способствовали захвату Лахасусу. На втором этапе операции, 30 октября, советская флотилия двинулась вверх по Сунгари, с задачей разгромить противника в районе Фугдина. Китайские корабли и береговая артиллерия открыли сильный огонь. В этот момент над рейдом появилась пара МР-1 командира отряда Э.М. Лухта и начштаба Д.И. Боровикова. Они быстро выбрали главную цель – флагмана неприятельской флотилии канонерскую лодку «Цзян Хэн». Самолеты с ходу пошли в атаку, невзирая на ожесточенный пулеметно-винтовочный огонь, с пологого пикирования прицельно отбомбились по вражескому кораблю и обстреляли его из пулеметов. В результате «Цзян Хэн» перевернулся на левый борт и затонул. Это судно до 1943 года считалось крупнейшим неприятельским кораблем, потопленным советской авиацией.

После расправы с канонеркой Лухт и Боровиков атаковали и вынудили в замешательстве отступить кавалерийский отряд численностью в 300 всадников, который пытался

Эдуард Мартынович Лухт (слева) с боевыми товарищами

ся сбросить десантников в реку. Причем действовавшие на высоте 50 м самолеты во время боя подверглись сильному обстрелу с земли. Например, Лухт, возвратившись на базу, «привез» 14 пулевых пробоин в крыльях и фюзеляже самолета. Однако машина боеспособности не потеряла.

22 декабря 1929 года в Хабаровске состоялось подписание соглашения между СССР и Китаем, предусматривавшего ликвидацию конфликта и восстановление на КВЖД прежнего положения. По представлению командующего флотилией Э. Лухт был награжден вторым орденом Боевого Красного Знамени. Награду ему вручил командарм ОДВА В. Блюхер.

После подавления выступления белокитайцев Лухт продолжал служить в Хабаровске. Строил аэродромы, казармы, передавал свой боевой и летный опыт молодежи. Его практический ум всегда находил что-то новое, полезное, нужное. Так, например, он предложил использовать даровую энергию горячих природных источников для обогрева теплиц. В результате этой инициативы в пищевом рационе авиаторов круглый год были свежие овощи.

Но дорога службы никогда не бывает гладкой. Однажды при выполнении ночных групповых полетов столкнулись два самолета. Погибли два летчика и два летнаба. Дело командира было передано в трибунал. Выручил нарком обороны К.Е. Ворошилов, прибывший в Хабаровск по делам службы. Увидев на кителе Лухта дырочки от снятых наград, нарком спросил: «Почему не носите ордена?» Лухт объяснил ситуацию. «Для чего вы проводите ночные полеты?» – последовал второй вопрос. На это Эдуард Мартынович ответил, что «японцы умеют летать ночью, а мы обязаны это делать лучше их». «Наденьте ордена, трибунала не будет», – закончил разговор Ворошилов.

Тюмень. Последний приют Э.М. Лухта

В 1935 году общественность широко отметила двадцатилетие службы Э.М. Лухта в авиации. Вот что писала газета «Тихоокеанская звезда»: «Это человек влюбленный в туманы Охотского моря, вырисовывающиеся из-за облаков вершины угасших вулканов Камчатки. Он знает и любит свой край, вместе со своими товарищами охраняет его и зорко следит за спокойствием его границ».

В 1938 году Э.М. Лухт переехал в Тюмень, где стал работать командиром Обского отдельного отряда ГВФ. Интересно, что авиаотряды в то время именовались по названию рек, потому что воздушные трассы прокладывались вдоль водных артерий. Лухт много сделал для авиационного освоения тюменского Севера. Были открыты регулярные авиалинии до Тобольска, Ханты-Мансийска, Березово, Салехарда и многих других населенных пунктов. Для авиаторов он добился более или менее благоустроенных квартир, а сам жил в маленьком, на четыре окна, домике по улице Дзержинского, 7.

В мае 1940-го Эдуард Лухт скончался в возрасте неполных 47 лет. Его уходу предшествовала поездка на совещание в Москву. Шестнадцать подчиненных Эдуарда Мартыновича вылетели в столицу на день раньше своего руководителя. Он задержался в Тюмени. На совещание Лухт прибыл один. Все его заместители погибли в авиакатастрофе над Уралом. Самолет задел линию электропередачи, упал и сгорел. Потрясенный случившимся, Эдуард Мартынович вернулся домой, сказал жене, что устал и хочет отдохнуть. Прилег на диван, уснул и... не проснулся. Сотрудники НКВД запретили делать вскрытие...

В 1980 году инициативной группой ветеранов «Аэрофлота» было предложено назвать улицу в Тюмени именем Э.М. Лухта. К сожалению, улицы с таким названием до сих пор нет.

*Георгий Федорович Стариков – начальник экспедиции.
Комсомольск-на-Амуре. 1930-е годы*

ков в автобиографии: «Весь период с 1929 по 1942 год работал на лесозысканиях и проектировании, а именно: в 1929 году – практикантом на Сахалине, в 1930 году – там же стажером, с 1931 по 1935 год – начальником лесоустроительной партии в Советской Гавани, на Сахалине, в Оборе, Верхне-Даубихинском лесопромышленном хозяйстве. В 1936 году исследовал лесные массивы в районе Комсомольска-на-Амуре и бассейна реки Вак».

Характеристика из личного дела Старикова рисует образ человека-труженика: «В 1931 году после окончания института Г.Ф. Стариков был назначен заведующим краткосрочными курсами лесных съемщиков по подготовке рабочих-выдвиженцев и одновременно вел преподавательскую деятельность на этих же курсах. За проделанную работу премирован путевкой в Крым на два месяца, но считая полевые работы в экспедиции по составлению плана Александровской дачи на острове Сахалин важнее, от путевки отказался».

В декабре этого же года Георгия Федоровича выдвинули коллектив лесоустройства и Главная контора «Дальлеспрома» на Всесоюзную доску почета «за 3-летнюю работу в Сахалинской экспедиции, досрочное выполнение промышленно-финансового плана, перекрытие прорывов на других участках и перевыполнение плана, мобилизацию рабочих и технического персонала на борьбу за план методами социалистического труда и личным примером работы: лично подготовил 13 рабочих, в результате занявших технические должности». Его снова премировали поездкой в Крым, и он опять отказался от путевки, считая более важной свою работу в Совгаванской экспедиции.

«Выражаю за предоставление поездки в Крым для отдыха на 2 месяца большую благодарность, как оценку работы по организации курсов лесных съемщиков, – писал он. – Вместе с тем при важности работы, особенно в текущем году

в Сахалинской лесозащитной экспедиции, и недостатке в ней технических сил моя двухлетняя работа на Сахалине еще больше обязывает меня провести полевую работу текущего года в Сахалинской экспедиции». Ответить так мог только влюбленный в профессию человек. Поездка в Крым была отложена на декабрь, а затем Стариков, возвратившись из экспедиции, был назначен заведующим курсами по подготовке младшего техперсонала, читал курс основ организации лесного хозяйства и... вновь отказался от отпуска.

За самоотверженную работу Георгий Федорович был награжден юбилейной грамотой «Ударник первой пятилетки» (1932). В 1935 году ему присвоили звание «Ударник второй пятилетки» и наградили почетной грамотой.

Стариков годами не бывал в отпусках, отказываясь в пользу практических исследований тайги во время участия в экспедициях. И так на протяжении всей жизни работа, профессиональная деятельность была его двигателем вперед, аккумулятором идей и начинаний.

Язык документа сух и лаконичен, но за ним мы видим образ незаурядного человека и труженика: «Стариков Георгий Федорович – начальник работ, инженер-сырьевик, хороший организатор, неутомимый работник, непокладающий рук, всегда выполняющий работы в срок и на «отлично», добросовестный, инициативный, болеющий за порученное дело, зарекомендовал себя квалифицированным специалистом лесного хозяйства, технически грамотен, требователен к себе и к подчиненным, авторитетен среди специалистов».

Где бы он ни трудился, везде достигал наивысших результатов. А должности занимал ответственные: с 1947 года – начальник Хабаровского краевого управления сельского хозяйства, с 1953 года – начальник управления лесного хозяйства Крайсельхозуправления. В мае 1960 года в связи с ликвидацией управления лесного хозяйства Г.Ф. Стариков был переведен в Дальневосточный научно-исследовательский институт лесного хозяйства заведующим бюро научной информации и пропаганды. В институте Георгий Федорович вплотную начал заниматься научной деятельностью, претворяя в жизнь все свои научные разработки.

На протяжении долгих лет, будучи в экспедициях, Стариков наряду с практической деятельностью сочетал научно-исследовательскую работу. На привале, на коротком отдыхе в тайге Стариков вел свои дневники, в которые записывал личные впечатления, полезные новаторства. Из его дневников – старых потрепанных тетрадок – мы узнаем многое из жизни экспедиций, о трудностях в работе и отношениях между людьми в экстремальных ситуациях. Вот, к примеру, в описании будней одной из экспедиций недостаток продуктов играл не последнюю роль в отношениях между людьми:

«26 июня 1936 года. Норма питания начинает сказываться, на ней далеко не уедешь. Ребята, вместо 3 дней, стали в два дня есть одну банку консервов на брата. Печем лепешки. Ждем сухарей, а их нет».

«31 июня 1936 года. Едут конюха – радуемся, сухари везут... Но нет, не больше 5 кг на всех... В тот же вечер сухари кончаем». Снабжение продовольствием не всегда было организовано и не поспевало за экспедицией, поэтому, когда питание было ограничено, молодой лесовод свою пайку делил с рабочими, чтобы не провоцировать ссоры в коллективе.

Дневники Г.Ф. Старикова рассказывают о многом, но прежде всего о его серьезном и творческом подходе к профессии и исполняемому делу. В дневниках за 1936 год, где он описывает Нижне-Амурскую экспедицию, дана характери-

Фото Евгения Балашова

Г.Ф. Стариков на Камчатке. Осень 1952

стика не только водного бассейна, но и погодных явлений на этой территории, а также проанализирована растительность богатейшего лесного массива Нижне-Амурской области. Стариковым отмечено, что «в районе нет клочка земли, не подвергавшегося пожарам в течение последних столетий. Иногда следы пожаров явственны, но чаще затушены другими процессами. Нередко один участок испытывает в разных своих частях несколько последних пожаров, благодаря чему создается пестрая смесь растительности, в которой трудно разобраться. При этом появляется сначала разнотравная растительность, потом дерновинно-злаковая, потом лишайниковая, моховая, и, наконец, снова сфагновая. Густой ельник, молодые лишайники, овсяница являются почти верными показателями пожаров».

В суровой дальневосточной тайге часто приходилось преодолевать себя, чтоб переносить сложности погодных явлений. Чтоб не замерзнуть в тайге зимой при передвижении, участники экспедиций надевали на себя весь комплект одежды и продолжали свой путь по ледяным торосам на лыжах. Стариков описывает: «Одежда наша представляла собой ватные телогрейки, легкие шарфы, прикрывающие шею, валенки, по двое брюк, из которых одни одевались навывпуск для предохранения от засыпки снегом за голенища обуви, шапки-ушанки, поясные ремни и рукавицы. Мы пробирались по льду, обходя проталины и наледи. Но сколько мы ни старались обходить наледи, тем не менее они скрывались под снегом, а мы не раз купали в воде лыжи. От этого они делались тяжелыми, неходкими, приходилось останавливаться, снимать их с ног и счищать с них лед. Когда идешь на лыжах с намерзшей на них водой, то это равносильно тяжелой ноше».

Работая порой в невыносимых условиях, Георгий Федорович был настоящим профессионалом. Многие он подмечал и использовал в своей деятельности. Например, он отметил, что

«во время тяжелых и утомительных переходов по тайге конфеты обладают интересными свойствами – они восстанавливают бодрость и силы». Это было проверено Стариковым на себе, и при случае он всегда «брал в карман десяток-два конфет». Даже у японцев, которые нещадно вырубали леса Сахалина, он подметил техническую хитрость: «Японцы применяли успешно ручной спуск деревьев с гор. Позже эту очень интересную операцию освоили и наши лесорубы. Дерево спиливается и пускается вниз вершиной, оно не останавливаясь ползет по склону горы до реки и вылетает на лед, причем сучья очищаются сами по себе, пока дерево достигнет реки».

Георгий Федорович интересовался не только флорой, но и фауной, населявшей лесные массивы, в своих дневниках он описывал повадки зверей, встречавшихся ему в тайге. Охотники считали, что охота на выдру очень трудоемкий процесс, т.к. «это очень осторожный зверь, и если выдра успеет скрыться с глаз охотника в воде, то охоту можно считать уже пропавшей. мех выдры имеет равную цену как летом, так и зимой, но летом охота на нее еще сложнее. Живя на реке, она выходит далеко за берега, присутствие ее в отдельных участках обнаруживается только по следам на илистых отмелях реки. Наиболее легким способом охоты за ней надо считать установку капканов».

Стариков с удовольствием делился своими впечатлениями от поездок по Дальневосточному краю и старался разбудить интерес к суровой и неповторимой дальневосточной природе, печатаясь на страницах журналов. В 1939 году вышли первые его статьи о дальневосточной тайге и Сахалине в журнале «На рубеже» и газете «Правда». В 1940 году Дальневосточным издательством была опубликована книга «Советский Сахалин» тиражом 10 000 экземпляров. В 1941 году готовилась первая часть книги «Завоеватели тайги», но из-за войны не была напечатана. Материалы для статей и книг Георгий Федорович начал собирать еще студентом.

Г.Ф. Стариков с коллегами. 1950-е

Особенно активным и плодотворным для Г.Ф. Старикова был период 1950-х годов, на который пришелся пик активности и расцвет жизненных сил, успехов в научной деятельности. В этот период вышли в свет его книги «Леса полуострова Камчатки» (1952), «Леса Чукотки» (1955), статьи «Лиственница в Магаданской области», «Лесное хозяйство Хабаровского края» и другие. В конце 1950-х годов некоторые его научные работы были изданы в КНР на китайском языке.

Работая начальником управления лесного хозяйства, Г.Ф. Стариков в 1958 году опубликовал книгу «Леса Магаданской области», претендующую по уровню на кандидатскую диссертацию. Книга была воспринята ученым миром восторженно. Вот несколько отзывов и рецензий ученых: «Книга «Леса Магаданской области» заслуживает высокой оценки, научный анализ материалов, личные наблюдения автора дают основание присвоения ему ученой степени кандидата сельскохозяйственных наук» (заведующий отделом института леса АН СССР кандидат сельскохозяйственных наук Калданов), «... в труде Г.Ф. Старикова дается характеристика лесов всей Магаданской области. Автор использовал материалы своих многочисленных исследований, маршруты которых нанесены на помещенную в книге карту. Стариков, как лесовод, обратил основное внимание на лесохозяйственную характеристику основных типов леса...» (доктор биологических наук профессор Васильев).

И таких откликов десятки! Академик АН УССР Погребняк, доктор сельскохозяйственных наук профессор лесотехнической академии Самойлович, начальник Магаданского управления лесного хозяйства Богинский и многие другие ученые рекомендовали считать книгу Старикова «первой научной сводкой по лесам Магаданской области, последним словом науки о лесах и лесном хозяйстве, основой для рационального ведения лесного хозяйства в лесах Магаданской области и присвоить автору звание кандидата сельскохозяйственных или биологических наук».

Диплом кандидата сельскохозяйственных наук и ученая степень кандидата наук присвоены Георгию Федоровичу Старикову решением Совета Дальневосточного филиала им. В.Л. Комарова АН СССР 4 июля 1958 года. В марте 1963 года Стариков утвержден в научном звании старшего научного сотрудника по специальности «лесоводство».

Он был признателен директору Магаданского книжного издательства П. Нефедову, выпустившему книгу, получившую признание в ученом мире: «Искренне благодарен Вам за содействие в издании моей книги «Леса Магаданской области». В книге обобщен, кроме моих личных исследований и наблюдений, материал по познанию лесов, накопленный лесными специалистами области. В ней намечены пути развития лесного хозяйства. Надеюсь, что эта книга внесет лепту в дело улучшения ведения лесного хозяйства».

Уйдя целиком в науку, Георгий Федорович много печатался на страницах научных и научно-популярных журналов «Природа», «Наука и жизнь», «Лесное хозяйство», «Охота и охотничье хозяйство». Его перу принадлежат следующие статьи: «Рационально использовать и приумножать лесные богатства Магаданской области» (бюллетень «Колыма», 1962), «Кустарная ольха», «Арктические каменистые пустыни» (журнал «Природа», 1963), «Ольха стланиковая» (журнал «Наука и жизнь») и др. В мае 1963 года Стариков перешел в Дальневосточный филиал АН СССР, где продолжал успешно сочетать практическую и научно-исследовательскую деятельность.

Жизнь ученого оборвалась в 1964 году. Как географ и краевед он внес огромный вклад в дело охраны дальневосточных лесов, их практической эксплуатации, в восстановление и защиту дальневосточной тайги. Многие Георгий Федорович не успел претворить в жизнь, но его бесценные материалы по изучению флоры Дальнего Востока остались в наследство потомкам и ждут своих исследователей.

Фото из Государственного архива Хабаровского края

Рождение Чаучу

Игорь СИМОНОВ
Фото автора

Срочный вызов поступил из бригады номер пять, там молодая чукчанка готовилась стать матерью. Нужно послать санитарный вертолет, спешить, поскольку погода на пределе летных условий. Метет, небо подернулось мощными снежными облаками.

Прошло не более сорока минут с момента поступления заявки, как мы были в аэропорту. Врач Евгения Алексеевна Анциферова и медсестра Лариса Зотова со всем своим медицинским снаряжением выскочили из машины «скорой помощи» и забрались в салон вертолета, ко-

торый вовсю раскручивает свою несущую систему. Наконец винтокрылая машина поднялась над землей, опустила нос, а затем резко метнулась вперед с набором высоты. Через двадцать минут посадка в центральной усадьбе ООО «Возрождение», где нужно взять проводника, который укажет расположение бригады. Летим дальше. Ветер на высоте полутора тысяч метров заметно раскачивает машину. Прямо по курсу высоченные сопки, в иллюминатор видно, как на их вершинах клубится снежок. Внизу под нами змеится русло замерзшей речки. Прово-

дник говорит, что надо лететь вдоль русла вверх по течению, где почти у самого истока и находится стойбище.

Среди сопок, на берегу небольшого озера, из которого вытекает речка, притулились три яранги. Это зимнее становище бригады, откуда и поступил вызов. Вертолет завис возле самых яранг, бешено вращающиеся лопасти поднимают вихри снега. Медики зашли в ярангу, а вскоре оттуда выскочила пожилая чукчанка, схватила куски льда и снова скрылась под пологом. Погода продолжала ухудшаться, командир вертолета нервничал, а врачи все не выходили. Прошло минут двадцать, когда из полога раздался крик новорожденного младенца.

Трудно сосчитать, сколько младенцев приняла Евгения Алексеевна более чем за тридцать лет работы врачом-акушером в родном Орле, а тут от удивления глаза ее сделались круглыми. Это были первые роды, принятые ею у молодой чукчанки, да еще в таких экстремальных условиях. Она тараторила: «Вот это мамочка! Не пискнула! Как же так?!»

Все свершилось. Мы стояли возле яранги с молодым папашей, который широко улыбался и все повторял: «Сын! Сын!» Вскоре медицинская бригада и молодая мать, которая несла на руках драгоценный сверток, уселись в вертолет, и он, сделав прощальный круг, скрылся за соседней сопкой.

Проводив вертолет, я отправился к своим знакомым Владимиру Ильичу Ровтытагину и его жене Кевкут. Это у их сына Александра и его жены Светланы родился мальчик. Когда улетел вертолет, Кевкут сказала: «Сказка о том есть. Слушай...»

Сначала женщины детей рожали из живота. Раз жена Кеулькута пошла в тундру за ягодами, села на кочку и загоревала. К ней мышка подбежала, спрашивает:

– Почему ты такая грустная?

Она отвечает:

– Не хочу домой идти. Там опять рожать надо, живот будут резать.

Мышка ей говорит тогда:

– Ты сначала посмотри, как я рожать буду.

И родила мышат тихо, без писка.

Жена Кеулькута пришла домой и тихо, чтоб никто не услышал, родила. С тех пор так рожать стали...

Немного подумав, Кевкут сказала: «А теперь я тебе расскажу, как со мной было. Мою первую беременность заметили старухи, но не сказали. Только стали вспоминать, как чувствовали себя сами в такое время. На втором месяце посмотрели мою грудь, убедились. Тогда стали объяснять, как надо готовиться к родам».

Кевкут загибала пальцы, считая: «Долго не спи, как проснешься, одевайся, выходи из яранги. Вставай на рассвете. Тогда роды будут быстрыми. Выходишь из яранги, шире откинь полу входа. Тогда родишь легко. Ребенок идет из женщины, как человек из яранги. Утром первым делом принеси воды, Следи, чтобы она была всегда. Тогда в самой будет достаточно воды, чтобы рожать. Обглаживай первый позвонок оленя без ножа – у ребенка будет крепкая шея и не станет мотаться голова. На ночь в темноте что-либо съешь – ребенок будет легко находить грудь. Идешь по малой нужде, справляй ее не полно-

стью, а после подтяни живот, иначе ребенок будет внизу и у него вырастет большая голова. Не пей воду из ведра, ребенок будет слюнявый. И еще. В последние недели старухи очень следили, чтобы, выйдя из яранги, я обязательно обходила ее вокруг: если будет парень, надо чтобы он умел быстро обходить горы, искать оленей. Ведь яранга похожа на сопку, а обойти сопку – это шестьдесят, восемьдесят километров, как раз столько, сколько должен бежать молодой оленевод...»

И вот настал день. В ярангу пришла таваатгырныльыи – повивальная бабка. Помогала мать. Остальные все разошлись, Ровтытагина отправили в стадо. Собак привязали. Стало тихо. Мать взяла пыжиковую шкурку и положила на то место, где спали супруги. Под шкурку положила несколько травинок, чтоб охранить от злых духов.

Мать сидела возле молодой женщины, гладила ее по голове:

– Не бойся, доченька. Теперь ты рожашь.

И вот в напряженной тишине стойбища раздался крик ребенка. Тут вокруг яранги собрались все от мала до велика.

– Кто пришел? – спросили не входя.

– Ночной дежурный, – ответила повивальная бабка. Значит, мальчик, оленевод. Про девочку она бы сказала «Та, что приносит воду и ягоды».

«Через два дня меня вывели из яранги и велели обойти ее по ходу солнца, – продолжает рассказ Кевкут, – Потом завели за ярангу, на то место, где забивают жертвенного оленя. Там стояла женская нарта с кибиткой для перевозки детей. Взяли огонь из очага яранги, перед кибиткой развели костер. Забили жертвенного оленя и кровью помазали мать, нарту и ребенка в яранге. Оленя разделали. Губу, хвост, головной и костный мозг подали матери в полог. Сварили оленин язык, ребра, сердце. От каждого мать отрезала по небольшому кусочку и положила на ребенка. Их я должна была съесть в последнюю очередь, оставив лишь оленин язык для сына вместо соски. На третий день пупок ребенка засох и отвалился. Его пришили к мешочку со швейными принадлежностями.

Через несколько дней я начала заниматься домашними делами, но моя мама долго не разрешала мне поднимать тяжести. Когда я начала выходить из яранги, я всегда брала с собой ребенка и говорила ему: «Иди в стадо». Так малыш приучался к постоянным мыслям об оленях. Через три месяца я понесла сына показать соседям. Они подарили малышу аркан...»

А вот с именем малыша возникли проблемы, поскольку внешних примет, чтобы понять, кто же из предков воплотился в нем, не было. Гадальный камень молчал. Тогда повивальная бабка сказала, что надо сварить оленин язык, сложить их и задавать вопросы. Но предупредила, что нужно быть внимательными, потому что могут показаться три человека, а не один. Или три животных, которых родственники когда-то измучили. Могут быть гыргытти или оккамак из старых яранг, сожженных после смерти их хозяев. Старуха говорила, что один человек из

верхнего мира может возвращаться только три раза, но и в одного человека могут вернуться сразу трое – человек, животное и гыргытти.

Гадание длилось долго, губы шевельнулись на имя дальнего родственника Михаила Анкауна, вторым оказался оккамак из яранги, которую сожгли, и третьим был медведь, которого убили за то, что он напал на стадо. Ребенок в семье Ровтыагина и Кевкут рос здоровым. Значит, имя угадали правильно.

«Родить – это еще не все, – продолжала Кевкут, – самое трудное – воспитать человека, чтобы он полезным был. У нас вот это как делали...»

Как-то раз сын нашел гнездо евражки. Вытащил отту-да детеныша и принес домой. Это увидела бабушка и велела немедленно отнести малышку назад. Затем сказала: – Зачем ты это сделал? Это же дочка евражки. Представь, как она горевала, когда ты ее унес?! Нельзя маленьких обижать. Вот сказку послушай.

Кит плавал по морю, и к нему подплыла навага. Он рассердился и подбросил ее высоко в воздух. Она упала плашмя и сильно ушиблась. И говорит киту: «Тебе хорошо, ты большой, обидеть можешь». «Да, да, – отвечает кит. – Я большой, меня даже люди уважают. Когда меня добудут охотники, я могу прокормить целое селение». Тогда навага говорит: «Да, я маленькая, но когда я иду, могу прокормить целое побережье». Кит рассердился. И они пошли к ворону, чтобы тот их рассудил. Кит рассказал все и навага все. Ворон подумал и ответил: «Вы оба не зря живете на этом свете. Вы приносите людям пищу – значит, даете им жизнь...»

Когда сын Кевкут вырос, стал ночным дежурным. Повивальная бабка правду сказала. А жизненные силы он получил от матери, когда та ходила вокруг яранги по ходу солнца, глядя на тундру. Тогда он стал человеком, полезным своим близким. Стал Чаучу – оленным.

Аннинские ключи: легенды о «живой» воде

Любовь КРИВЧЕНКО

Дальний Восток – это бесконечные таежные дали, сказочно скалистые хребты, могучие широкие реки и неумолчные горные потоки, города и промышленные новостройки, в которых живут наши замечательные люди. Но не только этим славится земля, откуда начинается Россия. Она обладает богатейшими курортными ресурсами: здесь находятся сотни минеральных источников, богатейшие залежи целебных грязей, а климат юга Дальнего Востока вполне пригоден для использования в лечебно-профилактических целях для оздоровления населения.

Лечение природными минеральными водами проводится с древних времен. Однако наука о влиянии минеральных источников на организм (бальнеология) начала развиваться лишь в конце XIX века. Из большой группы уникальных источников Дальнего Востока хорошо известны Аннинские минеральные воды, расположенные в Ульчском районе Хабаровского края, в восьми километрах от пристани Сусанино-на-Амуре. Выходы источников находятся в замкнутой горной котловине, по долине ручья Амурчик, покрытой живописными таежными лесами с примесью южных широколиственных пород. 6 июня 2011 года исполнилось 145 лет с того дня, как началось строительство курорта «Аннинские воды».

Вот как описывает этот целебный природный источник Александр Кириллов в «Географическо-статистическом

словаре Амурской и Приморской областей», изданном в Благовещенске в 1884 году: «Аннинские горячие минеральные ключи в отрогах Татарского берегового хребта текут в котловине, защищенной хребтами от всех ветров, кроме южного... открыты были в 1863 году по указанию одного гиляка из ближайшей к ним деревни Мыхиль», за что он был убит соплеменниками.

Химический состав воды следующий: в 16 унциях содержится углекислой закиси железа 0,245 гран, углекислой извести 0,154, сернокислого калия – 0,520, сернокислого натрия – 0,239, хлористого магния – 0,058, следы йода и лития. Температура воды в разных ключах от 18 до 39 градусов, а в ненастную погоду до 40».

В Государственном архиве Хабаровского края в личном фонде литератора и краеведа Евгения Моисеевича Золо-

тых имеются интересные материалы по истории курорта «Аннинские воды», основанные на воспоминаниях и письмах людей, поделившихся своими находками с краеведом. Здесь несколько гипотез об открытии горячих ключей. Есть также предположение, что источник впервые был открыт еще раньше инженером Николаем Аносовым в 1854 – 1857 годах, возможно при первых сплавах по Амуру.

А местным жителям, разумеется, источник был известен давно. Первая публикация о нем относится к 1864 году. Назывался источник «горячий ключ», или «хабля», что означало по-гиляцки (устаревшее название нивхов. – Примеч. автора) «горячая вода». Позже, в 1866 году, когда принялись строить на источнике лечебницу для увечных воинов, горячие ключи именовали Ново-Михайловскими. Например, в словаре Александра Кириллова значит, что когда «в 1889 году ключи были сданы в аренду на 6-летний срок купцу Расторгуеву с обязательством восстановить прежние и строить новые помещения, минеральные ключи были известны и под названием Михайловских горячих вод». Назывались они также и Константиновскими, в честь великого князя Константина, возглавлявшего Российский флот.

Но позже ключи стали называть Аннинскими, и здесь уже имеются более интересные версии. Например о том, что названы они были по имени гиляка Анина, раскрывшего невольно тайну этих ключей николаевскому купцу 1-й гильдии Алексею Егоровичу Иванову (был такой в действительности, об этом свидетельствует метрическая книга Николаевского собора, где сделана запись о погребении купца в 1881 году), а уж тот поведал о своем открытии николаевским докторам Пфейферу и Трибе, которые проверили сделанное заявление и произвели анализ воды.

Другая версия. Когда в 1866 году приступили к закладке и строительству больницы на водах в присутствии супруги военного губернатора Приморской области (в 1865–1970 годах им был Иван Васильевич (Юган Халтусович) Фуругельм) Анны Николаевны Фуругельм, то по ее имени якобы и назвали ключи Аннинскими (об этом ссылка краеведа Золотых на журнал «Сибирь» за 1882 год. В Государственном архиве Хабаровского края его нет, но об этом же упоминают и «Приамурские ведомости» за февраль 1897 года. – Примеч. автора). Есть также предположение, что источник назван в честь Святой Анны – защитницы увечных, нищих, калеков, юродивых. До сего времени существует двойное написание названия курорта: Аннинские и Анненские.

Есть и еще одна легенда: была у гиляков девушка Аннушка. Она заболела, лицо ее покрылось коростами, выгнал шаман ее из стойбища. В тайге она нашла горячий источник, принимала ванны, умывалась его «живой» водой и с каждым днем набиралась сил, а вскоре совсем излечилась. Пришла в стойбище и открыла свой секрет соплеменникам. С той поры и стали использовать горячие ключи как средство для поправки здоровья.

Термические источники были известны коренным народам Амура с древнейших времен. Им поклонялись и считали священными. По представлениям людей горячей вода могла быть только в котле, под которым разведен огонь. Значит, думали они, боги подогревают воду в источнике. По разрешению шамана в них лечились рыбаки и охотники, т. к., живя

Вход на курорт «Аннинские воды». 1932

в суровом климате, они часто страдали ревматизмом. Источник исцелял от недугов, а значит, обладал божественной силой, поэтому местные народы свято берегли тайну источника. Около ключей были вырыты ямы-бассейны, куда пропусклась вода. Над этими первобытными ваннами были сооружены шалаши, покрытые корой лиственницы.

Тем не менее лечебница была построена, а в 1867-м воды открыли для пользования: в этом же году здесь лечились 10 офицеров с семьями и 40 нижних чинов, а всего в 1867 году было 54 пациента. Первым строителем вод был писарь Юльев, а смотрителем – фельдшер Николай Иванов. Портовое начальство завело постоянное сообщение с ключами, назначив для перевозки людей и провианта два баркаса «Надежда» и «Пальво». Была построена дорога до ключей протяженностью в четыре версты.

Благоустройство термальных источников улучшалось до 1872 года, они были очень востребованы воинским начальством и чиновниками. Однако, когда перенесли морской порт из Николаевска во Владивосток, лечебница оказалась заброшенной. Участок с водами регулярно сдавался в аренду, срок не превышал 7 лет. Арендатор получал ежегодную субсидию в размере 250 рублей, 4 человек казенной прислуги с отпуском от казны провианта и приварочных денег. Арендатор имел баркас и пару лошадей с экипажем для перевозки пациентов, их багажа, провианта и хозяйственных грузов. Половина номеров лечебницы сдавалась бесплатно лицам служащим, продовольствие предоставлялось по недорогой таксе, за каждую принятую ванну частные лица платили по 50 копеек.

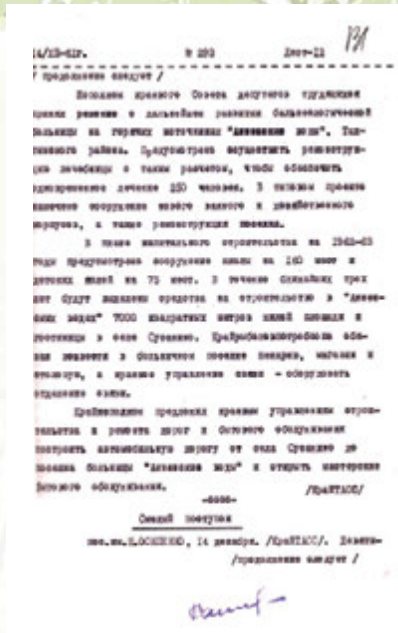
С 1895 года Аннинские минеральные источники арендовал частный врач Н.В. Тропин. Несмотря на все его старания «обставлять воды как можно лучше», доктору приходилось на этом пути встречать много затруднений: доставка провианта из Николаевска и с Сахалина, устаревшие и продуваемые ветрами жилые строения, износившиеся подсобные помещения, разбитая дорога. Трудились на обслуживании 40 ссыльнокаторжных человек мужского пола, женской прислуги не было. Также проживание некоторых сомнительных личностей угрожало спокойствию пациентов (имеются в виду беглые каторжники).

Любопытны статистические сведения, которые приводит в своем очерке, напечатанном в газете «Приамурские ведомости» в номере за февраль 1896 года, доктор Н.В. Тропин: «В сезон 1895 года на Аннинских минеральных водах побывало 152 человека. Из этого числа – 93 больных, остальные – сопровождающие, дети при родителях. По сословной принадлежности больше было посетителей из крестьян и служащих гражданских, военных и дворян, по половому признаку – мужчин и женщин – одинаковое посещение, немного меньше – детей. В среднем каждый провел по 32 дня. Лечение обошлось каждому за этот период в сумму 28 руб. 14 коп. По лечению болезней из 93 человек были пациенты с ревматизмом, малокровием, неврастенией, чахоткой. 89% от всех 93 больных получили излечение или облегчение от недугов, полное излечение получено 28 больными, без результата – 9 больных и 1 – ухудшение».

В своем очерке доктор Тропин не только рассмотрел проблемы, возникшие перед ним как перед арендатором, но и указал пути их решения. Он убежден, что прежде всего в оздоровлении населения должно быть заинтересовано правительство: «Правительство, как и земство, должно заботиться лучшим устройством лечебниц и курортов, затрачивая капиталы на целебные источники, они должны считать, что выздоровление или продление жизни гражданина само по себе вознаграждает траты государства с лихвой».

Через год после опубликования этого очерка в «Приамурских ведомостях» вышла другая статья, посвященная истории возникновения «Аннинских вод» и описанию курорта. Вероятно, некоторые проблемы арендатора Тропина были к этому времени частично устранены. Вот как описывает их Леопольд Феликсович Бацевич (с 1887 по 1897 год он занимал должность горного инженера при приамурском генерал-губернаторе, а также начальника Восточносибирской геологической партии (1894–1895), обследовавший здравницу: «Все термальные источники расположены на левом берегу р. Амурчика, на 4-х отдельных площадках, близко отстоящих друг от друга и проявляются в виде грифонов, над которыми устроены ванны, ... температура всех источников от 25 до 46 градусов, в январе и феврале колеблется от +29 до +39 градусов. На вкус вода слегка щелочная с запахом сероводорода».

Попасть к источникам можно было почтовым пароходом, который останавливался у гиялянской деревни Мыхиль (ныне Сусанино. – Примеч. автора), где для приезжих имелся деревянный домик из двух больших комнат, отделенных

коридорчиком. К приходу парохода приезжали две линейки, которые доставляли пассажиров до ключей с расстоянием 6 верст по хорошей грунтовой дороге. Плата за проезд весьма умеренная: 75 коп. с пассажира и 15 коп. за багаж. На ключах к услугам пациентов имелись 4 деревянные здания до 35 номеров. Рядом располагалась телеграфная станция, столовая, казармы для рабочих, дом для надзирателя, зал для гимнастики и площадка для игры в крокет. Номера представляли из себя высокие и просторные комнаты, не оштукатуренные, где имеются деревянные кровати без постелей, деревянные крашенные столы и несколько буковых стульев. Содержание недорогое: за 2 руб. в сутки пациент располагает следующим довольствием: утром от 8–9 час. – чай, молоко, свежий белый хлеб и сливочное масло. От 12 до 1 часу дня – обед из 3 блюд. От 4–5 часов полудни – чай как утром. Вечером в 8–9 часов – ужин из 2 блюд. Стол был обильный и хороший. Много было пациентов, лечившихся совершенно бесплатно, т.к. администрация, предоставляя в распоряжение арендатора 40 человек ссыльнокаторжных рабочих, выговорила себе право посылать больных, которые не платят за ванны и помещение, поэтому громадное большинство больных – бесплатные, в особенности из интеллигенции».

В начале XX века все-таки решено было местной администрацией обмежевать территорию курорта минеральных вод. Переписка об обмежевании курорта хранится в Госархиве Хабаровского края, велась она почти 10 лет – с 1903 по 1913 год.

В Приговоре жителей селения Мыхиль Больше-Михайловской волости Удского уезда Приморской области от 2 июля 1903 года решено было избрать крестьянина селения Дмитрия Осипова как доверенного при отводе земель арендатору «Аннинских вод». С очередным арендатором Василием Алексевицем Буяновым был заключен контракт областной администрацией, и площадь предоставленного для курорта участка определена так: «В арендное пользование провизора Буянова отводится участок земли мерою около 6,5 версты по берегу озера, полагая по обе стороны от устья Аннинских ключей по 3,75 версты, а в глубину от берега озера тоже 6,5 верст».

Однако из-за большого количества атмосферных осадков и горизонта воды в Амуре совершенно невозможно

было точно определить границы курортной площади, поэтому производилось межевание для точного установления границ земельного участка, отданного в аренду довольно продолжительное время. Права и обязанности арендаторов заключались в контракте. Так, очередной арендатор, принявший все имущество Аннинских вод, обязан был «... содержать в исправности дорогу от ст. Мыхиль до минеральных ключей, все старые постройки ремонтировать и привести в надлежащий вид, возводить новые по надобности, устроить кафельные или мраморные ванны, обеспечить качественным питанием отдыхающих, лечебные процедуры не должны быть дорогими» и много другого.

Ввиду того, что арендаторы постоянно сталкивались с множеством препятствий, преодолевая их приходилось, как правило, самим и в одиночку, поэтому менялись они довольно часто. Однако Аннинские термы пользовались популярностью: тысячи людей, населявших Дальний Восток, поправляли здесь свое здоровье.

В 1918 году с установлением советской власти курорт был национализирован, перешел в ведение исполкома. Во время Гражданской войны он был запущен и разграблен, и только после ее окончания лечебница вновь стала возрождаться и обновляться.

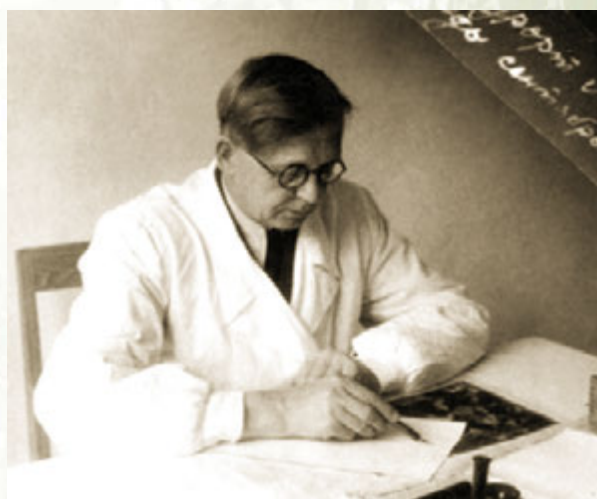
За время, прошедшее с момента принятия Декрета о курортах и лечебных местностях, выросли здравницы, пользующиеся славой по всей России. Произошли изменения и на курорте «Аннинские воды». Особенно много сделал для строительства курорта, его благоустройства и изучения лечебного воздействия вод на пациентов Илья Яковлевич Клыжук, проработавший главным врачом 30 лет. В Госархиве края имеется его автобиография, написанная в 1950 году. С 15 мая 1937 года он «был направлен на работу на курорт «Аннинские воды» в качестве главврача. В годы Великой Отечественной войны работал в Де-Кастринском военном госпитале начальником терапевтического отделения, после войны вновь принял руководство курортом».

В 1947 году Нижне-Амурский (Николаевский) райисполком принял решение «О восстановлении курорта «Аннинские воды», т. к. надо было привести в надлежащий вид курорт, строения которого «пришли в негодность, ванный корпус сгнил и был разобран, остальные постройки обветшали и непригодны, вследствие чего курорт не в состоянии нормально работать и осуществлять оздоровление населения. Директору т. Клыжуку необходимо немедленно приступить к составлению проекта и смет на новое строительство ванного корпуса, капремонт служебных и жилых помещений и благоустройство поселка», что им и было сделано.

Вот характеристика этого курорта, данная средствами массовой информации в декабре 1961 года (архивный фонд «Хабаровское отделение информационного телеграфного агентства России – КрайТАСС): «Целебные свойства горячих источников известны далеко за пределами нашего края. Сотни больных ревматизмом, радикулитом, кожными болезнями поправили здесь свое здоровье. За последнее время на «Аннинских водах» организовано лечение детей с остаточными явлениями полиомиелита. Ис-

Курорт «Аннинские воды». Август 1932

Главный врач курорта «Аннинские воды»
И.Я. Клыжук

полком Тахтинского района (в 1962 году район вошел в Ульчский промышленный, а в 1963 году в Ульчский район) принял решение «О дальнейшем развитии бальнеологической больницы на горячих источниках», согласно которому предусмотрено было реконструировать бальнеологическую больницу для приема 250 человек одновременно. В типовом проекте намечено сооружение нового ванного и хозяйственного корпусов, а также реконструкция поселка: строительство детсада на 75 мест, школы на 160 мест, 7 000 кв. метров жилья и гостиницы в селе Сусанино. Крайрыболовпотребсоюз обязан возвести в больничном поселке пекарню, магазин и столовую, а Краевое управление связи – оборудовать отделение связи. Крайисполком предложил краевым управлениям строительства и ремонта дорог и бытового обслуживания построить улучшенную автодорогу от села Сусанино до поселка больницы «Аннинские воды» в срок до 1962 года и открыть в 1962–1963 гг. мастерские бытового обслуживания».

Многое изменилось за десятилетия, но и сегодня санаторий «Аннинские минеральные воды» все так же популярен у дальневосточников, а его «живая» вода исцеляет.

Фото из Государственного архива Хабаровского края

Топонимика

Ручей слёз

Легенды и реальные истории нанайского села Верхняя Эконь

Анастасия СОРГОЛЬ

Все на земле имеет свое имя. Многие из этих имен и названий насчитывают сотни, а то и тысячи лет, поэтому мы порой и не знаем их смысл. Есть специальная наука, изучающая названия, – топонимика. Она возникла довольно давно. В России первые топонимические исследования проводились еще в начале XIX века, но бурное развитие получили лишь в последние 30–40 лет. С помощью этой науки я решила исследовать свое село, улицы, по которым хожу каждый день, сопки и ручьи, которые вижу из окна моего дома. Хочется, чтобы люди, которые приезжают к нам в село на экскурсии, задавая местным жителям вопрос: «А что значит название этого села (реки, сопки, улицы)?», получали правдивый, исторически верный ответ.

Именно поэтому пришлось обложиться книгами, словарями и записями легенд и сказок о селе. Среди них, например, труд Е.М. Поспелова «Туристу о географических названиях», где в отдельные главы собраны названия, относящиеся к горам, улицам и водным потокам. Именно эта книга помогла объяснить некоторые названия моего села, хотя в ней и приводились примеры из европейской части России. Ничего не получилось бы без словаря нанайского языка. Ведь село Верхняя Эконь находится в Приамурье – месте корен-

ного обитания нанайцев. А значит, большое количество названий имеет отношение к их языку.

Под охраной Пуймура

Село Верхняя Эконь находится в Комсомольском районе Хабаровского края. Столица края – город Хабаровск – получила свое название по имени первопроходца Е.П. Хабарова. Уроженец города Великий Устюг, решительный по характеру, осенью 1649 года Ерофей Павлович

Хабаров с отрядом в 70 человек отправился из Якутска по реке Олекме на Амур. Собрав доказательства того, что амурские земли богаты и прибыльны, первопроходец вернулся в столицу. Что означает фамилия Хабарова? Слово «хабар» в северных говорах обозначает «весть», «добыча», а еще – «счастье». По-видимому, предки Е.П. Хабарова были очень удачли-

вы, а их прозвище со временем стало фамилией.

Что касается названия села Верхняя Эконь, то оно не историческое, а скорее легендарное. Сохранилось несколько легенд о происхождении названия села. Одна из них записана Павлом Сергеевым в 1995 году от жителя села М.А. Волкова.

В начале XX века в стойбище жили рядом две семьи нанайцев, в одной был сын, а в другой – дочь, они любили друг друга. Но у юноши не было денег, чтобы заплатить за невесту выкуп и жениться на ней. И вот он пообещал ей пойти на охоту, поймать много соболей, чтобы купить на них у китайских торговцев товары для выкупа. Юноша ушел на охоту, и долго от него не было вестей. А тем временем в стойбище пришел китайский торговец. Отец девушки задолжал ему за продукты и охотничьи припасы, а заплатить весь долг не смог. Тогда торговец решил забрать у него дочь. Узнав об этом, девушка убежала в сопки и там пряталась, пока ее жених не вернулся с охоты и не заплатил за нее выкуп.

По другой версии, жених не смог помочь своей возлюбленной. Девушка долго плакала, и от ее слез образовался ручей, который по ее имени назвали Экэни. Этот ручей и сегодня протекает через село с востока на запад, впадая в Амур. Если мы заглянем в словарь нанайского языка, то обнаружим, что «Эконь» в переводе с нанайского значит «ручей».

Но почему именно «Верхняя Эконь»? Селение когда-то было разделено на две части: одна находилась выше по течению Амура, а другая ниже. Если в Верхней Экони сегодня живут люди, стоят дома, то Нижняя Эконь пришла в запустение и практически исчезла.

Село Верхняя Эконь стоит на Амуре. Его название связано с драконом Пуймуром. О том, кто такой Пуймур, рассказывает нанайская легенда «Как старик спас Пуймура», записанная у жительницы Комсомольска-на-Амуре Е.Д. Самар. Пуймур – водный житель, сын водного царя. Он может обретать человеческий вид, помогает во всем человеку, благодаря его за доброе отношение, хотя может и разгневаться. Это полностью соответствует характеру своенравного, но богатого рыбой Амура.

На Амуре, прямо напротив Экони, виднеется остров Входной. Название говорит само за себя. Он как бы входит

Фото Евгения Балашова

в залив у села, отрезая Эконь от основного, шумного движения реки. Частью Амура когда-то была Муха. Раньше это был залив, а теперь озеро. Его название произошло от нанайского: «муэ» – «вода». Когда в Экони стало проживать много русских, то слово «муэ» изменилось по звучанию. «Муэ» – «муэ» – «муха». Так появилось новое название. От названия озера оно перешло на часть села, расположенную рядом.

Улицы как странички памяти

Все названия наших улиц связаны либо с историческими личностями, зданиями и достопримечательностями, либо с природой. Лесная, Дубовая, Березовая, Таежная, Ключевая...

Итак, улица Лесная. «Лес» – слово общеславянского происхождения. Лес, окружающий село, состоит из лиственных и хвойных деревьев; особенно его украшают березы, растут шиповник, багульник. Летом много грибов: подберезовики, опята, подосиновики, медвежьи ушки (лисички). Собирают здесь и ягоды: землянику, малину, смородину, кишмиш (актинидию), жимолость и бруснику. Если посмотреть на карту, можно увидеть, что лес окружает село со всех сторон, поэтому он не мог не отразиться в названиях улиц.

Таежная улица имеет в названии корень «тайга», которое произошло от слов «таить», «прятать». Тайга – это густой, темный лес. Таежная и Лесная улицы начинаются и оканчиваются лесом. На Березовой и Дубовой ра-

стут деревья этих пород, и сами названия изначально им дали местные жители, а не администрация села.

На Ключевой улице несколько десятилетий назад на самом деле был ключ, но сейчас на его месте колонка. А что такое ключ? Это общеславянское слово, по происхождению звукоподражательное. Образовано оно с помощью суффикса от слова «клюк» – звук. Так называют бьющий из земли источник, родник.

Что касается Набережной, то традиционно первая улица, идущая вдоль Амура, набережная (расположена на берегу). Магистральная улица – значит главная. На ней стоит автобусная остановка, она же (единственная в селе) асфальтирована. Она самая первая при въезде в село, миновать ее невозможно.

Кроме того, в Экони есть улицы, названные так по расположенным на них зданиям и достопримечательностям – Школьная, Клубная. Во все времена на Школьной улице находилась школа, жили учителя. Официально начальная школа была открыта в 1934 году. Когда эконской школе исполнилось 60 лет, в подарок она получила новое здание. Сегодня в сельской школе около 60 учащихся, все они получают полное среднее образование. Но начальные классы – классы-комплекты. В здании школы расположены этнографический музей и детский сад. На Клубной улице находится Дом культуры, построенный в 50-е годы XX века как символ советского времени. Возле него стоит памятник Ленину.

Особо следует поговорить об улице Храпая. Это единственная улица

села, названная в честь его жителя. Здесь находится могила Петра Павловича Храпая, известного врача, награжденного орденом Ленина, который в 30–50-е годы прошлого века лечил жителей Верхней Эконки. Когда-то на этой улице было кладбище, но село росло, строилось, и захоронения снесли, оставив только одно – человека, волей случая оказавшегося на Дальнем Востоке и оставившего о себе добрую память. В те годы он был единственным на окрестные села медиком, к которому отовсюду приезжали в Эконку люди. О нем и его добрых делах сегодня можно прочитать в книгах Григория Ходжера «Конец большого дома» и «Амур широкий».

Петр Павлович Храпай родился в 1882 году. Получил медицинское образование, затем пошел служить в армию. В 1904 году, будучи со своим полком в Румынии, участвовал в бунте. За это его отправили в ссылку на Сахалин. Когда на Амуре началась чума, всех заключенных медиков с острова Сахалин отправили на борьбу с эпидемией. Так Храпай попал в Нижне-тамбовскую волость, село Пермское. В 1909 году он женился. В семье родилось пятеро детей. Все получили образование. Сын, Валентин Петрович, стал учителем и одно время работал в Эконке. По воспоминаниям жителей села, Петр Павлович Храпай был человеком приветливым, внимательным к людям, честным. Он лечил всех, никому не отказывал, за деньги и без денег, старых и молодых. Лекарства он готовил сам, половину дома отвел под больницу и аптеку. Врач Храпай принимал роды, вправлял вывихи, оперировал. Как-то к нему привезли человека, которому медведь содрал кожу с головы. Петр Павлович промыл рану, смазал ее медвежьим жиром и натянул кожу на прежнее место. Раненый выжил и пошел на поправку. Вместе с больными Храпай делал зарядку на берегу Амура, ходил с подростками в походы. Во время строительства Комсомольска его с семьей выселили из дома. Так он оказался в селе Вознесенка, а после и в Эконке.

В 1945 году знаменитый врач поселился в селе Верхняя Эконка. «Последние годы Петру Павловичу работать было трудно, но он никому не отказывал. Днем и ночью двери его дома были открыты. Человек он был обходительный, но и пошутить любил. Хорошо знал свое дело. Умер он в 1955 году. Перед смертью очень болел, почти не

вставал с постели. Хоронили его всей деревней», – вспоминает жительница Верхней Эконки Екатерина Павловна Братченко. Сегодня к могиле П.П. Храпая водят экскурсантов. От нее открывается красивый вид на Амур.

Сакральная точка Шаман-горы

Верхняя Эконка стоит в окружении возвышенностей. Самые знаменитые – сопка Ребячья и Шаман-гора. Ребячья сопка находится сразу за селом. Свое название она получила потому, что уже не один десяток лет дети катаются с ее склонов. Зимой на санках и лыжах по снегу, осенью просто по опавшим листьям. Что касается Шаман-горы, то по поводу ее названия существует интересная нанайская легенда. Но сначала надо сказать, что шаманы – это люди, лечившие людей, посредники между людьми и духами.

Как появились шаманы? Об этом рассказывает легенда, записанная со слов жительницы села А.Т. Дигор.

«Давно у старика из рода Самар умер сын. Старик со старухой похоронили его. Спустя некоторое время умерший сын вернулся. Опять похоронили его родители. Смотрят: снова возвращается сын. Тогда старик сказал: «Почему мертвый сын возвращается из потустороннего мира? Я сам отвезу его в буню». Похоронили родители сына. Потом старик уложил его тень на нарту и повез. Долго, далеко шел, к воротам царства мертвых – буню – пришел. А ворота наглухо закрыты оказались. Стал старик камень за камнем отдирает от стены, сделал в ней дыру и втолкнул в буню тень сына. Камни же завернул в охотничий передник и пошел домой. Вернувшись, решил хорошенько разглядеть их. Развернул передник, а камни полетели в отверстие под потолком дома. Падая на землю, большие камни превратились в могущественных шаманов, а маленькие – в малосильных. Вот так появились шаманы, чтобы отвозить умерших в царство мертвых».

Получается, что шаманы – жители неба, которые по воле человека стали жить в обычных домах. Но иногда шаманы, как и люди, умирают. Доказательством этого, по мнению нанайцев, является скала Шаман-гора, расположенная в трех километрах от Верхней Эконки. О ней рассказывают такую легенду.

Когда-то на горе жил шаман. Однажды ему приснился сон о том, что, проснувшись, он спрыгнет с вершины и полетит как птица. Шаман проснулся, прыгнул со скалы, но разбился. В память о погибшем скалу назвали Шаман-горой. Вряд ли сегодня это сакральное место. На скале пишут различные надписи краской, обучаются скалолазанию с туристским снаряжением. Но, судя по названию, раньше она обожествлялась, служила местом отправления культовых обрядов.

От жителей Эконки можно услышать фразу: «Я был на точке». Что это за «точка»? Тоже возвышенность, но ее название не значится на карте. Означает оно сопку, на которой около 20 лет назад находилась воинская часть (воинская точка). Память об этом сохранилась в селе.

Память людей хранит те названия, которые когда-то были в селе, но исчезли. Например, «Ширпотреб» – так называли в 60-е годы XX века часть села, в которой находились склады и магазин, предлагавший товары широкого (народного) потребления. Закрылся магазин – исчезло название.

Исчезло из оборота и прежнее название села – Экань. Именно так раньше оно писалось. Но ни одна из улиц не была переименована, ни одна не носила имена советских деятелей или представителей нанайского народа. Хотя, может быть, стоило бы назвать улицу на Мухе улицей Муски – первого нанайского учителя. А одну из улиц – в честь проживавшего в Эконке писателя В. Коренева? Или хотя бы переулочек – именем обладателя двух орденов Славы Николая Павловича Сайгора...

Исследуя топонимику своего села, я сделала для себя много новых открытий. И поняла самое главное: чем больше знаешь о месте, где живешь, тем оно роднее. Надеюсь, что те, кто прочтет эту публикацию, также почувствуют, что Верхняя Эконка стала им ближе.

ИСТОЧНИКИ

1. Поспелов Е.М. Туристу о географических названиях. – М.: Профиздат, 1988.
2. Русско-нанайский словарь. – Ленинград: Просвещение, 1982.
3. Хабаровский край: страницы истории. – Владивосток: Утро России, 1996.
4. Легенды о селе Верхняя Эконка (материалы школьного этнографического музея).
5. Воспоминания и рассказы жителей села Верхняя Эконка.

Илья Лиханов. Подсолнухи. Холст, масло

Литература

В поисках философского камня

Арсений Семенов: поэт и прозаик

Валентина КАТЕРИНИЧ

Арсений Семенов. Рисунок Николая Холодка

Хабаровские поэтические сборники А.В. Семенова «Маятник», «Монолог», «Синь-синевая», «Свет», московский сборник «Родство» хорошо известны читателям 60–70-х прошлого века. Сложилось так, что историческая проза этого писателя осталась в тени читательского внимания.

Между тем она этого внимания заслуживает. Имею в виду исторические повести, которые выходили в Хабаровском книжном издательстве под заглавиями «Царская награда» (1973) и «Край земли» (1975). Затем обе повести были объединены в роман «Землепроходцы» и выпущены издательством «Молодая гвардия» (1976). Книга рассказывает об освоении Камчатки и побережья Охотского моря русскими служивыми людьми в начале XVIII века. Увы, роман поэта вышел в свет после смерти автора...

Биография Арсения Васильевича Семенова (1935–1976) удивительна, в чем-то трагична, есть в ней оттенок подвижничества. Уроженец новгородской деревни Язвы, всю сознательную трудовую жизнь он провел на Дальнем Востоке, служил России на дальних ее рубежах, как и его служивые люди-землепроходцы, и за короткую жизнь сделал немало. А учился он в школе в Старой Руссе, потом в Ленинградском университете. В Ленинграде начал писать стихи, публиковался в коллективных сбор-

никах «Первая встреча», «Стихи студентов ЛГУ», выступал на ЛИТО филологического факультета. Там, на этом ЛИТО мне довелось впервые услышать и Арсения Семенова и Римму Казакову с исторического. А Семенов был с философского.

Нельзя пропустить такую деталь его жизни: он был дитя войны. «О ночь сорок первого, полною чашей тебя зачерпнул я...» Да что там деталь, это была его незаживающая рана, которая кровоточила и в ранних, и в поздних стихах. Осталась реальная зарубка от войны – покалеченная рука. Он называл детей войны *смертенята*. Есть стихотворение «Дети оккупации» (здесь стоит напомнить, что Новгородская область надолго оказалась оккупированной гитлеровцами). Каково было детям?

*Всё в памяти. Хоть бейся головой, –
Содеянное зло непоправимо...
Бредет малыш со страшною сумой
Двадцатым веком меж столбами дыма.
История крутила жернова,
Так тяжело над нами завывала...
Влачил я ноги. В чем душа жива!
Но выжила душа моя живая.*

Там же стихотворение «Пророк»: пропахший порохом и потом неизвестный солдат приносит в землянку, где прячутся старухи и дети, «паек тех, кто погиб сегодня в обороне». Да, это подлинный горький опыт, не риторика. Надо бы сегодня стихи эти перечитать тем, у кого, к счастью, не было такого опыта. «И все это только детали той дали, которая многим уснуть не дает...»

Итак, получив в 1959 г. диплом, Арсений Семенов отбыл на Камчатку. Можно предположить, что это был его выбор (жаль, у него уже не спросишь); тогда, как ни странно, существовало и свободное распределение для гуманитариев – выбор стать камчадалом. Он оказался на севере Камчатки. В административном центре Корякского автономного округа Палане он стал директором окружного музея, заведовал отделом культуры, затем возглавлял Камчатский областной музей. На полуострове он занялся изучением биографии и истории Крайнего Севера. О молодом Семенове есть воспоминание Евгения Гропянова: «Молодой, энергичный, он не сидел в поселке: и зимой и летом все время в разъездах. В снежные месяцы его влекли этнография и фольклор; едва пробивалась первая трава, орудием труда поэта становилась лопата: он много копал на первобытных стоянках, теперь он весь был в археологии». Так и писал:

*Земля не музей для меня, не склеп,
Не призраки в ней витают.
Из толщи веков прорастает хлеб,
Любовь и мысль прорастают.*

Восторженно и возвышенно писал Семенов северную природу суровую, жестокозимую, но дорогую душе поэта. Тундра, только мох да трясины, мошка да болото. Но вот зима облетает, и слышится весенняя песенка в горле ручья. Стихотворение так и называется «Горячий ключ». Автор купается в его целительной струе:

*И преисполнен силы дивной,
У шири русской на краю,
Ору восторженные гимны
Цветам. И травам. И зверью.*

«Я путник, мой посох купается в росах», путник, владеющий поэтическим словом, способный превратить экземпляры камчатской (и не только камчатской) фауны и флоры в яркие образы живописного и даже философского толка. Таков Арсений Семенов. Вот его посох гуляет во мху, где рассыпаны «маленькие люстры» морошки.

*Мы в небе философский камень ищем,
Меж тем как, наш пересекая путь,
Созвездия ползут по голенищам,
Чтоб сверху вниз в лицо нам заглянуть.*

«Морошка»

Отношение к природе не только восторженное, но рачительное и бережное. Природа не терпит насилия – таков один из постулатов лирического поэта, созвучный сегодняшним экологическим тревогам (см. стихотворение

«Мне нужен был в природу проводник» про человека, который не входил в природу, а врубался).

Стихи Арсения Семенова не остались в тени. О них писали одобрительные рецензии Михаил Асламов, Юрий Иванов, Роальд Добровенский. Статья Ильи Фоякова в «Сибирских огнях» называлась «С критерием профессиональности». В сознании большинства Семенов остался как поэт философского склада. Еще бы, поэт был выпускник философского, так что на суперобложке его сборника «Монолог» красовался «Мыслитель» Родена (художник А. Посохов).

Важно иметь в виду, что среди его приоритетов был Николай Алексеевич Заболоцкий. Знал ли Арсений Семенов, что Заболоцкий в начале 40-х прошлого века, будучи осужденным по статье 58-й, сперва был на лесоповале в поселке Старт, потом чертил планы железной дороги Комсомольск – Совгавань? Неизвестно. Но «Монолог» открывается стихотворением «Памяти Н. Заболоцкого». И дальше встречаются строки, явно перекликающиеся с великим предшественником Семенова:

*И я умру, но нет во мне смиренья.
Я этот мир, чтоб он не умирал,
В прозрачном янтаре стихотворенья
На крепкие засовы запираю.*

Критики Арсения Семенова порой упрекали его в избытке профессионализма. В самом деле, он мог простое, обыденное явление поднять до вселенского обобщения. Ну да, есть у него «Гимн огурцу», «Ода лопате», «В Хабаровске заклеивают рамы», «Капусту режут» и тому подобное. Но все это написано с добрым юмором и не без самоиронии. Те же черты присущи суровым северным пейзажным стихам «Штиль на Охотском», «Шторм на Беринговом».

Спросят: что же, в годы социалистического реализма Арсений Семенов не писал ничего заказного? Нет, писал, только то, к чему лежала душа. Например, «Юрию Гагарину» или «Садовод» с посвящением дальневосточному сельскохозяйственному академику Г.Т. Казьмину. Арсений Семенов был свободный художник, хоть и не дожил до нашей свободы.

В середине 60-х Арсений Семенов переезжает с Камчатки в Хабаровск. Здесь продолжается его напряженная творческая жизнь. Он работает редактором в книжном издательстве. В 1966 году выходит в свет первый сборник стихов «Маятник», его принимают в члены Союза писателей, и, что очень важно, Семенов продолжает писать историческую прозу – про завоевание Камчатки и отыскание морского пути из Охотска на Камчатку. Соответственно героями повествования становятся реальные исторические личности – Владимир Атласов и Кузьма Соколов.

А загорелся Атласовым Семенов еще на Камчатке. Как вспоминает Евгений Гропянов, эта фигура вызывала восхищение: «Какая истинно русская фигура, какое движение души, какое чувство долга перед Россией – этот Владимир Владимирович Атласов, камчатский Ермак, как назвал его Пушкин». И, естественно, вдохновляющим трудом для Семенова были Материалы для заметок о книге С.П. Крашенникова «Описание земли Камчатки». Они написаны в

январе 1837 года и предназначены для задуманной Пушкиным статьи о завоевании Камчатки. Это – последний из известных нам литературных замыслов Пушкина. Символично, что мысленный взор поэта в последние дни его жизни был устремлен на край России...

Из письма Семенова, жившего в тот момент в Палане, Степану Авксентьевичу Смолякову: «Писал тут одну повесть из истории Камчатки – почти кончил. А зачем писал – бог его знает. Просто в период, когда стихи не пишутся (а такие периоды бывают), надо писать хоть что-то из прозы – ничего не писать уже не могу: грызет некое беспокойство, и день, когда ничего не пишу или не обдумываю, кажется пустым и серым до мучительности». Да, проза о землепроходцах рождалась трудно и не без приключений.

Итак, помимо конспекта и наброска начала статьи Пушкина, современному читателю-исследователю был доступен и труд академика Крашенинникова, и другие источники по истории Камчатки. А если вспомнить художественные произведения и недалеко ходить, то это прежде всего главы из исторического романа «Владимир Атласов» Петра Степановича Комарова.

Атласов, «пятидесятник удалой», держит речь перед казаками:

*– Добро!.. Хвала тому и слава.
И чин боярский, и почет,
Кого российская держава
Землепроходцем наречет.*

Очень жаль, что Комарову не удалось (или не успел) развернуть отдельные главы в целый роман.

Арсению Семенову это удалось, только в прозе.

А приключения с рукописью случались нешуточные. Однажды еще на Камчатке Арсений Семенов и его друг поэт Георгий Поротов сплавлялись по реке. На одном из поворотов они не смогли удержать лодку, и она перевернулась. Камчатские реки строптивы! В ближайшей деревне поэты попросились на ночлег. К счастью, и лодку, и часть имущества им удалось спасти. Наутро они увидели, что их одежду развесили и высушили гостеприимные хозяева. Далее рассказ со слов Евгения Гропянова.

Арсений бросился к рюкзаку. Он был чист как новый. «Где рукопись? – крикнул он возбужденно. Хозяйка, улыбаясь, не понимала его. «Где бумаги? – спросил тогда как можно спокойней Арсений. «Бумаги не замокли, – ответила ему хозяйка, – но они были помятые, исписанные, одним словом, я ими растопила печку – дровишки сыроватые». Что пережил тогда Арсений Семенов, никто не знает, да он особо и не любил рассказывать об этом случае. Он лишь махнул рукой и попытался улыбнуться».

Речь шла о рукописи «Землепроходцев».

Можно лишь представить, как Семенов восстанавливал текст, сколько источников он изучил и аккумулировал в свое повествование. Его архив, к сожалению, недоступен (или не сохранился?). Здесь важно не столько соответствие официальной историографии, сколько жизненная правда, воссозданная художественными средствами. То есть, по Пушкину, надо судить художника по законам, им самим над собою поставленным. А жанр «Землепро-

ходцев» обозначен как роман. Более того, в Хабаровском книжном издательстве он вышел под рубрикой «Дальний Восток: героика, труд, путешествия». Все три содержательных компонента органически соединены в повествование Семенова, выстроены в единое композиционное целое. При этом авторская речь и диалоги героев написаны прекрасным слогом, стилизованным под стиль XVIII века с большим чувством меры.

«Славен город Якутск!

По высоте стан и башен нет в Сибири городов, равных ему. В городские стены врезаны восемь башен; одна из них, увенчанная часовенкой во имя Спаса, вознесла макловицу на четырнадцать с половиной саженьей. В городе разместились обширные воеводские хоромы, Приказная изба, или воеводская канцелярия, ясачные амбары, караульня, оружейный двор, пороховые погреба; особой стеной огорожены строения, где содержатся тюремные сидельцы. К тюремному острогу привалилась обширная пыточная изба, наводящая ужас на все воеводство... Отступив от главных городских стен, высятся вторая линия укреплений – стоялый бревенчатый палисад, над которым парят островерхие шатры еще восьми мощных башен, сквозь узкие прорезы которых смотрят пушечные жерла.

Камчатка, о которой Пушкин сказал, что это «страна печальная, гористая, влажная», описана во всех подробностях и во все времена года. Несомненно, автор вложил в эти описания опыт личных наблюдений.

«Февраль 1711 года начался в Нижнекамчатске оттепелю. Несколько дней кряду дул сырой юго-восточный ветер, мела пурга, потом установилась мягкая солнечная погода, днем капало с крыш, оседали глубокие, до полутора саженьей, сугробы, ночью подмораживало, и снег твердел. Едва всходило солнце, чистый снежный наст, покрытый тонкой, как слюда, ледяной корочкой, сиял до рези в глазах. Случалось, в феврале и марте от белизны слепли люди...»

Замечательно описан в «Землепроходцах» первый захват Владимира Атласова на Камчатку.

«На сорока оленьих упряжках вынесся отряд Атласова из Анадырского декабря 14 числа 1696 года – пепельный сумрак стоял в небесах, пепельный снег летел из-под полозьев санок день за днем, ибо низкое солнце стоит в это время у самого горизонта, кроясь дымкой даже в полдень, а потом на двенадцать часов исчезает вовсе, и в тундре царит тьма. Ледяную мертвую пустыню оставляли они позади, двигаясь к югу. С Анадыря перешли на Майн, с Майна – на реку Черную, приток Пенжины. Кустики чахлой растительности в пойме Пенжины сменились роцями лиственницы. Здесь они в последний раз видели северное сияние, которое часто раскрашивает павлиньими хвостами небеса над Анадырем... Взяв ясак с каменных и таловских коряков, Атласов разделил отряд».

Роман Семенова густо населен. Географическая и природоведческая достоверность сочетается с правдой психологической и социальной. Выделяются образы казаков – тружеников земли и моря. Это Владимир Атласов и Кузьма Соколов. Про Атласова сказано: сколько помнит себя, всегда жил словно на горячих угольях. И в яме казенной два раза сидел, и убит был от взбунтовавшихся казаков.

Но службу государеву справлял мужественно и честно. Воображение писательское позволяет как бы воочию увидеть персонажа:

«У Атласова было сухое цыганское лицо крупной лепки, с густой светло-русой бородой и ястребиными, словно дремлющими глазами, в которых тлела искра напряженности. Задубелые, жилистые кулаки он держал на коленях, словно старик-крестьянин, отходивший свое за плугом. Хотя от роду ему было немногим за сорок, однако тюрьма заметно состарила его лицо. И все-таки от его костлявой широкогрудой фигуры веяло крепостью дуба, устоявшего против всех бурь. Плечи его обтягивал алый кафтан тонкого сукна, за голубым шелковым кушаком торчала пара пистолей с серебряной насечкой по рукояти».

Дополняет портрет трогательная история любви казачьего атамана к крещеной камчадалке Степаниде. Из-за нее он и оказался в аманатской избе (тюрьме) и не жалеет об этом, потому что и она ему предана. «Соболь ты моя золотая, что прекрасней лебеди белой», – так он думает.

Пятидесятник Кузьма Соколов, «человек крупный и жилистый, с широким лбом и русой гривой», понимающий в корабельном деле, не убоился пойти морем на Камчатку. Сибирский губернатор князь Гагарин дал казакам Соколова (набралось около сорока охочих) наказную память: «Не

теряя времени, у Ламского моря построить теми присланными плотниками морские суда... с теми мореходами и служилыми людьми идти через Ламское море на Камчатский нос».

Став корабелом и мореходом, Кузьма наказ выполнил, преграды одолел. В его характере есть рассудительность и мудрость пожилого человека. Особенно нужна эта мудрость в отношениях казачества и промышленных (торговцев пушниной) с местным населением, с инородцами. Вот Кузьма отчитывает нечестных торгашей:

«Где крест на вас, я спрашиваю, ежели вы принуждаете инородцев одну пушнину промышлять, забыв, что им еще кормить семьи надо? Иль вы не знаете, что инородец кормит семью охотой на зверя, шкура которого вам не нужна? Пошто в голод целые стойбища повергли? Иль у них детишек малых нету? Иль они вашим одекуем да сивухой кормить голодные рты будут? Нету креста на вас! В гнус превратились! Присосались – не отодрать!»

Время камчатской войны (так ее называет Пушкин) – свирепое и жестокое. Люди погибали от холода, цинги, но более всего от междоусобиц. Казаки покоряли инородцев, камчадалы били казаков, вспыхивали сражения и между казацкими группировками. Иногда возникает жутковатое впечатление: война всех против всех. В конспекте Пушкина то и дело мелькает: ясачные сборщики часто убиваемы были, убит от коряк, убит от чукок, убит от авачинских камчадалов, убит от олжоторов... А вот Миронов был зарезан от казаков, Атласова застали спящим и зарезали, Чирикова вбросили в пролуб, Федора Ярыгина мучили свинцовыми кистенями, один из казаков замучен в вилах до смерти. Заковывают в железы, кидают под кнуты, наказывают батогами. Как символ – пыточная изба в Якутске.

Автор «Землепроходцев» не закрывает глаза, не отворачивается от трагических моментов камчатской истории. Из множества сюжетных линий, из, казалось бы, хаотичных движений и событий выявляется исторический вектор: завоевание Камчатки постепенно завершилось. Более того, автор добивается светлого романтического звучания – через сквозной, связующий все нити повествования, образ юного Семейки Ярыгина. Сначала это шустрый четырнадцатилетний мальчуган, сынишка начальника острога. Он глазаст и остроух, на руках ходит, с аборигенскими ребятами дружит, толмачит и по-ламутски и по-корякски. Он помощник Владимиру Атласову и Кузьме Соколову.

«У Семейки каждый день новые открытия. То траву целебную найдет, то неведомую рыбу выловит и показывает казакам, то привезет с ключей воду, от которой у казаков перестает болеть желудок. Камчадалы всюду принимают его как желанного гостя».

Много приключений выпало на долю Семейки Ярыгина. Вместе с мореходом Кузьмой Соколовым прошел испытания на суше и море. В конце романа вместе с ясачной казной выезжает из Якутска в Москву и Семейка Ярыгин. Старый казак-пятидесятник благословляет его в Навигацкую школу. А в эпилоге, это уже 1737 год, в Якутске появляется офицер Семен Ярыгин. Он силен и молод, у него впереди новые открытия. И у него есть твердое убеждение – милосердие выше жестокости. Так думал и писатель Арсений Семенов.

Иллюстрация Е. Вольгушева к роману Арсения Семенова «Землепроходцы». Хабаровское книжное издательство. 1985

ЛИТЕРАТУРА

Вспомним имя

Владимир Тройнин. Красота жизни

Ольга БОРИСОВСКАЯ

Владимир Ильич Тройнин, писатель-натуралист и эколог, родился 30 апреля 1937 года в Хабаровском крае. Детство прошло в Сибири – на берегах Байкала и в Иркутске. После окончания факультета охотоведения (ИСХИ) в 1960 году он приехал на Дальний Восток. Некоторое время работал техником-ихтиологом в КОТИНРО, в Петропавловске-на-Камчатке. С октября 1960 года – во Владивостоке. Владимир Тройнин работал охотоведом во флотском совете ВОО ТОФ. Здесь, когда он занимался охотустройством Нежинского охотхозяйства, произошла первая встреча с амурским тигром.

В феврале 1961 года Тройнин ушел в море – руководил научно-поисковыми работами на СРТ-4401. Длительное время занимался поисками китов в Арктике, Антарктике, тропических водах Тихого и Индийского океанов. После работы в море судьба вновь привела Владимира Ильича на таежные тигриные тропы.

Первые публикации Тройнина появились в столичных и дальневосточных сборниках, журналах и газетах в конце 1960 года. В 1982 году в Москве в издательстве «Детская литература» вышла первая книга «Рассказы о китах». Главной темой творчества стали природа и человек. Об этом и книги Тройнина «Приключение Шустрика» (1986), «Год Тигра» (1992). Последняя без купюр переведена на английский и японский языки и издана в США и Японии в журнальном варианте. Книга «Приключение Шустрика» переведена на восемь языков.

Все годы, работая в Приморье, В.И. Тройнин не был сторонним наблюдателем жизни природы. В течение десятилетий он активно занимался тем, что теперь называют экологическим просвещением. Он говорил правду о надвигающейся экологической катастрофе, даже когда большинство известных ныне экологов помалкивали. Пришло время, и он вместе с товарищами в 1988 году организовал и возглавил первый на Дальнем Востоке митинг в защиту природы.

В.И. Тройнин много работал со школьниками, учителями: читал лекции, проводил уроки-экскурсии, внедрял уроки любования природой. Его книги «Приключение Шустрика» и «Год Тигра» включены в школьную про-

грамму. В.И. Тройнин придумал и учредил экологический праздник для всех – День амурского тигра. В течение ряда лет он многое делал для того, чтобы этот праздник стал частью жизни Приморья. В итоге День амурского тигра отмечается с 1995 года и по сей день.

В.И. Тройнин стал автором нескольких видеофильмов о природе Приморья: «Русский берег», «Море зовет», «Очей очарование», «По Уссурийскому заповеднику», «Кравцовские водопады». Он автор уникальной фотоколлекции «Красота жизни – бабочки Приморья»: на 175 больших фотографиях запечатлено 104 вида бабочек.

Умер Владимир Ильич Тройнин 21 мая 2006 года во Владивостоке. Похоронен на Морском кладбище.

Коллекционер мгновений

Тамара КУЗЬМИНА

*Бабочки южного Приморья пляшут над сизой полынью
На фоне темной тайги. Небо морщится. Август
Танец всех махаонов собрал. Обуял теплыню,
Перламутрами высохших луж в небесах отражаясь.
Пустота поглощает свет и отчасти звуки.
Но их танец беззвучен и так безнадежно ярк.
Эти крылья совсем-совсем не похожи на руки.
Эти крылья. Они неожиданны, как подарок.
Махаоны ныряют в темно-зеленые волны,
Повинуясь взмахам смычков кузнечиков чутких.
Над стеною тайги их кордебалет проворный.
Небо морщится. Август. И танец подобен чуду.*

Владимир Тройнин

Ольга Борисовская

Это стихотворение написано в один из летних дней в селе Тигровом. Удивительно, как мое вдруг появившееся на свет стихотворение совпало с ощущением другого человека, который жил со мной рядом в одно и то же время. Ходил по тем же лесным дорожкам или за продуктами в сельский магазин. И здесь же, на лесной полянке под сопочкой, часами караулил новый вид приморской кудесницы-бабочки. Этим не встреченным мной человеком был писатель Владимир Тройнин.

Многие жители села видели его с неизменным фотоаппаратом «Зенит» на шее. Страстный коллекционер прекрасных мгновений природы в последние годы жизни избрал объектом любования замечательных приморских бабочек. И что примечательно: Владимир Ильич их только фотографировал и никогда не ловил. А еще В. Тройнин писал о китах и тиграх. В этом выборе – парадоксальность и своя закономерность. Ибо киты – гиганты океана, их жизнь полна загадок и тайн, точно так же, как и мир бабочек. И он помогал читателям их разгадывать. А бабочки... Эти уникальные произведения природы, поражающие симметрией и гармонией цвета, не менее загадочны и невероятны. Они, киты и бабочки, находятся по разные стороны экологической прямой, где одни родом из максимума, другие – из минимума нашей Вселенной.

Время бабочек

Фотоочерк

Владимир ТРОЙНИН
Ольга БОРИСОВСКАЯ

Говорят, что дотошные ученые насчитали не менее одного миллиона летающих, прыгающих, ползающих, плавающих, бегающих шестиногих существ, называемых насекомыми. Приблизительно десятая часть из них – бабочки, тысячи из которых живут на той части нашей планеты, что названа великой Россией. Из всех видов насекомых бабочки наиболее известны. Они, как правило, ярко окрашены и всегда перед глазами тех, кто пожелает присмотреться и увидеть красоту и разнообразие жизни.

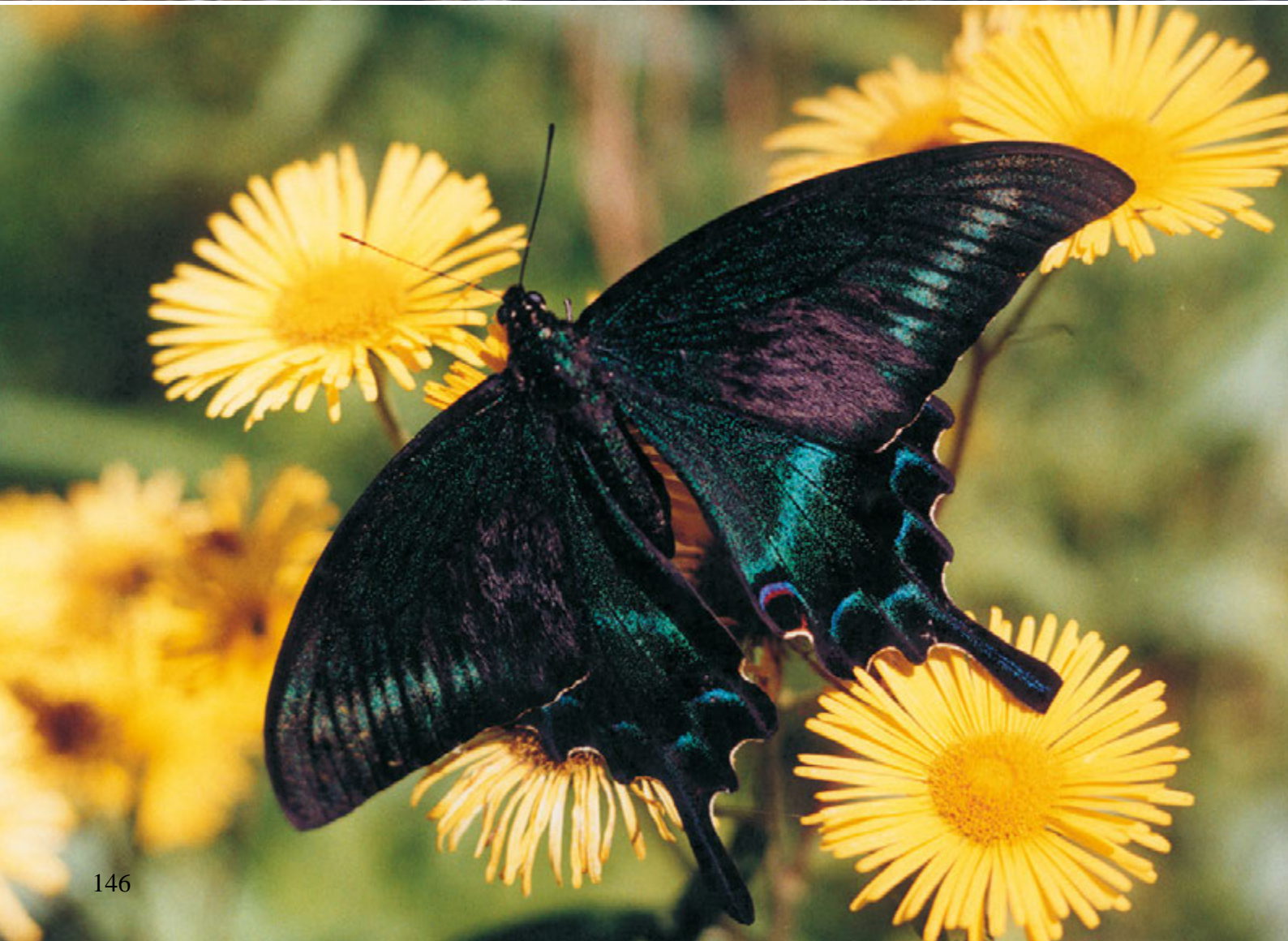
Центром же, началом координат, можно назвать тигра – одного из самых крупных хищников на Земле и, несомненно, самого прекрасного. Писатель Владимир Тройнин придумал День тигра и тем самым заставил многих людей задуматься о будущем этого замечательного представителя кошачьего племени.

Встречи бывают неожиданными и ожидаемыми. Я не встретила с Владимиром Ильичом при жизни, но то, что сейчас происходит, именно «ожиданная» настоящая встреча с творчеством писателя, ученого, публициста и еще художника. Ведь так, как он снимал бабочек, не снимал никто. Недаром насекомые сами избирали писателя объектом своей остановки в пути – и садились к нему на рукав рубашки, тем самым облегчая фотосъемку.

Сейчас дети встречаются с приморским автором на страницах книг «Приключения Шустрика» и «Рассказы о китах», а люди, знавшие писателя лично, встречаются в селе Тигровом на Тройнинских чтениях. Встречаются и рассказывают о человеке, оставившем свой след в приморской литературе. Показательно, что имя земляка дорого и тем, кто с ним не был знаком лично. И подтверждением тому огромная папка с рисунками-иллюстрациями школьников из Находки и любовно переизданный экземпляр «Шустрика» находкинским издателем.

Село Тигровое – место, где Владимир Тройнин провел последние годы жизни, где окрестные сопки исследованы и изучены вдоль и поперек. Немало интересных тропинок и маршрутов открыто им вместе с женой Ольгой. Теперь нужно только их узнать и изучить всем нам. А вместе с тем издать и переиздать тройнинские книги и обязательно фотоколлекцию приморских бабочек. Некоторых из них, например огромных махаонов, вы можете встретить в Тигровом. Они до сих пор кружатся и порхают в любовном танце над лесными полянами и дорожками каждое лето.

Приморье не самая большая часть России, но самая своеобразная. Здесь природа сосредоточила великое множество разнообразных видов растений и животных, многие из которых – реликты, пришедшие в нашу жизнь из времен незапамятных, когда среди вечного тепла бродили под высоченными травами динозавры. Различных насекомых в Приморье тысячи, и, конечно же, наиболее привлекательны среди них бабочки.

Бабочки – теплолюбивые насекомые. Чаще их можно увидеть летающими в солнечные дни над прогретыми лесными полянами или вдоль открытых для лучей солнца дорог, или в светлом редколесье. Но именно в Приморье, где зимние холода не уступают сибирским, уже в конце февраля и начале марта можно увидеть бабочек, пролетающих над белыми пятнами снега и опускающихся погреться на светло-серые островки прошлогодней листвы. Самые первые бабочки – многоцветницы и углокрыльницы; почти одновременно с ними появляются желтушки и дневной красавец – павлиний глаз. Эта яркая, бросающаяся в глаза бабочка появляется на свет в самые первые дни весны. На фоне еще серого леса маленькое краснокрылое создание можно увидеть издали. Бабочка очень осторожна. Подкрасться к ней и сделать фотоснимки не просто. Удивительно: эти крохотные существа умудряются перезимовать в укромных уголках под древесной корой или в толще опавшей листвы – в местах совершенно неутепленных. Порхая над стилой землей, они словно говорят: скоро наступит лето и будет тепло, нас будет много, мы будем везде – от просторных низин до вершин самых высоких гор; будем радовать всех своей веселой и открытой красотой.

К началу апреля разнообразные углокрыльницы, павлиний глаз, коричневые траурницы летают уже во множестве. Затем наступает очередь полосатых людорфий – очень похожих на маленьких светло-желтых махаонов. В начале мая можно увидеть суетливых крапивниц, темных чернушек и пестро-каштановых толстоголовок. В разгар мая появляются весенние поколения юрких пестрокрыльниц изменчивых, непоседливых зорьки, небольшие голубянки и самые известные дальневосточные бабочки – зелено-синие хвостоносцы Маака. Они еще невелики – не более шести сантиметров размах их крыльев. Ближе к июню порхающую «диаспору» пополняют червонные многоглазки огненные, черно-белые родственники махаонов ксуты и редчайшая темно-пепельная хвостатая бабочка – альциной.

В июне летающий «хоровод» дополняют густокофейные краеглазки, сетчатые шашечницы, активные бархатницы и первые перламутровки. Обращают на себя внимание парусники Штуббendorфа – скромные и торжественные, спокойно летающие невысоко и небыстро. А в разгар лета на полянах и под пологом леса такое разнообразие бабочек, о котором не рассказать и на многих десятках страниц. Есть бабочки-переливницы, цвет крыльев которых изменяется от лазурного до темно-охристого, в зависимости от того, под каким углом прикасаются к их крыльям солнечные лучи. Есть бабочки белые, белесые, бежевые, коричневые, рубиновые, оранжевые, голубые, бирюзовые, синие, зеленые, пестрые, почти черные. Есть бабочки малоприметные, есть выставляющие себя напоказ, есть прячущиеся под тенью кустарников. Есть бабочки очень задиристые, например пестрокрыльницы, постоянно и зорко следящие, чтобы на их территорию не залетели другие.

Удивительны ночные красавицы: изящный летун бражник винный малый, мохнатая павлиноглазка Баудюваля и разноцветная, броская медведица, серо-коричневая толстотелая брамея дальневосточная и светло-салатная артемида. Эта ночная красавица появляется из укрытий с наступлением полной темноты, ее можно увидеть только в полнолуние или у светящихся фонарей. Но и полная темнота не гарантирует безопасности – эту бабочку ловит иглоногая сова.

Выделяются среди всех очень большие – хвостоносцы Маака летнего поколения. Хвостоносец Маака – самая крупная дневная бабочка России – до четырнадцати сантиметров в размахе крыльев. И расцветка крыльев у них удивительна: знатоки насчитывают более двадцати пяти вариантов – от густо-зеленого до темно-синего цвета. И как они смотрятся, когда собираются сотнями на влажных берегах лесных рек и ключей! Они завораживают. Хочется очень долго любоваться этим блестящим сине-зеленым ковром. Ближайший родственник парусника Маака – махаон. Насыщенно-желтое поле крыльев раскрашено черными полосками и широкими лентами. Летнее поколение несколько бледнее весеннего. Неумолимо летуну нравятся плоские соцветия зонтичных и малиновые цветки колючих татарников.

Разнообразие форм, размеров и окраски бабочек удивительно соответствует сезонным изменениям природы Приморья. Небольшие, летающие неспешно золотистые желтушки и бледно-янтарные лимонницы полностью гармонируют с робкими красками самых первых весенних цветов. Первые майские буро-оранжевые пестрокрыльницы и черно-белые пеструшки очень малы; невелики и первые густо-синие хвостоносцы Маака – величина этих бабочек вполне сопоставима с размерами не крупных весенних растений и нежной зеленым трав. А вот летом, когда среди густых и сочных зеленых зарослей можно видеть броские желтые красодневы, заметные сине-фиолетовые ирисы-касатики, очень большие ярко-красные даурские лилии и высокие лилии тигровые, – повсюду летают длинокрылые черно-белые пеструшки, леопардовые перламутровки, крупные радужные переливницы Шренка и гигантские парусники – хвостоносцы Маака.

А в дни поразительно разноцветной приморской осени можно увидеть настоящие чудеса: под алым, желтым и розовым покрывалом слегка поредевшего леса повсюду мелькают живые искры – красно-ленточные адмиралы, яркие крапивницы, узорчатые репейницы и стойкие желтушки наслаждаются последним теплом. Бабочки Приморья восхищают и радуют буквально до появления первого снега: отдыхающую после ночных полетов медлительную павлиноглазку диану можно увидеть в первые дни ноября.

Давно известно, что одна картина может рассказать больше, чем десять тысяч слов, нам хотелось бы, чтобы вы присмотрелись к фотографиям живых бабочек, иллюстрирующим этот короткий очерк. Смотрите, удивляйтесь и думайте: миллионы лет Природа создавала, совершенствовала и дарила нам дивную красоту. О чем говорят эти крылья? Почему так красивы ночные павлиноглазки диана и артемида? О чем говорят строгие линии на крыльях хвостоносца ксуты? Для чего большие синие «глаза» на маленьких красных крыльях дневной бабочки? Зачем такое разнообразие живых красок? Возможно, бабочки подсказывают всем, у кого не зачерствела душа, что одно из главных предназначений человека на нашей планете – сохранение красоты.

Ветер с Халана

Памяти Геннадия Ангина

*Открой свой дух –
Дух, оставленный предками.
Николай Батунович Киле*

Иван РОСУГБУ

Свой первый поэтический сборник, увидевший свет в 2006 году, ульчский поэт Геннадий Владимирович Ангин назвал «Ветер с Халана». У него действительно был дар слушать ветер и слышать песню ветра и воплощать ее в стихах. Не случайно эпиграфом к этим заметкам стали строки незабвенного Николая Батуновимча Киле, адресованные когда-то своему молодому другу – Геннадию Ангину.

Дух халанского ветра доносит голос предков народа нани. И это заставляет призадуматься: где рождается ветер? В каких мирах путешествует его дух? Какие сокровенные тайны доверяет поэту?

*В этих преданьях нам слышится эхо
Предков далеких – народа чжурчжэнь...*

Поэтическое кредо Геннадия Ангина – точность, лаконичность, ясность – органично связано с эстетическим мировоззрением орнаментального искусства ульчей, оно естественным образом рождается из него. И это не удивительно, потому что Геннадий Ангин был не только прекрасным мастером – резчиком по дереву, но и обладал редким даром орнаментального мышления. Вот почему его поэзия лишена многословия, так же как и в орнаменте ульчей нет мельтешения и мелкой детализации, все ясно, четко, композиционно законченно выражается главная идея. Наиболее яркий пример того, как поэт лаконично и вместе с тем образно сумел выразить богатейшую палитру чувств, ощущений, – небольшой цикл стихов «Любимые цветы». Геннадий Ангин ответственен за каждую строчку, за каждое слово.

*На горном склоне Аури передник
Снегов подтаявших. Среди них
Красавцем первым мест родных
Пушистый выглянул подснежник.*

Сборник стихов «Ветер с Халана» сравнительно небольшой по объему. Но как маленькая капелька росы вмещает в себя и отражает весь окружающий мир, так и творчество Геннадия Ангина охватывает явления от обычных земных цветов до «берегов Вселенной».

*Течет река среди берегов Вселенной,
Над миром юность обретая вновь...*

Его жизненный путь, в общем-то, ничем не отличается от судеб сотен его сверстников. Родился на Амуре, в селе Булава. В 1984 году окончил Благовещенский сельскохозяйственный институт, где и начал упражняться в стихосложении. Все это было еще далеко от настоящей поэзии, и, как говорил сам Геннадий о своих стихах, он «... видел их сырость и слабость». И все же он все время двигался вперед, был в постоянном творческом поиске. Поэзия стала важной частью его жизни. И хотя в литературных кругах имя Ангина оставалось малоизвестным, его поэтический сборник «Ветер с Халана» стал важной вехой в судьбе автора. Это был первый шаг навстречу читателю, причем, сделанный уже зрелым автором, которому есть что сказать о родной дальневосточной земле, с которой был связан до конца своих дней, о своем народе, о себе. И последний шаг... Летом 2012 года Геннадий Владимирович Ангин ушел из жизни. Оставил рукописи стихов и светлую память о себе.

*И я, снежинкой по земле
Кружась, куда-то улетаю.
Осталось прошлое во мгле,
Пушистым снегом обрастая.*

Алексею Вальдю

Вечер лиловый над стойбищем нани¹.
В зимнем халате с узором тайга.
Мудрую повесть далеких преданий
Ведала миру седая Лайга.

В этих преданьях нам слышится эхо
Предков далеких – народа чжурчжэнь:
Век беспокойный, мрачные вехи,
Ночь опустилась на солнечный день.

Ветер носился над стылой землею.
Жизнь здесь, казалось, давно умерла;
Только в насмешку над волею злою
Блюдо готовят на углях – ула².

Беды не сломят народа Сойнгана:
Лодки плывут на просторах Мангму³.
Вьется над волнами ветер с Халана⁴,
Брызги срывая с валов на бегу.

Сказка кончается. Жизнь продолжает
Дальше орнамент вести кружевной,
Словно пакчи⁵ свой ковер вышивает,
Звездною ночью в избушке зимой.
1994

Из цикла «Любимые цветы»

Тигровой лилии таежный огонек,
Реликтом древнего очарования,
Сияет в сумраке, а тонкий стебелек
Несет сей груз достойного признания.
1999

Ромашек белых пестрая поляна
Качается как в вальсе на ветру.
Шмели гудят, отыскивая рьяно
Подругу нежную на танец поутру.
2006

Аури

Самолет набирает уверенно
Над Амуром свою высоту,
Пассажиров неся своих бережно,
Открывая Земли красоту.

Проплывают внизу вереницами
Меж проток и леса, и луга,

¹ Нани – самоназвание ульчей.

² Ула – блюдо из сушеной рыбы (юколы).

³ Мангму – ульчское название реки Амур. В переводе – большая вода.

⁴ Халан – бывшее стойбище на Старом Амуре.

⁵ Пакчи – мастерица (ульчское).

Иван Росугбу. Легенда о Кадо. 1998. Линогравюра

Словно вышит ковер мастерицами,
Словно каждая речка – ирга⁶.

Вот за дальними сопками хмурыми
Показалась моя сторона
И покрытый весь шрамами бурыми
Поседевший утес-старина.

Сколько бед над тобой прокатилось,
Гибло все, уносилось в дыму.
Злая воля вокруг побесилась,
Не оставив ничто никому.

И гляжу на тебя я, любимую,
Где мне каждый изгиб твой знаком;
Только в небо печаль уносимая
Провожает меня за крылом.
1991

⁶ Ирга – в переводе с ульчского «узор».

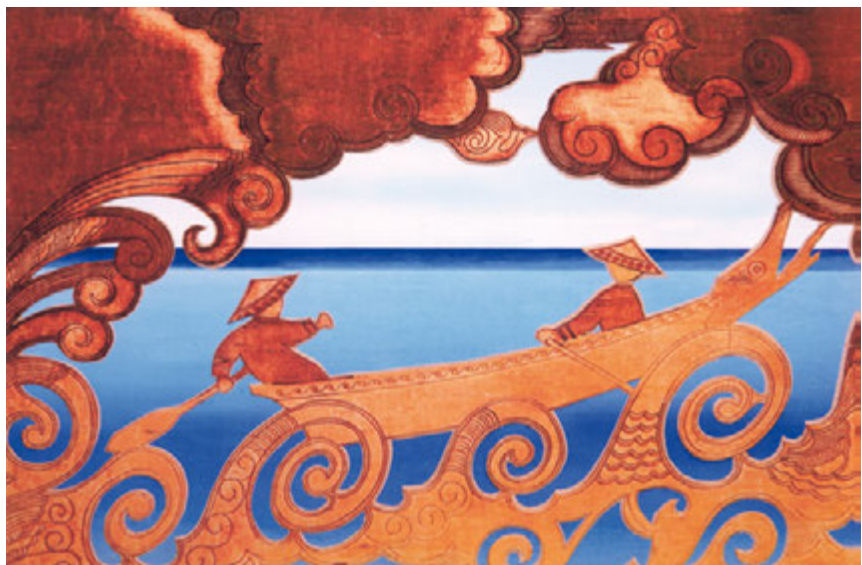
Родина на карте

Владимиру Чубаковичу Бельды

Койма, Дуди, Аури, Булава...
Как же поэтичны имена
Сел в них ударениями плавно
Давние остались времена.

Сколько минуло с тех пор столетий,
Сколько лет пройдет в делах –
Дух станется тысячелетий,
Вечность заключается в словах.

Все уйдет и все проходит мимо,
Кончится давно словесный пир –
В каждой точке, слове-топониме
Мыслью зашифрован целый мир.
2006

Иван Росугбу. Ветер с Халана. 2002. Берестогравфика

Песня глухаря

Из серии «Митькины рассказы»

Дмитрий ЕФРЕМОВ
Рисунки автора

*...И пускай со звонами плачут глухари,
Есть тоска веселая в аlostях зари.*

Сергей Есенин

Когда я проснулся, отец со своим старым другом и заядлым охотником дядей Егором уже вернулись с охоты на утренней зорьке. В сенах висел добытый ими глухарь, еще не застывший, с распущенным хвостом и яркими красными бровями. Я, шестилетний мальчишка, не мог оторвать восхищенного взгляда от его оперенья и то и дело поглаживал руками птичий весенний наряд.

Дядя Егор восседал в кухне на деревянном рундуке и нещадно дымил махоркой. Подметив, как в моих глазах разгорается азарт охотника, не без удовольствия поучал: «Ты знаешь, как токует глухарь? Вот послушай!»

Он достал спичечный коробок, высыпал из него спички и стал ногтями пощелкивать по пустому коробку: «Тук, тук, тук-тук, тук-тук, тк, тк, тк!» Отдельные щелканья перешли в короткую трель, после чего он начал скрести по поверхности коробка, имитируя звучное скрежетание. Чередуя щелканье и скрежетание, он повторил все это несколько раз.

– Вот это и есть песня токующего глухаря. Запомни, когда он щелкает, то ли клювом, то ли горлом, он все прекрасно слышит, а когда скрежещет, ничего не слышит. Можно бежать, трещать сучьями, даже стрелять – он все равно не услышит. Именно в этот момент надо подскакивать к нему.

Дядя Егор, войдя в раж, то скрежетал по коробку, то, соскочив с рундука, смешно прыгал, подбираясь к воображаемому токующему глухарю. Это так поразило мое воображение, что я стал грезить наяву, мечтая попасть на глухариные тока.

Однако это произошло нескоро. На первую глухариную охоту отец взял меня, когда мне исполнилось десять лет. К тому времени я уже имел свое ружье-однстволку и считался настоящим охотником, на счету которого были тетерев, рябчики и даже заяц. Но на охоте с ночевкой в лесу мне быть не доводилось. Так что свою первую ночь в лесу помню до сих пор.

Теплым апрельским вечером мы с отцом, сопровождаемые пением дроздов, отправились в дорогу. Когда пришли на место глухариных токов, а шли мы очень долго и далеко, стало уже совсем темно. Отец быстро соорудил костер, постель из еловых веток, на которую я забрался с большим удовольствием, так как изрядно устал. После кружки горячего чая и

бутерброда с салом мне показалось, что я в сказочном дворце, стены которого сделаны из освещенных пламенем желто-оранжевых сучьев и стволов деревьев. Они то вспыхивали и ярко выступали из темноты, то меркли и прятались в нее.

Мне казалось, что из темноты, которая стояла за освещенным кругом костра, кто-то невидимый наблюдает за мной. Было жутковато. Хотелось поскорее спрятать голову под куртку, крепко зажмурить глаза.

Отец мало разговаривал. Он подбрасывал крупные ветки в костер и лишь изредка, пряча улыбку, поглядывал на меня. Уютно потрескивали дрова в костре. Звук этот убаюкивал, и вскоре я сам не заметил, как крепко заснул.

Часа в три ночи сквозь глубокий сон я услышал: «Митка, вставай, пора...»

Я быстро выбрался из-под плаща, которым батя укутал меня, и огляделся. Костер прогорел, в темноте мерцали только красные угольки, да на небе, прямо над головой, висели яркие большие звезды. В тишине было слышно, как где-то рядом журчал ручеечек. Трепетала от дуновения ветерка отслоившаяся береста. Шуршали листвой и иногда попискивали мыши. Бубукал заяц. Мне казалось, что я слышу, как совсем близко, задевая копытами корни, прошли лоси. Беспрерывно вивикала то ли совка, то ли выпь.

Мы залили угольки оставшимся чаем и пошли вдоль небольшой просеки. Глаза быстро привыкли к темноте, и мы легко угадывали и обходили деревья и валежины, уклоняясь от веток. Четко просматривались большие лужи, языки талого снега.

Чем ближе мы подходили к токовищу, тем чаще отец останавливался и напряженно прислушивался. Вдруг он хлопнул меня по плечу и взволнованно воскликнул: «Слышишь?!» Я замер, напрягся до звона в ушах, но ничего не услышал. Отец засуетился: «Слышишь, токует? Давай подойдем поближе. Только тихо!»

Стараясь ступать так, чтобы не треснула ветка или сухой сучок под ногами, мы двинулись в сторону токующего глухаря, останавливаясь и прислушиваясь. При этом отец все время спрашивал меня шепотом: «Слышишь?» «Нет, не слышу», – обреченно отвечал я.

Небо на горизонте начало сереть. Где-то, хоркая и цвикая, пролетел вальдшнеп. Пискнула заряночка. Я отчетливо слышал множество звуков вокруг себя, кроме главного – той самой песни глухаря, о которой мне рассказывал дядя Егор.

Вероятно, токующий глухарь был уже близко, и отец начал нервничать из-за моей бестолковости. Наконец он не выдержал и, велев мне стоять на месте, поккакал к глухарю, подлаживаясь под ритмику его песни. Он ловко петлял между деревьями, перепрыгивал через кусты и скоро исчез, растворившись в сумерках. Некоторое время еще был слышен шум его прыжков.

Вот в этот самый момент, когда я увидел ритмичные прыжки отца, чередующиеся с краткими остановками и замиранием, я отчетливо услышал и отдельные пощелкивания глухаря, его речитатив и скрежет в конце трели. Более того, утренний лес оказался до краев наполнен этими звуками, которые сливались в единый призыв, страстный, волнующий.

В моей голове все сразу стало на место. Я поккакал вслед за отцом, подражая ему и делая все, как меня учили. Проскакав под звуки глухариного скрежетания полсотни метров, я полностью освоился и начал высматривать токующего петуха в кронах деревьев, которые уже достаточно четко про-

рисовывались на фоне бледно-розовой полоски рассвета. Звуки глухариной песни в предутренней тишине раздавались так громко, что казалось, он токует у меня прямо над головой. Однако я никак не мог его рассмотреть.

Вдруг я увидел отца. Он стоял под деревом и целился из ружья вверх, но не стрелял. Заметив меня, сделал знак, чтобы я приблизился, и, не опуская ружья, показал рукой, где сидит глухарь. Оказывается, он специально ждал меня, чтобы дать мне возможность выстрелить самому, но для страховки держа птицу на прицеле.

Глухарь сидел на открытом суку в середине кроны раскидистой сосны. Хорошо было видно, как, распушив веером хвост и высоко вскинув голову на длинной шее, он самозабвенно щелкал, захлебываясь звонким скрежещущим шепотом.

Когда я поднимал ружье, руки мои от волнения так дрожали и ходили ходуном, что я никак не мог прицелиться. Но здесь сказала охотничья сноровка, приобретенная мной. После выстрела глухарь замер и начал медленно падать. Когда я подбежал, увидел, что он лежит на мху среди множества талых лужиц, в каждой из которых отражался розовый рассвет, и крылья его еще трепетали, отчего в лужицах рябилась вода.

Петух был очень большой и тяжелый, но я всю обратную дорогу до дома нес его сам.

Прошло десять лет. Я был уже студентом, учился в Москве, но по-прежнему стремился использовать любую возможность, чтобы попасть на охоту.

В эту весну, как всегда под вечер в субботу, приехал домой и стал собираться на глухариный ток. Отец, который по своему возрасту теперь редко выбирался в лес, с завистью наблюдал за мной. Когда я натягивал сапоги, он неожиданно попросил: «Мить, возьми меня с собой...»

Через некоторое время мы шагали на привокзальную площадь, откуда шел автобус до глухой деревушки Скребухово. Здесь, километрах в десяти от нее, в глубине лесно-

го массива, на болотах, я однажды обнаружил хорошее токовище. Очень берег его и никому не показывал. Туда мы и направились с отцом, после того как автобус вытолкнул нас на обочину проселочной дороги.

Наступал вечер. Мы долго шли просекой, чавкая сапогами по талой земле и лужам, сопровождаемые гомом птиц, пока не стемнело. Я вспоминал нашу первую охоту и думал: как странно, все поменялось местами, тогда я шел с папой, а теперь отец идет со мной. Сознание этого наполняло меня особой нежностью. Я очень любил своего отца.

На место мы пришли в темноте. Теперь уже я соорудил небольшой костер, постель из еловых веток, вскипятил чай и приготовил нехитрую еду. Отец сразу прилег. Он заметно устал от перехода, поэтому, выпив чаю и перекусив, заснул. Я же еще долго поддерживал огонь, прислушиваясь к звукам в ночи, привычным, но волнующим, словно в первый раз. Правда, никто уже не смотрел на меня из темноты, как когда-то. Все было ясно и объяснимо. Ибо опытный человек, умеющий читать книгу леса, легко умеет различать естественные звуки, наполняющие лес. Звуки эти разложены в его памяти по полочкам, и этот порядок разнообразных и привычных шумов и трелей означает тишину и спокойствие. Однако стоит в этом хоре даже едва слышно прозвучать непривычному звуку, как сразу появляется тревога и настороженность, в воздухе повисает вопрос: что это?

Незаметно я задремал. Когда очнулся, почувствовал: пора. Я разбудил отца, и мы быстро двинулись в сторону токовища. Кругом было сумрачно, как всегда бывает перед рассветом. Пройдя совсем немного, я скорее почувствовал, чем услышал, как впереди, метрах в трехстах, примерно там, где я и ожидал, токует глухарь. «Слышишь, пап, токует!» – тихо воскликнул я. «Нет, не слышу. Пойдем дальше».

Отец явно не верил мне. Мы прошли еще немного. Прислушались. Пощелкивание и скрежетание раздавалось уже достаточно отчетливо, в предрассветной тишине оно воспринималось как страстный призыв. «Слышишь?» – повторил я свой вопрос. «Нет, не слышу, тебе кажется, пойдем дальше».

Я понял, что он действительно не слышит, но не хочет в этом признаться. Мы пошли дальше, уже в такт достаточно хорошо слышимой песне глухаря. Чтобы не спугнуть его, я моментально останавливался, как только начиналось первое колено песни. Останавливался и отец, но на мой вопрос, слышит ли он, отвечал отрицательно. Делать было нечего. До токующего глухаря оставалось метров сто. Дальше надо было строго следовать песне.

Жестами я предложил отцу оставаться на месте, а сам поскакал к токующему петуху. Глухарь токовал на вершине ели. На фоне рассветного неба хорошо была видна его дергающаяся в такт песне голова. Я прицелился, но не стал стрелять, так как услышал шум приближающихся прыжков отца. Я понял, что он все-таки расслышал глухариную песню, и очень грамотно, имея большой опыт, начал подходить к нему. Мне оставалось только подождать его, не спуская глаз с глухаря.

Наконец отец показался с другой стороны ели, возбужденный, помолодевший, легко перепрыгивающий через валежины и завалы. С ходу вскинул ружье и выстрелил.

Он явно поспешил и, вероятно, не очень рассмотрел птицу в густых ветвях. Глухарь взмахнул крыльями и взлетел, но я был готов к этому и успел нажать курок. Мой выстрел практически слился с выстрелом отца. Глухарь камнем рухнул на землю. Отец, уверенный в единстве своего выстрела, бросился к распростертой птице.

Разгоралась заря, в кустах возились и гомонили дрозды, где-то бормотал тетерев... А перед нами лежал красавец глухарь. Отец не отрывал от него взгляда, и мне показалось, что в его глазах блестят слезинки. Только сейчас, находясь в его возрасте, я понял, что он тогда чувствовал.

Выбрав сухой бугорок, мы с отцом, заново переживая случившееся, присели и, достав заранее приготовленную флягу, выпили по маленькой стопочке.

А через год папы не стало.

Лет через двадцать, в одну из весен мне посчастливилось вновь побывать в тех местах. К моему удивлению, глухариный ток сохранился. Наверное, этому способствовали болота, окружавшие это место.

Когда я услышал песню токующего глухаря, подошел к нему совсем близко. Стоял прямо под деревом, без ружья, и слушал, поражаясь беспечности и силе страсти, которая исторгала из глухариного горла звуки, похожие на песню.

Все в природе повторяется, подумал я.

Возвращение памяти

Елена ГЛЕБОВА

Страницы ГУЛАГа

«Хотелось бы всех поименно назвать...».

Книга-мартиролог в 6 томах. [Хабаровск, 1997, 1998, 2000, 2001, 2002, 2004].

В шести томах книги-мартиролога почти 33 тысячи имен. В алфавитном порядке, от А до Я, размещены справки на репрессированных. Схема общая: фамилия, имя, отчество, год рождения, место рождения, национальность, гражданство, место работы, место жительства, дата ареста, кем арестован, обвинение, осуждающий орган, приговор, дата реабилитации, реабилитирующий орган, основание реабилитации, номер дела. В шестом томе мартиролога опубликованы посемейные списки жителей Хабаровского края и Еврейской автономной области, подвергшихся административным репрессиям в 1930–50-е годы, по которым

непосредственно выносились решения о раскулачивании, направлении на спецпоселение или выселении.

Все тома сопровождаются подробным справочным аппаратом. Документы нового времени: закон РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» и соответствующие приказы; Указ Президента Российской Федерации «О снятии ограничительных грифов с законодательных и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий и посягательств на права человека». Документы из прошлого, раскрывающие страницы нашей истории: «Инструкция всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, Суда и Прокуратуры», подписанная в 1933 году Молотовым и Сталиным; «Инструкция по учету спецпоселенцев», утвержденная в 1944 году заместителем Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР комиссаром госбезопасности 2-го ранга Чернышовым; постановление 1938 года «О выдаче паспортов детям спецпереселенцев и ссыльных». На страницах книги-мартиролога публикации о Дальлаге как составляющей карательной системы советского государства на Дальнем Востоке, о вкладе заключенных Дальлага и спецпоселенцев в победу над фашистской Германией. Здесь же списки исправительно-трудовых лагерей на территории Дальнего Востока с указанием их дислокации, основной деятельности и численности заключенных на начало и на период закрытия, карта основных мест спецпоселений, подробная схема Дальлага НКВД СССР.

Издание шеститомника «Хотелось бы всех поименно назвать» стало возможным благодаря поддержке Правительства Хабаровского края, а также труду исследователей, историков, журналистов, по крупицам собиравших бесценную информацию, чтобы восстановить доброе имя каждого пострадавшего, восстановить подлинную картину этого исторического отрезка и осознать масштабы репрессий.

Последние страницы 6-го тома посвящены памяти Валентина Дмитриевича Куликова, с именем которого неразрывна история краевого общественного движения «Мемориал». Куликов руководил им с момента основания и до последних дней жизни. Пережив ГУЛАГ, он прилагал все силы для восстановления исторической правды и справедливости. Все тома книги-мартиролога прошли через сердце Валентина Дмитриевича, выход в свет шестого состоялся уже без него.

Толоконцева О.А., Роньжина Л.Д.

Прекрасного след: Художники Магаданской области: [Альбом-справочник]. – Москва: Пранат, 2002. – 256 с.: ил., фот.

Иллюстрированный альбом, подготовленный Магаданской областной универсальной научной библиотекой им. А.С. Пушкина и Магаданской областной организацией Всероссийской творческой организации «Союз художников России», стал первым крупным изданием о творчестве живописцев, графиков, театральных художников, скульпторов и искусствоведов, в разные годы работавших в колымском крае – с конца 1930-х и по настоящее время. Среди названных художников немало тех, кто был репрессирован и сослан на Колыму и Чукотку. Это бесценная информация, потому что гулаговские страницы истории магаданского искусства все еще остаются малоизученными, а многие из них за давностью времени и вовсе оказались стертыми. Причин много: закрытые спецархивы, отсутствие на художественных произведениях тех лет подписей их авторов, находящихся в заключении, да и просто короткая наша память.

Многие из репрессированных художников-«сидельцев», заметно обогатив культурную жизнь «золотой Колымы», по-

кинули ее в 1950–60-е годы, кто-то вскоре ушел из жизни. Авторы альбома «Прекрасного след» проделали поистине колоссальную работу, чтобы поднять из небытия их судьбы. Поиски продолжались почти десять лет.

В ряду художников, отбывавших наказание в сталинских лагерях, встречаются имена практически неизвестные: живописцы Айзик Галис (1888–1943), Николай Гетман (р. 1917), графики Иван Гриценко (1906–1976), Алексей Мереков (р. 1914), архитектор Геннадий Данилов (р. 1909), скульпторы Алексей Карпенко (1902–1961) и Михаил Ракитин (1915–1964), писательница и скульптор Зинаида Лихачева (1907–1994), живописец и театральный художник Иван Пархоменко (р. 1916), бутафор и художник Сергей Рейхенберг (1914–1986). Имена других, напротив, значимы для общероссийской культуры. Среди них, например, график Валентин Антощенко-Оленев (1900–1984), откомандированный в 1936 году из лагеря в Магадан. В тот момент здесь организовали издательство «Советская Колыма», и срочно потребовались профессиональные книжные графики. С 1948 по 1953 год, уже освободившись, он работал художником Магаданского музыкально-драматического театра имени М. Горького, а после реабилитации в 1957 году вернулся в Алма-Ату. Работы Антощенко-Оленева хранятся в Государственном музее искусств народов Востока и Государственном музее искусств Казахстана.

С магаданским театром связана судьба сценографа, живописца и графика Василия Шухаева (1887–1973). Получив освобождение, в 1947 году уехал в Грузию, где работал в должности профессора кафедры рисунка в Академии художеств Грузинской ССР, оформлял спектакли, занимался станковой живописью. Работы В.И. Шухаева входят в коллекции Государственного Русского музея, Государственной Третьяковской галереи, Государственного музея А.С. Пушкина, хранятся в театральных музеях Москвы и Санкт-Петербурга. Его жена Вера Шухаева (1896–1979), художник по тканям, не избежала участи многих: ее обвинили в шпионаже и отправили на Колыму. Сначала Вера Федоровна была на общих работах, потом ее перевели в Магадан, где пригодились ее профессиональные качества. Она разрабатывала модели одежды, дизайн аксессуаров, делала эскизы декораций и костюмов, бутафорию к спектаклям агитбригады Маглага.

Спектакли для магаданского театра оформлял заключенный Эрик Валентинов (Миллер) (р. 1904), позднее заслуженный художник РСФСР и заслуженный деятель искусств Чечено-Ингушской АССР. Из Магадана Эрик Эдуардович уехал в 1955-м, работал главным художником Театра русской драмы имени М. Лермонтова в Грозном. В эти же годы столицу Колымы покинул другой театральный художник – Леонид Вегенер. Сотрудничая с различными российскими театрами, Леонид Винфридович создал сценографии к спектаклям бывшего колымского заключенного, известного режиссера Леонида Варпаховского, которые он ставил на сцене Малого театра, театра имени Моссовета и др.

Все они, художники-зэка – маститые и не очень, а нередко и самоучки, находясь в ГУЛАГовской системе, были вынуждены жить и творить по жестко определенным правилам. Так рождалось коллективное монументальное полотно «Сталинский караван», писались многочисленные портреты вождя. И какой бы политической окраской ни обладали эти произведения, они были сделаны профессионально. Одновременно с заказными работами на свет появлялись колымские пейзажи, городские за-

рисовки, портреты людей. Жаль, что многое утрачено, но то, что дошло до нас, помогает увидеть Колыму глазами «сидельцев».

Эпиграфом к альбому о колымских художниках авторы сделали строки Фета: «Только художник на всем чует прекрасного след». Возможно, именно эта способность чувствовать земную красоту и помогла им выживать.

Сутурин А. Дело краевого масштаба. – Хабаровск: Кн. изд-во, 1991. – 304 с.

Книга хабаровского журналиста Александра Сутурина стала одним из самых первых изданий перестроечной поры о времени сталинского террора и конкретно – о судьбах репрессированных в 1930-е годы приамурцев. «Дело краевого масштаба» основано на архивных документах и воспоминаниях современников. Это рассказ о том, как работал карательный механизм на Дальнем Востоке, как фабриковались громкие политические процессы, проходили массовые аресты и расстрелы. Не случайно Александр Сутурин сделал к названию книги подзаголовок: о жертвах сталинского беззакония на Дальнем Востоке.

В газете «Тихоокеанская звезда» за 4 ноября 1938 года опубликована небольшая заметка, в которой сообщалось о решении выездной сессии Военной коллегии Верховного суда ССР в городе Хабаровске приговорить к высшей мере уголовного наказания участников антисоветской шпионско-диверсионной организации троцкистов и правых. Среди них оказались председатель Дальневосточного крайисполкома М.Г. Крутов, его заместитель Е.В. Лебедев, а также исполняющий обязанности председателя М.П. Вольский. В списке также прокурор Дальневосточного края М.Я. Чернин, заведующий отделом здравоохранения Дальневосточного крайисполкома М.Д. Шрайбер, председатель Хабаровского облисполкома Л.И. Лямин и даже редактор газеты «Тихоокеанская звезда» А.В. Швер. Всего 17 человек. В то время как читатели получили свежую газету с сенсационной информацией, приговор уже принесли в исполнение.

И это было только начало. Колесо раскручивалось, число «врагов» увеличивалось, а главное, складывалось ощущение, что людей охватил психоз. Александр Сутурин приводит воспоминания коммуниста М.Г. Штейна: «В номере за 30 марта 1937 года газета «Тихоокеанская звезда» начала публиковать отчет с собрания Хабаровской городской партийной организации, посвященного материалам пленума. На нем присутствовало 1 000 человек, в прениях выступили 40 коммунистов из 99 записавшихся. Знакомился с выступлением и приходил в ужас: люди словно соревновались между собой в разоблачении товарищей по партии».

Александр Сутурин, следуя за историческими фактами, нарисовал подлинную картину того, как физически истреблялись лучшие дальневосточники, каким гонениям и унижениям подвергались члены их семей. В книге много фотографий, но поскольку сделаны они еще до страшных событий, лица на

портретах очень спокойные. А вот подписи к снимкам вызывают озноб: расстрелян (вариант – расстреляна), забит на допросах, не вернулся домой из сталинских лагерей...

Высокопоставленные партийные деятели, служащие среднего ранга, музыканты, литераторы, журналисты, рабочие, хлеборобы, рыбаки – они объявлялись врагами, шпионами, вредителями. Формулировка зависела от того, как фабриковалось уголовное дело, какими «материалами» располагало следствие и насколько усердно потрудились палачи. Причем сами они в одночасье могли стать жертвами, замыкая адский круг.

В предисловии Александр Сутурин написал: «Боль и заботы безвинно пострадавших стали моими собственными. Каждая строка этой необычной книги пропущена через сердце. Не скрою: не везде я встречал понимание своей работы, нередко слышал оскорбления и угрозы. Но ничто меня не смогло остановить и не остановит до тех пор, пока не будет сказана полная правда о всех безвинно убитенных земляках».

Александр Степанович шел до конца. Рассказывая о жертвах тоталитаризма, он не стал обходить молчанием такой «неудобный» момент, как доносчики и палачи. Журналист работал открыто, многие знали о его будущей книге. Среди них были лица, явно не заинтересованные, и они оказывали самое жесткое сопротивление. Тем не менее автор книгу завершил, но сердце его не выдержало. Тираж вышел в свет уже после смерти Александра Степановича Сутурина.

Кузьмина Марина. Комсомольск-на-Амуре: легенды, мифы и реальность. – Комсомольск-на-Амуре, 2002.

Книга Марины Александровны Кузьминой – председателя Комсомольского-на-Амуре отделения Российского общества «Мемориал», действительного члена Приамурского географического общества стала очередным изданием в серии «Дальний Восток: великие стройки сталинских пятилеток». К этому времени уже вышли в свет книги «Строительство №

15: нефтепровод» о том, как во время Великой Отечественной войны силами заключенных Нижне-Амурского лагеря сооружалась первая очередь нефтепровода Комсомольск-на-Амуре – Оха-на-Сахалине, «Я помню тот Ванинский порт...» о лагерной системе в бухте Ванано и др.

М.А. Кузьмина поставила перед собой конкретную задачу – опираясь на документы и воспоминания очевидцев, назвать имена всех, кто участвовал в строитель-

стве города юности, и восстановить историческую правду. Тем самым развенчать миф, который, по словам автора, к юбилейным датам Комсомольска-на-Амуре и в промежутках между ними многотысячными тиражами внедрялся в сознание людей. А суть его в том, что первый социалистический город в стране, названный пафосно городом комсомольской славы, был построен на бере-

гу Амура исключительно комсомольцами-добровольцами. Однако 1990-е годы в корне изменили ситуацию. Возникло историко-просветительское общество «Мемориал», взявшееся за восстановление справедливости по отношению к жертвам политических репрессий. Теперь стало возможным сказать открыто: город комсомольской славы был центром лагерной системы Хабаровского края.

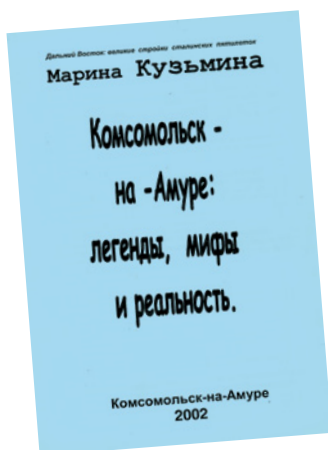
Да, город юности строился разными категориями людей. Кого-то сюда забросил жестокий рок, кто-то, проникнувшись романтикой большихстроек, приехал по оргнабору. Стахановское движение, трудовые вахты, традиции и преемственность поколений – все это не сбрасывается со счетов. Но автора книги интересуют, прежде всего, человеческие отношения, которые двигали или, наоборот, тормозили производство. То, как влияла на взаимоотношения между людьми репрессивная система, создавшая в итоге атмосферу общей подозрительности и страха. Ведь в городе юности территория вольных людей тесно соседствовала с лагерными зонами.

«Лично я подвергаю сомнению написанную до меня историю Комсомольска-на-Амуре совершенно осознанно, – подчеркивает М.А. Кузьмина. И продолжает: – Вчитываясь в документы 30–50-х годов двадцатого века, я нахожу многочисленные доказательства того, что Комсомольск-на-Амуре – детище тех процессов, что происходили в общественной жизни страны, когда социалистическая действительность тесно соприкасалась с лагерным режимом». Этот вывод автор подкрепляет неопровержимыми историческими фактами и документами, воспоминаниями строителей города, которые находились как по одну, так и по другую сторону колючей проволоки.

Вот, к примеру, воспоминания первоостороителя Комсомольска-на-Амуре Романченко: «Кирпичный завод на шестом участке полностью возвели люди из-за колючей проволоки. Работа была каторжная. Люди по пояс в воде рыли канавы вокруг глиняного карьера и четырехметровый канал для стока вод в Хорпинское озеро. Не менее тысячи человек возводили кирзавод, не меньше работало на строительстве пивзавода, до двух с половиной тысяч заключенных работали на стройке № 130. Даже большие привозили на подводах – шла какая-то непонятная борьба за увеличение выходов заключенных на работу».

Судьбы самых разных людей перемешались в этом страшном котле. М.А. Кузьмина пишет о служащих в «крепостном театре» режиссерах, актерах, художниках и о том, что именно с них и началась театральная летопись Комсомольска-на-Амуре. О заключенном Эдди Рознере – знаменитом трубаче, джазовом музыканте, чей путь на Колыму проходил через Хабаровск и Комсомольск-на-Амуре. В книге речь идет о людях известных и самых обычных, каждая история потрясает своей трагичностью, подтверждая очевидную вещь: в эпоху тотального террора карающий меч мог опуститься на каждого.

Как подтверждение рассказ о судьбе российского немца Гергарда Иогановича Дика, прибывшего в город юности по оргнабору в 1933 году и работавшего здесь школьным учителем. В Комсомольске-на-Амуре познакомился с будущей женой – Тамсией Филипповной Аргуновой, тоже учительницей. В 1936-м у них родился сын Эрник. Когда начались массовые репрессии, Г.И. Дик был арестован и обвинен в том, что «являлся участником шпионско-диверсионной фашистской организации, существовавшей на заводе 126, и по заданию последней проводил

шпионско-диверсионную работу против Советского Союза в пользу Германии». С 1938 по 1940 год Гергард Иоганович находился в комсомольской тюрьме, потом прошел через пересыльные тюрьмы Хабаровска и Владивостока, оттуда пароходом в Магадан – в Северовостоклаг.

Он написал два письма своим родным на носовых платках, и каким-то чудом они были доставлены по адресу. Теперь письма хранятся в городском краеведческом музее и в музее общеобразовательной школы № 7. Их нелегко читать. Гергард Иоганович пишет об ужасных пытках, о том, что лучше уж подписать «ложное гнусное обвинение в шпионаже, диверсии и получить расстрел, чем далее терпеть это нечеловеческое издевательство». «Дело дошло до того, что я без памяти валялся на полу и, приходя в себя, просил этих кровопийц, чтобы меня застрелили, но мне с издевательским смехом ответили: умирать не будешь, но и жить больше не дадим».

По меркам того времени Г.И. Дик получил небольшой срок – всего три года ИТЛ. Его освободили в декабре 1941-го, но он не мог покинуть Колыму, поскольку навигация открывалась только в апреле-мае. До нее он не дожил. В 1957 году реабилитирован за отсутствием состава преступления. Посмертно.

Марина Александровна Кузьмина, развенчивая легенды и мифы Комсомольска-на-Амуре, избегает каких-либо эмоциональных отступлений. Она цитирует документы и письма, приводит краткие биографические справки, дает лаконичные комментарии. Так складывается образ «города комсомольской славы» сталинских времен. Абсолютно реальный.

Шишкина А.В. Ванинская пересылка. – Советская Гавань, 2005.

Жительница поселка Ванино, учительница истории, увлеченный краевед и на общественных началах директор краеведческого музея Альвина Вениаминовна Шишкина не думала писать эту книгу. Просто однажды кто-то из посетителей музея высказался довольно бесцеремонно о том, что серость увековечивается, а правдивой информации нет. С

этого момента Альвина Вениаминовна начала свои многолетние поиски материалов о Ванинской пересылке, которую неизвестный автор запечатлел в лагерной песне «Я помню тот Ванинский порт...». Она обошла множество людей – сегодняшних жителей поселка Ванино, а в ту пору заключенных и тех, кто служил в охране. Автор задалась целью узнать, какое количество арестантов прошло через Ванинскую пересылку, сколько здесь было зон и какие порядки там царили.

Для того чтобы составить план расположения зон в районе поселка Ванино, А.В. Шишкина разработала собственную систему сбора информации. Она спрашивала, в какой зоне сидел человек, где она находилась, и вносила в план. Постепенно на схеме стали появляться не только зоны Ванинской пересылки, но и производственные, рабочие объекты того времени. Так была выполнена первая задача. Ав-

тор установил, что в общей сложности на территории Ванинской пересылки располагалось 18 простреливаемых зон. С открытием навигации пересылка пополнялась людьми, с мая по сентябрь ежедневно сюда приходило по дватри этапа. Заключенных выгружали на станции Малое Ванино и под охраной вели на «Куликово поле» – так в народе называлось место под открытым небом, обнесенное колючей проволокой. После проверки документов людей вели в санпропускник, а потом распределяли по зонам.

«Вторую задачу я тоже решила, – пишет автор. – Узнавала, кем работал человек в зоне или какой пост занимал будучи на свободе. Цифры прошедших через пересылку разнятся в зависимости от занимаемого поста. Но вот командир дивизиона, прибывшего в Ванино, М.Е. Безносиков назвал такую: «На Магадан должны были отправить 120 тысяч человек да оттуда принять 80 тысяч». Ему видней, он знал цифры. В.И. Чернис, работавший в производственной зоне пекарем, сказал, что «выпекали хлеба на 170 тысяч». У А. Жигулина, автора книги «Черные камни», названа цифра 200 тысяч человек».

Начиная повествование с истории бухты Ванино, описанной еще Н.К. Бошняком во второй половине XIX века и названной в честь военного топографа Иокима Клементьевича Ванина, с неспешно протекающей на ее берегу жизнью (здесь находилась небольшая лесопилка и двести рыбацкие тони), А.В. Шишкина подробно рассказывает о возникновении уже в советское время поселка Ванино. Потому что об этом отрезке времени известно совсем немного. А история поселка связана, прежде всего, со строительством железной дороги Комсомольск-на-Амуре – Советская Гавань. В октябре 1943 года в бухте Ванино открыли порты-пункты Датта и Ванино, последний спустя два года перевели в ведение Дальстроя, а позднее Министерства Морского флота.

Работая над книгой, Альвина Вениаминовна разыскивала тех, кто прошел через Ванинскую пересылку. Среди них оказались люди достаточно известные. Писатель Валерий Янковский в своем первом письме сообщал: «Ванинский лагерь, как и все лагеря, нашей семье очень «близкий». Дело в том, что и я, и моя жена Ирина Казимировна, прошли через это пекло в 1947–1949 годах, когда нас везли через острог: ее на Колыму, меня через Находку на Чукотку». Строчки о поселке Ванино есть и в книге Янковского «Побег»: «Через эту знаменитую бухту прошли тысячи тысяч! Станный городок на холме на берегу Татарского пролива, обнесенный высоким деревянным частоколом, наподобие старинного острога. Только, разумеется, с колючей проволокой поверх частокола».

«Ванинская пересылка» построена на многочисленных фрагментах воспоминаний бывших ээка, вольнонаемных, жителей Ванино. Записывая их, Альвина Вениаминовна сохранила авторскую лексику, и эти тексты, стилистически не очень гладкие, иногда по эмоциональной окраске жесткие, еще больше усиливают впечатление от книги, над которой автор работала честно и бескорыстно. В послесловии к «Ванинской пересылке» А.В. Шишкина объясняет, для чего она прошла весь этот нелегкий путь, подвергаясь агрессии со стороны тех, кто не желал ворошить прошлое.

«Поставлена последняя точка, и я обращаюсь к тем читателям, кто хочет знать и хорошие, и плохие стороны нашей истории. Не будьте равнодушными. Мы ходим по земле, где до нас ходили, любили, страдали, боролись те, кто невинно пострадал, кто стал жертвой сталинского времени».

Дальний Восток Яна Гамарника

Дубинина Н.И. Дальний Восток Яна Гамарника. Документально-историческое повествование. – Хабаровск: КГУП «Хабаровская краевая типография», 2011. – 432 с.

В Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре и Владивостоке есть улицы Гамарника. Но спроси любого прохожего, кто это, и ответ вряд ли будет исчерпывающим. Так случилось, что имя этого человека, сознательно вымаранное в 1937-м, со временем практически стерлось и в нашей общей памяти. Между тем вклад Яна Борисовича Гамарника в развитие Дальневосточного региона, в его военно-оборонную устойчивость в 1920–30-е годы значителен. С его именем связано появление актуального и поныне девиза, приобретшего сегодня по понятным причинам несколько иную форму: «Дальневосточный край – аванпост СССР на Тихоокеанском побережье».

Книга «Дальний Восток Яна Гамарника» доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Нины Ивановны Дубининой впервые в историческом контексте 1920–30-х годов на основе многоплановой источниковой базы раскрывает знаковую для восточной окраины России личность Гамарника, чья роль в истории Дальнего Востока, по убеждению автора, оказалась в должной мере не оцененной.

До первой половины 1950-х имя Гамарника находилось под строжайшим партийным запретом, после его реабилитации информационный канал открылся. Стали появляться воспоминания и статьи, была написана кандидатская диссертация, посвященная военно-политической деятельности Яна Борисовича. Однако во всех этих публикациях о дальневосточном отрезке жизни Гамарника говорилось лишь вскользь, и книга Н.И. Дубининой восполнила этот пробел. Раскрывая неизвестные и уточняя малоизвестные факты, события, имена, автор тем самым вписывает новые страницы в межвоенную историю Дальнего Востока и советского государства. Несмотря на то, что хронологический формат этого документально-исторического повествования ограничен всего пятнадцатью годами (1922–1937) и конкретной географической территорией (Дальний Восток СССР), его содержание выходит за региональные пределы и затрагивает все еще недостаточно исследованные, дискуссионные вопросы отечественной историографии, в том числе политические репрессии военачальников 1930-х годов.

Работа над книгой о Яне Гамарнике заняла несколько лет. В ее основе документы и материалы, извлеченные исследователем из фондов Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива РФ, Российского государственного военного архива и др. Многие аспекты деятельности Гамарника как партийно-политического руководителя Дальневосточного края и начальника политического управления Рабоче-крестьянской Красной армии стало возможным раскрыть благодаря вышедшим в последние 10–15 лет фундаментальным сборникам документов из Архива Президента

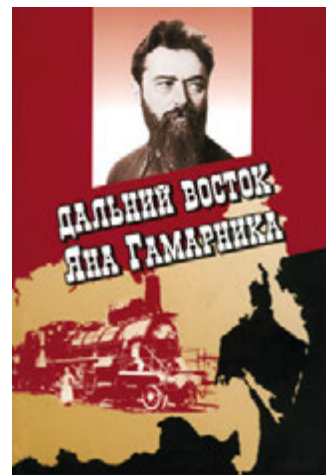
РФ, Российского государственного военного архива и других, которые прежде исследователям были недоступны. Кроме того, автором книги в научный оборот введены доклады, статьи, записки Я.Б. Гамарника, посвященные экономическим и военно-политическим проблемам. Эти документы, даже несмотря на идеологические стереотипы того времени, представляют яркую личность Яна Борисовича, стиль его работы, умение нестандартно мыслить.

Один из примеров. В 1920-е годы существовал острый дефицит объективной информации о численности, этнических особенностях и традиционном укладе жизни коренного населения Дальневосточной области (в то время сюда входили северо-восток, Приамурье и Приморье). А перед председателем Дальревкома Гамарником, возглавившим также Комитет содействия народам северных окраин, стоит конкретная задача: привлечь туземцев к строительству новой жизни. И тогда Ян Борисович выступает с инициативой созвать съезд представителей коренных народов Дальнего Востока и получает одобрение верховной власти, оценившей это предложение как разумное и целесообразное. Туземный съезд проходил в Хабаровске с 15 по 23 июня 1925 года, объединив делегатов от орочей, нивхов, негидальцев, ульчей, тунгусов, нанайцев и якутов. На открытии съезда Я.Б. Гамарник особо подчеркнул, что теперь «туземцы сами будут решать вопросы своей жизни».

«Под звуки оркестра Гамарник вручил делегатам ружья-берданки с коробками патронов и портреты В.И. Ленина. «Мы вручаем туземцам берданки, – говорил он, – для добывания средств пропитания, а также для борьбы против тех, кто посягает на завоевания нашей революции». [...] Многие делегаты свободно общались с Яном Борисовичем на товарищеском ужине, устроенном в саду на веранде. Они с удовольствием откликнулись на приглашение сфотографироваться вместе с Гамарником и другими руководителями области. Самую большую делегацию, состоявшую из гольдов (нанайцев) Хабаровского района, председатель Дальревкома принял в своем кабинете».

Это был первый туземный съезд в молодом советском государстве, да и во всем мире первый. Разработанные его участниками документы, по сути, стали масштабной программой действий советской власти среди северных народов.

Другой, не менее значимой инициативой Гамарника стала научная конференция, посвященная развитию производительных сил Дальнего Востока – тоже первая в истории нашего региона. Ее главной целью была выработка кон-

кретных рекомендаций для организации в крае исследовательской работы, объединения научных сил, чтобы наиболее полно определить перспективы развития советского Дальнего Востока. Этот штрих из общей картины многоплановой деятельности Гамарника высвечивает важное качество Яна Борисовича – уважать и ценить людей, привлекать лучших к решению той или иной задачи. Не случайно возглавить оргбюро по созыву конференции поручили В.К. Арсеньеву – одному из самых крупных и авторитетных на тот момент исследователей Дальнего Востока.

Н.И. Дубинина – автор серии исторических изданий о генерал-губернаторах Приамурского края. В разные годы в свет вышли книги о Н.Л. Гондатти (1997), Н.И. Гродекове (2001), П.Ф. Унтербергерере (2008). Личность Я.Б. Гамарника в ряду «начальников Дальнего Востока» вполне логична. И автор это конкретно обосновывает: «Несмотря на разные политические режимы и социально-экономические основы, существовавшие в стране в начале XX в. и после революции 1917 года, в управленческой деятельности председателя крайисполкома Дальневосточного края Я.Б. Гамарника и генерал-губернатора Приамурского края Л.Н. Гондатти можно обнаружить немало сходного. Так, они считали дальневосточную окраину ценной территорией России, придающей ей характер тихоокеанской державы, перспективным краем, богатым природными и минеральными ресурсами. Оба руководителя заявляли о заинтересованности в ускорении социально-экономического развития Дальнего Востока. Шталмейстер Н.Л. Гондатти предложил правительству разработать колонизационный план Дальнего Востока. Под руководством коммуниста Я.Б. Гамарника был разработан 10-летний план социально-экономического развития ДВК, в который вошли колонизационный план и план капитального строительства. Н.Л. Гондатти ратовал за то, чтобы наряду с крестьянами в числе переселенцев из центральных районов страны были бы и промышленные рабочие – основа развития края, он добивался ограничения использования труда азиатских мигрантов. Эти идеи можно обнаружить и в 10-летнем плане ДВК. Конечно, речь идет не о заимствовании, а о глубоком понимании обоими руководителями особого положения Дальнего Востока».

Почти шесть лет своей жизни Я.Б. Гамарник отдал восточной окраине России. Бесконечные поездки по региону, срочные вызовы в Москву – жизнь Гамарника проходила в ритме постоянного движения. Не случайно на обложке книги стилизованная фотография паровоза из далеких 20-х годов – еще один штрих к портрету Гамарника. Так из небольших и масштабных деталей складывается образ этого человека – самоотверженного, работоспособного, требовательного, обладающего высоким уровнем культуры, при этом скромного, почти аскета. Образ настоящего бойца. Приняв решение оборвать свою жизнь (а в 1937 году ему было лишь 43), Ян Борисович Гамарник таким образом выразил протест репрессивной политике Сталина. Возможно, он понимал, в какой мрак погружается его страна, и уже не видел в ней для себя места.

Задумывая эту книгу, Н.И. Дубинина задавалась вопросом: насколько актуально сегодня историческое исследование о человеке, свято верившем в давно отброшенные временем идеалы, входившем в состав сталинской партийно-политической номенклатуры, разделившем трагическую участь многих тысяч людей в период репрессий 1930-х годов? «С научной точки зрения ответ на этот вопрос однозначен, поскольку сегодня есть понимание, что в историческом процессе главным является человек, и раскрытие действий отдельных людей со всеми их личностными качествами – приоритетное направление в отечественной историографии, – отмечает в предисловии к изданию автор. – Но в общественном сознании все четче стал проявляться интерес людей к своим генеалогическим корням, к своим предкам. А прадеды и деды большинства россиян, живущих в начале XXI века, – это современники Я.Б. Гамарника. Поэтому книга о нем может помочь понять людей того времени, их интересы, стремления, беды и радости».

На протяжении многих лет предметом научного интереса Нины Ивановны Дубининой являются незаурядные люди, посвятившие свои интеллектуальные и физические силы Дальнему Востоку России. По глубокому убеждению ученого, их славные имена не должен засыпать песок забвения.

Подняться на вершину Белой горы

Смирнов В.В. Тайна Белой горы: Роман-притча. – Хабаровск: Издательский дом «Приамурские ведомости», 211. – 414 с.: ил.

Ну что мы знаем сегодня о стройке века – БАМе? Прошло время, схлынула идеологическая волна, сменились поколения, и в небытие ушли громкие лозунги. Обычная история. А ведь когда-то им бредили, рвались в глухой таежный угол. Кто-то, чтобы почувствовать себя частью своей страны, участником трудового фронта, кто-то – за крепким рублем. Впрочем, роман Валерия Смирнова не о БАМе. Это лишь географическая территория, где разворачиваются события, точка, в которой сходятся люди, переплетают-

ся судьбы. Главный персонаж Денис Лесков, для которого жизнь, прежде всего, интересное приключение, всеми силами старается сделать ее нескучной. Он уже изрядно попотел на сооружении республиканской автодороги в Забайкалье, а теперь вот БАМ с некурортными условиями и жесткими темпами строительства. Его

попутчик в долгом путешествии на главную стройку страны домовитый толстяк Иван Сергеевич Дудкин мечтает о красных «Жигулях» и белом костюме. Как говорится, каждому свое.

Тында, Новотындинский, Хорогочи, Кувыкта... В движении вслед за персонажами романа все дальше и дальше вдруг становятся реальными и эти малознакомые названия, и шум от моторов, врывающийся в таежные дебри, и сутолока еще неустроенной жизни. Картинки бамовского бытия Валерий Смирнов рисует с легкой иронией.

«Природа-матушка минувшей зимой не без интереса наблюдала за движением этих громоздких, гудящих и чадающих обозов неугомонных непутевых бледнолицых людей в глубь горной северной тайги. Бульдозерами на санях-волокушах тащили они хилые тонкостенные вагончики, в которых собирались спастись от жестоких холодов, дизельные электростанции и топливо к ним, чтобы было светло в вагончиках и тепло от масляных электронагревателей, тащили бензопилы, чтобы крушить лес не на постройки и даже не на дрова, а просто валить его в мари – под насыпи притрассовой автодороги и БАМа.

И вот на третьи-четвертые сутки маятного героического похода добредали десантники, например, до урочища Кувыкта, что в сорока километрах от Тынды на запад. И казалось им – такая глушь кругом! Нога цивилизованного человека здесь никогда не ступала!»

В основе романа «Тайна Белой горы» записные книжки Валерия Смирнова. Он начал их вести в 1975 году, когда сам приехал на БАМ молодым инженером. Жизненный опыт, нанизанный на прочную нить памяти. Книга во многом автобиографична, Денис Лесков в романе проходит тот же путь, что и автор – коренной дальневосточник, выпускник Хабаровского политехнического института, два года командовавший инженерной ротой Забайкальского военного округа во время строительства участка автодороги Москва – Владивосток, а затем пять лет на Байкало-Амурской магистрали – начиная с таежного десанта и заканчивая приходом первого тепловоза на построенную с нуля железнодорожную станцию Хорогочи. Потом журналистика, в которой Валерий Витальевич Смирнов уже больше двадцати лет, крупнейший в Хабаровском крае издательский дом «Приамурские ведомости», созданный им с нуля и возглавляемый по сей день.

Как точно сказала о романе Валерия Смирнова дальневосточная поэтесса Людмила Ивановна Миланич: автор взял свою личную метлу и расчистил нашу замусоренную память. Страницы книги наполнены не придуманной и уж тем более не приукрашенной жизнью. Хотя так легко, наверное, сорваться на «все советское – хорошее». Валерий Смирнов этого избежал. Его литературные герои – нормальные люди, со своими плюсами и минусами. Радуются, огорчаются, сомневаются, делают ошибки. Валерий Смирнов не сторонник черно-белых красок. В жизни ведь так не бывает – сугубо положительных или отрицательных персонажей. В каждом намешано множество оттенков. Но когда приходит время, человек делает свой выбор. Спиридон Надвиков, дед главного героя Дениса Ле-

скова, на исходе срока в сталинском лагере добровольно принимает пулю. Стрелок-охранник Вронский метко прицеливается в лагерного доходягу, а потом за этот «подвиг» получает боевой орден. Лесков бросается в горящий вагончик, спасая кошку, а в итоге выносит из огня кровного врага Вронского – ныне главбуха и уважаемого ветерана войны. Все рядом. Подвиг и трусость, совесть и бесчестие, раскаяние и прощение. Как в жизни.

В романе Валерия Смирнова немало странных, порой мистических совпадений и обстоятельств. В какой-то момент оказывается, что некоторые персонажи в неизвестном для них самих прошлом связаны почти кровными нитями, а значит, цепь дальнейших событий вполне закономерна. Вот и Денис Лесков, в Бога не верил, «но подозревал, что ничего случайно в этом мире не происходит».

Сквозная нить повествования – судьба старого эвенка Корнейки. Вечный странник, он движется по реке времени, связывая прошлое, настоящее и будущее. Когда-то привозил рыбу и оленину в странное место за колючей проволокой, где одни люди держали в черном теле других. Потом долгие годы хранил в винтовочном патроне письмо убиенного Спиридона своему еще не родившемуся внуку. К нему, к старому шаману Корнею за главным советом – как спасти погибающую от нашествия великого хама страну, как вернуть России былое величие – обращается уже зрелый Денис Лесков. К тому времени он достиг многих высот, но не успокоился, не научился довольствоваться личным комфортным мирком.

Нет смерти, есть только жизнь. Так говорит старик эвенк. Он знает эту великую тайну и открывает ее Лескову. А выход только один: нужно подняться на вершину Белой горы. «Белый-белый она, совсем белый и совсем чистый, – говорит Корней. – Там, на самый верх, цветок есть, однако. Синий как это небо. Золотой как это солнце, в самой середине золотой...» Старый вечный шаман бросит в огонь этот цветок и будет камлать. Долго, пока сил хватит, и только так сможет помочь «бедный глупый люди». Но идти придется без карабина, без спичек, совершенно нагим – как зверю. Это неременное условие, говорит старик.

«Говорят, безоружный, без спичек, в чем мать родила, не оглядываясь, он все-таки ушел, неугомонный, от костерка эвенка по кочковатой каменистой мари в сторону заснеженной Белой горы. Решился. Хотя все у человека было для сытой, спокойной жизни. И свое дело, и дружная семья, и квартира, и машина... Чудак, да и только.

Вернулся ли? Никто не видел.

Если не вернулся и погиб – правда же, нет повода для уныния и печали?!

Ведь таких, как он, в нашей России – мы же по себе знаем – тысячи и тысячи. Только мы еще не проснувшиеся чудачки, не совсем поверившие в себя, не до конца осознавшие, что никто за нас не возьмется штурмовать вершину Белой горы, чтобы для всех добыть синий цветок по-настоящему свободной, счастливой, справедливой жизни...»

Так заканчивается роман-притча «Тайна Белой горы».

А.Е. Яковлев и В.И. Шухаев. Автопортреты. Арлекин и Пьеро.
Холст, масло, Государственный Русский музей

Театральный сезон

Сказка на ночь

Маленький принц и Платеро в театральном двореике

Глеб МОРДОВЦЕВ

Уже не первый сезон Хабаровский театр юного зрителя удивляет ночными уличными спектаклями.

Все началось с фотографии. Когда ТЮЗ готовился к своему 65-летию, и для артистов была организована фотосессия, ее решили провести во внутреннем двореике театра. Большой групповой снимок труппы в необычном антураже сегодня украшает холл театра и притягивает внимание зрителей. И так вышло, что дворик словно бы просился стать новой сценической площадкой.

Впрочем, его и раньше задействовали в театральных представлениях. На самой первой «Ночи в театре» в 2009 году во дворике зрителей поджидал Призрак. Он спускался с балкона и рассказывал байки из жизни театра. Спустя два года, когда в репертуаре театра появился спектакль «Платеро и Я» – совместный проект хабаровского ТЮЗа и итальянского режиссера Андреа Бенальо, на очередной «Ночи» его решили сыграть на новой площадке.

Но это была уже иная версия спектакля, над которой работали режиссер Ольга Подкорытова, художник Павел Оглуздин, режиссер по пластике Ольга Козорез, музыкальный руководитель постановки Елена Кретова и художественный руководитель постановки Константин Кучикин. Театральный дворик тоже обновили: сделали сцену, поставили зрительские ряды. «Платеро и Я» в необычном театральном пространстве так понравился зрителю, что спектакль показывали еще два месяца, и всегда он проходил с аншлагом. А днем рождения новой театральной площадки ТЮЗа решили считать 15 июля 2011 года.

В нынешнем сезоне на уличной сцене был представлен обновленный вариант «Маленького принца» в постановке Константина Кучикина. Все, что окружало актеров и зрителей, становилось элементом представления: и окна, и небо, и даже строящийся за театром небоскреб – в назначенный момент на его вершине появлялся главный герой и махал зрителям рукой. Режиссер рассказал новую историю о Маленьком принце, которая существенно отличалась от той, что идет на большой сцене театра.

Театральный дворик – особое пространство. Это точка сосредоточения энергии спектакля и духа города. Здесь по-другому ощущают себя зрители и актеры, между ними рождается совершенно иной стиль общения. Здесь невозможно создать полную тишину, изолироваться от внешнего мира. Все непредсказуемо, как сама жизнь. Ночные спектакли сопровождают звуки улицы, голоса прохожих, рев машин. Звуки ночи обостряются, и это создает особое ощущение: все, что происходит на сцене – по-настоящему. Возникает эффект сопричастности с театральным действием.

А дворик подсказывает новые идеи. Интересным театральным экспериментом стали окна ТЮЗа, выходящие на центральную улицу Хаба-

«Платеро и Я»

ровска. Актеры изображали абсолютно разных людей: в одном окне писатель придумывал сюжет для книги, в другом маленькая девочка играла в своей кровати, в третьем домохозяйка возилась на кухне. У каждого персонажа – своя история, а проходящий мимо прохожий невольно становился зрителем. При этом он мог фанатизировать, предлагать собственную трактовку того, что происходит за стеклом. К открытию нового сезона ТЮЗа готовится еще один перформанс в окнах (режиссер Ольга Подкорытова). А в следующем сезоне во дворике театра расскажут сказки Леонардо да Винчи. По словам руководителя литературно-драматической части Хабаровского театра юного зрителя Анны Шавгаровой, это будет пластический спектакль, построенный на выразительных средствах уличного театра, с открытой, площадной игрой актеров.

«Маленький принц»

Сегодня многие театры мира, стремясь к сокращению пространства между актером и зрителем, находят в поиске новых театральных площадок. Но зачастую это фестивали или отдельные проекты. Хабаровский ТЮЗ первым на Дальнем Востоке открыл для нас полноценный ночной уличный театр. А театральный дворик стал не только новой сценой, но и достопримечательностью Хабаровска.

Фото из архива театра

ТЕАТРАЛЬНЫЙ СЕЗОН

Премьера

«Лисустрата»

Темп-2012

Четыре премьеры в Хабаровском театре драмы и комедии

Глеб **МОРДОВЦЕВ**
Фото Ольги **ПОЛОННИКОВОЙ**

«Сказки женщин»

«Виктория». Работа над спектаклем начинается с «застольного» периода – чтения пьесы

В октябре Хабаровский краевой театр драмы и комедии открыл 67-й театральный сезон.

Театр взял небывалый темп, и жизнь здесь кипела. Под репетиции были заняты буквально все помещения. Одни актеры участвовали в прогоне спектакля на сцене, другие танцевали в фойе, третьи распевались в репетиционном зале. И этот темпоритм не замедлялся ни на минуту. Порой репетиции продолжались сутки напролет, словно у театра открылось второе дыхание.

Среди премьер постановки произведений классиков и современных драматургов. На сцену вышла легендарная «Лисистрата» Аристофана, отца всех комедий (режиссер Софья Федёкина). Несмотря на солидный возраст (25 веков), эта пьеса по-прежнему одна из самых популярных в театрах мира. И сюжет стар как мир. Женщины, устав от войн, которые без конца ведут их мужья,

пытаются остановить распри, и для этого решаются на крайний шаг – отказывают им в близости. Этот сюжет в разное время заимствовался многими авторами, речь идет о великой силе любви.

Следующая премьера – спектакль «Сказки женщин» по пьесе Маши Рыбкиной в постановке Владимира Оронова. Его жанр – «маленькие комедии невеселой жизни». Здесь нет единого сюжета, это каскад историй, через которые открывается удивительный мир женщин с их судьбами, чувствами и мечтами. Возможно, эта пьеса создана под влиянием театра абсурда, а действие на сцене непривычно для неискушенного зрителя.

Спектакль «Виктория» по пьесе Александра Червинского – тоже история о любви. Действие разворачивается в тяжелое послевоенное время, и главной героине с именем богини победы предстоит

пройти через многие тяготы непростой жизни, чтобы сохранить твердость духа – и стать счастливой.

И, пожалуй, одна из самых необычных премьер сезона – трагедия «Отелло» Шекспира. Главный режиссер театра Владимир Оронов задумал этот спектакль в двух версиях, двух разных палитрах: трагической и шутовской. Два разных взгляда на одну и ту же пьесу позволят увидеть совершенно иные актерские работы, пластическое и художественное решение спектакля. Сценография трагического варианта постановки выполнена в синих тонах, трагедийно-шутовского – в оранжевых. Решение разделить один спектакль на два режиссер объясняет тем, что в пьесе Шекспира трагедия и комедия находятся в очень близком соседстве, мгновенно переходя друг в друга. Одновременно это сыграть почти невозможно, но теперь у зрителя появилась возможность по-новому прочесть шекспировскую пьесу. Все будет зависеть от того, на какой версии «Отелло» он остановит свой выбор.

Над премьерными спектаклями работали два художника. Гульназ Ягудина – «Лисистрата», «Сказки женщин» и «Отелло». Павел Оглуздин – «Виктория».

Когда-то Марк Захаров поставил на сцене московского Театра сатиры спектакль «Темп 1929», передав дух и стремительность мощного индустриального строительства того времени. Говоря о сегодняшнем дне Хабаровского краевого театра драмы и комедии, можно смело воспользоваться этой метафорой.

Первые репетиции «Отелло». Виктору Асецкому предстоит стать Яго,

Дмитрию Кишко (в центре) пережить трагедию мавра.

Копилка памяти

И все-таки судьбе я благодарна...

Анна ПОНОМАРЕВА

Всю жизнь, сколько себя помню, я живу в Хабаровске. В этом городе я встретила тебя. В этом городе возмужал твой талант, пришла пора творческой зрелости, здесь ты остался насовсем.

Мой город я помню с дощатыми тротуарами (я и сейчас в задумчивости спотыкаюсь там, где была сломана доска), с грязными улицами и маленькими домишками. Город рос вместе с нами – подростками 30-х годов. Мы, дальневосточники, не можем надолго уезжать за пределы края, нас неудержимо тянет к себе домой.

Кто не залюбуется нашим городом теперь! Какие жилые кварталы на месте пустырей, бульвары на месте зловонных речушек Плюсинки и Чердымовки! А во многих ли городах есть такая река Амур с ее бетонной набережной и стадионом, где летом можно кататься на коньках, а зимой плавать в бассейне под открытым не-

ПОНОМАРЕВА
Анна Евстафьевна

До 30 лет служила актрисой в театрах Хабаровска, Благовещенска, Комсомольска-на-Амуре. Ушла из театра по болезни. С 30 лет и до выхода на пенсию работала диктором, редактором, старшим редактором отдела союзной и иностранной информации КрайтАСС (Хабаровск).

Жена Алексея Егорова с 1957 по 1967 год.

бом! Дорогой моему сердцу город, город моего детства и юности! И самым дорогим в этом городе был ты. Я узнала любовь, настоящее человеческое счастье, когда я немыслима без тебя.

Наша встреча была случайной, но она была подготовлена всей нашей, отдельно друг от друга прожитой жизнью. Встретились два человека не первой молодости: тебе 35 лет, мне на два года меньше. У обоих личная жизнь не сложилась, у каждого были на то свои причины.

Наша встреча могла остаться просто знакомством, потом приятным воспоминанием, но все произошло иначе...

И вот гостиница «Север», однокомнатный номер на втором этаже – наша свадьба. Нет, в общем понятии свадьбы у нас не было, был скромный ужин на четверых: жених, невеста, свидетели – актриса Руфина Каненко и актер Лев Коренев. Засиделись допоздна, было веселое застолье, шутки, поздравления, тосты, рассказы о других актерских свадьбах.

Утром ты впервые назвал меня Аннушкой, а я глупо сказала, что так же меня называл и Сергей, мой бывший муж. Ты изменился в лице, в комнате повисла неловкая тишина. Я засуетилась, накрывая стол к завтраку. С того дня ты ни разу не называл меня этим именем, а стал звать Анютой (так меня звали родители и братья). Твои родители звали тебя Леней, а мне оно не ложилось на язык. Иногда я называла тебя Лешей, но чаще «милый». И так привыкла, что слово «милый» стало твоим именем. Я спрашивала в редакции, где работала, звонил ли мне милый (дома у нас телефона не было), и мне отвечали: «Звонил твой милый и просил передать...»

Нас стало двое, мы были счастливы, как все молодые. Мы не задумывались над тем, что нас ждет впереди. Когда человек здоров и полон сил, у него нет мысли о несчастье, которое может с ним случиться, тем более о смерти. Люди умирают ежедневно, но это было далеко от нас, иногда несколько ближе, но ни в коей мере это не должно коснуться нас – так мы думали.

Ты москвич, в Москве прошла твоя юность, там ты стал актером, познал признание зрителей, успех. Ты иногда шутил говорил, что Дальний Восток был тебе предназначен с юности. Дело в том, что твоей первой ролью была роль Кости Белоуса в спектакле «Город на заре» Арбузова, пьеса о первостроителях Комсомольска.

То ли романтика юности, то ли твой неумный характер (ты всегда был мечтателем и в душе поэтом) оторвали тебя от Москвы и москвичей. За плечами работа в ТЮЗе (Фердинанд в «Коварстве и любви» Шиллера), в театре Ленком (спектакль «Не ждали» Полякова, роль сержанта Гаврилова, в спектакле «В окнах горит свет» Аграновича роль Бахирева). Твоей партнершей в Ленкоме была Валентина Серова.

В 1949 году тебя пригласили в спектакль Театра сатиры «Свадьба с приданым» на роль Максима Орлова, партнершей была Вера Васильева. Потом были «Женихи» Шкваркина (Заурбек), «Женитьба Белугина» Островского (Андрей Белугин).

Годы работы в московских театрах – большая школа творческого мастерства с режиссерами Берсеневым, Бирман, Плучеком, Равенских, Гончаровым. Москвичи

«Счастье». Анна Пономарева в роли Ленки

полюбили актера Егорова за его большой талант, страстность души, мягкий юмор, природное обаяние.

В 1953 году ты прошел конкурс на роль агронома Шурова в фильме «Земля и люди» (режиссер С. Ростоцкий, художественный руководитель С. Герасимов). Работа с такими мастерами кино, как Алейников, Константинов, Ротомский, Пуговкин отложила «на полочку» в мастерской Егорова значительный штрих. Не обошла эту картину вниманием и пресса. Невозможно перечислить и изложить все рецензии, что были написаны в год выхода кинофильма на экраны.

Так к тебе пришла союзная известность.

За два года работы в кино ты снялся еще в двух фильмах: «За власть Советов» (полковник Воронов, партнеры Ванин, Тенин), «Это начиналось так» (о целине, в роли представителя ЦК комсомола).

Прошло 12 лет со дня выхода на экраны страны картины «Земля и люди», и вот что я прочитала в газете «Советская культура» от 7 октября 1967 года в статье В. Шалунковского, который делал обзор послевоенному двадцатилетию отечественной кинематографии: «Этот честный фильм «Земля и люди» имел немалый успех. Успеху этому способствовал в немалой степени исполнитель главной роли Алексей Егоров».

В те годы я не была знакома с тобой и не предполагала, что буду жить одними мыслями, одними желаниями в нашей такой короткой жизни. Фильм «Земля и люди» я видела. Мне очень понравился высокий, светловолосый па-

«Егор Булычев». В роли Егора Булычева

рень с приятным баритоном, такой большой, сильный и трепетно нежный в сценах с любимой девушкой. И в день нашего знакомства меня поразила твоя почти девичья застенчивость, что совсем не соответствовало ни твоему росту (настоящий русский богатырь), ни твоему возрасту. Шумный, веселый, жизнь была через край, силы неумной, мечтатель и поэт с чистой душой ребенка, как ты был далек от всех житейских неудобств, мелких помыслов и мещанского благополучия!

А в театре утром и вечером репетиции. Тыходишь в репертуар основного героя. Идут репетиции пьесы Кронина «Юпитер смеется». У тебя не идет сцена пренебрежительного отношения к рыжей женщине, сцена повторяется снова и снова. Актеры смеются: у тебя медовый месяц, а я из рыжих.

Ты был актер по призванию. Твои мысли, свободное время – все принадлежало искусству. Помню случай, когда мы возвращались домой после работы. Ты вдруг остановил меня и, показывая на проходящего мужчину среднего возраста, спросил: «Как тебе нравится грим и парик?» Я ответила, что мне нравится. «Да, надо запомнить», – заметил ты. Потом таким был твой Иван Плахов в спектакле «Семья Плахова» по пьесе Валерия Шаврина.

Или другой случай. Мы в кругу друзей празднуем Новый год. Как водится в таких случаях, тосты, шутки, общий шум, я тихонько просила тебя воздержаться от выпивки (ты в это время принимал лекарство от бронхита). На мою просьбу ты громко, так, чтобы все слышали, произнес: «Валяй, сыпь свои нравоучения. Молодой я любил в трактире с музыкой сидеть!» Никто не понял, что ты цитировал Горького, а я-то знала, что ты «примеряешь» на себя роль Егора Булычева, который был в планах театра.

Мы вместе учили тексты ролей. У тебя не было навыка быстро, по репликам, запоминать текст роли, тебе надо было знать весь спектакль наизусть. А времени мало. Что ни месяц, то новый спектакль. Работа периферийного театра сильно отличается от работы столичного, где не надо торопиться с обновлением репертуара, зачем, если такой спектакль, как «Свадьба с приданым», прошел более 500 раз. А в наших театрах спектакль выдерживает не более двух сезонов. Так что надо было переходить на совершенно иной ритм работы.

Приходилось работать над пьесой вместе с тобой и мне, подчитывать за всех исполнителей, репетируя дома, подбирать материал о времени написания пьесы, о современниках героя, то есть делать всю черновую работу, на которую у тебя не хватало времени. Сколько бессонных ночей, огорчений приходится испытать не только самому актеру, но и его близким! Трудных минут у актера хватает, в искусстве счастье не бывает легким. Но чем оно трудней, тем дороже.

Однажды после спектакля «Битва в пути», который заканчивался поздно, мы пришли домой, и ты, отказавшись от ужина, лег на диван, взял газеты. Я ушла в спальню (мне утром к 7 часам в редакцию). Через какое-то время проснулась. В столовой горел свет. Я прислушалась: ты репетировал монолог Феди Протасова из пьесы Л. Толстого «Живой труп».

Когда закончился рабочий день у актера Егорова, я не знаю, уснула. Утром ушла на работу, ты спал, я завела

будильник на 10 часов, у тебя репетиция в театре началась в 11. Сколько раз ночью мне приходилось будить тебя, потому что ты проговаривал целые сцены из очередного спектакля.

Если актер по призванию, а не просто по профессии, то его нельзя разделить на две половины: вот здесь он человек, а здесь актер. В жизни он наблюдает, читает, запоминает все то, что ему может пригодиться на сцене. Любовь к музыке, живописи только обогащает его актерское мастерство.

На сцене актер неотделим от человека. Бездумному, эгоистичному, себялюбивому человеку никогда не создать образ, не вдохнуть в него жизнь, чтобы к зрителю шла эта русская широта души, оптимистичность, понимание самых сокровенных дум. В работе актера две стороны, зримая и незримая. Первая – это то, что зритель видит перед собой на сцене, над чем смеется или плачет. Вторая принадлежит только актеру.

Настоящее искусство помогает людям становиться лучше. Вот опустился занавес, в зале на какое-то время наступает тишина, а потом аплодисменты – итог спектакля.

О чем говорят люди, уходя из театра? Что рассказывают родственникам, вернувшись домой? Какой след остался в их душах после спектакля? Чем глубже след, тем дороже зрителям актер, значит, они будут искать с ним новой встречи.

Настоящий талант помогает расти тем, кто находится рядом с ним (партнеры, друзья, близкие люди), он обогащает их своим душевным богатством. Ты делился со мной всем, раскрывая свою душу доверчиво и щедро. Ты пользовался успехом, на твои спектакли ходил зритель, а ты упорно работал над ролью и говорил: «Кто-то сказал, что вдохновение – это высокий гость и надо, чтобы он застал нас за работой. Только постоянный труд – друг таланта». Вот этому девизу ты следовал ежедневно от спектакля к спектаклю.

...Я смотрю на фотографии сыгранных тобой ролей. На каждой из них ты и все же не ты. Вроде твои глаза, но не твое выражение. Твой лоб, но не твой взлет бровей. Твои губы, но улыбка полна злой иронии – это не твое. Кто знал тебя без грима, вне сцены, тот знал человека остроумного, который любил и умел шутить, умел и других выслушать. Твоя улыбка такая обаятельная, а ты – само смирение и покорность, так что ни в чем тебе невозможно отказать.

Ты очень любил детей. Твоя дочь жила в Москве, воспитывалась твоими родителями. Ты очень скучал по ней. Жадно ждал писем, которые она писала редко. Ты говорил: у нее переходный возраст, свои девичьи интересы, а сам все заглядывал в почтовый ящик. Долгие годы жизни врозь несколько охладили ваши отношения. Вы не стали от разлуки роднее, постепенно привыкли жить каждый своей жизнью.

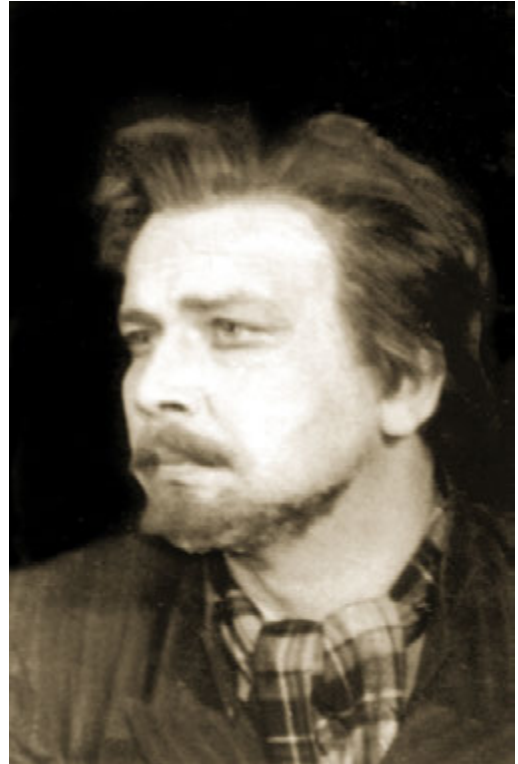
Еще ты очень любил цветы, это была твоя страсть. Когда на сцене получал цветы, то отдавал их актрисам, домой приносил очень редко. Помню цветы за Федю Протасова, за Егора Булычева...

Помнишь, мы были в Благовещенске, жили на квартире бригадой, объединившись семьями с молодыми актерами. Чудесный был месяц май! Цветов еще не было, и

ТЕАТРАЛЬНЫЙ СЕЗОН

«Семья Плахова». Алексей Егоров и Елена Паевская

«Живой труп». Егоров в роли Федора Протасова

«Король Лир». Алексей Егоров в роли Лира

тебе на первом спектакле поднесли поздравительную открытку с великолепной розой и горшок с домашним цветком. Как ты радовался! Ты говорил: «Значит, кто-то помнит меня по прежним гастролям и знает, что я люблю цветы». Ты бережно принес домой и ревностно следил, чтобы цветок был вовремя полит.

Ты каждое лето уезжал на гастроли. Комсомольск-на-Амуре, Биробиджан, Улан-Удэ, Иркутск, Москва... Я через лето ездила с тобой, а другое лето ездила лечиться на курорт (хотела подарить тебе сына или дочь).

Помнишь, в то лето ты вернулся домой раньше меня? Жили мы с подселением, занимая 14-метровую комнату в доме от редакции КрайтАСС. Какой ты устроил пир по поводу моего возвращения! Ты мобилизовал соседок, чтобы стол был накрыт, как на большой праздник, купил цветы. Да не букет, а букетище, который поставил в 3-литровую банку. Конечно, я была рада такой встрече. Праздновали чуть ли не всем подъездом. Правда, потом до полочки надо было как-то выкручиваться, но ведь это потом...

Теперь, когда тебя нет со мной и никакое чудо не вернет даже самой малости из нашей жизни, мне хочется кричать во весь голос: «Люди! Я обокрала себя, сколько времени была с тобой врозь». Я думала, наше от нас не уйдет. Живые люди часто думают, что их жизнь будет продолжаться если не вечно, то уж, во всяком случае, многие десятилетия. Я не всегда радовалась и ценила то, что было в настоящем, многое я откладывала на потом. А теперь знаю, что этого «потом» не будет, ничего хорошего не будет. Все, что было в моей жизни хорошего – это был ты и наша любовь. А тогда меня злила твоя ревность, сколько было пролито слез. Да и не смешно ли! Ты красивый мужчина, нет и 40 лет, талантлив, столько поклонниц – и ревность?! Много раз мы ссорились.

Помнишь, мы возвращались от моей мамы, справляли у нее Пасху со всей родней? В автобусе было много народу, я села на свободное место, ты стоял поодаль. Вдруг на остановке входит мужчина и со словами: «Аня, Анечка!», заключает меня в объятия. Я не сразу узнала бывшего соученика, мы не виделись много лет. Ты подошел к нему, взял за лацканы пальто, встряхнул и спросил: «Почему ты мою жену назвал полуименем?» Тот стал оправдываться, объяснять, что в школе я была мала ростом, да такой и осталась... Люди смеялись, узнав тебя. Следующая остановка была наша, нам выходить, но ты его не отпускал и тянул с собой на выход. Кое-как мне удалось отцепить тебя, тем временем шофер закрыл двери... Конечно, мы поссорились. Молча прошел вечер, каждый из нас общался только со Степкой (это наша собака). Утром я ушла на работу, ты спал.

Когда я вечером вернулась, ты собирался на спектакль. Первые твои слова: «Я очень прошу тебя – приходи на последний акт. У меня не идет сцена, чувствую фальшь, но не могу понять».

Это твой излюбленный прием. Ты знаешь, что я не только твой критик, но и очень благодарный зритель. Я во время спектакля все забываю, а радуюсь и плачу вместе со всеми зрителями. После этого уже глупо сердиться на тебя.

Теперь я осталась одна с моей любовью к тебе, с моими воспоминаниями. Мне ни к чему день сегодняшний, я

ничего не жду от завтрашнего дня. Прошли месяцы с тех пор, когда я последний раз видела тебя, но не было ни одного дня, чтобы, просыпаясь, я не думала о тебе. Ты со мной всегда, где бы я ни была. Мне невыносимо больно осознавать, что тебя больше нет.

А помнишь, как мы познакомились? На вечеринке у нашей общей знакомой Анны Ивановны. Ты с ее мужем знаком по учебе в Москве, а я с ней работала в одной редакции. Было весело и шумно, как всегда бывает, когда веселятся актеры. Танцы, шутки, стихи. Ты не любил скабрёзных анекдотов, когда их рассказывают в присутствии женщин. И если кто-то все же начинал, ты громко, красивым голосом читал стихи Есенина, Блока, Пушкина, Лермонтова. Ты взглядом, жестом приглашал и других принять участие в поэтическом состязании, желающие находились, присоединилась к ним и я.

Потом были танцы и пляски – кто во что горазд! Я решила уложить тебя на лопатки, знай, мол, что и мы не лыком шиты. Пошла танцевать «Цыганочку», но тут нашлись и другие «цыгане». Я не могла успокоиться и поставила на проигрыватель «Венгерский танец» Брамса. Этот танец и решил наши взаимоотношения. Ты вроде шутя упал на одно колено, приложил руку к сердцу и произнес: «Я весь тут и к вашим услугам». «А почему бы и нет?» – подумала я и протянула тебе руку.

Помнишь, я долго не решалась представить тебя моей маме? Она не поклонница артистов, хотела, чтобы у дочери был оседлый образ жизни, а не мотание по городам и селам с гастролями театра. Но стоило мне вас познакомиться, как ты с ходу назвал ее мамой, сразу расположив к себе и завоевав ее доверие. Ты удивительно легко находил общий язык с людьми разного возраста и воззрений. Ты уважал мамину религиозность, ценил житейскую мудрость, а уезжая на гастроли, просил ее чаще навещать меня. Как-то при маме спросил: «Что это за тип, который провозжал тебя, и вы долго болтали на бульваре?» Бульвар хорошо просматривался с нашего балкона. Я, больше адресуясь к маме, объяснила. «А, – сказала мама, – это друг Сергея (Сергей – мой первый муж)». Вдруг ты на полном серьезе заявил: «Мама, если вы хотите жить со мной в дружбе, то вы должны знать: у Анюты до меня не было и не могло быть никого». И показал на куклу, которая висела на самом видном месте, под люстрой: «Вот так будет, если кто-то появится здесь». Мама вздохнула и ответила: «Не было, так не было. Живите как можете, я в ваши дела не вмешиваюсь».

Кстати, наши гости часто задавали вопрос, почему для такой изящной куклы выбрано такое странное месторасположение. «Это наш семейный талисман», – следовал твой неизменный ответ.

Теперь мой город стал нашим городом. Ты полюбил его людей, размах строительства, полюбил Амур. Ты даже не знал умирая, что свою болезнь ты получил при «купании» в Амуре. Помнишь, было начало ноября, у тебя выходной? Ты с друзьями и Степкой пошел на набережную реки. Кто-то забавы ради бросил в воду игрушку и послал за ней собаку, а на Амуре уже образовалась шуга. Берег высокий, одет камнем, собака не может выбраться.

Тогда ты, не раздумывая, снял пальто и пиджак и бросился в воду плашмя, лишь оберегая лицо от льдинок.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ СЕЗОН

Собака осталась жива и здорова, ты тоже не слег в постель, отделался легким насморком. Но потом выяснилось (слишком поздно), что при падении в воду ты разбил себе сальник. Это и стало впоследствии причиной заражения крови.

А тогда ты всем рассказывал о своем «купании» в ледяной воде, гордился, какой ты выносливый, показывал собаку. Об этом случае знали в театре, но ничего не знали врачи. Организм постепенно сдавался, ты недомогал, но никаких жалоб. На мою просьбу обратиться к медикам, отшучивался... Теперь я терзаюсь раскаянием, почему я не уехала с тобой из Хабаровска, ты бы не «купался» в Амуре в ноябре. Почему не поехала с тобой на гастроли в Москву, где тебя приглашали сниматься в кино?

Я решила, что тебе будет удобнее жить в семье твоего отца и матери, с которыми жила и твоя дочь. Твои родители, возможно, захотят ради будущего дочери убедить тебя остаться в Москве. Ведь вы так долго жили врозь, далеко друг от друга, редко виделись. Я не хотела давить своим присутствием на твое решение остаться с ними или вернуться в Хабаровск...

...На гастролях театра в Москве ты почувствовал себя плохо и сразу после окончания гастролей вылетел в Хабаровск. Но ведь ты мог в Москве лечь в больницу на обследование, и тебя навещала бы дочь. Возможно, был бы установлен точный диагноз до, а не после смерти и вскрытия. Ты был бы сегодня со мной, а зрители опять бы спрашивали, играет ли сегодня Егоров в спектакле.

Ты очень любил город, верил его людям, спешил домой, а мы все не оправдали твоих надежд. Они так и не распознали истинной причины твоей смерти, а я помогала им обманывать тебя до последней минуты. Я говорила: «Все будет хорошо, это только кризис, надо потерпеть». Ты терпел, покорно принимал уколы, а сколько их было – не сосчитать. Ты часами лежал под капельницей, а я следила, чтобы, задремав, ты не отдернул руку. Я всегда сидела у твоего изголовья, чтобы ты не мог видеть моего лица, а голосом я научилась отвечать бодро. Я боялась смотреть на тебя спящего, так как в твоем лице уже мало осталось от того тебя, кого я знала и любила, а все больше проступал тот, которого я так и не признала за тебя.

Все помнил, все понимал, на какую-то минуту уже отсутствовал, потом опять просил пить, поправить подушку... Шли последние часы, ты, думаю, это понимал, если в этот последний день отказался от уколов и не подпустил к себе ни врача, ни сестру. Ты понимал, что все кончено, но ни одного намека на смерть. Какой ужас умирать в полном расцвете сил и таланта и от чего? От обыкновенного фурункула в сальнике!

Ты так много мечтал и хотел сделать для зрителей! Ты спрашивал: «Ведь я смогу сыграть Прохора Громова из «Угрюм-реки»? Принеси мне инсценировку, я почитаю».

Пятьдесят долгих и трудных больничных дней. У тебя все время высокая температура, резко упало давление, тебе трудно вставать, болят глаза. Но ты просишь, нет, требуешь: «Принеси свежие газеты, пьесу Симонова «Русские люди» (в ней ты должен играть роль Глобы).

В субботу врачи мне сказали, что ты безнадежен... Почему они считали меня сильнее тебя? Почему я долж-

на обманывать тебя? Ведь всю нашу с тобой жизнь правда в наших отношениях ценилась превыше всего. Я знала, что ты тяжело болен, но все же надежда не покидала меня, я пыталась верить в невозможное. А сегодня мне объявили окончательный приговор. Показалось, что стены больницы обрушились на меня, что в этом длинном и светлом коридоре стало темно. «Он умрет, он умрет», – только эти слова твердила я, а надо было держаться, делать вид, что все идет как обычно. Но на какое-то время я не смогла совладать с собой и перестала следить за твоим режимом дня. Ты обратил на это внимание, и твой вопрос: «Разве сегодня мне отменили назначение?», вывел меня из оцепенения. Я открываю окно, из которого слышен шум со стадиона, где шли соревнования легкоатлетов, потом закрываю его, чтобы дать тебе отдохнуть. Подаю пить, пытаюсь что-то говорить, но все это механически, как заведенный автомат. Может показаться странным, но только возле тебя мне было спокойнее: ты жил, я могла сидеть рядом, брать тебя за руку, отвечать на вопросы.

Когда наступала ночь и пора было уходить домой, чтобы не дать тебе повод заподозрить самое худшее, мне было труднее. Казалось, что сейчас, в эту минуту, тебя уже нет. Я не могла спать, ночь тянулась невыносимо медленно. Пыталась отвлечься, но никакие мысли не могли вытеснить ту, единственную: ты умрешь...

Наступало утро, но идти в больницу не так-то просто. Ноги почему-то замедляют ход, их трудно оторвать от асфальта, тогда как сердце рвется вперед: как ты? Увижу ли тебя?

Я не могла первой зайти в помещение, шла Лена. По поведению врачей, сестер мы давно научились без слов понимать положение вещей. Сегодня мы еще не опоздали, ты ждал нас. Слышу твой голос...

...Милый! Сколько раз мне хотелось броситься к тебе на шею. Прижаться и говорить ласковые слова. Но ты не любил «нежностей» на людях, считал, что это только для двоих, поэтому моя выходка могла показаться тебе неуместной, к тому же в присутствии дочери. Значит, надо держаться, чтобы ты не узнал истины.

Все эти трудные дни, что ты находился в больнице, я думала: почему нет улучшения? Почему все хуже и хуже? И вот приговор. Я стала караульщицей твоей смерти. Я во всем видела ее приметы: ты был еще бодр и полон планов, а твои глаза тускнели и уставали, тебе трудно читать. Я читаю тебе журнал, твою будущую роль, которую, знаю, ты никогда не сыграешь. Но ты слушаешь, ты хочешь выучить текст заранее, чтобы потом не требовать лишних репетиций.

А как ты радовался, даже приободрился и повеселел, когда у тебя в руках оказалась инсценировка романа Шишкова «Угрюм-река». Ты сам, с трудом, но сам, прочитал, потом спорил с автором инсценировки, не соглашаясь с последней сценой, сценой сумасшествия, говорил: «Я не так вижу эту сцену, в моем представлении надо кое-что изменить».

Всю предыдущую зиму ты читал романы Шишкова, критические материалы о его романах и о времени. Ты строил планы, мечтал сыграть Моисея в «Испанцах» Лермонтова, Матиаса Клаузена в пьесе Гауптмана «Перед за-

ходом солнца». В юности ты видел в этой роли своего любимого актера Астангова в театре имени Е. Вахтангова.

Тебя навещали друзья. Театр был на гастролях, но те, кто остался в городе, шли к тебе, несли цветы. Ты ревниво оберегал их, следил, чтобы я не выбрасывала, если цветы еще не увяли. А сколько их было, когда ты их уже не можешь видеть! Цветы, цветы – в букетах, в корзинах и венках с черным крепом. Их приносили и молодежь, и люди старшего возраста. Их было столько, что тебя не стало видно, только цветы, да еще твой портрет в траурной раме на постаменте.

А может, все это только спектакль? Сколько раз ты умирал на сцене по сюжету пьесы – в «Короле Лире», в «Живом трупе», в «Горе Булычеве». А потом открывался занавес и ты как ни в чем не бывало выходил на поклон. Ведь это твоя работа драматического актера. Вот отгремят аплодисменты, и мы вместе пойдем домой. Ты расскажешь, как прошел спектакль, как принимали твои сцены зрители, что нового у тебя накопилось за день. Потом ты ляжешь на свой любимый диван, возьмешь газеты, а я займусь ужином... Но аплодисментов не было, не было криков «Браво, Егоров!», а была мелодия Чайковского, разносившаяся по всему театру.

В тот час, когда мне сказали, что тебя больше нет, я не поверила. Как тебя нет, когда все осталось на своих местах: город, больница, и люди куда-то идут и смеются. Жизнь продолжала свой извечный путь, как будто ничего не произошло!

А как мне жить, если нет тебя? Идут дни за днями, потом месяцы. Я должна что-то делать, чем-то занять себя, чтобы не думать о тебе. Очень болит голова, разламывается от дум. А что предпринять, чтобы не думать? Я хожу на работу, отвечаю на вопросы, но мои мысли о тебе. Слышу твой голос, вижу твои жесты, походку, глаза, ощущаю твоё прикосновение: вот стоишь сзади, положив руки мне на плечи...

Я не верила в твою смерть, не могла заставить себя поверить. Мне все казалось, что ты в больнице, а я почему-то перестала тебя навещать. Эта мысль мучила меня много дней и ночей. И я пошла в ту больницу, в твою палату. Тебя там не было. Да и палата выглядела совсем иной: не было цветов на окне и на тумбочке, ничего не было, что бы напоминало о тебе. С тех пор я перестала утешать себя мыслью, что ты еще лечишься, что поправишься...

Ты знаешь, самое страшное – это тишина комнаты, со стен которой смотришь ты. Вот король Лир, вот цыган Будулай, Булычев... Воспоминания одолевают меня, и я им не сопротивляюсь. Кажется, все это было только вчера.

Помнишь, мы жили в общей квартире в комнате в 14 квадратных метров? У тебя отпуск в июне, и мы ждем к себе в гости твоих мать и дочь, с которыми я лично еще не знакома. По письмам мы давно стали друзьями. Они просили мою фотографию, но я все тянула с фотознакомством: на снимках я не получалась лучше оригинала. Ты очень волновался перед нашей встречей, хотел, чтобы дорогие твоему сердцу люди понравились друг другу. Тщательно проследил, как я оделась и причесалась.

И вот наша встреча на перроне. Я сразу узнала твою мать по взгляду, устремленному на тебя. А дочь? Дочь была твоей копией, только темноволосой и с карими гла-

зами. Ты обнимал и целовал их, ты был само счастье и не заметил, что моя встреча с твоей дочерью, как встреча друзей, не состоялась. Ей 13 лет. По письмам она представляла совсем другую тетю, а не ту, что стояла рядом с *ее* *папой*. Я понимала ее состояние. Она мне напомнила маленького ежа, который выпускает свои иголки в минуты тревоги.

Когда закончился твой отпуск, мы на перроне расставались уже настоящими друзьями. Моя любовь к тебе была причиной их серьезного ко мне отношения. Правда, не обошлось и без ревности. Тебе взбрело в голову называть дочь Еленой Алексеевной (ты гордился ею), а меня чаще всего называл по-домашнему: солнышко, ласточка...

Лена росла у бабушки с дедушкой, при разводе с ее матерью, которую лишили родительских прав, суд отдал дочь на воспитание отцу. Лена постоянно в письмах просила рассказывать о тебе, твоих ролях, планах. Мы писали друг другу, не забывали поздравлять с праздниками и днями рождения. Иногда ты летал в Москву на неделю, на десять дней...

И вот новая встреча с Леной на перроне хабаровского вокзала. Теперь это взрослая девушка 20 лет. Для тебя мы сочинили телеграмму, в которой Лена просила разрешения приехать провести отпуск с нами. Я принесла тебе телеграмму в больницу, и чтобы ты не заподозрил истинную причину ее приезда, стала возмущаться тем, что ее приезд не ко времени: ты в больнице, я работаю, мне трудно.

Ты негодовал во весь свой темперамент, а я думала: «Милый ты мой, боль моя, сердце мое, счастье, чего бы я не отдала за то, чтобы это было правдой...»

Мы ответили согласием и стали ждать ее приезда.

С этого дня ты почувствовал облегчение. Ты готовился к встрече с дочерью, ты хотел лучше выглядеть, принял (с трудом) ванну. А накануне ее приезда несколько раз напомнил мне, чтобы я завела будильник и чтобы мы с Леной пришли к тебе не раньше 10 часов утра – хотел успеть побриться до нашего прихода.

Мы пришли ровно в десять, и первые твои слова: «Как вы долго не приходили. Я думал, что у меня часы остановились». Дежурная сестра сказала нам, что ты плохо спал, но ты вопреки ее словам выглядел хорошо и излучал счастье.

Как же устроен человек! Ты чувствовал себя хорошо, когда внутри тебя болезнь делала свое дело. Сколько раз я слышала, что перед смертью наступает улучшение, и насторожилась: вот оно. Я с ужасом думала о следующем часе, который мог быть последним. Но дни шли (их было 12), ты чувствовал себя почти хорошо. У меня зародилась надежда, что врачи ошиблись, что ты будешь жить! В эти дни возле тебя были двое – твоя дочь и я. Ее ты посылал погулять по городу, предлагал нам сходить в кино или прокатиться на катере по Амуру. Мы не слушались твоих советов. Ты обиделся, стал придиричив, говорил, что сестры ухаживают за тобой внимательнее, чем мы. Ты вызывал нас на ссору, чтобы мы не сидели у тебя часами. Мы поссорились, ты отослал нас обеих.

Если бы ты знал, что эта наша невинная ссора была последней. Ты опять плохо спал, у тебя поднялась темпера-

ТЕАТРАЛЬНЫЙ СЕЗОН

тура, ты нервничал. «А вдруг они обиделись и сегодня не придут ко мне?» – спрашивал ты сестру, которая дежурила ночью около тебя.

Утром я ушла на работу, а Лена пошла к тебе. Ты встретил ее такой чудесной улыбкой, как никогда раньше. Несколькими часами позже пришла к тебе я. И ты говорил и говорил о том, как ждал нас... Это был последний день, когда ты нам улыбался и говорил о том, что мечтаешь показать Елене город, когда поправишься.

Потом началось то страшное, с чем сердце и разум не хотят примириться. Тебя мучили сильные боли, никакие уколы не давали облегчения. Ты думал, что это опять приступ, надо потерпеть и потом настанет облегчение. Но я-то знала, что легче не будет. Мне хотелось говорить тебе ласковые слова, сказать, как я люблю тебя, как мне одиноко без тебя. Мне хотелось плакать в твоих объятиях. Но разве могла я позволить себе подобное! Я собрала свои силы и только твердила в уме: только не упасть в обморок, только не потерять сознание, только бы ты ничего не заметил. Ты был в сознании, разговаривал, метался, брал меня за руку. Просил пить. Потом стремительно сядил, крепко ухватив меня обеими руками за плечи. Жизнь уходила, а ты не сдавался. Спросил: «Где Елена?». Я ответила, что у нее заболел зуб и она у врача. А она плакала в коридоре вдали от твоей палаты.

Тебя нет. Как я могла не умереть в тот час, когда перестало биться твое сердце, которое мне было всего дороже? Я одна. Но ведь я бывала одна почти каждое лето, когда ты уезжал на гастроли. Но тогда расстояния между нами не существовало, ты часто звонил, а меня просил, нет, требовал писать. И я писала самые обыкновенные письма с пустяковыми милыми подробностями о себе и о Степке, которые были понятны и дороги только нам двоим. Ты всегда сохранял мои письма, говорил, что так я как будто рядом с тобой, и привозил их домой.

Я никогда не провожала и не встречала тебя на вокзале или в аэропорту. Ты уезжал с коллективом театра, за тобой приезжала машина. А о возвращении ты никогда не сообщал, любил нагрянуть неожиданно.

Зато с какой радостью ты возвращался домой! Ты звонил на пороге, и первые слова, которые ты произносил: «Наконец-то я дома, как я рад, как я соскучился!!!» Ты радовался как мальчишка, шумно возясь со Степкой, поднимался лай, возня...

Вот и сейчас я пытаюсь обмануть себя тем, что ты просто в отъезде, скоро вернешься, и надо только подождать, ты ведь не сможешь не вернуться в свой дом, встреча с которым приносила тебе такую радость, что ты забывал, что тебе давно не 20 лет.

Да, я забыла тебе написать, что наша улица теперь переименована в Амурский бульвар, правда красивое название?

У нас дома все по-прежнему, твои вещи на своих местах, они напоминают мне о твоих привычках. Вот твой грим, твое зеркало, перед которым ты репетировал. Ты всегда заботился о партнершах, ведь играть приходилось роли не только мужей, но и любовников. Надо было обнять актрису так, чтобы было и достоверно, и удобно ей.

Вот твоя пепельница на маленьком стульчике. Если ее убрать, значит, она не нужна, значит, надо признать, что

нет тебя. А это сделать сейчас я пока не в силах. Я знаю, со временем боль притупится или затаится где-то в уголке моего сердца, но сейчас... Сейчас я не в силах нанести себе такой удар. Вот почему я ищу любую лазейку, чтобы отвлечься.

Помнишь Новый, 1961, год? Мы встречали его в доме отдыха «Дружба» 17 декабря 1960-го, в театре состоялась премьера спектакля «Живой труп» Л. Толстого. Когда-то, в первые годы работы в театре Ленком в Москве, ты играл роль следователя. Роль Феди Протасова играл Берсенев. Теперь исполнилась твоя мечта, ты сыграл Федю.

Спектакль имел шумный успех. В этом была и твоя заслуга. «Тихоокеанская звезда» писала: «Это Протасов. Это – не копия. Это – подлинная жизнь души, подлинное движение чувств, мыслей, поступков на сцене». Писали о тебе и другие газеты, сплошь хвалебные рецензии. Я ни разу не читала о тебе отрицательных отзывов, а я собирала всю прессу, где писали о театре.

Напряженная работа перед премьерой, потом подряд 12 спектаклей, а ты не умел и не хотел играть вполсилы, отдавался роли целиком и полностью. В ответ на мою просьбу поберечь себя, цитировал Станиславского: «Без слуха нет музыканта, без чувства правды нет актера». Все это скоро сказало на твоём здоровье. Ты получил на целую неделю (среди сезона!) путевку в дом отдыха.

У меня были отгулы за переработку в праздничные дни, и я приехала к тебе, чтобы вместе встретить Новый год. Какое это было счастливое время! Счастье... Оно было так же естественно в нашей жизни, как пища и воздух. Веселье продолжалось всю ночь, а ты любил и умел веселиться. Память об этих днях, проведенных вместе, по-прежнему живет в моем сердце, как еле слышный, бесконечно милый мне звук.

Но все воспоминания приводят меня к тому трагическому дню, когда тебя не стало. И я опять возвращаюсь мыслями на годы назад...

...Сентябрь 1965 года. Стояла чудесная погода. Один день был похож на другой. Ничего особенного не происходило. У нас отпуск, это большая редкость – отпуск в один месяц. Мы отдыхаем на Амуре и счастливы, что мы вместе, что такая теплынь в сентябре, юг. Мы ходили на берег реки, бродили по тропинкам в лесу, где бурундуки так и выскакивали из-под ног. Я пищала, принимая их за мышей, которых очень боюсь.

А какой лес! Половодье красок, радуга цветов и тишина. Конечно, отдыхающие узнали тебя и попросили директора организовать вечер встречи с актером Егоровым. Вместе с киномехаником, который должен был привезти из Хабаровска кинофильм «Земля и люди» и отрывки из других фильмов, мы наметили план вечера, и я занялась сценарием. Я была ведущей вечера и чтицей, чтобы дать тебе отдых в твоём выступлении, и заполняла паузы, пока киномеханик находил нужную сцену на киноленте. Все шло хорошо.

Мы условились, что на сцене мы просто партнеры, никаких намеков на наше супружество. Тебя принимали очень хорошо, много аплодировали и, по-моему, все клумбы с цветами оборвали для тебя. Я читала стихи о любви (у меня был такой концертный номер), принимали тепло. И вдруг ты выходишь на сцену не по сценарию и

заявляешь: «А вы ее попросите станцевать, у нее это здорово получается, я вам это как супруг говорю!» Я поблагодарила за теплый прием и, извиняясь, сказала, что не рассчитывала на концерт, у меня нет с собой костюма, я просто отдохнуть приехала.

Потом начались танцы. Дамы разбирали тебя чуть ли не в драку. Меня тоже приглашали. И вдруг погас свет. Шум, гвалт, кто-то чиркает спичками. И, покрывая всю эту суматоху, ты своим красиво поставленным голосом заявил: «Конечно, это специально кто-то погасил свет, чтобы украсть мою супругу». Я тут же ушла из зала. Ты же в темноте идти не мог. После света ты всегда останавливался на месте, чтобы сориентироваться (это последствие контузии). В театре знали об этой твоей особенности, и поэтому у кулисы, куда ты должен уходить со сцены, тебя всегда поджидал кто-нибудь из сотрудников театра.

Вскоре и ты вернулся. Все последующие дни я проходила в столовую и обратно через строй женских взглядов, устремленных на меня. Хорошо, что я в свое время была обучена этикету под названием «публичное одиночество». Я шла спокойной независимой походкой. Но женщины, я это чувствовала, ох как меня критиковали, ведь я мала ростом и бог дал мне мало внешней красоты. Я их великодушно прощала. Они не знали моих сильных сторон, воспринимали только внешне, да и то ревнивым взглядом.

Ты помнишь гастроль театра в Иркутске в 1962 году? Хабаровский театр драмы неоднократно бывал в этом городе. В том сезоне шли спектакли «Дядя Ваня» Чехова, «Живой труп» Толстого, «Женитьба Белугина» Островского, «Мария Стюарт» Шиллера, «Океан» Штейна. Ты был занят в каждом спектакле. Часто звонил мне в Хабаровск, говорил, что гастроль проходит с шумным успехом, о спектаклях много пишут, зрители засыпают цветами. По твоим словам, было море цветов.

Одновременно с театром в Иркутске была наша футбольная команда. Днем они провели матч с местными футболистами, а вечером были у вас на спектакле. Зашли за кулисы, поздравили тебя. Среди футболистов у тебя были поклонники, друзья. Прощаясь с ними, ты попросил передать мне в Хабаровске букет цветов и упаковку из двух копченых омулей (они возвращались домой ночным рейсом). Вернувшись в Хабаровск и без труда найдя адресата, двое из команды вручили мне роскошный букет цветов. Потом долго и смущенно извинялись за то, что распечатали упаковку и вместо двух омулей вручили мне полтора, оказывается, в самолете у них возникло желание втихаря «причаститься», нашлась бутылка водки, а закуски не было, ну вот и... Краснея, смущенно улыбаясь, они пятак покинули редакцию, где я работала. Вечером ты позвонил и сказал: «Я послал с оказией тебе самый красивый букет и еще кое-что. Ты удивилась моим посылным?»

– Конечно, удивилась, – ответила я, но не стала уточнять, чему именно я удивилась...

...Мне кажется, совсем недавно было начало лета 1967 года. Стоял теплый вечер. Мы перед сном ходили на Амур. Ты всегда, когда хотел отдохнуть, привести мысли в порядок, уходил к реке. Нас было трое: ты, я, Степка. Степка, как всегда, не столько сопровождал нас, сколько бегал по аллеям, вынюхивал манящие его запахи.

Ты был молчалив. Я знала, о чем ты думаешь: ты недомогал, а предстояли трудные гастроли на Сахалин. Тебе очень хотелось ехать. Там ты работал молодым. Теперь ты возмужал и твой репертуар изменился. «Как меня встретят? Помнят ли меня по прежним спектаклям?» – вот какие мысли занимали тебя. Я же думала о своем: «Ты болен, тебе надо лечь в больницу». Мы шли молча, но каждый из нас знал мысли другого. Это была наша последняя прогулка.

Утром мы вместе пошли в больницу, театр без тебя уехал на гастроли, перестроив репертуар в расчете на то, что ты вскоре подъедешь к ним. Сколько раз ты лежал здесь до гастролей или после. Фронтальные раны давали о себе знать. В свободное от процедур время мы гуляли в саду, я приводила с собой и Степку. Иногда мы пробирались на стадион и издали смотрели футбольную встречу. Потом ты проходил курс лечения и возвращался домой. Так было раньше. И совсем не так было в этом году.

Первые две недели, даже при высокой температуре, мы ходили в кино, гуляли. Ты читал газеты, штудировал роли, мечтал догнать театр на гастролях и войти в репертуар. Строили планы на отпуск. Ты все не мог решить: провести отпуск на рыбалке или поехать в Москву посмотреть спектакли столичных театров, повидаться с дочерью, отцом и матерью. Но не было гастролей, не было и отпуска. Ничего не было. Не было и тебя.

Солнечное лето, теплая осень, которую здесь называют золотой от безбрежного багрянца листвы, – какое мне дело до всего этого? Мне трудно одной без тебя. Раньше я была проворной, все успевала делать сама. Иногда ты говорил: «Если ты сможешь играть вместо меня, то для меня и дела не останется, буду как вещь ненужная».

Ты все шутил. Цену себе ты знал, гордился, что тебя любят зрители, что у тебя есть друзья – партнеры в театре, ты дорожил их дружбой. Это были актеры Храбров и Медведева, Шаврин и Паевская, Кон, Митин, Кацель, Барашкова и Каненко. Они говорили, что играть с Егоровым одно удовольствие. Он своим темпераментом заражал партнеров, вливая в них частицу своего внутреннего огня. Он обладал счастливым даром властвовать над зрителем и вести его за собой, это я не один раз слышала от твоих партнеров по спектаклю.

Но были в театре и завистники, как же без них? Ты во всех спектаклях герой и единственный исполнитель без дублеров. Однажды случилось ЧП. Была ли это чья-то злая шутка или стечение обстоятельств, выяснить не удалось.

Ты помнишь этот случай? Это произошло зимой 1961 года на выездном спектакле «Мария Стюарт». Закрытый военный городок в нескольких десятках километров от Хабаровска. Спектакль масштабный, в трех действиях. Место действия – Англия, дворец с шикарной обстановкой XVI века. Действующие лица – королева Англии Елизавета, королева Шотландии Мария Стюарт, графы, бароны, послы, придворные, стража. Вся знать в пышных одеждах, мужчины в бархатных камзолах, кружева на воротнике и манжетах, бархатные панталоны, белые чулки и башмаки с драгоценными украшениями, пудренные парики. Одежда королев – шелк, парча, бархат. Украшения – перстни с бриллиантами. И среди этого шика и блеска нет

ТЕАТРАЛЬНЫЙ СЕЗОН

костюма для тебя, а ты граф Лейстер (бывший жених Марии, а теперь любовник Елизаветы). Парик для тебя есть, обувь есть, а камзола и брюк нет.

Что делать? Отменять спектакль – материальный урон театру, да и перед публикой неудобно. Задержать спектакль? А где искать костюм? Одевальщица плачет и клянется, что положила твой костюм в ящик сверху, чтобы он не помялся в дороге. На спектакле присутствовали администратор театра и главный режиссер М.С. Амитов. Никто не знал, что делать.

Выход предложил ты сам, для чего сняли белую рубашку с администратора (он приблизительно твоей комплекции, ты приехал на выезд в свитере), срочно срезали один кружевной волан с платья королевы и пришили к манжетам рубашки. Потом ты пошел к рабочим сцены, которые изображавших стражников у входа во дворец. С самого рослого стражника снял плащ, набросил на себя. Теперь надо было предупредить королев и всех остальных участников спектакля быть предельно внимательными, так как по ходу спектакля менялись реплики и мизансцены. Конечно, в этом наряде ты выглядел нелепо на фоне всей знати, но ты шутил: «Может, я не дома ночевал, а уходил через балкон». Только Амитову было не до шуток. Ты заверил Михаила Семеновича, что постарайся играть так, что публика поверит тебе, что ты граф Лейстер, и неважно в чем одет.

Спектакль прошел на ура! Публика долго аплодировала стоя. На сцену вышел Амитов, поблагодарил зрителей за теплый прием и извинился за нелепый наряд графа Лейстера, объяснив ситуацию. В ответ шквал аплодисментов и крики «Браво, Егоров!» взорвали тишину зала. Аплодировали тебе и актеры на сцене. Костюм нашелся в костюмерной театра, но почему-то среди женских костюмов спектакля «Женитьба Белугина».

А как тебя ценили талантливые люди нашего города. Например, Всеволод Сысоев подарил тебе книгу и написал: «Со склоненной головой перед талантом». Писатель Александр Грачев на наше новоселье подарил несколько книг с надписью: «Работягам от работяг». А художник Владлен Васильев принес две свои картины. У тебя было много друзей вне театра, они часто бывали у нас. А вот ты редко соглашался пойти в гости. Только к моей маме и все... Хотя мы бывали вместе на спектаклях в ТЮЗе, в театре музыкальной комедии, на концертах ансамбля ОДОСА, где ты не раз ставил программу как режиссер.

Счастливые годы, но так их было мало! Мы прожили вместе неполных десять лет. Все в нашем городе напоминает о тебе: вот улицы, по которым мы возвращались домой, вот театр, где было столько радости!

Прошли месяцы, но я избегаю тех мест, где мы бывали вместе. Мне тяжело идти тем же путем теперь одной. Я знаю, что время сделает свое дело, и я еще не один раз побываю на нашем любимом месте у утеса на набережной Амура, но не сейчас.

Мне говорят, что ты продолжаешь жить в сознании тех людей, кто хоть однажды видел тебя на сцене, ты продолжаешь жить и в моей памяти. Но зачем себя обманывать?! Милый, без тебя мне невыносимо одиноко.

Алексей Захарович ЕГОРОВ

Родился 31 марта 1922 года в селе Саушинском Алтайского края.

В 1927 году с отцом приехал в Москву.

В 1939-м окончил среднюю школу и поступил в театр-студию, организованную писателем Арбузовым и режиссером-педагогом Плучеком.

В июле–августе 1941 года снялся в кинофильме «Патриотка» (главную роль исполняла Зоя Федорова).

Осенью 1941-го в числе добровольцев с третьего курса ушел на фронт.

В 1945 году по приказу Министерства обороны был демобилизован из рядов Советской армии. Было три ранения, контузия, четыре награды. Женится на фронте. Жена – Галина Егорова (с 1943 по 1948 год).

1945–1947 годы – актер московского ТЮЗа.

1947 год – служил в Ленкоме.

1949 год – приглашен в Театр сатиры на роль Максима Орлова в спектакль «Свадьба с приданым». Женится. Жена – Ольга Аросева (1950–1952).

В 1952 году по приглашению командования Дальневосточного военного округа вылетел на Сахалин в театр Советской армии.

В 1953-м прошел конкурс для съемок фильма «Земля и люди» на киностудии им. Горького (режиссер С. Ростокский) на роль агронома Шурова.

За два года работы в кино снялся еще в двух фильмах – «За власть Советов» (полковник Воронов) и «Это начиналось так».

В 1954 году вернулся на Сахалин.

С ноября 1957 по 1967 год – актер Хабаровского театра драмы.

В 1963 году получил звание, заслуженного артиста РСФСР. Женится. Жена – Пономарева Анна Евстафьевна (с 1957 по 1967 год).

18 июля 1967 года ушел из жизни в возрасте 45 лет. Осталась дочь Елена 1946 года рождения, от первого брака, внук Кирилл.

В 1968 году к международному Дню театра в одной из краевых газет вышла статья Михаила Кона «Голос из прошлого», посвященная памяти заслуженного артиста РСФСР – актера Хабаровского краевого театра драмы Алексея Егорова (1922–1967). Михаил Кон был партнером Егорова в двух спектаклях театра драмы. Но кроме дара актерского Михаил Иванович обладал и литературным: сотрудничал с краевым радио, написал для драматического театра инсценировку по роману Николая Наволочкина «Амурские версты», которая была воплощена на сцене театра. К сожалению, премьеру спектакля Кону увидеть не довелось...

Основная часть жизни Михаила Кона была связана с ТЮЗом, именно на его подмостках он переиграл великое множество ролей от пионеров, хулиганов, беспризорников и всевозможной живности в виде зайцев, собак до стариков и героев, оставаясь в каждом образе достоверным и искренним. Всем его персонажам была присуща какая-то пронзительность и чистота. Работал Михаил Кон и в других театрах – драматическом, музыкальной комедии.

Светлана ФУРЦОВА

Михаил Кон в спектакле «Цыган»

Голос из прошлого

Михаил КОН

На свете много большого. Есть большие реки, большие горы и большие деревья. Но любую реку можно заковать в бетон или перекинуть через нее мост. Можно взобраться на вершину любой горы и смотреть на нее сверху. Любое, самое большое, дерево можно спилить и превратить в доски.

Неизмеримо значительнее и неизмеримее другое понятие – большой человек. Большого человека нельзя ни сковать, ни свалить, на большого человека нельзя посмотреть сверху вниз. И даже если большой человек умирает, в мире живут его дела, его мысли, память о нем, благодарность оставшихся.

Большим человеком был и остается для меня Алексей Захарович

Егоров. И слово это – большой – относится к нему и в прямом, и в переносном смысле. Маленького и ничтожного в нем не было ничего.

Он выходил на сцену, и на ней становилось тесно от его крупной фигуры. Начинать говорить негромко, но звук его голоса наполнял зал и был слышен в самом дальнем углу. Шел по улице и казался выше на голову любого прохожего. Он не любил говорить много, но уж если говорил, то трудно было сказать точнее, вернее. И судьба его актерская сложилась так, что и ролей маленьких людей он не играл. Впрочем, по-иному и быть не могло, ибо мало есть на театре талантов таких же глубоких, душевных, искренних и, главное, наших, русских, самобыт-

ных. Сила Егорова была в том, что он сам был по характеру, мыслям, страстям схож со своими героями. Алексею Захаровичу не приходилось ничего придумывать, менять или дополнять, чтобы прожить на сцене Федей Протасовым или Егором Булычевым. Именно прожить, а не сыграть. Он никогда не играл – ни на сцене, ни в жизни.

Алексей Захарович был большим человеком в своей необыкновенной простоте и скромности. Мне не доводилось встречать такого крупного актера и одновременно такого скромного, непритязательного человека. Ему было безразлично, на каком месте он сидит в гримерной или в автобусе, с какой долей внешнего уважения к нему относятся в

разговоре, что кто-то не соглашается с ним в споре. Никогда никому не давал он почувствовать своего превосходства. Он любил и уважал людей не в силу высоты их положения и веса в жизни, а в силу их человеческих качеств.

Поэтому легко и радостно было работать с ним такому молодому актеру, как я. Мне даже часто казалось, что к своим более опытным и маститым партнерам он относился требовательнее. Молодые любили его и тянулись к нему. Он не наставлял, а советовал, он не отвергал советов других, а прислушивался к ним.

Рассказывая что-то, он не любил вспоминать значительное или героическое в своей жизни, чаще всего вспоминал смешное. О воинских его подвигах, о ролях, сыгранных в Москве, удалось мне узнать от других уже после смерти Алексея Захаровича.

Он был большим человеком не только в своей доброте к людям, но и в своей трогательной любви к маленькой неказистой собачонке, которая, по-моему, так и не поверила, что хозяин ушел навсегда.

Он был большим человеком в своем неизменном уважении к зрителю. А ведь это свойственно далеко не каждому актеру. Для Алексея Захаровича одинаково важен был и премьерный, и рядовой, то есть давно идущий, спектакль. Он не делал разницы между зрителем столицы и любого маленького поселка. Всю силу своего таланта отдавал до конца и на первом, и на сотом спектакле, на какой бы сцене он ни шел.

Более пятидесяти раз в спектакле «Цыган» он узнавал во мне, цыганенке, своего сына, и более пятидесяти раз тянулась к моей голове его чуть вздрагивающая рука, слезами боли и счастья наполнялись его глаза. И каждый раз зал взрывался аплодисментами.

...Дважды на сцене мне довелось быть его сыном, и если бы можно было стать им еще десятки раз, в самой маленькой роли – это было бы для меня гордостью и счастьем. Потому что это значило быть сыном, пусть и сценическим, БОЛЬШОГО ЧЕЛОВЕКА и БОЛЬШОГО АКТЕРА.

Алексей Егоров в спектакле «Цыган»

ЛИКИ НАСЛЕДИЯ

• 2012г

Дом народного творчества

Радость новых встреч

Подходит к концу еще один год, и мы хотим рассказать о планах Дома народного творчества. 2013-й будет не менее насыщен событиями, чем год уходящий. Тем более что он юбилейный и для Хабаровского края, которому исполняется 75 лет, и для его столицы. Ведь Хабаровску в 2013 году – 155!

В наших планах много событий, которые состоятся уже не в первый раз. Традиционно в начале марта пройдет любимый старшим поколением фестиваль исполнителей популярной песни «Нам рано жить воспоминаниями». Главная его тема – родной край. В марте мы примем Всероссийский конкурс оркестров и ансамблей русских народных инструментов имени Калинина: в Хабаровске состоится его дальневосточный этап. В 2008 году такой конкурс у нас уже проводился. Тогда Гран-при получили коллективы из соседнего Приморского края – оркестр народных инструментов Дальневосточной академии искусств и ансамбль народных инструментов «Вишенка» из села Черниговка. Судя по итогам третьего, заключительного, этапа, проходившего в 2009 году в Санкт-Петербурге, дальневосточная зона оказалась самой сильной, т. к. победившие на дальневосточном этапе коллективы и там стали обладателями Гран-при. Надеемся, что и наступающий год откроет немало новых ярких талантов.

В мае вместе со всей страной мы отметим День славянской письменности и культуры, а накануне Дня города пройдет грандиозный Между-

народный фестиваль военных духовых оркестров «Амурские волны». Июнь, июль и август как всегда станут временем краевых творческих смен «Дети Амура. Жизнь и творчество» и «Славянский дом», а также краевого фестиваля-эстафеты обрядовых и фольклорных праздников коренных народов Амура «Бубен дружбы». На этот раз фестиваль пройдет в Ульчском районе, который также отмечает в 2013 году юбилей.

Самыми богатыми на события окажутся осенние месяцы. В сентябре мы в очередной раз встретимся с лучшими хореографическими ансамблями на Международном хореографическом фестивале стран Азиатско-Тихоокеанского региона «Ритмы планеты». Нужно сказать, что этот фестиваль очень популярен на Дальнем Востоке, и с каждым разом количество его участников растет. В 2011 году он собрал более двух с половиной тысяч человек. «Ритмы планеты», несомненно, украшение фестивальной палитры, каждый раз открывающий все новые и новые таланты. А свидетельством его популярности вполне может служить тот факт, что в Хабаровск приезжают не

только коллективы Дальневосточного региона, но и Восточной Сибири, Забайкалья.

В октябре нас ждет не менее значительный по своему масштабу Всероссийский фестиваль любительских театральных коллективов «Дальневосточный бенефис». Такой высокий статус он получил по инициативе Государственного Российского Дома народного творчества, и впервые пройдет сразу в двух городах нашего края – Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре. А следом еще одна встреча – Дальневосточный фестиваль джазовой музыки «Джаз на Амуре». И, наконец, в ноябре фестиваль дальневосточных хоровых ассамблей «Лейся, песня, над Амуром». Фестивалей хоровой музыки в нашем крае не проводилось уже очень давно. Особенностью ассамблей станет то, что участие в них будут принимать только хоровые коллективы, выполнившие все условия в соответствии с положением, а условия эти будут достаточно сложными. Кроме конкурса хоров планируется проведение научно-практической конференции по проблемам развития и сохранения жанра хорового искусства с привлечением ведущих специалистов жанра, композиторов, пишущих музыку для хоров, а также выступление сводного хора из всех участников.

В канун Нового года очень хочется верить, что всем нашим планам суждено сбыться. От всей души поздравляем вас с Новым годом, ждем на конкурсах и фестивалях как в качестве участников, так и зрителей. И очень надеемся, что каждый из них станет ярким событием в культурной жизни не только нашего края, но и всего Дальневосточного региона.

*Варвара ДАНИЛОВА,
директор Дома народного
творчества Краевого научно-
образовательного творческого
объединения культуры*

Душа и песня

Елена СОЛНЦЕВА

Варвара Данилова, художественный руководитель ансамбля народной музыки и песни «Рождество», стала лауреатом правительственной премии «Душа России» в номинации «Народное пение».

«Рождество» – это необычный творческий эксперимент, на который больше 20 лет назад решились сотрудники Краевого научно-образовательного творческого объединения культуры Варвара Данилова и Николай Малышкин. Самых обычных второклассников самой обычной школы они стали постепенно вводить в мир традиционной русской культуры. Ребята узнавали о славянских обрядах, играх и праздниках, разучивали народные песни, играли на старинных музыкальных инструментах. А первым праздником в жизни ансамбля было Рождество. От него и получил свое название экспериментальный коллектив, родившийся 24 декабря 1990 года.

За два десятилетия через «Рождество» прошло около 100 детей. Получая бесценный опыт, они становились участниками и соавторами

интересных театрализованных программ, построенных на подлинном славянском фольклоре, которые получали самые высокие оценки на крупных дальневосточных, российских и международных фестивалях. И сегодня ансамбль народной музыки и песни «Рождество» Краевого научно-образовательного творческого объединения культуры – один из самых ярких и интересных коллективов Хабаровского края.

Ежегодно Министерство культуры Российской Федерации и Государственный Российский Дом народного творчества утверждают пятнадцать кандидатур лауреатов правительственной награды «Душа России», которая вручается за особый вклад в развитие народного творчества. В копилке нашего региона уже несколько таких высоких наград. Премией «Душа России» отмечены

Валентина Кялундзига – удэгейская сказительница, член Союза писателей России, Валентин Пахомов – хореограф, руководитель ансамбля «Горенка», Андрей Бельды – нанайский писатель, Юлия Самар – мастер декоративно-прикладного искусства, член Союза художников России, Нина Гейкер – хормейстер народного фольклорного ансамбля «Сиун» и детского образцового ансамбля «Тасима» национального культурного центра «Силэмсэ» села Ачан.

В 2012 году всероссийское признание получила Варвара Михайловна Данилова – заслуженный работник культуры Российской Федерации, лауреат премии правительства Хабаровского края в области литературы и искусства, директора Дома народного творчества Краевого научно-образовательного объединения культуры.

На волне духовой музыки

Анна МОРОЗОВА

Первый Международный военно-музыкальный фестиваль духовых оркестров стран Азиатско-Тихоокеанского региона «Амурские волны», проходивший в Хабаровске с 23 по 28 мая 2012 года, положил начало новой культурной и духовной традиции российского Дальнего Востока. Его художественный руководитель – главный военный дирижер России, начальник Военно-оркестровой службы Вооруженных сил Российской Федерации, музыкальный руководитель Международного военно-музыкального фестиваля «Спасская башня» в г. Москве, генерал-лейтенант Валерий Халилов.

Валерий Халилов

Впервые в истории Дальневосточного региона осуществлен масштабный музыкально-театрализованный проект, который представил разнообразие национальных, творческих и армейских традиций военных оркестров стран Азиатско-Тихоокеанского региона. В числе его учредителей правительство Хабаровского края, Министерство культуры Российской Федерации, администрация города Хабаровска, управление Восточного военного округа, организатор – Краевое

научно-образовательное творческое объединение культуры.

Более 300 военных музыкантов из России, Корейской Народной Демократической Республики и Японии, многочасовые репетиции под руководством генерал-лейтенанта Валерия Халилова, события пяти фестивальных дней, наполнившие городские улицы, центральные площади и набережную прекрасной музыкой, зрелищные парадные дефиле военных оркестров – все это было на «Амур-

ских волнах». И поистине грандиозное действо – марш-парад по главной улице Хабаровска от Комсомольской площади до архитектурного комплекса «Площадь имени Ленина» с участием Центрального военного оркестра Министерства обороны Российской Федерации (Москва), военных оркестров штаба Восточного военного округа (Хабаровск), штаба Центрального военного округа (Екатеринбург), военного оркестра Кореической народной армии (Пхеньян), военного оркестра Сил самообороны Японии (Токио) и др.

В рамках «Амурских волн» прошел Дальневосточный фестиваль духовых оркестров, посвященный 200-летию победы России в Отечественной

войне 1812 года, где выступали оркестры детских музыкальных школ, домов культуры, вузов, в том числе Магаданский муниципальный оркестр духовой и эстрадной музыки, брасс-квинтет оркестра духовых инструментов Высшей школы музыки Республики Саха (Якутия), Владивостокский филармонический духовой оркестр, студенческий духовой эстрадный оркестр Тихоокеанского государственного университета. Завершающим событием военно-музыкального фестиваля стал гала-концерт, проходивший в режиме нон-стоп в спортивно-зрелищном комплексе «Платинум Арена» и привлечший более семи тысяч зрителей.

Хабаровск, превратившийся в те дни в центр музыкальной жизни Дальневосточного региона, стал еще и первым российским городом, где появилась аллея военных музыкантов: в парке имени Ю.А. Гагарина участники фестиваля высадили деревья. И это событие, по словам Валерия Михайловича Халилова, знаковое. Потому что именно в Хабаровске существует единственный в стране памятник военным музыкантам.

В 2013 году фестиваль «Амурские волны» пройдет с 26 мая по 3 июня и будет посвящен сразу двум датам – 75-й годовщине образования Хабаровского края и 155-летию Хабаровска.

Фото из архива КНОТОК

Место встречи – «Казачья гора»

Надежда КИМОНКО

Первый открытый краевой фестиваль «Казачья гора» прошел в Хабаровске в сентябре.

Учредителем выступило министерство культуры Хабаровского края, организаторами – Краевое научно-образовательное творческое объединение культуры и Окружное казачье общество Хабаровского края Уссурийского войскового казачьего общества государственного реестра казачьих обществ.

Одним из ярких эпизодов торжественного открытия «Казачьей горы» стала музыкально-хореографическая композиция, посвященная истории казачества на Дальнем Востоке и подготовленная режиссерско-постановочной группой Краевого научно-образовательного творческого объединения культуры. В конкурсном просмотре участвовали 40 творческих коллективов из Хабаровского края, Амурской области и Приморья, в репертуаре которых произведения казачьего народного искусства.

Тонкое понимание казачьей песенной традиции и высокий исполнительский уровень продемонстрировал народный ансамбль казачьей песни «Круголет» из г. Дальнереченска Приморского края (руководитель Александра Шушвал). Не уступали в мастерстве хабаровские коллективы – лауреаты фестиваля в номинации «Вокальный ансамбль»: молодежный ансамбль «Казачья удаль» (руководитель Наталья Абрамова), образцовый хор народной песни «Млада» (руководитель Тамара Митрофанова), студенческий ансамбль народной песни «Кросно» (руководитель Наталья Брызгина). В номинации «Солист» победителями признаны Владимир Безруков (г. Хабаровск), Мария Серебрякова – солистка хора казачьей песни «Казачий край» из села Владимиро-Александровское Приморского края (руководитель Ольга Землянуха), дуэт ансамбля русской песни «Ладанка» из поселка Чегдомын Хабаровского края (руководитель Дарья

Губренко). Лауреатами в номинации «Хореография» стали образцовый хореографический ансамбль «Радуга» из Хабаровска (руководитель Татьяна Дубоенко) и образцовый ансамбль народного танца «Амурские зори» из Комсомольска-на-Амуре (руководитель Павел Кузнецов). В номинации «Инструментальный ансамбль» диплома лауреата удостоен хабаровский ансамбль русских народных инструментов «Ладушки» (руководитель Наталья Пустовалова), а специального диплома «За сохранение казачьей культуры» – вокальный ансамбль «Казачий Спас» из поселка Чегдомын (руководитель Александр Селин).

В программе «Казачьей горы» было также шествие казачьих обществ Хабаровского края и участников фестиваля от Комсомольской площади города до Краевого музея им. Н.И. Гродекова, казачья ярмарка под открытым небом с участием мастеров декоративно-прикладного искусства, художников, знатоков национальной кухни. Здесь же проходили мастер-классы по гончарному искусству, изготовлению кукол-оберегов, стихографии, росписи по стеклу. Особый колорит празднику добавили народные казачьи игры, которые проводили студенты Хабаровского государственного института искусств и культуры, хореографический ансамбль «Русские узоры» (руководитель Ольга Фраш), участники клуба кулачного боя «Скобарь» (руководитель Андрей Бирюков). Члены казачьего общества «Форт ДВ» провели мастер-классы по владению нагайкой, шашкой, цепью, оглоблей и бревном. Завершились казачьи гулянья обрядом встречи пары молодоженов, которая прибыла на «Казачью гору» на белой лошади и под звон колоколов.

Фото из архива КНОТОК

Песнь Амуру

Анна СНЕГ

Межрегиональный фестиваль «Лики наследия» прошел в Хабаровском крае в седьмой раз, соединив в творческом пространстве традиционную культуру украинцев, белорусов, татар, евреев, армян, нанайцев, эвенков.

Фестиваль проводится с 1999 года, и за это время он стал масштабным событием в жизни Дальневосточного региона. Участниками нынешней встречи стали 11 национально-культурных центров Хабаровского края, а также гости из Республики Саха (Якутия) – этнофольклорный эвенкий ансамбль «Долгунча». Лауреатами VII Межрегионального фестиваля «Лики наследия» стали украинское землячество «Криниця», Армянский культурный центр регионального отделения Общероссийской общественной организации «Союз армян России» в Хабаровском крае и автономная некоммерческая организация «Белорусское землячество». Высокую оценку жюри получил народный песенно-танцевальный ансамбль «Гивана» Центра нанайской культуры и этнографии села Нижние Халбы.

В рамках фестиваля «Лики наследия» состоялась презентация этнокультурного проекта «Интеграция творчества». Его идея появилась в 2010 году. Проект как социально-этнокультурная инновация призван через современные песенные произведения сохранять национальный язык коренных народов Хабаровского края, продолжать традиции дальневосточных авторов по развитию музыкального народного творчества. Своеобразие и новизна творческого замысла проекта заключается в том, что он объединил три языка – нанайский, русский и современный музыкальный. Основой «Интеграции творчества» стало вокальное произ-

ведение «Песнь Амуру» на стихи знатока и хранителя нанайского языка, члена Союза писателей России Константина Бельды. Автор музыки, а также самой идеи творческого проекта – Татьяна Ананьина.

В проекте приняли участие академический концертный хор Хабаровского краевого колледжа искусств, вокальный ансамбль «Нани» из села Дада Нанайского района. В инструментальном сопровождении для ансамбля звучали национальные инструменты, народная нанайская песня. При поддержке министерства культуры Хабаровского края и Краевого научно-образовательного творческого объединения культуры выпущен аудиодиск, где «Песнь Амуру» звучит на русском и нанайском языках.

Идея «Интеграции творчества» шагнула далеко за пределы Дальнего Востока. Интерес к ней проявили Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, информационные каналы Ненецкого автономного округа. Этнокультурный проект продемонстрировал, что совместное творчество может стать залогом единства этнической среды.

Фото из архива КНОТОК

Классический танец и его вариации

Елена ЛОНЧАКОВА

22 дальневосточных хореографических коллектива стали участниками II открытого краевого фестиваля классического танца «Блестящие дивертисменты». География фестиваля – Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре, Амурск, Вяземский, Владивосток, Лесозаводск, Южно-Сахалинск, поселок Бычиха Хабаровского района.

Обладатели Гран-при фестиваля студия классического балета школы-интерната для одаренных детей им. Н.Н. Дубинина ВГУЭС. Владивосток. Приморский край

«Блестящие дивертисменты» проходили в Хабаровске в марте 2012 года в краевом Дворце культуры профсоюзов и объединили 460 исполнителей в возрасте от 9 до 25 лет, которые состязались в номинациях «Классический танец» – авторские постановки и образцы классического наследия (фрагменты из известных балетных постановок), «Стилизованный классический танец», «Сольный танец» – вариации из балетов и «Монологи». В жюри фестиваля вошли заслуженные деятели культуры и искусства, высокопрофессиональные специалисты в области хореографии из Хабаровска и Благовещенска, а возглавила его Майя Евгеньевна Иванова – заслуженная артистка Российской Федерации, ведущая солистка Московского государственного театра «Русский балет». Специальными дипломами отмечены талантливые педагоги и яркие исполнители. Лауреатами стали 12 хореографических коллективов, дипломами I степени награждены 11 коллективов, дипломами II степени – 5 коллективов, дипломами III степени – 10 коллективов. Гран-при «Блестящих дивертисментов» получила студия классического балета школы-интерната для одаренных детей им. Н.Н. Дубинина Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (руководители Надежда Анатольевна Нечаева и Анна Витальевна Власова).

В рамках фестиваля М.Е. Иванова провела мастер-классы, был показан открытый урок хореографического коллектива «Цветы» центра детского творчества «Гармония» (руководитель Галина Борисовна Мязина), состоялись творческие лаборатории и круглый стол по проблемам классического танца.

Учредителем II открытого краевого фестиваля классического танца «Блестящие дивертисменты» выступило министерство культуры Хабаровского края, организаторы – Краевое научно-образовательное творческое объединение культуры и Дальневосточная ассоциация любителей хореографического искусства.

Фото из архива КНОТОК

С песней по жизни

Евгения ОТИНОВА-ОРДИНА

Дом народного творчества Краевого научно-образовательного творческого объединения культуры приступил к выпуску песенных сборников дальневосточных самодеятельных композиторов.

Музыкальный материал сборников будет интересен как преподавателям и студентам музыкального, педагогического колледжей и института культуры, учителям музыки общеобразовательных школ, руководителям самодеятельных творческих коллективов, так и просто любителям вокального искусства.

Первое издание этой серии уже вышло в свет. В него вошли произведения самодеятельных авторов, которые много лет поют в хоре народной песни «Русь» села Краснореченского Хабаровского района: Н.Ю. Насыповой, М.И. Петрушенко, В.В. Орлова. Это песни о любви к близким и родным людям, к родной земле. Словом, о том, что близко и понятно каждому человеку.

Нина Юрьевна Насыпова родилась в Советской Гавани Хабаровского края. Сочинять музыку начала еще в музыкальной школе, позднее, когда училась в Хабаровском государственном институте культуры, интересовалась различными направлениями в вокальной музыке. Однако самым любимым для нее оставалось народное пение, и поэтому после окончания учебы Нина Юрьевна пришла в Дом культуры села Краснореченского, в хор народной песни «Русь», и этим коллективом она руководит уже более пятнадцати лет.

Н.Ю. Насыпова – человек многогранный: играет на гитаре и фортепиано, пишет хоровые и инструментальные аранжировки, сценарии и программы выступлений, шьет концертные костюмы, организывает коллективные праздники, а кроме того, участвует в фестивалях авторской песни. Большинство песен Н.Ю. Насыповой, представленных в сборнике, написаны на слова ее матери – Людмилы Сергеевны Петуховой, которая уже много лет работает в творческом тандеме с дочерью. Людмила Сергеевна – ветеран труда, председатель клуба инвалидов «Надежда». В 2012 году она стала дипломантом международной премии «Филантроп».

Марина Ивановна Петрушенко родом из села Радде Еврейской автономной области. В ее большой музыкальной семье пели все – и родители, и дети, и родственники. Неудивительно, что сама Марина точно не помнит, когда начала сочинять песни. «Такое чувство, что с самого рождения», – говорит она. Развивать свои способности и интерес к пению Марина Ивановна продолжала и позже, когда всей семьей они переехали в Краснореченское. Родители стали участниками народного хора «Русь», а потом и старшеклассница Марина пришла в этот коллектив, полюбила его, и судьба надолго связала их вместе. И даже во время учебы в Хабаровском государственном педагогическом институте Марина Петрушенко не пропустила ни одной репетиции, ни одного концерта. За те двенадцать лет, что она поет в хоре, вырос ее талант, окреп голос, родились новые музыкальные сочинения. В одном из следующих сборников – песня «Амурская заря», написанная Мариной Петрушенко и положенная на музыку концертмейстером хора «Русь» Юрием Лушниковым, которая прочно вошла в репертуар коллектива.

Валерий Валентинович Орлов, прежде чем осесть на Дальнем Востоке, немало попутешествовал. Родился в Ленинграде, через несколько лет семья переехала в Хабаровск к новому месту службы отца. Окончив техникум и отслужив в армии, женился и какое-то время жил в Сибири, а потом

Полетели ветры

сл. и муз. В. Орлова

вновь вернулся на Дальний Восток. Тридцать лет Валерий Валентинович прожил в маленьком поселке Октябрьском в районе имени Полины Осипенко. Работал, растил детей, радовался неспешной деревенской жизни, впитывал красоту дальневосточной природы. Когда таежный поселок закрыли, Валерий Валентинович вернулся в Хабаровск. Теперь у него появилось свободное время для творчества, а в 2007 году произошла его встреча с хором «Русь».

Несмотря на то, что музыку самодеятельный композитор стал писать только к 50 годам, его песни знают и любят – легко запоминающиеся, берущие за душу. Их исполняет не только хор «Русь», но и квартет «Русичи», участником которого Валерий Валентинович является уже много лет. Стихи Валерия Валентиновича печатались в поэтических сборниках авторов района имени Полины Осипенко «Горсть огня», в литературном журнале «Эйкумена».

Какие бы социальные и политические катаклизмы ни сотрясали наше общество, в жизни всегда находится время для хорошей музыки и душевной песни. Именно это качество богатой народной души помогает преодолевать самые тяжелые испытания. В Хабаровском крае живет множество талантливых людей, в жизни которых большую роль играет песня. Выпуск сборников произведений самодеятельных авторов, подготовленных Домом народного творчества Краевого научно-образовательного творческого объединения культуры – это хороший повод поговорить о самобытном музыкальном творчестве, познакомиться с ним поближе, а самое главное – дать возможность этим произведениям звучать, жить и приносить радость слушателям.

Аргентинское танго в школьном дворе

Татьяна АНАНЬИНА

Майским днем 1991 года в средней школе № 78 г. Хабаровска состоялся праздничный концерт четвероклассников. Среди танцевальных номеров – аргентинское танго и ча-ча-ча. Это был настоящий успех, воодушевленные мальчишки и девочки решили продолжить занятия хореографией и даже придумали название своему танцевальному кружку – «Школьный двор». С тех пор прошло больше 20 лет. Средняя школа № 78 переименована в школу № 15 имени Пяти Героев Советского Союза, но хореографический ансамбль «Школьный двор» по-прежнему остается местом встречи для тех, кого увлекает мир танца.

Сегодня этот коллектив хорошо знают в дальневосточной столице, в разных городах России и даже за рубежом. Каждый год «Школьный двор» принимает участие в городских, краевых конкурсах детского художественного творчества, а успех подтверждают дипломы фестивалей «Хабаровская весна», «Амурские зори», «Звездный калейдоскоп», краевого конкурса детского и юношеского творчества «Труля-ля и К^о». Уже несколько лет «Школьный двор» с успехом выступает на фестивальном форуме в китайском городе Далянь, а в 2011 году вошел в число победителей международного фестиваля хореографического искусства стран Азиатско-Тихоокеанского региона «Ритмы планеты». Принимая участие в международных хореографических состязаниях «Viva, dance», «Подснежник», «Фантазия без границ» в Сочи, Новосибирске, Владивостоке, хабаровский ансамбль стал для многих коллективов соперником в таких номинациях, как эстрадный, современный и народный танец.

Творческая жизнь «Школьного двора» очень насыщена, и в ней не только хореография. В 2010 году ансамбль стал участником торжественной церемонии чествования победителей городского конкурса православной, авторской, патриотической песни и духовной поэзии «Благовест». Вокально-хореографическая композиция в исполнении ансамбля и солистки Натальи Абрамовой прозвучала на открытии краевого фестиваля самодеятельного художественного творчества «Россия – великая наша держава». Удивительное по красоте выступление участниц «Школьного двора» и курсантов Хабаровского пограничного института ФСБ России на берегу Амура стало своеобразным символом искусства и молодости. Ведь генерал-губернатор Н.Н. Муравьев-Амурский, как свидетельствует история, тоже мог и вальсировать, и польку станцевать, и «кадриль 8 раз кряду».

В ансамбле занимаются больше сотни ребят самого разного возраста, немало тех, кто уже с первого класса одновременно со школьными науками постигает хореографическое искусство и даже потом, получив аттестат зрелости, не забывает свой «Школьный двор». Для бессменного руководителя ансамбля Ларисы Волкодавовой «Школьный двор» – неотъемлемая часть жизни. Ее наставником в хореографии стала Марина Демина, создавшая в свое время народный ансамбль бального танца «Амурские ритмы», имеющая уникальный опыт работы во всемирно известном Государственном академическом ансамбле народного танца Игоря Моисеева, заслуженный работник культуры Российской Федерации.

«Школьный двор» со временем и сам стал «кузницей кадров». Его выпускница Юлия Псарова теперь педагог-репетитор. Она помогает самым маленьким участникам ансамбля сделать первые шаги в мире хореографии. Среди единомышленников творческого союза педагог Виктория Отрезова и, конечно же, родители ребят из «Школьного двора».

Хореография с греческого языка переводится как «танец» и «пишу». Можно сказать, что «Школьный двор» уже написал пятьдесят пять своих самых разных историй, и сегодня в его репертуаре танцы, созданные в разные годы. Особое место занимают композиции дальневосточной тематики. По мотивам этнической музыки коренных народов Хабаровского края создан концертный номер «Краски

земли Дерсу», на попурри из песен о Хабаровске – лирическая композиция «Мой город». «Школьный двор» едва ли не единственный коллектив, который воплощает нестандартные творческие идеи именно с хабаровскими авторами. Однажды восхищенный зритель, увидев композицию «Батюшка Амур», назвал участниц ансамбля... амурскими Ярославнами.

У «Школьного двора» сложился особый исполнительский стиль. Именно за оригинальность хореографической постановки в 2009 году ансамбль получил высокую оценку городского фестиваля детского творчества «Амурские зори» и диплом лауреата, а в 2010 году на Всероссийском фестивале-конкурсе «Содружество» за свою конкурсную программу удостоен Гран-при.

Неординарность, индивидуальность исполнительского почерка, стремление через танец выразить эмоциональное состояние души человека – вот суть творческой концепции ансамбля, и его юбилейный концерт еще раз это подтвердил. Философия вечности искусства отразилась в первой композиции: под звуки старинного полонеза на сцену вышли пары совсем юных участников «Школьного двора», а вслед за ними – выпускницы хореографического коллектива вместе с курсантами Хабаровского пограничного института ФСБ России. А выступление трехлетних «трубочистов», таких важных, в настоящих шляпах и с почти настоящими лестницами, несомненная творческая удача руководителей ансамбля, сумевших придумать сюжет танца и его хореографическую партитуру с учетом совсем юного возраста исполнителей. При этом сами малыши настолько вошли в роль, что чувствовали себя настоящими трубочистами на крыше дома, а вовсе не на сцене.

Сказочную мозаику юбилейного концерта, которая складывалась из музыки и танца, можно сравнить с приключенческим фильмом. Неизвестно, что ждет зрителей в следующем кадре – озорная история с русской балалайкой или веселый танец разноцветных дымокских игрушек, необычные превращения манекенов или прелюбопытный случай в аэропорту. А в героях новой хореографической постановки «Один день в школе» многие зрители узнали себя.

В адрес юбиляров прозвучало немало поздравлений – от Дальневосточной ассоциации любителей хореографического искусства, Краевого научно-образовательного творческого объединения культуры, администрации Железнодорожного округа Хабаровска, управления образования администрации города Хабаровска, руководства школы, родителей, выпускников. Администрация детского оздоровительного лагеря «Океан» пригласила «Школьный двор» в гости.

К юбилейной дате выпустили видеодиск об ансамбле, а хабаровские музыканты написали для него песню «Школьный двор», которая стала музыкальной эмблемой ансамбля и уже прозвучала в эфире краевого радио. Благодарные родители тоже преподнесли прекрасный подарок: картину, где изображены выпускники и педагоги ансамбля. Теперь она станет началом новой традиции, и к следующему юбилею, возможно, уже будет галерея выпускников «Школьного двора».

Фото предоставлены танцевальным коллективом «Школьный двор»

В тональности Космоса ЗВУЧИТ ХОМУС

Александр ДУБРОВСКИЙ

Мое первое знакомство с хомусом, или, на славянский манер, варганом, состоялось в 2002 году и было визуальным. Я увидел по телевизору выступление девушки из Якутии. Она играла на хомусе. Звук этого необычного инструмента действовал завораживающе. В нем слышалось и пение жаворонка ранним утром, и журчание ручья, и песнь шамана, и кукование кукушки, и завывание вьюги. А в какой-то момент отчетливый топот копыт – словно по бескрайней степи несется табун лошадей.

Александр Дубровский

Неожиданно для себя понял, что этот инструмент способен передавать огромное количество звуков, эмоций. Захотелось приобрести его, но в Хабаровске в то время хомусов-варганов в продаже не было, никто даже и не слышал о них. Попытался сделать инструмент самостоятельно, но потерпел неудачу. Хомус не звучал.

Помог случай. В Хабаровске проходила региональная ярмарка товаров, и совершенно случайно на стенде Республики Саха (Якутия) я увидел настоящий поющий якутский хомус. Не сувенир, а именно инструмент работы мастера Мандарова. Продавец дал мне попробовать наиграть что-

нибудь, рассказал и показал, как это правильно сделать. Он же помог мне выбрать подходящий по тональности инструмент, при этом заметил, что освоить его можно за полгода, а дальше уже совершенствовать технику игры.

Теперь, когда у меня был хомус, захотелось самому изготовить подобный инструмент, но с другим, более мелодичным звучанием. Нельзя сказать, что все получилось сразу, попыток было множество, но через некоторое время стало понятно, что мои инструменты звучат, и звук становился все лучше. Хотелось делать хомусы разными, непохожими друг на друга, декорировать их.

Попутно я изучал историю этого инструмента, читал о его происхождении и был очень удивлен, когда узнал, что варган зародился на территории, где проживали древние славяне, и что подобный инструмент есть практически у каждого народа. Отличие лишь в названии и оттенках звучания. Оказывается, на хомусе (варгане) играли римские патриции, испанские гранды, он был одним из товаров славянских корабельников. Даже Петр Первый любил музицировать на варгане. Возможно, варганная музыка имела столь широкое распространение потому, что здесь не нужно осваивать нотную грамоту, изнурять себя разучиванием гамм и этюдов. Ведь игра на варгане – импровизация, песнь души, и каждый, прикасаясь к этому инструменту, может выразить свои чувства.

Во времена советской власти все знания о хомусе (варгане) были практически вычеркнуты. Возможно, в нем усматривалось нечто мистическое, эзотерическое. Наверное поэтому у современных россиян сложился стереотип, что варган или хомус – обрядовый атрибут исключитель-

VII Международный конгресс-фестиваль «Хомус в культурном пространстве мира». Якутск. 2011

но северных народов. На самом деле подобных инструментов множество в разных странах и у разных народов. Некоторые из них мне удалось приобрести, послушать, и, на мой взгляд, именно якутский хомус занимает в этом ряду первое место. Он самый звонкий и мощный, пригодный как для медитаций, так и для использования в музыкальных композициях. Поэтому в своем творчестве я продолжаю традиции якутских мастеров.

В 2010 году мне посчастливилось встретиться с замечательными людьми из Якутии – директором Международного музея хомуса Николаем Спиридоновичем Шишигиным, его братом, признанным в мире виртуозом по игре на хомусе Спиридоном Спиридоновичем Шишигиным и мастером по изготовлению хомусов Михаилом Николаевичем Мальцевым. Общение с ними дало мне очень многое. А спустя некоторое время судьба преподнесла еще одну незабываемую встречу – с Иннокентием Никитичем Готовцевым – известным в Якутии мастером. Он высоко оценил изготовленные мною инструменты, дал уроки мастерства, поделился бесценным опытом. С тех самых пор я считаю его своим учителем.

После этой встречи сбылась моя мечта: я побывал в Международном музее хомусов, стал участником VII Междуна-

родного конгресса-фестиваля «Хомус в культурном пространстве мира» и вышел в финал международного конкурса, где помимо множества признанных и известных якутских мастеров были и мастера из других стран. Мои хомусы заслужили высокую оценку еще одного признанного старейшего мастера – Ревория Гаврильевича Чемчова. Теперь шесть инструментов моей работы находятся в Международном музее хомуса.

В Якутске я увидел, что этот инструмент здесь очень высоко чтят, приобщаются к культуре хомуса с самого детства, обучают игре на нем в музыкальных школах. И ни один праздник не обходится без уникального инструмента – хомуса, который сближает людей, помогает им лучше понять друг друга.

С тех пор как хомус вошел в мою жизнь, я познакомился с разными людьми: мастерами и исполнителями-виртуозами, с работниками музеев, зарубежными любителями варгана и просто энтузиастами-любителями. Еще я обнаружил, что и в Хабаровске и в Хабаровском крае есть люди, которых интересует этот загадочный и одновременно очень простой инструмент. Они учатся играть на нем, дарят друзьям. Хочется верить, что со временем хомус (варган) выйдет из разряда экзотических и станет для любого человека средством выражения своих чувств через музыку и импровизацию.

Хомусы работы Александра Дубровского

Новогодние истории

Сергей МАКАРКИН

Иллюстрация Виктора ПИЧУЕВА

Как зовут Деда Мороза?

Да уж известно, как зовут. Обычно Дедом Морозом все и зовут. Потому что настоящего имени никто не знает. В сказке он Мороз Иванович, а в закличке новогодней – Мороз Васильевич. А то еще сказка есть про двух братьев-Морозов. Там один брат – Мороз Красный Нос, а второй – Мороз Синий Нос. Как тут быть?

А вот как: Морозы, они и в самом деле разные бывают. Тот, который в Новый год приходит – веселый, легкий морозец, в такой мороз хорошо на улице в снежки поиграть, и бабу снежную слепить. Никому этот мороз вреда не сделает: ну покраснеет нос, ну щеки разругаются, ну руки слегка озябнут – и только. Такой мороз людям в радость. Вот его-то и зовут Красным Носом. И отчество у него – Васильевич – это тоже прозвище такое. Потому что Новый год раньше в день Святого Василия праздновали, 14 января по-нынешнему. Теперь так и говорят: «Старый Новый год». А раньше никакого «старого» Нового года не было. Васильев день был. И канун его – Щедрый вечер. И ходили в этот вечер по домам щедровальщики, пели особые песни – щедровки. Кому споют, тому счастье прибавит, а хозяин за это щедровальщиков одаривал как полагается.

Так что Мороз Васильевич и есть добрый Дедушка Мороз. Он – хозяин Новогодней Елки, а детки на елке – щедровальщики. Правда, нынче мало кто настоящие щедровки помнит. Вот и выдумали рассказывать вместо них любые новогодние стихи. А Дед Мороз-то знает, что щедровальщиков положено чем-нибудь наградить, вот он и дает детям за стихи подарки.

А тот Мороз, который Синий Нос, он не такой. Он суровый мороз, лютый, с ним не забалуешь. Прозвище это от сильного холода происходит. Зазеваешься, не согреть нос вовремя – начисто отморозит, и останется только синяя ледышка. У такого мороза еще одно прозвище

есть – крещенский. Потому что бывает он после Крещенья – 19 января. А Крещенье – это день важный. В этот день Иван Креститель самого Иисуса Христа крестил. Оттого суровый крещенский мороз и прозывается Морозом Ивановичем – по Ивану Крестителю.

Что до имени Деда Мороза, дак про это всякий выдумывать волен. А только, может, никакой загадки тут и нет. В нашей деревне, к примеру, на Васильев день ходили по домам парни – посеять. Сыпали зерно по всей горнице и приговаривали:

*Ходит Илья на Василя,
Носит пугу життяную,
Где пужкой махнет,
Там жито растет,
А где не махнет,
Там – загнивает!
Зароди, Боже,
Жито-пшеницу,
Всяку пашницу,
На столе кусками,
В печи пирогами.
Сею-вею, посеваю,
С Новым годом поздравляю,
Чтоб здоровы были,
Много лет прожили!*

Хозяева же их, как и щедровальщиков, одаривали. И в других деревнях такое в обычае было. Вот и выходит, что на Новый год обходит наши поля сам Илья Пророк. И в руках у него кнут-пуга из жита, а жито – это рожь, хлеб, значит. Где Илья своим волшебным кнутом махнет, там людям здоровье и достаток будет. А значит, и праздник, и елка, и подарки детям. Так-то!

Как зовут Снегурочку

Новогодний Дед Мороз, тот самый, который Васильевич, он всегда со Снегурочкой ходит. Это внучка его. Она добрая, в игры разные с детками играет, с ней новогодний праздник теплее и радостней кажется. А имя у нее снежное, холодное. Отчего так?

Люди знающие рассказывают, что когда на дворе ведро, то есть ясно, мороз крепче. А если небо облаками заволочло, дело к снегу идет, так обязательно потеплеет. Снег для земли зимой все равно что одеяло пуховое. Бережет ее от сильного холода, не дает погибнуть всходам озимой ржи, семенам летних трав, всякой мелкой лесной живности, что в земле до весны попряталась. Даже кустам и деревьям снег нужен, от сильного холода укрываться. Сдует снег ветром – померзнут тонкие ветви, и весной вместо зелени будут торчать мертвые сухие палки.

Вот и выходит, что имя у Снегурочки совсем не холодное. Да и не имя это вовсе. Имя у нее совсем другое – простое, человеческое, теплое, как мамкино молоко, – Маланья. Не верите? А вы загляните в православные Святцы или какой-нибудь старинный месяцеслов. Там черным по белому написано: 31 декабря – День святой Маланьи.

Сейчас уж мало кто вспомнит, а раньше в этот день по домам Меланку водили. Собиралась молодежь – человек десять-двенадцать, наряжались все кто как, и обязательно среди них была красивая и статная девушка – Меланка. Так нашу Маланью на деревенский манер зовут. Ходили по домам дети, молодежь постарше, а где и взрослые. Собираются ватагой и идут. Заходят в какой-нибудь двор, стучатся: дома ли хозяйева? А коли дома, дак заходят и в дом, и Меланка с ними, и они хозяйевам про эту Меланку песни поют. Когда серьезные песни пели, а когда и шуточные. И обязательно припев: «Щедрый вечер, добрый вечер добрым людям на здорье!». Бывало, целое представление с этой Меланкой разыграют, веселят хозяев и сами веселятся. А хозяйева потом их одаривают чем бог послал. Кто блинчики давал, кто сала кусок, а кто и денег мелких мог Меланке в торбу насыпать. Они за это хозяев благодарят и дальше идут, в другой дом.

Бывало, прибьется к такой ватаге незнакомая красавица и просит взять ее с собой – Меланкой походить. Брали, не отказывали. Потом, когда уж наберут щедровальщики угощения, сойдутся в избе на вечерку, глядь, а красавицы той и след простыл. Говорили тогда старики, что это сама святая Маланья была. Приходила посмотреть, как люди на свете живут. Щедрые ли они, добрые ли. Готовы ли приветить прохожего человека, угостить от широты душевной.

Кто добр и щедр, за того Маланья Бога попросит, а кто скуп и груб, тому от нее никакой помощи не дожидаться. Иное дело – дети малые. Они ведь еще грехов не нажили, за это они у Маланьи всегда в почете. Любит она их, балует, подарки дарит всем до единого. Вот какая внучка у нашего Деда Мороза.

Мастер-класс

Шкатулка из бересты

Анастасия ПОЛЕВА
Рисунки автора

Береза всем с детства знакома. Есть она и в Подмоскowie, и на Дальнем Востоке. Она и на картинах художников, и в песнях. А для народных мастеров – один из главных материалов. Что только не делали из бересты! На Руси – предметы быта, украшенные тонкой резьбой, берестяные листы, использовавшиеся вместо бумаги, плетеные лапти, шкатулки, коробка, туеса для грибов, ягод. Коренные народы Сибири и Дальнего Востока делали легкие лодки-берестянки и пироги. И не только это.

«Пожалуй, самым распространенным материалом в быту у хантов и манси является береста. Они искусно выделывают и сегодня самую разнообразную посуду для своих повседневных нужд и для продажи, изготавливают покрывки для летних жилищ – тиски, ночные колыбели.

Бересту ханты и манси снимают с дерева три раза в году, в период наиболее интенсивного движения соков: весной по насту, в июле, когда цветет шиповник, и осенью, когда опадает лист. Вначале делают вертикальный надрез, до луба. Затем – два горизонтальных, определяющих размер снимаемой части коры. Отдирают руками справа налево. Соскабливают самый белый шероховатый верхний слой...» (Из книги «Сельскому учителю о художественных народных ремеслах Сибири и Дальнего Востока». М., «Просвещение», 1983).

Многовековая практика позволила выработать определенные способы обработки и отделки бересты, общие среди различных племен и народов. Хотя у каждого были свои тонкости. Так, заготовленную кору для придания ей эластичности варили: сворачивали в толстые рулоны, перевязывали и ставили в большие котлы, подвешенные над кострами на улице. Иногда в воду добавляли костяки раз-

личных рыб, так что при варке получалось нечто вроде слабого рыбного бульона. Удэгейцы между слоями бересты прокладывали листья папоротника, а сам рулон заворачивали в кедровую кору. Обработанная таким образом береста становилась мягкой и эластичной, как кожа, и ее можно было сшивать нитками из крапивы.

Традиции старого ремесла, передаваемые от поколения к поколению, сегодня сохраняются и развиваются. Изделия из бересты, сделанные современными мастерами, украшают выставки декоративно-прикладного искусства, они широко представлены среди сувенирной продукции и постепенно возвращаются в наш быт.

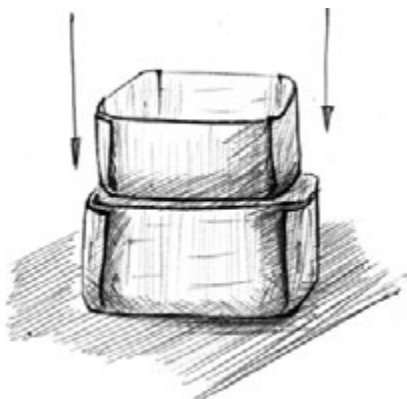
А ведь действительно, изящная шкатулочка с орнаментом – прекрасный подарок. Тем более что изготовить ее достаточно просто, и при этом бересту совсем не нужно варить. Взявшись за дело, можно прикоснуться к ремеслу и традициям предков. И кто знает, такое знакомство может оказаться первым шагом в мир народных промыслов.

Основные технологические этапы

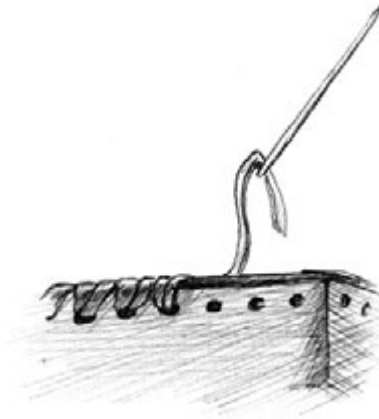
1. Лист бересты необходимой величины очищаем от наружного белого слоя, затем размачиваем в горячей воде и кладем на стол очищенной стороной вверх. Сгибаем противоположные стороны. Затем сгибаем углы, прижимаем их к торцам, прокалываем дырочки ножом и скрепляем кнопками.

2. Чтобы шкатулка получилась красивей, лучше сделать по той же схеме еще одну коробочку, но размером поменьше, и поместить ее внутрь первой – тогда внутренняя готового изделия ничуть не будет уступать лицевой. Для этого нужно положить лист бересты очищенной стороной вниз.

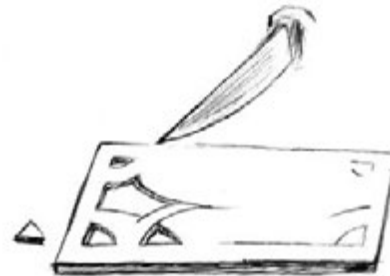

3. Теперь, когда шкатулка собрана, необходимо проделать дырочки шилом вдоль верхнего края, чтобы можно было закрепить (сшить) ее замшевым шнурком (в старину берестяные изделия сшивали очищенным корнем ивы). Внимание: проделывая отверстия, не нужно подходить слишком близко к краю листа, т.к. береста может треснуть.

4. Точно так же делается и крышка для шкатулки, только немного большего размера, чтобы ее, тоже обшитую шнурком, можно было надеть на коробочку (для изготовления крышки достаточно и одного листа бересты).

5. При желании можно украсить шкатулку орнаментом. Для этого взять еще один прямоугольник из бересты и острым ножом прорезать на нем понравившийся орна-

мент. Получившийся декор приклеить к крышке и положить под пресс.

Чтобы придать готовой шкатулке красивый оттенок, ее можно покрыть морилкой.

Волшебная палочка рыбьего клея

Елена ГЛЕБОВА

Фото Алексея МАРТЫНЦА

Палочка рыбьего клея.
Коллекция этнокультурного центра села Джари
Нанайского района Хабаровского края

Традиционный уклад жизни коренных дальневосточных этносов на первый взгляд кажется очень простым. Рыбалка и охота, заготовка припасов на зиму. Все необходимые предметы быта изготавливались из подручных средств. Из дерева и бересты – лодки, снасти, летние шалаши, домашняя утварь. Из кожи рыб – одежда, обувь, палатки, паруса. Из высушенных стеблей крапивы – рыболовные сети. Все, что человек брал у природы, он использовал бережно и даже из бросовых материалов делал незаменимые в хозяйстве вещи. Например рыбий клей, без которого не смастерить охотничьи лыжи и нарты, не прикрепить орнамент из рыбьей кожи на халат.

Клей делали из плавательных пузырей осетровых пород рыб, рыбьей шкуры и чешуи. Первый считался наивысшего качества, обладал высокой прочностью, а главное, не оставлял следов, что было очень важным при работе над праздничной одеждой. Два других считались второсортными: клеили они превосходно, но были не такими чистыми.

В сумочке для рукоделия у северной мастерицы помимо ножей для вырезания узоров, трафаретов и шелковых ниток всегда имелась палочка янтарного цвета. Сегодняшние мастера по-прежнему предпочитают рыбий клей из калужьего или осетрового пузыря. И помнят главный секрет: конец палочки нужно слегка надкусить, смочить слюной, потом увлажнить ею вырезанный орнамент и крепко прижать к рабочей поверхности. Несмотря на широкий выбор клеящих веществ, ничто не заменит янтарную палочку рыбьего клея. Технология, придуманная в глубокой древности, по-прежнему остается лучшей.

Изобретение рыбьего клея принадлежит многим народам мира. Издавна его делали в Индии, Бразилии, Северной Америке и, конечно же, в России, используя плавательные пузыри не только осетровых, но и сома, сазана и судака. Со временем он стал предметом обширной международной торговли, причем выше всего ценился именно русский клей. В энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона за 1890–1907 годы сообщается, что «пуд осетрового клея в настоящее время ценится в 100–120 руб., тогда как в 1870-х гг. он продавался до 200 руб. за пуд. По сведениям за 1896 г. общая добыча (по экспорту за границу) клея осетровых пород в России была 4012 пудов на сумму 261 965 руб.»

Небольшое уточнение, чтобы лучше понять эти цифры. В 1870-х годах средний годовой оклад российского учителя

ля составлял 120–150 рублей, в 1880-х годах – 150–200 рублей, в 1890-х годах – 200–240 рублей. И приблизительно в такую же сумму оценивалась связка «клеин» – высушенных пластин рыбьего клея весом в 16,3 килограмма.

В словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона описана и технология: «Вынутый из рыбы плавательный пузырь отмывается от крови и разрезывается ножницами, так что из овального пузыря получается сердцевидная пластина, которая и растягивается на лубке наружной поверхностью пузыря к лубку, а внутренней наружу. Эта последняя собственно и составляет чистый клей, наружная же, из соединительной ткани, оболочка пузыря отделяется и бросается. Просушенные на лубке «клеины» имеют, при тщательном приготовлении и чистоте, полупрозрачный с перламутровым отливом вид; клей не имеет ни запаха, ни вкуса, растворяется в теплой воде почти без остатка. Употребляется для склеивания дорогих вещей и в гораздо большем количестве – для очистки, точнее для осаждения взвешенных частиц в бродящих жидкостях, главным образом при приготовлении пива, вин и при фабрикации наиболее ценных сортов конфет».

Естествоиспытатель Карл Мерк – участник Северо-Восточной географической экспедиции 1785–1795 годов, описал древнюю технологию изготовления клея из кожи рыб у народов Чукотки. Его рукопись «Описание обычаев и образа жизни чукчей» считается первым и наиболее полным для своего времени трудом по этнографии этого дальневосточного этноса. Рассказывая о материальном быте жителей Чукотского полуострова и конкретно об изготовлении стрел, Мерк отмечал, что для этой работы «... нуждаются чукчи в клее, который изготовляют следующим образом: кожу кеты или гольца очищают от чешуи путем жевания или с помощью ножа, помещают ее в кусок кишки, подвешивают в котел и варят. Или распаривают ее в таких же мешочках между горячими камнями и сырým мхом».

На Нижнем Амуре рыбий клей, называемый *дарпу* (*даллон*), делали иначе: внутреннюю коллагеновую оболочку плавательного пузыря собирали, формовали и запекали при средней температуре на дне котла, все время переворачивая. Когда масса приобретала желтовато-янтарный цвет, ее слегка остужали, нарезали на ленты (один край обязательно заостряли, чтобы в дальнейшем было удобнее работать с мелкими деталями изделия), большой иглой проделывали в одном из концов дырочки и нанизывали на нить. Эти гирлянды развешивали на ветерке, а когда они полностью высохли, хранили в берестяных коробах, защищавших рыбий клей от влаги. Причем свои свойства он сохранял длительное время.

Или другой способ. Хорошо выскобленные шкурки кеты разваривали в воде до однородной массы, все время помешивая. Чем больше выпаривалось жидкости, тем плотнее получался клей. Загустевшую жидкость процеживали и снова варили, пока она не начинала отставать от краев посуды. Остывшую коллоидную массу так же нарезали полосками и сушили. Иногда для изготовления клея в ход шли обрезки уже выделанной рыбьей кожи. А еще был походный вариант клея – *камдон*. Лучше всего для этой цели подходила шкурка ленка. Ее наматывали на палку чешуей вверх, закрепляя в расщелине на конце, и нагревали над костром. Как только чешуя начинала плавиться и появлялись капли клея, ими быстро смазывали необходимые поверхности и плотно прижимали. Можно сказать, что такой клей – аналог современного «Момент», только вот с точки зрения экологии продукт абсолютно чистый.

Осетровский клей

Дальневосточные художники и мастера, которые сегодня продолжают этнические традиции, не собираются отказываться от изобретения своих предков. В какой-то степени палочки рыбьего клея тоже стали произведениями искусства: их можно увидеть в этнографических музеях и на выставках.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Древнее ремесло обработки рыбьей кожи как ресурс инновационного развития коренных народов Нижнего Амура».

Проект № 11-11-27003а/Т

Высушенный плавательный пузырь калуги.

Коллекция Краеведческого музея Нанайского района Хабаровского края (с. Троицкое)

Оморочка летает, как птица...

Коллекция
Амурского городского
краеведческого музея

Елена ГЛЕБОВА

Фото Алексея Мартынца

Музей был открыт в 1972 году благодаря инициативе жителей Амурска и вначале имел статус народного. В 1978 году он стал филиалом Хабаровского краевого краеведческого музея. В настоящее время это учреждение культуры города Амурска. В 2001 году Амурский городской краеведческий музей внесен во Всероссийский реестр музеев.

Общий фонд музей насчитывает более 14 000 единиц хранения и состоит из 11 коллекций, среди которых историко-бытовая, нумизматическая, археологическая, коллекция документов и редкой книги, коллекция предметов изобразительного и декоративно-прикладного искусства.

Этнографическая коллекция более 1 000 экспонатов. К ее уникальной части относится собрание ритуальной скульптуры XIX – начала XX века. Традиции рыболовного промысла нанайцев раскрывают различные орудия лова, среди которых есть достаточно древние, приспособления для плетения сетей. В центре этой коллекции две оморочки – долбленая и дощатая. До середины XIX века они широко использовались на Нижнем Амуре и вызывали восхищение русских переселенцев и исследователей. Неказистые с виду плавательные средства были легки, маневренны, но, главное, требовали особого умения ими управлять.

Писатель и этнограф С.В. Максимов, оставивший после своего путешествия по Амуру в 1859 году дорожные заметки и воспоминания, дал подробное описание оморочки, благодаря которому можно почувствовать все ее достоинства.

«...между гольдами, ороचनाми и маньчжурами употребительна также и так называемая омороча, или лучше корыто из бересты. Береста прибита к шпангоуту; шпангоут этот, или ребра, из узких и тоненьких дранок. По бортам – скрепы круглыми деревянными брусками с тремя, четырьмя и пятью распорками поперек. Садится один человек по ширине лодки, и борта ее уже подле самых боков сидека. По длине оморочи могут располагаться, поджавши и даже вытянувши ноги, два или три человека на дне. Весло держится обеими руками и против груди, потому что у весла две лопасти с противоположных краев. Гольд, обыкновенно, то опускает одну лопасть, поднимает другую, то загребаёт одной лопастью, смотря на то, куда и как ему нужно приставать, и во всяком случае действует необыкновенно ловко. Омороча летает как птица, не отставая от легких амурских пароходов на полном ходу. Оморочу гольд обыкновенно на берегу переносит на плечах: так она легка».

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Древнее ремесло обработки рыбьей кожи как ресурс инновационного развития коренных народов Нижнего Амура».

Проект № 11-11-27003а/Г

АНАНЬИНА
Татьяна Алексеевна –
автор песен, руководитель
музыкально-просветительской
программы «Диалог»

КАТЕРИНИЧ
Валентина Николаевна –
кандидат филологических наук,
преподаватель латинского языка,
литературный краевед

БЕНДИК
Наталья Николаевна –
генеральный директор ООО
«Бизнес-Архив», кандидат
исторических наук

КОЛЕСНИКОВ
Олег Николаевич –
начальник отдела информационно-
поисковой работы ООО «Бизнес-
Архив», заместитель председателя
правления Краевого историко-
просветительского общественного
движения «Мемориал»

БОРИСОВСКАЯ
Ольга Алексеевна –
действительный член Русского
географического общества –
Общества изучения Амурского
края

КРИВЧЕНКО
Любовь Анатольевна –
главный специалист отдела
использования и публикаций
Государственного архива
Хабаровского края

ГРЕБЕНЮКОВА
Наталья Петровна –
старший научный сотрудник
сектора истории, культуры
и искусства Краевого музея
имени Н.И. Гродекова

КУЗЬМИНА
Тамара Викторовна –
художник, поэт (г. Артем,
Приморский край)

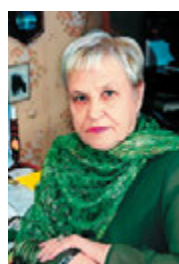
ДУБРОВСКИЙ
Александр Михайлович –
мастер по изготовлению
варганов

МАКАРКИН
Сергей Николаевич –
руководитель вокальной
студии, участник фольклорного
ансамбля «Традиция» Приморского
государственного объединенного
музея имени В.К. Арсеньева
(г. Владивосток)

ЕФРЕМОВ
Дмитрий Федорович –
ученый-лесовод, автор
художественного альбома
«Лес и люди. История
познания»

НИКИФОРОВА
Ирина Викторовна –
заслуженная артистка России
(г. Новосибирск)

ЗИМИН
Сергей Константинович –
художник, литератор
(г. Подольск, Московская
область)

Авторы

ОТИНОВА-ОРДИНА
Евгения Эдуардовна –
методист отдела любительского
творчества Дома народного
творчества КГАУК «КНОТОК»

ПОЗИНА
Наталья Сергеевна –
заведующая сектором истории,
культуры и искусства Краевого
музея имени Н.И. Гродекова

ПОЛЕВА Анастасия –
выпускница Хабаровского
государственного колледжа
искусств (отделение ДПИ и
народные промыслы), студентка
художественно-графического
факультета Дальневосточного
государственного гуманитарного
университета

РОСУГБУ
Иван Павлович –
мастер декоративно-прикладного
искусства (с. Булава, Ульчский
район, Хабаровский край)

СИМОНОВ
Игорь Александрович –
фотограф, заслуженный работник
культуры Российской Федерации

СОРГОЛЬ
Анастасия –
студентка Дальневосточного
государственного медицинского
университета

ТАРАСОВА (САВЧЕНКО)
Марина –
литератор, композитор,
журналист (с. Тигровое, Приморский
край)

ИВАНОВ
Юрий Петрович –
доктор филологических
наук, профессор Брянского
государственного университета,
член Союза писателей

ФРОЛОВА
Алена Анатольевна –
заведующая сектором зарубежного
искусства Дальневосточного
художественного музея

ЦВЕТНИКОВА
Марина Яковлевна –
композитор, музыкант

ШЕВНИН
Иван Леонидович –
историк

ШЕСТАКОВ
Алексей Вячеславович –
старший научный сотрудник
сектора исторических исследований
первой половины XX века Краевого
музея имени Н.И. Гродекова

ШИШКИНА
Виктория Авенировна –
доктор педагогических наук,
профессор кафедры дизайна
Дальневосточного государственного
гуманитарного университета,
член Союза художников России,
искусствовед

ЮЖАКОВ
Виктор Петрович –
начальник производства ООО
«Экостеп-Тюмень», соискатель
степени кандидата исторических
наук (г. Тюмень)

Недалеко от Магадана с вершины сопки Крутой взирает «Маска скорби». Монумент памяти жертв сталинских репрессий установлен на месте бывшей «транзитки» – перевалочного пункта для заключенных, откуда их этапами отправляли в колымские лагеря. Названия этих страшных мест высечены на огромных плитах-надгробиях у подножия «Маски скорби». Монумент создавался в течение шести лет и был торжественно открыт в июне 1996 года. Его авторы – скульптор Эрнст Неизвестный и архитектор Камиль Казаев.

Из левого глаза 15-метровой «Маски» текут слезы. Правым, похожим на зарешеченное тюремное окно, она бесстрашно взирает на пришедших сюда. Специальная лестница ведет внутрь монумента, где расположена точная копия одиночной камеры. Эрнст Неизвестный, размышляя о своем замысле, говорил: «Мне бы хотелось, чтобы человек, поднимаясь по этой лестнице и войдя в камеру, поставил свечку в память сидевших... Идея соборности, то есть когда группа людей идет к этому монументу, и литургичности – чтобы каждый почувствовал себя в одиночке и подумал о людях, которые сидели. И потом опускаться к кресту – путь к очищению...»

В левом верхнем углу «Маски скорби» ветровой колокол, его скорбный голос оплакивает погибших. С обратной стороны монумента – фигура плачущей женщины, склонившейся над обезглавленным мужчиной. А если поднять голову вверх, можно увидеть, что его тело распято на кресте.

Создание «Маски скорби» для художника мировой известности, профессора Колумбийского университета Эрнста Неизвестного во многом стало делом личным. Его семья тоже пострадала от сталинского террора. Скульптор не только отказался от авторского гонорара, но и взял на себя расходы по созданию модели и ее пересылке в Магадан, по отправке на Мытищинский завод художественного литья крупной детали монумента – креста.

Когда Эрнст Иосифович приехал в 1990 году в Магадан, он сказал, что замысел увековечить память невинных жертв репрессий возник у него еще в 1950-е годы, но тогда нечего было и думать о его воплощении. Мастер задумал создать «треугольник страдания»: три его «угла» – мемориалы в Магадане, Воркуте и Екатеринбурге (тогда Свердловске), духовно связанные между собой, Эрнст Неизвестный назвал «памятниками страданию души». К сожалению, лишь магаданский «угол» этого треугольника стал реальностью.

Говорят, лишь тому, кто побывал на сопке Крутой и взглянул в глаза «Маски скорби», открывается вся глубина человеческих страданий, которыми пропитана мерзлая колымская земля.

Фото Михаила Алексеева

